

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

XXIV международная научно-практическая конференция

(8–9 апреля 2021 г.)

Материалы конференции

Часть 1

Ответственный редактор Д.В. Ким

КРАСНОЯРСК
СИБЮИ МВД РОССИИ
2021

Ответственный редактор Д.В. Ким, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:

Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

О.В. Евтихов, кандидат психологических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Ю. Иванов, кандидат философских наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Ю.В. Леонтьева (Сибирский юридический институт МВД России);

С.М. Мальков, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.Б. Мельников, кандидат химических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В. Молоков, кандидат технических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.В. Панов, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В. Пономарева, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.А. Рябинин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Б. Судницын, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

С.А. Чумаров (Сибирский юридический институт МВД России);

О.А. Юсупова, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции (8–9 апреля 2021 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – ISBN 978-5-7889-0303-3. – Ч. 1. – 312 с. – ISBN 978-5-7889-0304-0.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XXIV международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 8–9 апреля 2021 г.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-7889-0303-3

ISBN 978-5-7889-0304-0 (ч. 1)

Federal State Public Educational Institution of Higher Education
«Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

ACTUAL PROBLEMS OF FIGHTING CRIME: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

XXIVth International Scientific-Practical Conference
(April 8–9, 2021)

Conference proceedings

Part 1

Editor-in-Chief Dmitry V. Kim

KRASNOYARSK
SLI OF THE MIA OF RUSSIA
2021

ББК 67.4:67.411:67.73:67.52

Editor-in-Chief Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia)

Editorial Board:

Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Oleg V. Yevtikhov, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Andrey Yu. Ivanov, Candidate of Philosophical Sciences? Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Aleksey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Yuliya V. Leontyeva (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Sergey M. Malkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Ye.B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Vyacheslav V. Molokov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Yevgeny V. Panov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Nikolay A. Ryabinin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

A.B. Sudnitsyn, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Sergey A. Chumarov (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);

Olga A. Yusupova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia).

Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice : proceedings of the XXIVth International Scientific-Practical Conference (April 8–9, 2021) : in 2 parts / editor-in-chief Dmitry V. Kim ; Federal State Public Educational Institution of Higher Education «Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2021. – ISBN 978-5-7889-0303-3. – P. 1. – 312 p. – ISBN 978-5-7889-0304-0.

The collection of proceedings includes abstracts of reports, speeches and presentations of the participants of the XXIVth International Scientific-Practical Conference «Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice» held at Siberian Law Institute of the MIA of Russia on April 8–9, 2021.

Proceedings are published in authors' versions.

ISBN 978-5-7889-0303-3.

ISBN 978-5-7889-0304-0 (p. 1).

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Тепляшин П.В.</i> Криминологические закономерности наркоситуации в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности.....	11

Секция

**ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

<i>Безруков А.В.</i> Оптимизация российского правоохранительного механизма и противодействия преступности в зеркале современных конституционных преобразований.....	15
<i>Жильцов А.В.</i> О правовой определенности категории «устное требование сотрудника полиции»	17
<i>Богомазов А.А.</i> О некоторых проблемных вопросах в оперативно-служебной деятельности сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Курганской области	20
<i>Агеев А.С., Макеева И.С.</i> Незаконные организация и проведение азартных игр: вопросы разграничения уголовной и административной ответственности	22
<i>Беркут В.П.</i> Актуальные проблемы борьбы с преступностью в информационной сфере	24
<i>Дерюгин Р.А., Жижилева А.А.</i> О некоторых проблемах и причинах использования персональных данных в преступных целях.....	27
<i>Шерстяных А.С.</i> Средства и методы мониторинга социальных сетей для получения информации, представляющей интерес для органов внутренних дел	30
<i>Макашева М.Н.</i> О вопросе пропаганды потребления наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет	32
<i>Шеслер В.А.</i> Наказуемость потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача.....	34
<i>Шишкин П.Е.</i> О совершенствовании деятельности полиции по применению административно-правовых средств побуждения лиц, совершивших административные правонарушения, к лечению от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации в контексте Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.....	36
<i>Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А.</i> Преступность иностранцев как индикатор проблем противодействия незаконной миграции	39
<i>Будникова А.Б.</i> К вопросу о соотношении понятий «сочетанное потребление наркотиков» и «полинаркомания», закрепленных Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации 23 ноября 2020 г.	41
<i>Уланов Н.Д., Козленок Е.В.</i> Административно-правовое регулирование и сущность деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа на территории Российской Федерации.....	43
<i>Балмочных С.Ю.</i> Взаимодействие и сотрудничество органов внутренних дел Российской Федерации и институтов гражданского общества по противодействию правонарушениям лиц, не достигших совершеннолетия.....	45
<i>Иванов А.Ю.</i> К вопросу об административной ответственности за разовое, а также неоднократное или несистематическое предоставление помещений для потребления наркотиков.....	47
<i>Овсянников П.Ю.</i> К вопросу об административно-правовых мерах по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции.....	50
<i>Чумарова Е.Ю.</i> Проблемы привлечения к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное статьей 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	53

<i>Куцкель М.В.</i> О принципе публичности в деятельности полиции по реализации статьи 6.8 КоАП РФ	56
<i>Нагорный Н.Н.</i> Анализ влияния законодательных новелл на эффективность применения статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	59
<i>Рудакова Е.Н.</i> К вопросу об административной ответственности за размещение изображений, фотографий, видеозаписей лица в средствах массовой информации, социальных сетях и иных общедоступных местах, без его разрешения.....	61
<i>Ковальчук А.Н.</i> Противодействие браконьерству: правовые и практические аспекты.....	63
<i>Абильмажинов М.Д.</i> Проблемы в некоторых вопросах применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками полиции при несении службы по охране общественного порядка.....	65
<i>Дудина Н.А.</i> К вопросу о полицейских обысках	68
<i>Сидоров Я.С.</i> О возможности проведения личного досмотра лицом иного пола с досматриваемым.....	70
<i>Иккерт А.В.</i> К вопросу допуска к управлению мототранспортными средствами.....	72
<i>Рябинин Н.А.</i> Некоторые аспекты защиты частных прав сотрудников органов внутренних дел.....	75
<i>Филипсон К.Ю.</i> Актуальные проблемы защиты субъективных прав при установлении пределов принудительного правопреемства (исполнительского иммунитета).....	77
<i>Невирко Д.Д.</i> К вопросу о разграничении коррупционных проступков и иных нарушений законодательства о государственной службе	81
<i>Муханов Д.А.</i> Формы противодействия коррупции субъектами, обеспечивающими конституционный правопорядок.....	84
<i>Воропаева К.Е.</i> Антикоррупционное поведение молодежи как необходимое условие противодействия преступности.....	86
<i>Тетерятников Н.Ю.</i> Публичные мероприятия в современной России: новые практики и особенности законодательного регулирования.....	88
<i>Демин А.В.</i> Институт налоговых информаторов в контексте борьбы с налоговой преступностью в США: компаративный анализ	91
<i>Игнаatenко В.А.</i> Вклад современной системы совещательно-консультативных органов в борьбу с преступностью.....	94
<i>Богатова Е.В.</i> Достоверность результатов общественной деятельности как условие эффективного противодействия преступности.....	96
<i>Маякова Е.О.</i> Рассмотрение обращений граждан в эпоху информационных технологий	99
<i>Афанасенко А.Н.</i> Особенности использования «личного сыска» сотрудниками патрульно-постовой службы полиции.....	101
<i>Власов В.А.</i> Отдельные актуальные аспекты правового регулирования продовольственного обеспечения сотрудников органов внутренних дел.....	103
<i>Бабин С.В.</i> История народовластия в российских источниках права	106
<i>Безгачев Ф.В.</i> Особенности применения беспилотных летательных аппаратов в правоохранительной деятельности.....	109
<i>Крупин В.А.</i> Актуальные вопросы, связанные с неповиновением сотруднику полиции	111

Секция
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО
И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

<i>Деришев Ю.В.</i> К дискуссии о паритете «процессуального и непроцессуального» в современном отечественном уголовном процессе	114
<i>Майорова Л.В.</i> Информационные технологии в уголовном процессе	117
<i>Петухов Е.Н.</i> Понятие и критерии надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей.....	119
<i>Овсянников Ю.В.</i> Недопустимость злоупотребления правом как принцип уголовного судопроизводства.....	122
<i>Стельмах В.Ю.</i> Возможно ли процессуальное задержание лиц, указанных в статье 449 УПК РФ?.....	125
<i>Лукьянова А.А.</i> Задержание подозреваемого: процессуальные пределы.....	127
<i>Костенко Д.С.</i> Применение превентивных запретов определенных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	130
<i>Муравьев К.В.</i> Заключение под стражу: результаты двадцатилетнего совершенствования.....	132
<i>Якубова С.М.</i> О сроках наложения ареста на имущество по уголовным делам.....	135
<i>Молунова Н.И.</i> Реализация принципа неприкосновенность личности при производстве следственных действий, сопряжённых с применением физического принуждения.....	138
<i>Назаров А.Д.</i> Движение к деформализации в доказывании по уголовным делам	140
<i>Калугин А.Г.</i> О перспективах развития институтов доказательственного права в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.....	142
<i>Марковичева Е.В.</i> Показания несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в российском уголовном процессе	144
<i>Судницын А.Б.</i> Уголовно-процессуальное средство охраны психического здоровья несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) и реализации права обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него.....	147
<i>Ахпанов А.Н., Хан А.Л.</i> Негласные следственные действия в контексте оперативно-розыскных мероприятий	150
<i>Страхова С.В.</i> Сохранение в тайне данных о личности свидетеля в уголовном процессе: проблемы правовой регламентации	153
<i>Чечётин А.Е., Шатохин И.Д.</i> Масса изъятого наркотика должна устанавливаться экспертизой, а не исследованием	156
<i>Шапалова Т.И.</i> Рецензия заключения эксперта	159
<i>Титов П.М.</i> Роль специальных оперативных подразделений в сборе и закреплении доказательств	162
<i>Степушов М.Ю.</i> Формирование уголовно-процессуальных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам о незаконной банковской деятельности	164
<i>Бухарина Н.П.</i> Особенности предмета доказывания по коррупционным преступлениям в сфере образования	166
<i>Нехороших М.Е.</i> Перспективы дальнейшего совершенствования системы проверочных производств в уголовном процессе России.....	169
<i>Чистова Л.Е.</i> Сущность следственного сопровождения оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых являются основой для возбуждения уголовных дел по наркопреступлениям.....	172
<i>Гаврилов Б.Я.</i> Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью.....	175
<i>Абрамова Л.Л.</i> Момент начала предварительного расследования	178

<i>Стойко Н.Г.</i> Правовые последствия незаконности постановлений о возбуждении уголовного дела, приостановлении и возобновлении предварительного следствия.....	180
<i>Галимова М.А.</i> Примириительные процедуры в уголовном процессе России: проблемные моменты реализации.....	182
<i>Дидык В.В.</i> Развитие института компромисса при прекращении уголовного дела.....	185
<i>Градский В.Е.</i> К вопросу об участии адвоката в урегулировании уголовных конфликтов посредством медиации.....	187
<i>Шатрова А.В.</i> Подсудность уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера.....	189
<i>Галимов О.Х.</i> Три направления развития как три составные части ювенальных технологий в уголовном судопроизводстве.....	191
<i>Михайлов А.Н.</i> К вопросу об основаниях постановления некоторых видов обвинительного приговора.....	193
<i>Непомнящих Л.А.</i> К вопросу о проблемах обжалования промежуточных процессуальных решений (на примере решений об избрании мер пресечения) в условиях «новой» кассации.....	196
<i>Баркалова Е.В.</i> Актуальные вопросы заключения и исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве.....	199
<i>Карлов А.Л.</i> Математическая и процессуальная конструкция досудебного соглашения о сотрудничестве.....	201
<i>Комарова Е.А.</i> Роль международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации в борьбе с преступностью.....	204
<i>Серова Е.Б.</i> Некоторые вопросы оценки прокурором результатов оперативно-розыскной деятельности по делам о незаконном обороте наркотиков.....	206
<i>Чурикова А.Ю.</i> Противодействие киберпреступности: роль прокурора (уголовно-процессуальный аспект).....	209

Секция АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Филатова В.А.</i> Некоторые особенности выявления лабораторий по производству наркотических средств и психотропных веществ.....	212
<i>Кузовлев В.Ю.</i> Особенности криминалистической характеристики незаконного лабораторного наркопроизводства.....	215
<i>Мельников Е.Б.</i> Экспертные ситуации в идентификационных исследованиях наркотических средств и психотропных веществ.....	217
<i>Карпенко Ю.А.</i> Роль специалиста при назначении судебной экспертизы наркотических средств.....	219
<i>Горбунова Е.Ю.</i> Экспертное сопровождение раскрытия и расследования сбыта наркотических средств бесконтактным способом.....	222
<i>Попельницкий Е.В.</i> Некоторые аспекты назначения и производства фоноскопических экспертиз по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков.....	224
<i>Соколов А.Б., Ермаков М.Г.</i> Возможности судебной компьютерной экспертизы при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.....	227
<i>Лонцакова А.Р.</i> Специальные психофизиологические инструменты при выявлении и проверке значимой информации по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ.....	229
<i>Черных А.А.</i> Мобильные средства для поиска и идентификации наркотиков.....	231
<i>Репин А.В.</i> Анализ некоторых ошибок, допускаемых в процессе фотосъемки следов папиллярных узоров, предметов со следами и их упаковки.....	234

<i>Зиненко Ю.В.</i> Некоторые проблемы производства комиссионных судебно-медицинских экспертиз в Красноярском краевом бюро судебно-медицинской экспертизы.....	236
<i>Лисихина Н.В.</i> Состояние и динамика смертельных отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами в контексте гендерного признака.....	240
<i>Баркова Т.В.</i> О состоянии технико-криминалистического исследования документов (по материалам экспертной практики Красноярского края)	243
<i>Литвинов Р.В.</i> Особенности осмотра места пожара	245
<i>Слепов А.Н., Иванов П.С.</i> Перспективы применения 3D-моделирования в целях пожарно-технической экспертизы.....	247
<i>Богданов А.А., Трояк Е.Ю.</i> Перспективы применения МНПВО при ИК-спектроскопии многокомпонентных инициаторов горения	250
<i>Сезонова Т.В.</i> Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании незаконного сбыта наркотических средств через интернет-магазины	253
<i>Русанов Н.Ю.</i> Некоторые аспекты допроса лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами	255
<i>Платонов Л.А., Хрущев А.В.</i> Действия следователя при тождественном расследовании незаконной банковской деятельности и наркопреступлений.....	258
<i>Мезинов Д.А.</i> Об использовании в тактике допроса сведений о мотивационной сфере личности допрашиваемого	259
<i>Лебедев Н.Ю.</i> К дискуссии о возможности проведения предъявления для опознания живых лиц по голосу и речи	261
<i>Лебедева Ю.В.</i> Некоторые проблемы понимания сущности психологического контакта при производстве следственных действий	264
<i>Курбатова С.М.</i> Процессуально-когнитивные аспекты участия в производстве по уголовному делу свидетеля из числа наркозависимых лиц	267
<i>Картавский П.А.</i> О некоторых организационно-тактических приемах профилактики противодействия расследованию преступлений	269
<i>Смолин А.В., Зайцев А.А.</i> Тактические особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования хищений транспортных средств.....	272
<i>Смирнова Л.О., Палиева О.Н.</i> Использование служебных собак при проведении осмотра места происшествия	275
<i>Гончарова С.В., Прудникова Л.Б.</i> Основные задачи осмотра места происшествия по преступлениям о незаконной рубке лесных насаждений	277
<i>Земцова С.И.</i> Программные продукты, используемые для деанонимизации фактов совершения наркопреступлений с использованием цифровой валюты.....	279
<i>Нугаева Э.Д.</i> Об особенностях сбыта бесконтактным способом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ.....	281
<i>Литвин И.И.</i> Перспективы использования мобильных телефонов при расследовании уголовных дел, связанных со сбытом наркотических средств.....	284
<i>Герасимова Е.В., Хавдок А.М.</i> Актуальные проблемы противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков.....	287
<i>Поляков Н.В.</i> О некоторых преступлениях, сопутствующих незаконному обналичиванию и транзитированию денежных средств.....	289
<i>Демидов Н.Н.</i> К вопросу о личности преступников, создающих фирмы-однодневки для незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств.....	291
<i>Алескеров В.И., Колокольчикова О.Н.</i> Некоторые способы хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания.....	293
<i>Дубынин Е.А., Космодемьянская Е.Е.</i> Проблемные аспекты доказывания виновности лица при расследовании причинения вреда здоровью человека.....	296

Сучков А.И. Отдельные вопросы проведения доследственной проверки по экономическим преступлениям.....	299
Кольчевский А.В. Криминалистический подход к делению предварительного расследования на этапы (позиции, мнения, взгляды)	301
Еремеев С.Г., Бондарь А.Я. Соавторство как способ завладения интеллектуальной собственностью (психологический аспект).....	304
Тебиев Р.Р. К вопросу о способах жестокого обращения с животными как элементе криминалистической характеристики преступлений данного вида.....	307
Астахов А.А. К вопросу о тактике допроса подозреваемых в незаконном обороте наркотических средств	309

Криминологические закономерности наркоситуации в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности

Исследование мер по укреплению национальной и международной наркобезопасности, поиск оптимальных ориентиров и формирование апробированных методов противодействия трансрегиональным наркоугрозам, расширение форм взаимодействия компетентных органов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) обуславливает необходимость обнаружения криминологически значимых закономерностей наркоситуации в регионе ответственности государств – членов ОДКБ. Научные исследования в этом направлении показывают, что существует постоянная и во многом повторяющаяся взаимосвязь явлений и процессов, характеризующих наркоситуацию в отмеченном регионе, определяющая этапы и формы развития данных явлений и процессов. Причем обнаруживаются как динамические (связь между предшествующими тенденциями наркоситуации и её современным состоянием), так и статические (отражающие относительно случайные факты и ранее не выявленные тенденции) закономерности наркоситуации в регионе ответственности государств – членов ОДКБ.

Комплексное осмысление данных криминологических закономерностей обеспечивает оптимальную оценку как традиционных, так и авангардных способов и приемов борьбы с наркопреступностью на территории государств-членов ОДКБ. Не случайно, 2 декабря 2020 года на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ принята Антинаркотическая стратегия государств – членов ОДКБ на 2021-2025 гг.¹,

согласно которой государства – члены ОДКБ в соответствии с международными договорами, участниками которых они являются, и их национальным законодательством намерены объединять усилия соответствующих государственных органов, институтов гражданского общества, а также использовать возможности средств массовой информации в целях противодействия незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров и немедицинскому потреблению наркотиков².

Процесс упрочения транснациональной и государственной безопасности основывается на разнообразных по своему содержанию мероприятиях и учитывает всю специфику криминологических закономерностей наркоситуации, которая выступает источником угроз для безопасности всего региона. При этом нельзя не согласиться с И.А. Дамм в том, сама категория «безопасность» и вопросы её «содержательного наполнения ... в российской правовой доктрине до сих пор остаются открытыми»³. Следовательно, эффективная реализация данных мероприятий и усиление их воздействия на дальнейшее выстраивание системы антинаркотической безопасности возможны лишь на основе научной проработки криминологических закономерностей наркоситуации.

За последние два десятилетия наркоситуация на территории государств – членов ОДКБ прошла в своем развитии два полных этапа и к настоящему времени начался третий этап её развития.

Первый этап был связан с существенным наркодавлением наркотрафика

¹ Организация Договора о коллективной безопасности. 2 декабря 2020 года впервые в режиме видеоконференции состоялась сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/session/2020/2-dekabrya-2020-goda-vpervye-v-rezhime-videokonferentsii-sostoyalas-sessiya-soveta-kollektivnoy-bezo>.

² Антинаркотическая стратегия государств-членов ОДКБ на 2021-2025 годы. URL: <https://cstorussia2020.mid.ru/upload/iblock/a53/a533ecfd4cf8b0f660d46ee265444176.pdf>.

³ Дамм И.А. Подходы к определению безопасности в законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15. № 1. С. 49.

афганского происхождения и характеризовался высоким удельным весом опиоидных наркопотребителей.

Второй этап был сопряжен со снижением объемов поступления героиновых наркотиков на территорию государств – членов ОДКБ, ростом полинаркомании и снижением удельного веса героиновых наркотиков в структуре регионального наркорынка. Данный этап охватывался периодом реализации Антинаркотической стратегии ОДКБ на 2015-2020 гг., принятой 23 декабря 2014 г. решением Совета коллективной безопасности ОДКБ.

К настоящему времени можно отметить начало *третьего этапа* развития наркоситуации на территории государств – членов ОДКБ. В организационно-правовом аспекте этот этап отражает принятую 2 декабря 2020 г. Советом коллективной безопасности ОДКБ Декларацию Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности и связан с реализацией Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., принятой еще 14 октября 2016 г. решением Совета коллективной безопасности ОДКБ. Третий этап характеризуется широким использованием наркоиндустрией виртуальных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей для целей широкого технологического обеспечения криминальной системы «предложение – спрос на наркотики», расширением незаконного оборота синтетических наркотиков и практики немедицинского потребления психоактивных веществ, в том числе лекарственных препаратов, обладающих психотропным воздействием.

Путем исследования наркоситуации в период с 2015 по 2020 гг. в регионе ответственности государств – членов ОДКБ допустимо изложить её наиболее актуальные для современной правоохранительной деятельности криминологические закономерности.

Так, в 2020 г. выявлены, с одной стороны, частичное снижение количества зарегистрированных наркопреступлений (в Российской Федерации, Кыргызской Республике, Республике Беларусь), что выступает результатом оптимизации правоохранительной деятельности государств – членов ОДКБ и углубления межгосударственного сотрудничества в этом направлении, с другой стороны, рост числа

регистрируемых наркопреступлений (в республиках Армения, Казахстан, Таджикистан), вызванный расширением оборота синтетических наркотиков и немедицинского потребления разнообразных психоактивных веществ, в отношении которых не установлены меры контроля, активным использованием возможностей информационно-телекоммуникационных и иных виртуальных технологий, новейших финансовых инструментов (в частности, криптовалютных), услуг почтовой и курьерской доставки бандеролей и посылок.

В большинстве государств – членов ОДКБ (за исключением Республики Таджикистан и Российской Федерации) в 2020 г. наблюдалось снижение объемов изъятий наркотиков с продолжающимся превалированием в структуре изъятых наркотических средств и психотропных веществ удельного веса опиоидной (но с постепенным уменьшением объемов изъятий данного вида наркотиков), каннабисной и синтетической групп наркотиков, но вместе с этим наблюдается существенный уровень объемов незаконного оборота спайсов, курительных смесей, обладающих характерными психоделическими свойствами и значительным наркогенным потенциалом, способным вызывать стойкую зависимость. При этом обнаружился почти повсеместный рост объемов изъятия психотропных веществ – на 448,4% в Республике Таджикистан, 348,1% в Республике Армения, 50,3% в Российской Федерации, 39% в Республике Казахстан и 33,2% в Кыргызской Республике (за исключением Республики Беларусь, на территории которой в 2020 г. было изъято на 37,9% меньше психотропных веществ по сравнению с 2019 г.).

Четко обозначилась закономерность полной стабилизации удельного веса наркопреступлений в общей массе зарегистрированных общественно опасных деяний, отражающая криминологическую эластичность корреляции общеуголовных преступлений и незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ либо их аналогов или прекурсоров.

Закономерно высоким является удельный вес преступлений, связанных со сбытом наркотиков, что показывает, с одной стороны, активизацию компетентных органов по обнаружению наркосбытчиков и пресечению фактов сбыта наркотиков, с

другой – оптимизацию работы наркокриминала по дистрибуции наркотиков по сетям их сбыта.

На «криминальной наркотической карте» государств – членов ОДКБ сформировался и функционирует механизм наркоиндустрии, складывающийся из четырёх групп факторов, посредством которых проявляются экономический, социальный, культурологический и технологический аспекты наркоугрозы в регионе ответственности ОДКБ:

1) наркопроизводство, обусловленное политической конъюнктурой государств и в целом региона, создающее благоприятные условия для масштабного производства наркотиков, одновременного развития «теневой экономики» и активного использования криптовалютных финансовых инструментов;

2) наркобизнес, позволяющий получать сверхдоходы, выступающий фактически неотъемлемым сегментом современной монетарной системы, высокая рентабельность которого привела к его полному контролю со стороны организованных преступных сообществ, реализующих отлаженную индустрию производства и распространения наркотиков с широким использованием информационно-телекоммуникационных сетей и иных информационных технологий;

3) социальный наркотизм, функционально связанный со значительным спросом на наркотики и высокой смертностью от их немедицинского употребления, что происходит на фоне недостаточно результативной системы реабилитации и ресоциализации наркопотребителей, ощутимой криминализации общества за счет стабильно высокого удельного веса совершаемых общественно опасных деяний, «включенных» в уличную дистрибуцию наркотиков, и продуцирования идеологии гедонистического образа жизни среди потенциальных и реальных наркопотребителей, создающих условия для широкого немедицинского потребления наркотиков;

4) криминальная наркотехнология, сформированная под воздействием процесса наркоиндустрии и ориентированная на криминальное противодействие

внешним угрозам наркопроизводству и наркобизнесу, интенсивное задействование кибертехнологий для удовлетворения спроса на наркотики путем налаживания защищенных способов удаленного предложения на них и реализации многообразных электронных расчетно-финансовых инструментов, оптимизация механизмов транснациональной наркопреступности, генерирование коррупционных отношений, экстремистских настроений в обществе и террористической активности в государствах, в первую очередь наркотранзита, а также на блокирование деятельности союзнических международных организаций.

Важной закономерностью наркоситуации в регионе ответственности государств – членов ОДКБ выступает стабильная связь между незаконным распространением наркотиков и миграционными процессами, что определяется использованием мигрантов для перемещения через границы наркотических средств и психотропных веществ, налаживанием сетевого сбыта наркотиков на территории в первую очередь Российской Федерации. На данную ситуацию влияет неблагоприятная социально-политическая и экономическая обстановка в сфере миграции, складывающаяся в государствах Евросоюза, Российской Федерации, Украине, Молдове, Турции, Сирии, Ираке и некоторых других. Кроме того, определенным трендом отмеченной закономерности выступает снижение показателей уровня жизни населения государств Центрально-Азиатского региона в связи с закрытием границ из-за пандемии коронавируса и её общими последствиями в 2020 г. В связи с этим интересно отметить, что в некоторых исследованиях указывается: «ограничительная политика в связи с эпидемией создала благоприятные условия для оптимизации наркоситуации: уменьшилось количество наркопреступлений, включая сбыт и контрабанду наркотиков»⁴.

Отчетливо проявляется корреляция между возрастанием афганского наркотрафика в Российскую Федерацию и эскалацией наркоугрозы для Центральной Азии. С геополитической точки зрения

⁴ Карыбекова Г.Б. Некоторые аспекты наркоситуации в Кыргызстане в контексте пандемии COVID-19 // Перспективы развития экономики здоровья : сборник докладов II Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С. 126.

это связано с тем, что маршрутизация опия захватывает территорию Кавказа, который соприкасается с очагом политической и социальной нестабильности возле Ирана. В самом Центрально-Азиатском регионе продолжают активно развиваться транспортные коммуникации с Афганистаном, что объективно осложняет криминологическую ситуацию на территории соответствующих государств.

При этом важно заметить, что активность международной наркопреступности на всем центрально-азиатском пространстве и, соответственно, её транснациональный характер закрепляются в движении афганских наркотиков: 1) по «северному маршруту» (Таджикистан, Кыргызская Республика, Казахстан, Узбекистан); 2) по «северно-причерноморскому маршруту», путь которого проходит через территории Азербайджана и Грузии, акваторию Черного моря, а также Болгарию и Украину; 3) по «закавказскому маршруту» (иногда называется «западным» или ответвлением «балканского маршрута») – через Иран, Турцию и страны Закавказья (в частности, Армению); 4) по «восточному маршруту» – преимущественно через Китай; 5) по «южному маршруту» – через территории Пакистана и Индии. Также важно заметить, что вследствие укрепления государственной границы в Таджикистане с сопредельной границей Афганистана и усиления борьбы с контрабандой наркотиков по «северному маршруту» обнаруживается постепенная трансформация маршрутизации наркотрафика. В частности, в последние годы наблюдается «крен» на «закавказский», «северно-причерноморский» и «южный» маршруты. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в 2020 г. в большинстве государств – членов ОДКБ наблюдалось снижение (причем в республиках Казахстан и Беларусь крайне значительное) изъятий героина. Соответственно, в Республике Армения имел место десятикратный рост объемов изъятия данного вида наркотиков.

На территории государств – членов ОДКБ продолжает активизироваться механизм работы интернет-магазинов по сбыту наркотиков бесконтактным спо-

собом. Также расширяется использование криптовалюты (как правило, пиринговой платежной системы биткойн) в проведении платежных операций по приобретению наркотиков.

Уже твердой закономерностью выступает энергичное и масштабное использование наркобизнесом информационных и новых финансовых технологий для вовлечения в наркоторговлю новых рекрутов, а также в целях пропаганды наркопотребления с использованием механизмов его социального легендирования – сокрытие подтекста такой пропаганды и «вуалирование» рекламы наркотиков, применение особых информационных «меток» для потенциальных потребителей наркотиков.

Наркоситуация в регионе ответственности государств – членов ОДКБ продолжает осложняться в силу расширения механизмов использования каналов международной почтовой связи, средств мобильной связи и электронных коммуникаций, технологий блокчейн и скрытых информационно-телекоммуникационных сетей (в первую очередь Даркнета), специализированных on-line торговых площадок по продаже наркотиков (включая крупнейшую из них «Hydra») в технологическом обеспечении системы «предложение – спрос на наркотики».

Использование наркоиндустрией виртуальных технологий и их активное применение наркопотребителем привели к росту производства синтетических наркотиков в криминальных лабораториях, расположенных в том числе на территории самих государств – членов ОДКБ.

Изложенные криминологические закономерности наркоситуации в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности отражают наиболее актуальные и современные проблемы в данной области, но они не являются «истиной в последней инстанции», поскольку на незаконный оборот наркотиков постоянно влияет значительный объем социально-экономических, политических и криминологических факторов, которые объективно корректируют и даже трансформируют состояние наркоситуации как в динамическом, так и статическом аспектах.

Секция
**ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Безруков А.В.,

DOI 10.51980/2021_1_15

доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России (г. Москва)

**Оптимизация российского правоохранительного механизма
и противодействия преступности
в зеркале современных конституционных преобразований**

Эффективное противодействие преступности обусловлено единой и слаженной работой правоохранительного механизма, приоритетной правовой основой для которого является конституционное законодательство, качество, согласованность и своевременная корректировка которого является залогом снижения рисков и угроз конституционному правопорядку, способствует продуктивной организации противодействия преступности правоохранительными органами в целом.

Исходя из положений Конституции РФ и конституционного законодательства перед органами государственной власти, и в первую очередь перед главой государства, стоит задача обеспечения устойчивости, суверенитета, единства и территориальной целостности российского государства, безопасности и конституционного правопорядка. В рамках реализации этих полномочий Президент РФ осуществляет координацию деятельности органов государственной власти, в том числе правоохранительных структур, что ощутимо отражается на эффективности работы правоохранительного механизма и организации противодействия преступности в целом¹.

Конституция РФ определяет основу для формирования и функционирования

системы правоохранительных органов в России, закладывает ключевые параметры системы конституционного законодательства. Качественное состояние конституционного законодательства и своевременное проведение конституционных преобразований, в свою очередь, во многом обуславливают как укрепление российского государства, так и эффективность работы правоохранительного механизма. Поэтому в числе средств оптимизации правоохранительного механизма и противодействия преступности следует рассматривать проведение конструктивных и необходимых конституционных преобразований.

Конституция РФ, преодолев средне-статистический «возраст» современной в мире конституции (15-17 лет), в 2020 году впервые была подвержена серьезной содержательной модернизации². Масштабная конституционная реформа проведена весьма в сжатые сроки.

В марте 2020 г. принят Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», которым внесено множество поправок в главы с 3 по 8 Конституции РФ, предусматривающих изменение конфигурации публичной власти, формирования и корректировки

¹ О роли Президента РФ в механизме противодействия преступности см.: Безруков А.В. Президент Российской Федерации в механизме обеспечения единства государственной власти и противодействия преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практ. конференции: в 2 ч. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. С. 83-86.

² Первые оценки таких реформ не заставили себя долго ждать. См., напр.: Авакьян С.А. Проект законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грянет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31-44; Кокотов А.Н. Конституционный Суд России и макроправовое регулирование // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 3-7; Румянцев О.Г. Конституционная реформа-2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 6-32.

перечня полномочий органов государственной власти и местного самоуправления в России¹. По итогам общероссийского голосования поправки к Конституции РФ и Конституция РФ (в ред. 2020 г.) вступили в силу 4 июля 2020 г.

Анализ проводимых современных конституционных преобразований и Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. показывает следующие основные тенденции:

- укрепление государственности и территориальной целостности российского государства в переплетении с социально ориентированными положениями Конституции РФ, основанными на установленных в главе 1 Конституции РФ базовых конституционных ценностях правового демократического социального федеративного государства, где человек, его права и свободы – высшая ценность (ст. 1, 2, 4, 5, 7 Конституции РФ);

- установленная поправочным законом категория идея «единства публичной власти» во многом назрела и обоснованно вводится на конституционный уровень в русле укрепления как государственного, так правоохранительного механизма, однако в представленном виде она не вполне коррелирует с положениями ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления и отделении органов местного самоуправления от органов государственной власти;

- изменяется конфигурация публичной власти, помимо тенденции сближения государственной и муниципальной власти ощутимо изменяются (перераспределяются, расширяются, урезаются) полномочия многих федеральных органов государственной власти². Хотя уже в юридической литературе с целью укрепления единства и консолидации публичной власти, совершенствования взаимодействия государственного и муниципального уровней публичной власти, конкретизации конституционных прин-

ципов предлагается включить в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» статью, закрепляющую перечень предметов совместного ведения государственных и муниципальных органов власти³.

Таким образом, оценивая в целом проведенный этап конституционных преобразований, нельзя не отметить его позитивное начало, что выразилось в том, что многие положения Конституции РФ стали консолидированы, в определенной мере повысилось технико-юридическое качество Конституции РФ. Просматривается тенденция в развитии исходных конституционных ценностей в положениях скорректированных глав 3-8 Конституции РФ, а также попытка укрепления территориальной целостности и государственного единства России (ст. 67, 67.1 Конституции РФ), установление единства публичной власти и сбалансированности властных полномочий между федеральными органами государственной власти (главы 4-8 Конституции РФ). Такой шаг ориентирован на повышение эффективности взаимодействия и функциональное сближение всех органов публичной власти, включая правоохранительные структуры, первоочередной задачей которых является противодействие преступности.

Между тем конституционному законодателью не удалось избежать некоторых «перегибов» в балансировке полномочий между федеральными органами государственной власти (прямое руководство Президентом РФ и ответственность Правительства РФ перед ним, формальное согласование, точнее, ни к чему не обязывающее консультирование с Советом Федерации кандидатур министров «силового блока», Генпрокурора России и т.д.).

Во многом конституционному законодателью удалось укрепить государствен-

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // СПС КонсультантПлюс.

² См. подр.: Безруков А.В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 3-9.

³ Чеботарев Г.Н. Как укрепить единую систему публичной власти? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 19-22.

ное единство и повысить качество Конституции РФ, сбалансировать распределение властных полномочий органов публичной власти, что позитивно отразится на продуктивности функционирования правоохранительного механизма. В проведенной конституционной реформе просматриваются определенная концепция и логика. Представляется, что только последовательное, своевременное, обосно-

ванное и качественное проведение конституционных преобразований предопределяет эффективную реализацию конституционных принципов в гармоничном сочетании с конституционно установленным ориентиром обеспечения единства публичной власти и оптимизацией правоохранительного механизма и противодействия преступности в России.

Жильцов А.В.,

DOI 10.51980/2021_1_17

кандидат юридических наук

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

О правовой определенности категории «устное требование сотрудника полиции»

Правоохранительная деятельность полиции реализуется при непосредственном взаимодействии с гражданином и, как правило, осуществляется в форме вербальных коммуникаций. Сотрудники полиции при исполнении служебных обязанностей общаются как с делинквентами, так и с гражданами, оказывающими содействие (помощь) в разрешении каких-либо правоприменительных ситуаций, а также с гражданами, нуждающимися в помощи полиции. Не последнее место среди способов такого взаимодействия занимают устные требования.

Анализ мнения сотрудников полиции, повседневно выполняющих функции по обеспечению правопорядка и безопасности в общественных местах, а также по обеспечению безопасности дорожного движения¹, позволяет утверждать, что устные требования является одним из наиболее эффективных и часто применяемых полицией правовых

средств решения правоохранительных задач.

Нужно отметить, что наука административного права не обходит вниманием проблематику, связанную с реализацией сотрудниками полиции права предъявлять устные требования. Эти вопросы неоднократно рассматривались учеными при исследовании административной ответственности за неповиновение требованиям сотрудников полиции, предусмотренной статьями 6.9, 19.3, 12.25, 12.26 КоАП РФ, в рамках изучения проблем применения мер непосредственного принуждения, когда применение физической силы связано с необходимостью преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции: вопросы, связанные с устными требованиями сотрудников полиции, описывались в научной литературе в контексте действия правовой презумпции законности правового акта². Вместе с тем следует

¹ Проведенный опрос сотрудников полиции (опрошены 94 сотрудника, проходящих службу в территориальных органах МВД России на территории Красноярского края в подразделениях ДПС ГИБДД и ППСП) показал, что в среднем в течение одного рабочего дня (смены) они вступают в вербальное взаимодействие с 20 гражданами, при этом респонденты единодушны во мнении, что примерно в 50% случаев такое взаимодействие сопровождается предъявлением сотрудниками полиции требований к гражданам. 42% опрошенных указали, что в их профессиональной служебной деятельности были случаи, когда они сомневались в наличии права предъявить то или иное требование. В качестве таковых сотрудники называют требования прекратить видеосъемку, прекратить телефонный звонок, предъявить документы, предъявить для досмотра (осмотра) вещи, обеспечить доступ для осмотра багажника (салона) транспортного средства, прекратить разговоры, преследовать в указанное место, прекратить истерику, прекратить шуметь.

² Цуканов Н.Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции. Красноярск, 2003. С. 119-145.

констатировать, что в административно-правовой доктрине не оформился единый подход к пониманию правовой природы устных требований, систематизации их характерных черт, классификации их видов. Вследствие этого до сегодняшнего дня законодательно не конкретизированы границы и порядок применения этой меры полицейского воздействия.

Общеизвестно, что законодательство, закрепляющее статус полиции, кроме всего прочего содержит нормы, представляющие сотрудникам право предъявлять устные требования, и перечень таких требований, закреплённый в Федеральном законе «О полиции» и других законах, является исчерпывающим. Так, согласно Федеральному закону «О полиции» сотрудник полиции вправе требовать от граждан:

- прекратить противоправные действия (п. 1 ч. 1 ст. 13, п. 1 ч. 3 ст. 28 ФЗ «О полиции»);

- покинуть место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия, оставаться на соответствующих участках местности и объектах или покинуть их, разойтись или перейти в другое место (п. 7 ч. 2 ст. 13 ФЗ «О полиции»);

- оставаться на месте до прибытия представителей территориального органа или подразделения полиции (п. 4 ч. 3 ст. 28 ФЗ «О полиции»);

- соблюдать пропускной и внутриобъектовый режимы на охраняемых полицией объектах (п. 25 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»);

- остановить транспортное средство (п. 9 ч. 1 ст. 21, п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции»);

- сдать оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, ядовитые или радиоактивные вещества (п. 5 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции»).

Не вызывает сомнения то, что устное требование – это правовой акт публичного управления, то есть форма реализации должностными лицами публичной власти государственной функции. В связи с этим, говоря о нормативном закреплении права предъявлять устные требования, должен действовать общеза-

претительный тип правового регулирования, и во всех случаях предъявления устных требований сотрудник полиции обязан руководствоваться формулой: «запрещено все, кроме того, что прямо разрешено законом». Возникает вопрос о правомерности требования предъявить документы или проследовать к месту последующего содержания и т.д., даже при условии, что у сотрудника есть законные основания для проверки документов (п. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») или для доставления (п. 13, 14, 15 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», ст. 27.2 КоАП РФ).

При такой постановке вопроса уже не выглядит столь очевидным наличие у сотрудника полиции права поддерживать требования, прямо не закреплённые законом, применением мер непосредственного принуждения. Может ли сотрудник, применить физическую силу по основанию, предусмотренному в п. 4 ч. 1 ст. 20 ФЗ «О полиции», например, для извлечения документов из кармана гражданина в случае, когда последний отказывается выполнить требование об их предъявлении сотруднику полиции для проверки. Кроме того, возникает вопрос и о правомерности привлечения лица к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. При этом анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что случаи отказа выполнить требование сотрудника полиции, когда такое право прямо не определено законом, не рассматриваются субъектом административной юрисдикции в качестве проблемы и во всех случаях применяется административная ответственность, предусмотренная ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Говоря о проблеме правовой определённости категории «устное требование сотрудника полиции», нельзя обойти вниманием вопрос о его соотношении с «предложением», «замечанием» и «просьбой» как формами реализации сотрудниками полиции метода убеждения.

Все названные выше термины широко используются в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы функционирования полиции. Так, сотрудник полиции вправе предлагать

гражданину совершить определенные действия или воздержаться от их совершения, при этом в одних случаях термин «предложение» используется в значении просьбы¹, что дает гражданину право выбора варианта поведения, в других как требование², обязательное для исполнения. Кроме того, в нормативных актах можно найти примеры правовых конструкций, не поддающихся однозначному толкованию; даже при самом внимательном их анализе сложно понять, в каком из указанных выше значений используется анализируемый термин. Например, п. 233 приказа МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» предписывает сотруднику ППСП предложить гражданину самостоятельно убрать деньги из документов, подлежащих проверке. До конца не ясно, как должен поступить сотрудник полиции в случае отказа гражданина последовать высказанному предложению.

Думается, что общественные отношения, возникающие в связи с высказыванием полицией устных замечаний, просьб и предложений, не должны рассматриваться в качестве административных правоотношений, они являются социальными отношениями, предполагающими равенство их участников, и основывающимися не на правовых нормах, а на общественных ценностях, морали и нравственности, гражданском долге и т.д. Вместе с тем нельзя забывать, что

замечание, просьба или предложение, высказанные лицом, официально представившимся сотрудником полиции, как правило воспринимаются гражданами как средство подавления их воли. Одним из вариантов реакции на просьбу сотрудника полиции прекратить видеосъемку, прекратить разговор или предложение уступить место пожилому человеку может стать встречная просьба гражданина назвать основания предъявления таких требований. Думается, что для устранения возможности неверного понимания природы обращения сотрудника полиции к гражданину необходимо закрепление в Федеральном законе «О полиции» обязанности разъяснять гражданину наличие или отсутствие у него права выбирать вариант поведения.

На наш взгляд, единственно верным решением является признание и формализация в законе устного требования сотрудника полиции в качестве правовой формы реализации метода государственного принуждения, установление в Федеральном законе «О полиции» перечня требований, которые вправе предъявлять сотрудник полиции с указанием оснований для их предъявления. Сотрудник полиции должен осознавать, что он обладает правом не только проверить документы, удостоверяющие личность, но и требовать их предъявления для проверки, правом не только доставлять гражданина в служебное помещение органа внутренних дел, но и требовать последовать к месту доставления.

¹ См., напр., п.п. 90, 259 приказа МВД России от 23.08.2017 № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения».

² См. например, п. 297 приказа МВД России от 23.08.2017 № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения».

Богомазов А.А.

DOI 10.51980/2021_1_20

УНК УМВД России по Курганской области (г. Курган)

О некоторых проблемных вопросах в оперативно-служебной деятельности сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Курганской области

Личный состав подразделений по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Курганской области при осуществлении оперативно-служебной деятельности ориентирован на выполнение требований Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года, директивы МВД России от 23 октября 2020 г. № 1 дсп «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2021 году», решений коллегий МВД России, УМВД России по Курганской области, иных нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность профильного подразделения в системе МВД России.

Проводимая в данном направлении работа позволила стабилизировать оперативную обстановку по линии незаконного оборота наркотиков на территории региона, хотя ситуация в данной сфере остается достаточно сложной. Однако в деятельности сотрудников подразделений наркоконтроля имеются проблемные вопросы, на которых хотелось бы остановиться подробнее.

На территории города Кургана еженедельно выявляются факты нанесения неустановленными лицами на фасады зданий и сооружений, заборы и иные поверхности рекламных надписей антисоциальной направленности пропагандирующих наркоманию, распространяющих информацию о сайтах продаж наркотических средств и возможности заработка в данной преступной сфере (распространение наркотиков). Действующая в УНК УМВД России по Курганской области мобильная группа в еженедельном режиме проводит мероприятия по отработке жилого сектора многоквартирных домов, улиц, парков, скверов и иных мест общественного посещения на предмет установления и фиксации таких надписей. В

2020 г. выявлены 796 надписей с пропагандой наркомании. По всем фактам в адрес муниципалитета направлены предписания для устранения надписей.

Администрацией города Кургана после получения информации УНК УМВД России по Курганской области проводятся мероприятия по мотивированию собственников и пользователей зданий и сооружений к принятию мер по уничтожению антисоциальной рекламы путем ее закрашивания. Однако зачастую собственниками и пользователями данных зданий и сооружений меры к уничтожению антисоциальной рекламы не предпринимаются, либо надписи уничтожаются спустя достаточно продолжительное время. Так, в настоящее время ликвидированы только 424 надписи из выявленных 796.

При непринятии необходимых и своевременных мер к ликвидации антисоциальной стеновой рекламы информация о сайтах, пропагандирующих наркоманию, остается длительное время доступной для обозрения населением. Содержащаяся в выявляемых надписях пронаркотическая пропаганда призывает к совершению действий, нарушающих уголовное и административное законодательство Российской Федерации, посягающих на общественный порядок, здоровье и нравственность населения.

На фоне остроты проблемы высокого уровня наркомании и наркопреступности, сложностей, сопряженных с вовлечением в незаконный оборот наркотических средств новых участников, в том числе через виртуальное информационное пространство, вопрос ликвидации стеновой рекламы интернет-сайтов распространения наркотиков не может не вызвать беспокойство со стороны граждан и органов власти.

Особенно негативный общественный резонанс и критику в адрес правоохранительных органов вызывают факты доступности данной информации несовершеннолетним.

Механизм принятия сотрудниками органов внутренних дел административно-правовых мер к собственникам вышеуказанных зданий, игнорирующим предложения (предписания) сотрудников правоохранительных органов по самостоятельному удалению антисоциальных надписей, отсутствует.

В целях обеспечения компетентного совершенствования правового регулирования основных направлений оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел в связи с отсутствием нормативно-правовых актов, обязывающих собственников и иных пользователей помещений и сооружений в установленный срок устранять нанесенные надписи и рисунки, содержащие информацию противоправной, антисоциальной направленности, представляется целесообразным внесение предложений о дополнении административного законодательства Российской Федерации нормой, предусматривающей ответственность собственников и владельцев (пользователей) помещений за несвоевременное исполнение предписаний органов внутренних дел об устранении таких надписей.

С учетом вышеизложенного предлагается рассмотреть возможность инициирования предложений о дополнении главы 17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях статьей 17.7.1 «Невыполнение в срок законного предписания представителя органа исполнительной власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушения общественного порядка»:

— умышленное невыполнение в установленный срок собственниками и

иными пользователями (на правах оперативного управления, хозяйственного ведения, договора аренды) помещений и сооружений законного предписания представителя органа исполнительной власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушения общественного порядка, об устранении нанесенных любым способом надписей и рисунков, содержащих информацию противоправной, антисоциальной направленности (равно пропаганды либо незаконной рекламы: наркотических средств, психотропных веществ или их прокуроров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ, экстремистских материалов, иных призывов к противоправным действиям), размещенных с целью её массового распространения в общественных местах на фасадах зданий, сооружений и иных поверхностях, —

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи рублей до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц — от двух тысяч рублей до трех тысяч рублей; на юридических лиц — от пятидесяти тысяч рублей до ста тысяч рублей.

Для рассмотрения возможности обозначенной корректировки управлением по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Курганской области в истекшем году посредством регионального сегмента модуля «Мониторинг» СОДПП ИСОД МВД России направлено предложение о дополнении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях вышеприведенной статьей.

Агеев А.С.

DOI 10.51980/2021_1_22

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Макеева И.С.

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Незаконные организация и проведение азартных игр: вопросы разграничения уголовной и административной ответственности

Незаконные организация и проведение азартных игр посягают на нормальное развитие экономических отношений, гарантируемое основными положениями Конституции Российской Федерации о единстве экономического пространства, свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств, поддержке конкуренции и свободе экономической деятельности.

Актуальность и своевременность исследования заявленной темы обусловлена наличием дискуссионных вопросов, с которыми сталкиваются правоприменительные органы в процессе противодействия данному явлению. Это обусловлено прежде всего размытостью законодательных границ в уголовном и административном законодательстве.

В предыдущих редакциях ст. 171.2 УК РФ критерием разграничения уголовной и административной ответственности являлся признак извлечения дохода в крупном размере, при наличии которого наступала уголовная ответственность. Сейчас же диспозиции ст. 171.2 УК РФ и ст. 14.1.1 КоАП РФ являются абсолютно тождественными. Нельзя в данном случае не согласиться с мнением Д.В. Лохманова, что наличие так называемых дублирующих составов правонарушений в финансово-экономической сфере действительно порождает проблемы в правоприменительной деятельности¹. По справедливому утверждению А.С. Лимарь, И.А. Михайловой, такая редакция норм делает невозможным отграничение преступления от административного правонарушения.

Можно сказать, что единственным критерием разграничения данных составов в настоящее время является тот факт, что уголовное наказание за незаконные организацию и проведение азартных игр предусмотрено только для физических лиц, а к административной ответственности привлекаются только юридические лица. В связи с этим в правоприменительной практике возникает ряд проблемных ситуаций, требующих разрешения в целях эффективного противодействия незаконному игорному бизнесу.

Во-первых, если правонарушение совершено юридическим лицом, которое привлечено за него к административной ответственности, то следует ли привлекать к уголовной ответственности лиц, являющихся сотрудниками данного юридического лица, его руководителей или лиц из числа обеспечивающего персонала при установлении признака заведомой их осведомленности о противоправном характере организации и проведения азартных игр?

Во-вторых, кажется нецелесообразным отсутствие административной ответственности для физических лиц, поскольку в таком случае утрачивается предупредительная функция административной ответственности, служащей барьером между административным правонарушением и преступлением.

В-третьих, буквально толкуя, признаки, указанные в ч. 1 ст. 171.2 УК РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр», можно прийти к выводу, что к ответственности следует привлечь любое лицо, которое занимается орга-

¹ Лохманов Д.В., Лапина М.А., Карпухин Д.В. Практика рассмотрения административных правонарушений и уголовных преступлений в Европейском суде по правам человека как потенциальный фактор оптимизации национальных уголовных и административных наказаний // Полицейская деятельность 2016. № 3. С. 271.

низацией и проведением, скажем, настольных игр в процессе вечернего времяпрепровождения с семьей. Аналогичного мнения придерживается И.Н. Мосечкин, говоря о том, что не совсем удачным решением представляется изъятие признака извлечения дохода в крупном размере в новой редакции ч. 1 ст. 171.2 УК РФ «Незаконные организации и проведение азартных игр». Такой подход сделал статью излишне репрессивной, поскольку уголовный закон создает возможность привлечения к ответственности граждан, организующих азартные игры в качестве досуга¹.

В-четвертых, проблемой, которая может возникнуть в процессе применения исследуемой нормы, является разграничение уголовной и административной ответственности за деяние в виде предоставления помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр. Уголовная ответственность наступает за предоставление помещений более двух раз. Административная ответственность за аналогичное деяние предусмотрена опять же только для юридических лиц в двух составах: в ч. 1.1 ст. 14.1.1 КоАП РФ – за предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр, в ч. 1.2 ст. 14.1.1 КоАП РФ – за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 указанной статьи. Признак повторности раскрывается в п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, и представляет собой совершение административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ за совершение однородного административного правонарушения. Лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения года со дня окончания исполнения данного постановления.

Если гипотетически предположить, что в процессе внесения изменений в

КоАП РФ будет установлена административная ответственность за данное деяние для физических лиц, то правоприменитель может столкнуться со следующей проблемой: к какому виду ответственности привлекать лицо в случае, если оно совершит два раза деяние, предусмотренное ч. 1.1 КоАП РФ, ни за одно из которых лицо не было привлечено к административной ответственности? Представляется, что лицо должно подлежать административной ответственности за эти деяния по ч. 1.1 ст. 14.1.1 КоАП РФ, так как не будет признака повторности, обозначенного выше, а соответственно отсутствует основание для привлечения лица к ответственности по ч. 1.2 ст. 14.1.1 КоАП РФ за второй эпизод. Если лицо после этого совершит аналогичное деяние в третий раз, тогда встает вопрос: к какому виду ответственности привлечь лицо, ведь совершение такого деяния более двух раз уже влечет уголовную ответственность, но наряду с этим такое деяние будет подпадать и под признаки ч. 1.2 ст. 14.1.1 КоАП РФ как совершение повторного правонарушения.

В УК РФ признак систематичности предоставления помещений обозначен очень узко, он раскрывается как предоставление помещений более двух раз. При этом нет указания на наличие каких-либо юридических фактов, подтверждающих такую систематичность, не указано, за какой промежуток времени должны быть предоставлены помещения. Такая законодательная интерпретация может создать проблему разграничения этих видов ответственности в случае введения в качестве субъекта административной ответственности физического лица.

По нашему мнению, обозначенные проблемы, а именно: тождественность составов, чрезмерная репрессивность уголовно-правовой нормы, сложность разграничения ответственности за предоставление помещений, отсутствие физического лица в качестве субъекта административной ответственности, нуждаются в разрешении на уровне законо-

¹ Мосечкин И.Н. Уголовно-правовые меры противодействия незаконной игровой деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 26.

дательной регламентации. Верным решением обозначенных проблем представляется использование модели конструкции составов с административной преюдицией.

В квалифицированных составах ст. 14.1.1 КоАП РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр» предусмотрена ответственность за нарушение условий организации и проведения азартных игр, обозначенных в разрешении или лицензии, а также за грубое нарушение таких условий. Отграничение в этом случае от ч. 1 ст. 14.1.1 КоАП РФ и ч. 1 ст. 171.2 УК РФ не составляет трудностей. Вопрос решается исходя из того, есть ли у лица лицензия или разрешение,

и не являются ли они аннулированными. В случаях, когда такие разрешение и лицензия в наличии, но имеется нарушение описанных в них условий, то речи об уголовной ответственности быть не может.

Исходя из вышесказанного, нами были обозначены и предложены варианты разрешения проблем, связанных с вопросами разграничения административной и уголовной ответственности за незаконные организацию и (или) проведение азартных игр, в частности путем конструирования нормы, предусматривающей уголовную ответственность за незаконные организацию и (или) проведение азартных игр с учетом института административной преюдиции.

Беркут В.П.,

DOI 10.51980/2021_1_24

доктор философских наук, профессор
Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого
(г. Балашиха)

Актуальные проблемы борьбы с преступностью в информационной сфере

В современных условиях внутренние и внешнеполитические успехи государств определяются не только их военной и экономической мощью, но успехами в установлении фактического контроля над процессами, происходящими в социальной, культурной, информационной сферах. Отставание в области информационных технологий превращается в глобальную угрозу безопасности, поскольку создает реальные возможности эксплуатации интеллектуального потенциала других стран и социальных групп в собственных интересах, распространения и внедрения своих идейных установок, ценностных ориентаций, культуры и языка, торможения интеллектуального развития остального мира, трансформации и подрыва его духовно-нравственных устоев. Вместо войн с применением вооруженного насилия для достижения политических целей используются методы информационных войн.

Методами информационного воздействия активно пользуются наши противники за рубежом для достижения своих политических целей, ими успешно

овладевают и представители преступного мира внутри страны и за её пределами для реализации своих злонамеренных планов.

Информация ныне не складывается, а хранится на серверах, подключенных к Интернету, и представляет собой ценнейший ресурс, наряду с веществом (материальными благами) и энергией, который можно покупать, продавать, использовать в разных целях, в том числе преступных. Владеют этими базами данных различные субъекты (компании, торговые сети и др.). По партнерским договорам они обязаны следить за неразглашением личной информации, но не отвечают за сохранность передаваемых для обработки сведений в другие компании-партнеры, которые по халатности или намеренно допускают утечки конфиденциальной информации.

Социальные сети также выступают источником информации для потенциальных преступников, собирающих персональные данные о повседневной жизнедеятельности россиян: общении с друзьями, коллегами, покупках, поездках,

чтобы использовать их в дальнейшем для обмана и мошенничества.

Современные информационные платформы все «больше начинают управлять сознанием. Просто изучают своего клиента и подбрасывают ему то, что они считают нужным. Человек начинает принимать решение, даже не осознавая того, что им руководят», — сказал В. Путин в ходе встречи с лауреатами Всероссийского конкурса «Учитель года»¹. Уровень самосознания современного человека достиг такого состояния, что молодые люди всецело доверяют этим мессенджерам и блогерам, не задумываясь о достоверности получаемой информации, даже если она носит злоумышленный или преступный характер. Это подтвердил студент из Уфы, заявив Президенту РФ, что «студенты сегодня не смотрят телевидение и основным источником информации (для них) является сеть Интернет»².

Определенные шаги в данном направлении предпринимаются государством на законодательном уровне. Так, 25 декабря 2020 г. Совет Федерации Российской Федерации одобрил законопроекты, направленные на снижение иностранного влияния на россиян и отечественные компании. Там введено понятие «статус владельца информационного ресурса, причастного к нарушениям основополагающих прав и свобод человека и граждан Российской Федерации»³.

При определенных условиях могут быть заблокированы глобальные сети Facebook, YouTube, Twitter, Google. Социальные сети обязали скрывать контент, где оскорбляют власти и призывают к массовым протестам. А за клевету в Интернете теперь можно оказаться в тюрьме. Решение может быть принято

при дискриминации в отношении российских СМИ или если будет заблокирован доступ к информации по признаку национальности, языка или в связи с введением санкций в отношении России или ее граждан.

Согласно законопроекту «О защите информации», социальные сети должны блокировать «противоправный контент», под которым, понимается и «оскорбление органов власти». Владельцы соцсетей не должны допускать распространение информации: порочащей граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, политических убеждений; сформулированной в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность; выражающей явное неуважение к обществу, государству, государственным символам Российской Федерации, Конституции или органам государственной власти; содержащей призывы к массовым беспорядкам, участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, призывы к террористической деятельности, к войне; данные о способах самоубийства, призывы к ним; порнографического характера; пропагандирующую культ насилия; содержащей нецензурную брань. Закон вступил в силу с 1 февраля 2021 г.

С 8 февраля 2021 г. мессенджером WhatsApp можно пользоваться только при условии согласия с передачей данных пользователя в сеть Facebook, зарегистрированную в Калифорнии⁴. Для россиян это важно, поскольку во многих регионах страны WhatsApp стал инструментом личного и делового общения,

¹ Путин рассказал об управлении сознанием человека с помощью соцсетей. URL: <https://www.interfax.ru/russia/749069> (дата доступа 2.02.2021).

² Иванов М., Беляева А. Путин с интересом смотрит на виноградники. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/01/25/855405-putin-vinogradniki?utm_campaign=newspaper_26_1_2021&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (дата доступа 25.01.2021).

³ Терехова Е. Иностранные агенты и предписания для соцсетей. Как в России могут заблокировать Facebook и YouTube. URL: <https://strana.ua/news/308726-inostrannyye-ahenty-i-novye-pravila-raboty-sotssetej-v-rossii-sut-prinjatyye-zakonov-.html> (дата доступа 26.01.2021).

⁴ Размахнин А. «Русский народный мессенджер» под угрозой: пользователи испугались цензуры в WhatsApp. URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/01/08/russkiy-narodnyy-messendzher-pod-ugrozoy-polzovately-ispugalis-cenzury-v-whatsapp.html> (дата доступа 26.01.2021).

заменяя СМИ и доски объявлений. «Информация, которую мы передаём другим компаниям Facebook, включает регистрационные данные, связанные с вашей учётной записью (номер телефона), данные о транзакциях, связанные с услугами, в том числе касательно взаимодействия пользователей (включая компании) при использовании наших сервисов, информацию о мобильных устройствах пользователей, IP-адресах и др.» – говорится в системном сообщении мессенджера. Новые правила конфиденциальности подразумевают, что данные пользователей WhatsApp будут использоваться «для улучшения инфраструктуры и систем доставки, анализа того, как используются сервисы компании, содействия в обеспечении безопасности и целостности продуктов Facebook и др.». Такая «прозрачность» пользователей неизбежно влечет характерную для американской сети цензуру на контент и навязывание соответствующего образа мышления и поведения, в том числе преступного.

Мы являемся свидетелями глобального, антигуманного, преступного информационно-психологического наступления на систему образования, уровень интеллектуального развития населения, и прежде всего молодежи, поскольку легче управлять людьми малообразованными.

Компании, обладающие финансовыми ресурсами и ранее инвестировавшие в процессы цифровизации, наращивают активность, что естественно, поскольку войны и пандемии всегда были двигателями научно-технического прогресса.

Так, «Сбер» с 2016 г. создает свою экосистему – платформу для взаимодействия разнообразных кампаний в различных отраслях – провайдеров услуг, регуляторов и потребителей – «Сберзвук», «Сберлогистика», «Сбермаркет», «Сберклауд», «Сберавто», «Сберфуд», «Сберздоровье» и т.д. То есть выбрана стратегия разработки «непрофильных активов»: образование (школа, платформы

дистанционного обучения), культура (кинотеатры, музыка), здравоохранение, такси и др. Более того, президент и председатель правления ПАО «Сбербанк» Г. Греф даже заявил, что никто в стране не сделал большего для развития системы российского образования, чем «Сбер». На что Президент России призвал его руководство не забывать, что в первую очередь они – кредитная организация.

На «Гайдаровском форуме – 2021» Г. Греф выступил модератором экспертной дискуссии «Будущее образование в России» и активно продвигал продолжение образовательных реформ в направлении самой унификации, оптимизации и цифровизации. Школа, по его мнению, должна давать не столько знания, сколько навыки, «учить думать» и социализировать¹. Присутствовавшие эксперты выступали за образовательную систему, которая будет готовить не просто идеального потребителя, а идеального банковского клиента.

Возможность высказывать свои мысли нам предоставлена конституционной свободой слова², но направлять свои организационные и финансовые возможности на разрушение отечественной системы образования, на мой взгляд, преступно.

Таким образом, наиболее актуальными направлениями борьбы с преступностью в информационной сфере выступают:

- защита конфиденциальной информации личности, общества, государства от информационных угроз и преступлений – махинаций с электронными деньгами, компьютерного хулиганства, хищений информации, хранящейся или передаваемой в электронном виде, незаконного копирования;

- противодействие информационно-психологическому воздействию на сознание и поведение граждан России со стороны западных стран посредством СМИ и подконтрольных социальных сетей;

¹ Будущее образование в России. URL: <https://gaidarforum.ru/ru/program/1022/> (дата обращения: 26.01.2021)

² Конституция Российской Федерации. М., 2020. Ст. 29.

– блокирование «противоправного контента» в условиях предвыборной кампании, направленного на дискредитацию конкретной личности, политической

партий или движения, предотвращение мошенничества и шантажа в отношении лиц, принимающих решения в политической, экономической и военной сферах.

Дерюгин Р.А.,

DOI 10.51980/2021_1_27

кандидат юридических наук

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Жижилева А.А.

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

О некоторых проблемах и причинах использования персональных данных в преступных целях

Современный человек – субъект персональных данных. Каждый заинтересован в том, чтобы личная жизнь была в безопасности, персональные данные оставались скрытыми, а личные сведения ограниченного пользования находились под контролем и надежно защищались. Государство предоставляет для этого весьма обширный перечень законов, который гарантирует конфиденциальность и защиту персональных данных. Для аккумуляции нужной информации и обеспечения быстрого доступа к ней государственными органами и иными организациями создаются различные базы данных, несущие в себе информацию об их деятельности, о штатной структуре, в том числе и персональные данные. Очевидно, что размещение данных в информационном пространстве создает потенциальную угрозу утечки такой информации, а также на дальнейшее её использование в преступных целях.

Рассматривая категорию «персональные данные» в контексте настоящего исследования необходимо обратиться к Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной приказом МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767, в которой раскрываются основные положения, регламентирующие меры совершенствования научного потенциала МВД России с учетом влияния тенденции цифровизации общественных отношений. В пункте 13.2

Концепции отмечается недостаточный уровень кадровых и материальных ресурсов, необходимых для использования новых информационных и инновационных технологий, включая применение различных методов, технологий «искусственного интеллекта». Помимо этого имеется дефицит практических рекомендаций и методик, ориентированных на противодействие новым информационно-интеллектуальным преступлениям.

Анализируя вышеуказанные положения, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации создана сложная централизованная система органов, которые занимаются контролем и надзором за обработкой персональных данных. Выполняя данную функцию, органы власти выявляют нарушения прав граждан в области защиты персональных данных, принимают меры к восстановлению нарушенных прав и привлечению виновных лиц к установленной законодательством ответственности. Этими действиями государство реализует функцию по защите конституционного права на информацию.

Несмотря на разработанную законодательную базу и создание специальных органов, государство на сегодняшний день не может в полной мере предоставить гражданам защищенность в аспекте реализации имеющегося права на информацию. Все это обусловлено рядом факторов:

- развитие в геометрической прогрессии информационной среды, в том числе и противозаконной, что позволяет находить новые способы совершения правонарушений;

- слабая материально-техническая, программно-информационная обеспеченность, а также трудности в поиске высококвалифицированных кадров, способных противостоять современным угрозам в информационной среде, в том числе угрозам в сфере обработки персональных данных;

- информационная неграмотность населения, отсутствие интереса к получению знаний, направленных на обеспечение безопасности личных данных (не только в сети Интернет или иных информационных базах данных);

- массовое внедрение информационных технологий в повседневную жизнь общества, темпы внедрения опережают темпы изучения инноваций, что в свою очередь повышает риск нарушения информационных прав, гарантированных Конституцией РФ;

- неумение сохранять в тайне определенную личную информацию, что выражается в открытой публикации личных данных в социальных сетях и на различных сайтах, путем заполнения регистрационной информации, что, в свою очередь, приводит к утечке указанных данных либо их попаданию в руки преступников;

- использование при совершении правонарушений ложных данных; длительное время в большинстве социальных сетей вопрос подлинности личных данных никак не регулировался, лишь в последнее время крупные социальные сети начали внедрять системы подтверждения подлинности аккаунтов;

- расположение серверов с личными данными пользователей различных интернет-ресурсов за рубежом вопреки действующим требованиям законодательства;

- отсутствие баланса между законодательством и технической сферой, что

обусловлено быстрыми темпами развития техники и технологией и длительной процедурой принятия законодательных и иных правоустанавливающих решений, что приводит к принятию поспешных решений и допущению законодательных ошибок, которые впоследствии затрудняют правоприменительную деятельность.

А.В. Сочнев, рассматривая проблему защиты персональных данных в сети Интернет, выявил неурегулированность Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» вопроса использования личных данных в социальных сетях лицами, которым эти личные данные не принадлежат, а также факт того, что выявить такого пользователя не представляется возможным¹. Данный аспект безусловно важен в противодействии преступности, требуется разработка методических рекомендаций, методик в области установления лица, совершившего преступление под «чужим» именем (логином), псевдонимом.

Обращаясь к междисциплинарному подходу относительно использования чужих личных данных в целях распространения информации в противоправных целях, следует изучить зарубежный опыт (в частности, законодательные положения), с целью анализа существующей за рубежом практики борьбы с подобными явлениями. Так, в Китае на законодательном уровне была закреплена обязанность граждан регистрироваться в интернет-ресурсах исключительно под реальными именами, а также была введена ответственность за невыполнение данного требования². Считаем необходимым принять аналогичные нормативные документы, а также ввести ответственность за использование ложных персональных данных при регистрации на различных интернет-ресурсах.

Справедливо отметить, что в России с недавнего времени похожая практика внедрена мобильным оператором Ростелеком. Так, чтобы абонент мог оформить на себя SIM-карту, требуется обязатель-

¹ Сочнев А.В. Защита персональных данных в сети «Интернет» // Молодежь и 21 век. 2016. С. 166.

² Китай обязал регистрироваться в онлайн-сервисах под реальными именами. URL: <https://lenta.ru/news/2015/02/05/chinanames/> (дата обращения: 08.02.2021).

ная регистрация или подтверждение личности абонента через единый портал государственных услуг, где, как известно, отражены паспортные данные, ИНН, СНИЛС и другие сведения, подтвержденные физическим лицом, например в офисе МФЦ, лично с предъявлением оригиналов документов.

На наш взгляд, это достаточно эффективная мера предупреждения совершения преступлений, связанных с мошенничествами, неправомерным использованием персональных данных и т.п. Однако мера единична и повсеместно не распространена. При этом на законодательном уровне не закрепен возраст покупки-продажи SIM-карт, что является существенной коллизией в правоприменительной практике (например, SIM-карту Tele2 можно купить с 14-летнего возраста (в период возраста с 14 по 18 лет требуется присутствие законного представителя, чтобы заключить договор с подростком, его родитель должен дать специальное разрешение на подключение данной услуги, у оператора МегаФон – по достижении 18-летнего возраста).

До настоящего времени остается неисполнение требований закона о локализации персональных данных, который обязал хранить персональные данные российских граждан исключительно на территории Российской Федерации. Данная обязанность была закреплена Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях». При реализации данного закона на практике возник ряд проблем, с которыми столкнулись субъекты, осуществляющие обработку персональных данных. Одними из главных проблем в этой отрасли можно выделить привлечение больших затрат с целью аудита всего массива информации для выявления

данных граждан России в базах данных, необходимость создания материально-технической базы для размещения серверов на территории Российской Федерации и другие проблемы. На практике далеко не все субъекты, осуществляющие обработку персональных данных граждан России, смогли выполнить требования, предписанные законом, в установленный срок. Востребованность в создании единой базы персональных данных субъектов (пользователей) обусловлена не только оперативно-служебным интересом в целях раскрытия преступления по горячим следам, но и позволит в максимально короткий промежуток времени получать запрашиваемую информацию по конкретному субъекту, что значительно облегчит работу правоохранительных органов.

Реализовать конституционное право граждан на информацию в полной мере не представляется возможным в связи с существованием ряда проблем, которые существуют как на законодательном уровне, так и в общественной жизни. Необходимость сохранности персональных данных является одним из элементов обеспечения политики государства в сфере национальной безопасности. Это положение находит отражение в ряде законопроектов, принимаемых в рамках политики государства, направленной на противодействие терроризму.

В заключение добавим, что современное динамично развивающееся общество вышло на более продвинутый этап развития, неразрывно связанный с информационно-телекоммуникационной системой. Интенсивность использования новейших научных технологий способствует усилению роли информации и ее роли в жизни каждого человека, что приводит к иному восприятию таких базовых прав человека и гражданина, как право на жизнь, право на образование, право на информацию.

Шерстяных А.С.,

DOI 10.51980/2021_1_30

кандидат технических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Средства и методы мониторинга социальных сетей для получения информации, представляющей интерес для органов внутренних дел

В последние годы происходит широкое внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь человека и общества. Пандемия коронавируса в 2020 году существенно изменила привычные условия работы во всех сферах деятельности человека. Не стала исключением и работа современных юристов, правоохранителей, следователей, детективов. Появилось большое разнообразие цифровых технологий, внедрение которых в иных (обычных) условиях было бы делом сравнительно отдаленного будущего (некоторые эксперты сравнивают положительный эффект самоизоляции с «машиной времени», которая как бы перенесла нас на 5-6 лет вперед в сфере применения ИТ-технологий¹). В настоящее время существенно возросли объемы информации, циркулирующей в киберпространстве. При этом кардинально изменились возможности ее получения, что вносит существенные изменения в работу правоохранительных органов.

В связи с многообразием всевозможных технических устройств, используемых во всех сферах деятельности человека, многократно возросло количество оперативно-розыскных мероприятий такого называемого технического характера (снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, мониторинг социальных сетей и пр.). Таким образом, коммуникативные способы получения информации уже не являются приоритетным направлением деятельности современного оперативного сотрудника, ему становится важнее определить все допустимо возможные технические источники информации об объекте оперативного интереса, а также процедуры ее получения и использования в доказательной сфере. Множество преступлений в настоящее

время раскрываются благодаря анализу сведений, полученных по запросу из различных источников, ведущих автоматизированный учет (банки, платежные системы, операторы сотовой связи, интернет-провайдеры и т.п.). И это направление работы (с учетом развития науки и техники) в ближайшее время будет иметь все больший приоритет.

Кроме того, правоохранительные органы нуждаются в способах поиска, получения и исследования информации, содержащейся в различных социальных сетях и представляющей интерес для следствия. При решении этой задачи приходится сталкиваться с рядом проблем:

во-первых, колоссальный объем информации в Интернет делает весьма сложным поиск и отбор действительно нужных сведений;

во-вторых, информация, размещенная в Интернете, может с течением времени претерпевать различные изменения, а то и вообще быть удалена, перемещена и пр.;

в-третьих, извлечение оперативно-значимой информации из большого объема слабо структурированного массива данных достаточно сложно.

Самым простым способом мониторинга представляется непосредственный просмотр персональных страниц участника соцсетей или блогеров, что позволяет отследить появление конкретного (заранее известного) сообщения на определенную тематику. Это возможно сделать, если уже известно, чьи страницы следует просматривать.

Также можно воспользоваться сервисом «Поиск Яндекса по блогам». Индексная база содержит несколько десятков миллионов русскоязычных блогов, микроблогов и форумов². В базе Яндекс.Блоги содержится всегда актуаль-

¹ Интервью РИА Новости вице-президента Ростелекома по информационной безопасности Игоря Ляпунова. URL: <https://ria.ru/20201218/kiberbezopasnost-1589645204.html> (дата обращения 18.12.2020).

² Торопов Б.А., Мороз Д.В. Средства и методы мониторинга социальных сетей в связи с массовыми общественными мероприятиями // Информационные системы и технологии. 2015. № 2(88). С. 41–47.

ная информация (часто обновляемые ресурсы обновляются несколько раз в час, редко обновляемые — несколько раз в сутки). Причем сортировку в выдаче результатов можно настроить не по релевантности, а по хронологии, чтобы самые свежие публикации располагались вверху списка. При этом пользователь может воспользоваться встроенным языком запросов, чтобы сделать поиск максимально эффективным.

Большинство систем автоматического мониторинга социальных сетей работают на основе API¹ Яндекс.Блогов, т.е. то есть фактически с помощью собственных алгоритмов анализируют и видоизменяют данные, предоставляемые Яндексом.

Число коммерческих предложений, предоставляющих решения по мониторингу социальных сетей и блогов, в настоящее время постоянно растет. Это связано с развитием цифровых технологий бизнеса и приходом его в социальные сети.

Среди русскоязычных сервисов, позволяющих проводить автоматический мониторинг и анализ социальных сетей, на российском рынке наиболее популярными являются следующие: YouScan, Babkee, Brandspotter, IQBuzz, Wobot, «Крибрум», Медиалогия, Hootsuite.

Для эффективного автоматизированного поиска и анализа информации из широкого спектра информационных ресурсов, в том числе сообщений из социальных сетей, компании-владельцу необходим большой объем вычислительных мощностей, что подразумевает наличие оплаты за пользование.

Рассмотрим основные возможности, которые они предоставляют:

- построение сводки упоминаний в режиме реального времени, выстраивание графиков с динамикой упоминаний, соотношением положительных и отрицательных высказываний по заданной теме;
- получение информации о лидерах мнений, истории взаимодействия каждого лидера мнений с событиями: когда,

сколько раз и в какой тональности он упоминал происходящее;

- выяснение популярности блогера, позволяющее понять значимость его высказываний и выявление потенциально заинтересованных пользователей, например друзей и читателей, лояльных к высказываниям лидеров мнений.

Информация, полученная от системы автоматического мониторинга, обо всех найденных упоминаниях сохраняется в системе и при необходимости доступна для сортировки, фильтрации по конкретным признакам (например, упоминания на определенной платформе или только определенной тональности) и дальнейшего анализа.

Перечень задач, для решения которых эффективны информационно-аналитические методы обработки общедоступной информации, сегодня выглядит таким образом:

- розыск неизвестных лиц, использующих возможности сети Интернет для совершения преступлений;
- документирование сетевой активности известных лиц при расследовании преступлений, если это потенциально может предоставить информацию доказательственного или ориентирующего характера;
- визуализация множественных связей субъектов и объектов в больших массивах информации.

На современном этапе развития информационных технологий работа сотрудников спецслужб в виртуальных социальных сообществах выходит на качественно иной уровень, по сравнению с тем, чем она являлась, скажем, десять лет назад. Оперативник в условиях накопления больших данных становится не только и не столько получателем информации, сколько ее аналитиком. Подобная трансформация требует принципиально нового подхода к обучению и повышению квалификации сотрудников оперативных подразделений.

¹ Интерфейс программирования приложений (англ. Application Programming Interface, API).

Макашева М.Н.

DOI 10.51980/2021_1_32

Санкт-Петербургский университет МВД России

О вопросе пропаганды потребления наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет оказывает особое отрицательное воздействие в отношении несовершеннолетних как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровнях, поскольку обладает возможностью и способностью оперативного и моментального распространения информации без географических привязок и ограничений. По сведениям, представленным Генеральной прокуратурой России, несовершеннолетние, в том числе находящиеся под воздействием криминальных субкультур в информационном пространстве, ежегодно совершают либо принимают участие более чем в 40 000 преступлений¹.

Преступность несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенная с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), а также проблема деструктивного влияния сети Интернет на личность несовершеннолетнего путем пропаганды потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в XXI веке является одной из самых актуальных проблем современного общества, что отражено в Стратегии государственной антинаркотической политики до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733².

В сентябре 2020 г. на заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении

несовершеннолетних, Генеральным прокурором РФ отмечено, что в качестве острой проблемы выступает неконтролируемая передача разнообразной негативной информации через сеть Интернет, с помощью которой несовершеннолетним наносится ущерб моральному и физическому здоровью, происходит вовлечение в интернет-зависимость, в преступную деятельность, в деструктивные неформальные движения³.

По результатам проведенного автором анкетирования 250 родителей несовершеннолетних, пользующихся сетью Интернет, проведенного в 2020 г. в г. Оренбурге и Оренбургской области, г. Перми, г. Горно-Алтайске, г. Екатеринбург и Свердловской области, в г. Москве и Московской области, в г. Челябинске, Костромской области, в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, 100% респондентов выразили согласие с комплексом криминогенных свойств интернет-ресурсов, оказывающих деструктивное влияние на несовершеннолетних, а также 92% опрошенных выразили волнение по вопросу пропаганды потребления в сети Интернет наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов.

С 2010 г. в России наблюдалось увеличение масштабов распространения наркомании, в том числе посредством сети Интернет (2010 г. – 26,4 тыс. человек, 2015 г. – 48,9 тыс.). Официальная статистика подтверждает, что тенденция изменяется: в 2018 г. зарегистрированы 423,4 тыс. лиц с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, в том числе 5,4 тыс. несовершеннолетних, из кото-

¹ Особо опасные дети. Генпрокуратура сообщила о росте подростковой преступности в стране // Российская газета. 2020. № 86 (8140). 20 апреля.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 48. Ст. 7710.

³ В Генпрокуратуре озвучили статистику детской преступности. 2020 г. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/09/23/v-genprokurature-ozvuchili-statistiku-detskoy-prestupnosti.html> (дата обращения 10.01.2021).

рых 567 человек больны наркоманией; в 2019 г. – 401,2 тыс. лиц с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, в том числе 5,4 тыс. несовершеннолетних, из них 511 больные наркоманией; в 2020 г. – снижение по сравнению с 2019 г. – 7,5%, из них несовершеннолетних – на 24%)¹.

Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, за последние 10 лет: 2010 г. – 222,6 тыс.; 2011 г. – 215,2 тыс.; 2012 г. – 219,0 тыс.; 2013 г. – 231,5 тыс.; 2014 г. – 254,7 тыс.; 2015 г. – 236,9 тыс.; 2016 г. – 201,2 тыс.; 2017 г. – 208,7 тыс.; 2018 г. – 200,3 тыс.; 2019 г. – 190,2 тыс.; 2020 г. – 189,9 тыс. деяний. Наибольшее количество преступлений совершены в Москве, Санкт-Петербурге и Челябинской области².

Основными источниками сети Интернет, содержащими информацию о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, являются специализированные интернет-сайты (около 33%).

Особое деструктивное воздействие на несовершеннолетних, обусловленное влиянием сети Интернет и проявляющееся в пропаганде потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, связано как со значительным разрушительным влиянием на несовершеннолетнего названных средств и веществ (на физическое, моральное и психическое здоровье несовершеннолетнего; на возникновение смертельно опасных заболеваний; на развитие национального генофонда; на социально-экономическое состояние государства в целом и его духовную составляющую; на увеличение числа преступлений, которые имеют связь с наркоманией и наркобизнесом), так и с недостаточно контролируемым государством доступом к информации в сети Интернет о наркоти-

ческих средствах, психотропных веществах, их аналогах первого (пронаркотического) и второго типа (антинаркотического).

Посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет не только повышается уровень осведомленности несовершеннолетних о возможностях совершения преступлений, а также формируется личность преступника, но и корректируется состояние, структура, динамика преступности несовершеннолетних, происходит качественное изменение условий, средств, способов уголовно наказуемых деяний (форма, приемы и методы).

Таким образом, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет является источником распространения информации, содержащей сведения об изготовлении, потреблении и распространении, а также сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Более того, общественная опасность интернет-контента, содержание которого связано с незаконным оборотом наркотических средств, возрастает, когда потребителями такого рода контента выступают несовершеннолетние.

Данная проблема приобретает большую актуальность, когда мы говорим «об отсутствии должного правового регулирования отношений, возникающих по поводу использования сети Интернет...»³. С целью решения данной проблемы и восстановления пробелов законодательной базы, а также привлечения к ответственности лиц, распространяющий опасный контент в сети Интернет, предлагается ввести правила обязательной регистрации для лица, создающего тот или иной сайт, с полным объемом идентифицирующих данных (ФИО, паспортные данные и т.п.), а также указанием цели создания и назначения сайта, места (фактический адрес) создания сайта.

¹ Статистика наркомании в России 2020-2021 гг. URL: <https://narcorehab.com> (дата обращения: 20.02.2021).

² Статистика наркозависимых. 2019 г. URL: <http://government.ru/departments/114/events/> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Аксенкин А.Л. Отдельные проблемы противодействия пропаганде наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-protivodeystviya-propagande-narkoticheskikh-sredstv-i-psihotropnyh-veschestv-v-seti-internet> (дата обращения: 01.03.2021).

Также одним из направлений деятельности, направленной на предупреждение пропаганды потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, по нашему мнению, является обязательное установление программного обеспечения по фильтрации сайтов по их содержанию, не позволяющее получить доступ к определенным

сайтам или услугам сети Интернет лицам, не достигшим возраста 16 лет. Посредством данного приложения подростки будут ограждены от потенциально опасного контента сети Интернет и смогут использовать возможности информационно-телекоммуникационной сети без вреда для физического и морального здоровья.

Шеслер В.А.

DOI 10.51980/2021_1_34

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Наказуемость потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача

Законодатель по-разному подходит к административно-правовой оценке лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста, которые потребили наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача. Административная ответственность за такие правонарушения предусмотрена ст. 6.9 и чч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ. На разграничение ответственности по этим статьям влияет то, в каком месте лицо незаконно потребило наркотическое средство или психотропное вещество. Так, по ч. 2 и ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ административная ответственность наступает в случае потребления этих средств или веществ без назначения врача на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, а также в других общественных местах. Административная ответственность по ст. 6.9 КоАП РФ наступает за потребление этих средств или веществ без назначения врача в местах, не указанных в диспозиции ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ (например, в квартире, в гараже, на дачном участке и т.д.).

Полагаем, что законодатель, предусматривая административную ответственность за потребление наркотических средств или психотропных веществ в разных статьях КоАП РФ, исходя из места их потребления, стремился к тому, чтобы отразить повышенную вреднос-

ность немедицинского потребления этих предметов в общественных местах в сравнении с местами, таковыми не являющимися. Повышенная вредоносность потребления наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах объясняется тем, что такое потребление может осуществляться в непосредственном присутствии неопределенного круга лиц либо может быть ими замечено, в связи с чем данное правонарушение посягает не только на здоровье населения, а точнее – на общественные отношения, обеспечивающие его безопасность от немедицинского потребления наркопредметов, но и на общественный порядок¹, т.е. является двуобъектным правонарушением.

Несмотря на то, что немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ посягает на несколько объектов, охраняемых нормами КоАП РФ, наказывается такое потребление так же, как и немедицинское потребление этих средств и веществ в местах, общественными не являющихся. И в ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, и в ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ предусмотрены одинаковые санкции в виде административного штрафа в размере от четырех до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

¹ Административная ответственность за правонарушения, связанные с оборотом наркотиков : учебное пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук Н.Н. Цуканова. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. С. 46.

Одинаковые санкции предусмотрены и для иностранных граждан или лиц без гражданства, потребляющих эти средства или вещества в общественных местах и местах, таковыми не являющихся. Совершение правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 6.9 КоАП РФ и ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ, влечет наложение административного штрафа в размере от четырех до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации либо административный арест на срок до пятнадцати суток с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

Таким образом, одинаковые санкции ст. 6.9 и чч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ не позволяют дифференцировать наказание за потребление наркотических средств или психотропных веществ исходя из места их потребления. Вместе с тем потребление наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах обладает большей вредоносностью, чем такое же потребление в других местах, соответственно, должно караться строже, чем потребление таких предметов в иных местах, в связи с чем санкции за совершение правонарушений, предусмотренных ч. 2 и ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ, требуют ужесточения.

Следует обратить внимание на примечание к ст. 6.9 КоАП РФ, в котором предусмотрена возможность освобождения от административной ответственности лиц, потребивших наркотические

средства или психотропные вещества, которые добровольно обратились в медицинскую организацию для лечения, либо лиц, признанных судом больными наркоманией и направленных на реабилитацию. В этом примечании также указано, что оно распространяется только на административные правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ. Исходя из этого, иностранный гражданин или лицо без гражданства, потребившие наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача в месте, не являющемся общественным, могут быть освобождены от административной ответственности, а такие же лица, потребившие наркотики в общественном месте, не могут воспользоваться данной возможностью, что, на наш взгляд, не является правильным.

Таким образом, в целях корректной и последовательной правовой оценки лиц, потребивших без назначения врача наркотические средства или психотропные вещества, необходимо ужесточить санкции ч. 2 и ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ, а действие примечания к ст. 6.9 КоАП РФ распространить на ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ.

Полагаем, что учет законодателем этих предложений поспособствует решению задачи совершенствования антинаркотической деятельности, поставленной Президентом Российской Федерации в Стратегии антинаркотической политики на период до 2030 года, утвержденной Указом от 23 ноября 2020 г. №733.

**О совершенствовании деятельности полиции по применению
административно-правовых средств побуждения лиц, совершивших
административные правонарушения, к лечению от наркомании, медицин-
ской и (или) социальной реабилитации в контексте Стратегии
государственной антинаркотической политики Российской Федерации
на период до 2030 года**

Проблема немедицинского потребления наркотиков продолжает оставаться угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Как отмечается в п. 9 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.¹, угрозами национальной безопасности в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков является недостаточная эффективность организации профилактической деятельности, социальной реабилитации больных наркоманией и социализации больных наркоманией, а также неэффективное применение правового механизма побуждения наркопотребителей к прохождению по решению суда лечения от наркотической зависимости, медицинской и социальной реабилитации.

В соответствии с данными Государственного антинаркотического комитета, в 2019 г. в Российской Федерации были зарегистрированы 401,2 тыс. пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, из них 236,2 тыс. – больные наркоманией, 165 тыс. – пациенты с диагнозом «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков»².

Согласно статистическим сведениям МВД России, за 2020 г. на территории Российской Федерации в области оборота наркотиков сотрудниками органов

внутренних дел были выявлены 165605 административных правонарушений³ (+464 к показателям 2019 г.), из них по ст. 6.8 КоАП РФ – 17750 (-1237), по ст. 6.9 КоАП РФ – 106417 (+2902), по ст. 6.9.1 КоАП РФ – 28597 (+1557), по ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ – 11704 (-1425), по ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ – 79 (-12), по ст. 20.21 КоАП РФ (за появление в общественном месте в состоянии наркотического опьянения) – 1058 (-411)⁴, что свидетельствует об устойчивой тенденции к постепенному росту количества выявленных административных правонарушений в области законодательства об обороте наркотиков в целом, и в первую очередь их немедицинского потребления и неисполнения возложенной судьей обязанности прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации на основании ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ⁵.

Анализ ведомственной статистической отчетности с 2016 г. по 2019 г. показал, что при общем увеличении количества рассмотренных судом дел об административных правонарушениях в области оборота наркотиков с 74340 (в 2016 г.) до 120254 (в 2019 г.), средний процент возложения обязанности, предусмотренной ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, возрос с 41,7% (в 2016 г.) до 46,1% (в 2019 г.)⁶.

¹ Утверждена Указом Президента РФ от 23.11.2020 № 733.

² Доклад Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 году. URL: <https://drugmap.ru/wp-content/uploads/2020/08/Doklad-GAK-2019-KMM.pdf> (дата обращения: 30.01.2021).

³ Далее – административные правонарушения в области оборота наркотиков.

⁴ Центр статистической информации ГИАЦ МВД России : электронный ресурс ведомственной сети МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt577_202009.007.txt (дата обращения: 30.01.2020).

⁵ Далее – возложенная судьей обязанность.

⁶ Центр статистической информации ГИАЦ МВД России URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=regl&id=577&rmb_id=6048 (дата обращения: 30.01.2020).

Приведенные сведения также подтверждают тезис о невысокой эффективности существующего механизма побуждения лиц, допускающих немедицинское потребление наркотиков, к лечению от наркомании и к прохождению иных мероприятий, направленных на освобождение от наркозависимости.

Недостаточная эффективность применения правового механизма побуждения наркопотребителей к прохождению по решению суда лечения от наркотической зависимости, медицинской и социальной реабилитации обусловлены следующими причинами.

Во-первых, в ходе правоприменительной деятельности правоохранительных органов выявилось несовершенство конструкции самой правовой нормы, содержащейся в ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, — действующая редакция позволяет возлагать указанную обязанность только в отношении лиц, признанных больными наркоманией либо потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, т.е. применение предусматривает либо наличие диагноза «наркомания» из медицинской организации, либо подтверждение факта потребления указанных веществ, т.е. прохождение лицом медицинского освидетельствования на состояние опьянения. При этом диспозиции норм, предусматривающих административную ответственность за потребление наркотиков без назначения врача, предусматривают возможность привлечения к ответственности и в случае невыполнения законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотики без назначения врача. При этом, поскольку факт наркотического опьянения не установлен, судья не вправе возлагать на лицо, привлекаемое к административной ответственности, обязанности, предусмотренные ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ. Хотя, как показывает анализ постановлений по делам об

административных правонарушениях, выносившихся судьями Красноярского края (особенно дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ), в ряде случаев судьи возлагали рассматриваемую нами обязанность и при отсутствии актов медицинского освидетельствования, подтверждающих наличие наркотического опьянения, и при отсутствии документов из медицинской организации, подтверждающих факт постановки диагноза «наркомания», ориентируясь на объяснения лица, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении, в котором гражданин подтверждал факт немедицинского потребления наркотиков. Однако нельзя сделать вывод о том, что такая практика судебных органов является однотипной даже для территории Красноярского края. На территории южных районов края, проблема носит актуальный характер, т.к. лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении по ст. 6.9 КоАП РФ, массово отказываются от выполнения законного требования о прохождении медицинского освидетельствования в целях избегания возложения в отношении них обязанности, предусмотренной ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ.

На наш взгляд, в целях более эффективного применения правового механизма побуждения наркопотребителей к прохождению по решению суда лечения от наркотической зависимости, медицинской и социальной реабилитации, необходимо дополнить ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ следующим положением: «В случае невыполнения лицом законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, судья обязан возложить на такое лицо обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и

(или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ».

Во-вторых, проблемой, вытекающей из сущности пункта 13 Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотиков без назначения врача, является проблема снятия с учета указанной категории лиц. Проблема заключается в отсутствии среди оснований снятия с учета истечения какого-либо срока и отсутствия возможности установить местонахождение лица, в отношении которого возложена обязанность¹. Необходимо отметить, что ГУНК МВД России была предпринята попытка разрешения указанной проблемы и в территориальные органы МВД России на региональном уровне был направлен алгоритм по порядку снятия с учета отдельных категорий лиц, на которых судом при назначении административного наказания возложены обязанности в порядке ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ², в котором сотрудникам ОНК территориальных органов МВД России предлагается обращаться в суды с заявлениями с просьбой отмены постановления в части выполнения возложенной на лицо обязанности для снятия его с учета на основании ч. 1 ст. 31.9 КоАП РФ. С данной позицией сложно согласиться, т.к. ч. 1 ст. 31.9 КоАП РФ применяется в

части исполнения постановления о назначении административного наказания, а рассматриваемые нами обязанности являются иными мерами административно-правового воздействия в целях противодействия незаконному обороту и немедицинскому потреблению наркотиков. В связи с этим на существенной части Российской Федерации реализация указанного алгоритма оказалась затруднена. На наш взгляд, необходимо внести соответствующие изменения в Правила контроля, а именно по аналогии с ч. 1 ст. 31.9 КоАП РФ можно дополнить п. 13 Правил контроля следующим положением: «д) истечение двух лет с момента вступления законную силу постановления о возложении на лицо обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ в случае, если оно не было приведено в этой части в исполнение».

Указанные изменения, на наш взгляд, смогут существенно повысить применение правового механизма побуждения наркопотребителей к прохождению по решению суда лечения от наркотической зависимости, медицинской и социальной реабилитации, а также снизить нагрузку на сотрудников подразделений наркоконтроля территориальных органов МВД России в части осуществления контроля за лицами, на которых судом возложена обязанность на основании ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ.

¹ Утверждены постановлением Правительства РФ от 28.05.2014 № 484.

² Письмо ГУНК МВД России от 16.10.2017 № 8/7-15157.

Антонов-Романовский Г.В.,

DOI 10.51980/2021_1_39

кандидат юридических наук, доцент
член Российской Криминологической Ассоциации (г. Москва)

Литвинов А.А.

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Москва)

Преступность иностранцев как индикатор проблем противодействия незаконной миграции

Успешность миграционной политики государства во многом зависит от получения максимально полных сведений о масштабах незаконной миграции. Но данных о ее размерах нет, как и нет сколько-нибудь удовлетворительного учета трудовой миграции. Огромная масса переходящих на нелегальное положение трудовых мигрантов «растворяется» на просторах Российской Федерации. Предлагаемая методика помогает решению проблемы определения масштабов, территориального распределения и динамики незаконной миграции¹.

Опираясь на статистические сведения о преступности неграждан России и результаты опроса осужденных иностранцев, можно составить в относительных величинах уточняющую картину незаконной миграции.

Предлагаемой методикой предусмотрено выявление доли незаконных мигрантов в числе осужденных за совершение преступлений неграждан России и проведение расчета специального криминологического коэффициента криминальных угроз, создаваемых преступностью неграждан России. Он является относительным показателем интенсивности незаконной миграции из-за наличия ее тесной связи с трудовой миграцией.

1. Получить сведения о доле незаконных мигрантов в числе всех неграждан России, совершивших преступления,

можно только путем их опроса в местах лишения свободы. В 2011 г. впервые в России был проведен представительный опрос неграждан России, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях ФСИН России. Его представительность определена тремя обстоятельствами.

Во-первых, опрашивалась категория неграждан России, совершавших наиболее опасные и в то же время наиболее распространенные преступления. Они поименованы индикаторными. Это основная масса совершенных негражданами России общеуголовных преступлений, формирующая общественную опасность преступности мигрантов-иностранцев. В категорию индикаторных преступлений вошли квалифицируемые по ст. 105-107, 111, 131, 158, 159, 161 и 162 УК РФ.

Во-вторых, контингент опрошенных состоял из неграждан России, совершивших указанные преступления в Москве и Московской области². На этот миграционный район приходится около трети всех индикаторных преступлений, совершенных негражданами России.

В-третьих, контингент опрошенных осужденных составили все иностранцы, отбывавшие в тот момент уголовное наказание за совершение индикаторных преступлений в Москве и Московской области. Это 420 иностранцев, находив-

¹ Методика в полном объеме представлена в трех научных трудах: Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А. Преступность мигрантов-иностранцев в России и противодействие ей. Криминологическое исследование : монография. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2012; Преступность мигрантов-иностранцев и ее предупреждение : монография / Г.В. Антонов-Романовский, Г.Ф. Коимшиди, Д.К. Чирков и др. М.: Юрлитинформ, 2013; Миграционная преступность : учебное пособие для вузов / Г.В. Антонов-Романовский, Г.Ф. Коимшиди, Д.К. Чирков и др. М.: Юрайт, 2020. Учебное пособие доступно на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru, моб. прилож. «Юрайт.Библиотека».

² Анкета опубликована в приложениях к указанной монографии 2013 г. и учебному пособию.

шихся в 9 исправительных учреждениях ФСИН России в Республике Мордовия и Московской области. В основном в эти исправительные учреждения направлялись в те годы неграждане России для отбывания наказания за совершение преступлений в Москве и Московской области.

Опрос выявил теснейшую связь преступности иностранцев с незаконной трудовой миграцией из государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Почти все эти преступления (95%) совершены гражданами государств – участников СНГ. Из них 90% были нелегальными трудовыми мигрантами. При этом 78% вообще не работали (из-за потери рабочего места или невозможности его найти), а 12% работали без законного оформления трудовых отношений.

Расчеты состояния незаконной миграции основаны на специальном виктимологическом коэффициенте преступности неграждан России. Он вычисляется по количеству всех совершенных негражданами России преступлений, но без входящих в гл. 32 УК РФ, приходящихся на 100 тыс. человек населения. По Российской Федерации он с 2011 г. по 2018 г. возрос с 20,6 до 22,3, или на 8,3%. Это отражает увеличение в стране незаконной миграции.

Наиболее высокий уровень незаконной миграции, судя по специальному виктимологическому коэффициенту, наблюдается в Центральном федеральном округе (ЦФО). В 2011 г. он равнялся 36,8. Но в 2018 г. снизился на 14,4% до 31,5. В Уральском федеральном округе он в 2011 г. был равен 19,2, а в 2018 – 17,5 (-8,9%)¹. В Северо-Кавказском федеральном округе коэффициент вырос почти в три раза (на 276,1%) – с 4,6 до 17,3, в Дальневосточном федеральном округе – вдвое (на 100,1%) – с 9,2 до 18,5, в Южном федеральном округе – почти в два раза (на 90,7%) – с 12,9 до 24,6, в Сибирском федеральном округе – на 19% (с 11,6 до 13,8), а в Приволжском федеральном округе – на 25,8% (с 9,7 до 12,2). В

Северо-Западном федеральном округе – на треть (35%) – с 18,0 до 24,3.

В 2011 г. было выделено шесть классификационных групп субъектов Российской Федерации по размеру специального виктимологического коэффициента. В 2018 г. по сравнению с 2011 г. произошли следующие подвижки в численности субъектов Российской Федерации, входящих в конкретные классификационные группы: группа с низким коэффициентом (до 6,0) сократилась с 17 до 1 субъекта Российской Федерации (Чеченская Республика), группа с коэффициентом ниже среднего (от 6,0 до 12,0) снизилась с 27 до 21 региона, о средним (от 12,0 до 18,0) – возросла с 22 до 31 региона. Группы с коэффициентом выше среднего (от 18,0 до 24,0) увеличилась незначительно – с 12 до 14 регионов, с высоким коэффициентом (от 24,0 до 30,0) – резко увеличилась с 2 до 8. Также существенно увеличилась группа регионов со сверхвысоким коэффициентом (свыше 30,0) – с 3 до 7.

Были выделены четыре ярко выраженных комплексных миграционных района, отличающихся тем, что в них входят рядом расположенные субъекты Российской Федерации с самыми высокими специальными виктимологическими коэффициентами преступности неграждан России, что свидетельствует о концентрации в таких районах незаконных мигрантов. Это промышленно-инфраструктурные комплексные районы Центральный (Москва и Московская область) и Северо-Западный (Санкт-Петербург и Ленинградская область). В Уральский нефтегазодобывающий комплексно миграционный район входят Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Тюменская область. Западный транзитный комплексный миграционный район (Брянская, Калужская, Псковская и Смоленская области) образовался на путях миграции из-за рубежа (Беларуси, Украины и Молдовы) трудовых мигрантов в Центральный и Северо-Западный миграционные районы.

¹ Здесь и далее приводятся данные о специальных виктимологических коэффициентах за 2011 г. и 2018 г. по таблицам, опубликованным в приложении 1 к указанному учебному пособию. С. 173-222.

Об оседании на территории России незаконных мигрантов вдоль границы с Казахстаном, являющимся перевалочной территорией для трудовых мигрантов из Центральной Азии, свидетельствует сравнение виктимологических коэффициентов приграничных регионов (Курганская, Челябинская, Оренбургская, Самарская и Саратовская области) с прилегающими к ним, но не имеющими границы с Казахстаном, Свердловской, Ульяновской, Пензенской областями, Республиками Башкортостан и Татарстан¹.

Расчеты виктимологических коэффициентов преступности неграждан России продемонстрировали особенности миграции в Россию с трех основных ее направлений: Центрально-Азиатского (Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан), Закавказского (Азербайджан, Армения и Грузия)² и Западного (Беларусь, Молдова, Украина). За период с 2011 г. по 2018 г. численность незаконных мигрантов, судя по количеству совершенных иностранцами индикаторных преступлений, прибывающих с Центрально-Азиатского направления, снизилась на четверть (-26,3%, с 6721 до 4954 преступления), с Закавказского — на шестую часть (-16,1%, с 2666 до 2236), а с Западного, наоборот, возросла на треть (34,4%, с 41124 до 3551). При этом по Молдове наблюдается снижение на четверть

(-26,4%, с 1013 до 746), а по Украине — рост на две трети (64%, с 2165 до 3551).

Важным результатом применения рассматриваемой методики явилось выявление региональных ареалов оседания незаконных мигрантов и полинациональности региональной незаконной миграции. Структурирование преступности иностранцев в субъектах Российской Федерации по признаку гражданства лиц, совершивших индикаторные преступления, позволяет определять ареалы незаконной миграции и активное участие незаконных мигрантов в формировании национальных диаспор.

Изложенное демонстрирует перспективность методики, позволяющей в относительных показателях по данным о преступности неграждан России анализировать незаконную миграцию в разрезе географических регионов исхода мигрантов в Россию и их гражданства.

В завершение рассмотрения означенной методики следует обратить внимание читателя на определенную недооценку перспективности изучения преступности неграждан России как источника информации о незаконной миграции. Обосновывается это ссылкой на статистические данные формы 795 ГИАЦ МВД России о количестве преступлений, совершенных негражданами России, прибывшими в Российскую Федерацию нелегально.

Будникова А.Б.

DOI 10.51980/2021_1_41

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о соотношении понятий «сочетанное потребление наркотиков» и «полинаркомания», закрепленных Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации 23 ноября 2020 г.

Указом Президента РФ утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года (далее — Стратегия). В Стратегии впервые закреплено понятие «сочетанное потребление нарко-

тиков», определяемое как «одновременное потребление нескольких наркотических средств, психотропных веществ или новых потенциально опасных психоактивных веществ». В качестве равнозначного законодателем указывается термин

¹ Сравнительная таблица имеется в указанном учебном пособии. С. 64.

² В данных за 2018 г. при расчете динамики не были учтены сведения по Южной Осетии и Абхазии, поскольку в отчетной документации они в 2011 г. не выделялись.

«полинаркомания». В связи с этим представляется актуальной постановка вопроса о соотношении указанных понятий, поскольку неточность в их употреблении может привести к неверному пониманию сути правовых норм, искажению первоначального замысла законодателя, что в последующем негативно скажется и на правоприменительной деятельности.

В настоящее время легальное закрепление дефиниции «полинаркомания» отсутствует. Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» дается определение наркомании как заболевания, обусловленного зависимостью от наркотических средств и психотропных веществ. Лингвистический анализ слова «полинаркомания» позволяет сделать вывод о том, что оно является производным от термина «наркомания» с использованием приставки «поли-», означающей «большое количество, множество».

При этом термин «полинаркомания» является не новым и используется достаточно широко. В российской наркологии и психиатрии полинаркоманию принято определять как синдром зависимости от нескольких наркотических средств или психотропных веществ, при этом вещества могут употребляться как одновременно, так и поочередно¹. Как отмечает П.Ф. Литвицкий, опасность полинаркомании состоит в том, что усугубляется степень физической зависимости, возрастает тяжесть расстройств жизнедеятельности организма и снижается эффективность терапевтических мероприятий, применяемых для лечения зависимости².

Диагноз «наркомания» может быть поставлен только в том случае, когда установлена сформировавшаяся зависимость лица от наркотического средства или психотропного вещества, включенного в Перечень наркотических средств,

психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681. Вместе с тем в данный Перечень в качестве самостоятельных включены средства, имеющие общее действующее начало. Так, марихуана, гашиш, гашишное масло и тетрагидроканнабинол относятся к группе каннабиоидов; опиум, морфин, кодеин, ацетилированный опиум – к группе опиатов и т.д. В связи с этим можно обоснованно утверждать, что, если лицо одновременно потребляет несколько наркотических средств или психотропных веществ, имеющих одинаковое действующее вещество (например, употребляет одновременно марихуану и гашишное масло), у лица формируется зависимость только от этого вещества (мононаркомания).

Следовательно, определение понятия «полинаркомания» может быть сформулировано как «заболевание, обусловленное зависимостью от двух и более наркотических средств или психотропных веществ, имеющих разные действующие вещества».

Содержание понятия «потребление наркотических средств и психотропных веществ» уже исследовалось нами ранее³. Термин «сочетанное», используемый в Стратегии, означает «обладающий способностью сочетаться с чем-либо, совмещенный, соединенный»⁴. Учитывая изложенное, полагаем возможным предложить следующую дефиницию: «сочетанное потребление наркотиков – это осуществляемое лицом самостоятельно или по его просьбе другими лицами добровольное введение в организм нескольких наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, имеющих разные действующие вещества».

¹ См., напр.: Буркин М.М., Горанская С.В. Основы наркологии : учебное пособие. Петрозаводск, 2002. С. 8; Тиганов А.С. Экзогенные психические расстройства. URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/54/book/32/chapter/63> (дата обращения: 26.01.2021).

² Литвицкий П.Ф. Наркомании, токсикомании, отравления // Вопросы современной педиатрии. 2014. Т. 13. № 3. С. 53.

³ Будникова А.Б. К вопросу о понятии «потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 81-86.

⁴ Толковый словарь Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/сочетанный> (дата обращения: 26.01.2021)

Таким образом, понятия «сочетанное потребление наркотиков» и «полинаркомания» имеют разное значение и содер-

жание, поэтому в качестве равнозначных терминов использоваться не могут.

Уланов Н.Д.

DOI 10.51980/2021_1_43

Воронежский институт МВД России

Козленок Е.В.

Отдел полиции № 2 Управления МВД России по г. Воронежу

Административно-правовое регулирование и сущность деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа на территории Российской Федерации

В условиях современного развития общества, процветания культуры и науки, пристального внимания к проблемам и вопросам развития подростков, все еще сохраняется тревожная обстановка, связанная с противоправным поведением несовершеннолетних.

В несовершеннолетнем возрасте происходящие процессы становления личности имеют важное значение, негативные и отрицательные факторы могут повлиять на дальнейшую судьбу подростка, а также формирование ценностей и ориентаций, противоположных приемлемым в нормальном обществе.

Анализ статистических данных показал, что общее количество выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в 2020 г. составило 33575 человек, что на 11,5% меньше, чем в 2019 г.

Изучением аналитических справок территориальных органов МВД России установлено, что подростки, совершившие преступления, ранее уже попадали в поле зрения сотрудников полиции, ввиду совершения административных правонарушений.

В общем за 2020 г. несовершеннолетними совершены 37771 преступление, что на 9,1% меньше, чем в 2019 г. Отметим, что каждое 54-е преступление совершается лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста. Неодинаково

складывается ситуация противоправного поведения несовершеннолетних в различных субъектах страны. К регионам с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных) совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, следует отнести республики Тыва, Карелия, Бурятия, Новгородскую, Новосибирскую, области, а также Забайкальский край¹.

Стоит отметить, что при общем снижении подростковой преступности низко сокращается количество совершаемых ими тяжких и особо тяжких преступных деяний. Так, в 2020 г. подростками совершены 9797 таких преступлений, это всего на 3,1% меньше, чем в 2019 г. Большая часть из этих преступлений совершены подростками в группе.

Характеристика противоправного поведения несовершеннолетних свидетельствует о необходимости поиска действенных способов пресечения, а в идеале – недопущения совершения подростками преступлений, общественно опасных деяний, правонарушений.

В настоящее время одними из наиболее перспективных видов реабилитационных учреждений для несовершеннолетних с проблемами в поведении, обучении, развитии, социальной адаптации, являются специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (далее – СУВУЗТ).

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 11.03.2021).

Педагогический коллектив таких учреждений ставит перед собой следующие задачи:

- приведение личности с противоправной направленностью к законопослушному образу жизни;
- создание определенных условий, при которых возможна коррекция поведения подростка (речь идет о психологических, педагогических и медицинских аспектах);
- особое внимание к уже имеющимся знаниям подростка и проведение занятий различного вида по их улучшению (увеличению, приобретению);
- развитие и приобретение трудовых навыков;
- спортивно-оздоровительное, патристическое, морально-нравственное воспитание;
- предоставление социально-правовой помощи.

Вся деятельность сотрудников СУВУЗТ направлена на профилактику девиантного поведения подростка и его коррекцию¹. С этой целью проводится целенаправленная работа, включающая в себя: изучение личности каждого несовершеннолетнего, установление причин, являющихся источником противоправного поведения подростка, составление диагностической карты по результатам изучения вышеперечисленного с установлением характера педагогической запущенности воспитанника.

Деятельность СУВУЗТ имеет особенности, которые заключаются в следующем:

- определенный распорядок дня. В последующем несовершеннолетний привыкает к этому фактору и может более правильно (грамотно, разумно) планировать свое время, что сказывается на жизненных достижениях в целом;
- несовершеннолетние принимают участие в различных мероприятиях, проводимых в СУВУЗТ. Например, в подготовке и проведении праздников, благоустройстве территории. Это способствует творческому развитию, желанию трудиться, достигать поставленных це-

лей, получать удовлетворение от результатов своего труда. Кроме того, формируется чувство коллективизма;

- на постоянной основе осуществляется психологическое и педагогическое сопровождение несовершеннолетнего. Подросток всегда может рассчитывать на получение совета, понимание, поддержку;

- невозможность покинуть территорию СУВУЗТ, наличие специализированной охраны;

- контроль за поведением несовершеннолетних, их межличностными взаимоотношениями;

- определенное планирование работы с несовершеннолетними, как индивидуальной, так и групповой.

Вся работа, проводимая с несовершеннолетними, находящимися в СУВУЗТ, может быть разделена на несколько этапов.

Так, на первом этапе пребывания в указанном учреждении подросток знакомится с правилами и порядком, установленными локальными нормативными актами. Конечно, эти правила, с одной стороны, кардинально отличаются от прежних условий жизни несовершеннолетнего, но, с другой стороны, установлены для нормального существования всех членов общества учреждения.

На втором этапе у подростка формируется самостоятельность и независимость восприятия окружающей действительности, личное мнение, мышление, отношение.

На третьем этапе формируется способность принимать решения и нести за них ответственность.

Завершением целенаправленной работы с воспитанником является четвертый этап, сущность которого заключается в сформировавшейся способности несовершеннолетнего здравомыслить и грамотно использовать способы самозащиты от воздействия негативных факторов, поступающих извне, ведь по возвращении из СУВУЗТ домой несовершеннолетнего может ожидать не совсем благополучное окружение (семья, в которой

¹ Абакумов О.Б. Криминальная среда. Понятие, генезис, оперативно-разыскное воздействие : монография / под ред. Б.П. Михайлова, Е.Н. Хазова. М.: Юнити Дана, 2015. 600 с.

есть употребляющие наркотические средства или злоупотребляющие спиртными напитками лица; прежние и новые друзья с противоправным образом жизни), отрицательно настроенные соседи, окружающие, возможные сложности с трудоустройством. Всему этому подросток должен лично противостоять, суметь выбрать правильный и законопослушный способ существования.

Особая роль в учреждениях закрытого типа отведена психологам и медицинским работникам. Указанные специалисты самостоятельно, а также во взаимодействии с педагогами осуществляют наблюдение за тем, как происходит изменение личности воспитанника, могут своевременно вмешаться в данный процесс с целью коррекции. Проводимые беседы носят как групповой характер, так и индивидуальный. Выбор форм работы зависит от общего развития подростка, характера совершенного им проступка, возраста, усвоенных и придерживаемых норм поведения.

Предлагаемые воспитанникам виды деятельности направлены как на развитие интеллекта, становление характера, усвоение моральных ценностей, так и на приобретение определенных навыков. Педа-

гоги, психологи и медицинские работники входят в состав соответствующей комиссии. Рекомендации таких специалистов очень важны для проведения работы с несовершеннолетним после выпуска. Зачастую информация содержит в себе сведения о необходимости проведения с несовершеннолетним в дальнейшем индивидуальной профилактической работы и оказания ему содействия в трудовом и бытовом устройстве¹.

Таким образом, изучение мер воздействия на несовершеннолетних, допускающих совершение различных видов правонарушений (общественно опасные деяния, преступления) показало, что важнейшими требованиями для обеспечения эффективного предупреждения подростковой преступности являются профилактические мероприятия упреждающего характера, установление причин и условий, способствующих антиобщественному мышлению и поведению несовершеннолетних, качественная подготовка специалистов, осуществляющих мероприятия с несовершеннолетними и семьями. В полной мере реализацию данного комплекса, как раз и осуществляют СУВУЗТ.

Балмочных С.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_45

кандидат юридических наук
Воронежский институт МВД России

**Взаимодействие и сотрудничество органов внутренних дел
Российской Федерации и институтов гражданского общества
по противодействию правонарушениям лиц, не достигших совершеннолетия**

На отдельных аспектах взаимодействия граждан и полиции периодически в своих выступлениях заостряет внимание министр внутренних дел генерал полиции Российской Федерации В.А. Колокольцев, по словам которого, высоких показателей в работе сотрудники полиции смогут достигнуть лишь при активном содействии и помощи граждан. Одной из правовых основ такого взаимо-

действия служит Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», согласно которому совершеннолетние граждане, например, могут привлекаться к совместному с сотрудниками полиции патрулированию улиц.

Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия в целях профилактики правонарушений несовершенно-

¹ Беженцев А.А. Деятельность органов образования по предупреждению административных правонарушений несовершеннолетних: законодательство и практика // Вопросы правоведения. 2011. № 1. С. 297-310.

летних. Так, по официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, только в 2019 г. до 145 тысяч выросло количество несовершеннолетних, которые были поставлены на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних. При этом более 70 тысяч из них совершили административные деликты до 16 лет¹. Проведенное нами изучение статистических данных позволяет сделать вывод, что наблюдается тенденция не только к снижению возраста несовершеннолетних правонарушителей, но и к изменению составов таких правонарушений, они становятся более «опасными». Таким образом, проблемы профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних остаются актуальными по сей день.

В силу специфики привлечения несовершеннолетних к административной ответственности и применяемых к ним мер, которые носят чаще воспитательный и профилактический характер, они являются особым субъектом производства по делам об административных правонарушениях. Следует учитывать, что целью административной ответственности несовершеннолетних должно являться убеждение, а не принуждение. Такой подход предполагает создание на уровне государства системы воспитательное-профилактических мер во взаимосвязи с различными общественными организациями. Правой основой такого взаимодействия является Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который на законодательном уровне определил систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, направленную на объединение усилий государственных органов и общественных организаций для преодоления проблем, возникающих в сфере противодействия преступности и правонарушениям несовершеннолетних. Основными элементами данной системы являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданные в рамках

функционирования органов местного самоуправления, органы и учреждения образования, здравоохранения, социальной защиты населения, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы и др. Причем деятельность каждого из перечисленных в указанном федеральном законе органа и учреждения должна осуществляться в рамках их компетенции. Вместе с тем данные органы и учреждения объединены общей целью – осуществление профилактики безнадзорности несовершеннолетних и недопущение совершения ими противоправных деяний. Считаем, что достижение данной цели возможно лишь при организации слаженного взаимодействия и сотрудничества при использовании общих методов профилактики правонарушений (убеждения и принуждения). Кроме того, в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства, учитывая результаты, достигнутые в ходе реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы, 29 мая 2017 г. был издан Указ Президента РФ, согласно которому 2018-2027 годы в России объявлены Десятилетием детства. В рамках данного Указа разработан план основных мероприятий, проводимых в Десятилетие детства. Актуальность, цели и задачи мероприятий определяются исходя из наличия не решенных в рамках предыдущих федеральных целевых программ проблем детства, необходимости обеспечения реализации Конвенции ООН по правам ребенка, других международных правовых актов. Реализация данного плана призвана обеспечить комплексный подход к созданию благоприятных условий для улучшения жизнедеятельности и здоровья детей, к решению проблем неблагополучия семей с детьми.

Считаем, что в целях профилактики административных правонарушений несовершеннолетних органами и учреждениями по противодействию правонарушениям несовершеннолетних в рамках

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 03.02.2021).

реализации Указа Президента РФ необходимо проводить мероприятия, направленные на усиление воспитательной функции семьи, организацию слаженного взаимодействия органов и учреждений противодействия правонарушениям несовершеннолетних в целях осуществления профилактической работы, осуществление контроля за деятельностью средств массовой информации, установление цензуры в сети Интернет. Полагая, что мероприятия в последней сфере наиболее необходимы. В настоящее время в России происходит бурное развитие телекоммуникационных технологий, Интернет становится все более доступным для населения страны, транслируемые передачи, фильмы, видеоролики популярных блогеров становятся источником информации, в которых порой пропагандируются кибербуллинг, распущенность, безнравственность, поэтому нельзя недооценивать их пагубное влияние на еще не сформировавшуюся психику несовершеннолетних. Следует отметить, что в последнее время со стороны законодателя прослеживается тенденция к ужесточению цензуры в сети

Интернет, так с 1 февраля 2021 г. соцсети должны удалять посты с использованием ненормативной лексики, а также материалы, пропагандирующие суицид, детскую порнографию, экстремизм терроризм, призывы к несанкционированным митингам и массовым беспорядкам. За игнорирование новых правил администрация соцсети будет привлечена к административному наказанию в виде штрафа от 800 000 до 4 000 000 рублей. За повторное правонарушение штраф будет увеличен¹.

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу, что совместная воспитательно-профилактическая деятельность полиции, иных государственных органов и учреждений по противодействию правонарушениям несовершеннолетних, институтов гражданского общества должна быть направлена на создание социально-психологических и педагогических условий предупреждения и коррекции подростковой девиации и, как следствие, профилактику административных правонарушений среди несовершеннолетних.

Иванов А.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_47

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу об административной ответственности за разовое, а также неоднократное или несистематическое предоставление помещений для потребления наркотиков

Наличие наркотиков, а именно их доступность в приобретении, возможность изготовления и потребления является одним из основных обстоятельств, способствующих наркотизации населения². Проводимая в Российской Федерации государственная антинаркотическая политика диктует необходимость поиска новых законодательных путей решения этой проблемы.

В основополагающем документе ООН «Декларация о руководящих принципах сокращения спроса на наркотики», принятом резолюцией S-20/3 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 июня 1998 г., отмечается, что программы сокращения спроса должны охватывать все сферы профилактической деятельности — от предотвращения начального потребления наркотиков до уменьшения негатив-

¹ Российская газета. Федеральный выпуск. 2021. № 19 (8370). URL: <https://rg.ru/2021/02/01/chto-zhdet-rossii-v-fevrale.html> (дата обращения: 03.02.2021).

² Гаджиев В.Э.-оглы. Особенности профилактической работы по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Российский следователь. 2018. № 2. С. 53-56.

ных последствий для здоровья и социальных последствий злоупотребления наркотиками.

В 2020 г. в Российской Федерации была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики до 2030 года, которой устанавливается, что антинаркотическая деятельность направлена на раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, на постепенное уменьшение числа больных наркоманией, сокращение количества преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров¹.

Уголовным законодательством и законодательством об административных правонарушениях Российской Федерации предусмотрен комплекс мер по противодействию незаконному производству (культивированию), обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и прекурсоров, растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, как для личного потребления, так и в целях сбыта, пропаганде наркотических средств и психотропных веществ, употреблению их в общественных местах.

В частности, ст. 232 УК РФ установлена уголовная ответственность за систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Согласно примечанию к статье под систематическим предоставлением помещений понимается предоставление помещений

более двух раз. Таким образом, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 232 УК РФ необходимо доказать, что помещение предоставлялось для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов более двух раз, что на практике является затруднительным.

По данным ГУНК МВД России, по-прежнему организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотиков является одним из основных факторов, способствующих распространению наркомании в стране. В большинстве субъектов Российской Федерации, в том числе в связи с введением предметно-количественного учета кодеиносодержащих препаратов, отмечается отсутствие фактов кустарного производства наркотиков для их последующего потребления (дезоморфин, первитин). Основную долю изъятий составляют синтетические наркотические средства и наркотики каннабисной группы, представляющие собой готовые к потреблению формы, не требующие создания каких-либо особых условий или наличия приспособлений для их употребления. В связи с этим квалификация преступных деяний, предусмотренных ст. 232 УК РФ, характеризуется как систематическое предоставление помещений для потребления наркотиков².

Вопросы привлечения к уголовной ответственности по ст. 232 УК РФ широко и подробно обсуждаются в научной литературе, являются предметом научных исследований³. Однако в указанных работах, а также в иной литературе не рассматривается вопрос о возможности

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733.

² Информационно-справочные материалы ГУНК МВД России по вопросу совершенствования деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия притоннодержательству : служебное письмо ГУНК МВД России от 14.12.2020 № 3927.

³ Земцова С.И., Суров О.А. О некоторых элементах предмета доказывания при расследовании преступлений, связанных с организацией либо содержанием притонов или систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Современное право. 2014. № 10. С. 115-120; Токманцев Д. Ответственность за систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств (ст. 232 УК РФ) // Уголовное право. 2014. № 2. С. 78-81; Мальков С.М. Уголовно-правовое понятие притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Современное право. 2016. № 9. С. 106-109; Уголовная ответственность за организацию и содержание наркопритонов : отчет о НИР (заключ.) / рук. С.М. Мальков. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2016 // Электронный ресурс ведомственной сети МВД России. URL: http://10.5.0.15/onti/niokr/2018/su/su_0078.pdf (дата обращения: 12.01.2021) и др.

установления административной ответственности за разовое, а также неоднократное или несистематическое предоставление помещений для потребления наркотиков. А.А. Сергеева отмечает, что введение административной ответственности за однократное предоставление помещения для потребления наркотиков могло бы стать действенной профилактической мерой в борьбе со злоупотреблением наркотическими средствами и психотропными веществами¹.

Целесообразность внесения изменений в КоАП РФ с целью установления ответственности за указанное выше деяние отмечается в информационно-справочных материалах ГУНК МВД России².

В пользу указанной инициативы приводятся следующие аргументы:

1) повышение осведомленности держателей притонов о нормах действующего законодательства приводит к тому, что последние, стремясь избежать уголовной ответственности после выявления и установления двух фактов потребления наркотиков, прекращают свои противоправные действия или продолжают их совершать по новому адресу;

2) предварительная проверка информации о функционировании наркопритона предполагает обширный круг проверочных мероприятий, а непосредственное документирование противоправной деятельности включает в себя длительный, сложный, динамичный процесс, требующий скоординированных действий ряда подразделений органов внутренних дел;

3) в 1 полугодии 2020 г. сотрудниками подразделений наркоконтроля территориальных органов МВД России проведены 387 оперативно-розыскных мероприятий (заходов) по проверке 348 наркопритонов, по которым впоследствии уголовные дела не возбуждались. В ходе данных мероприятий выявлены и

задокументированы 984 административных правонарушения по ст. 6.9 КоАП РФ, что в большинстве случаев повлекло возбуждение уголовных дел по тяжкой статье в отношении неустановленных сбытчиков наркотиков. Однако отмечается, что 285 лиц, предоставлявших помещения для потребления наркотиков, не были привлечены к ответственности. При этом 36 из них продолжили противоправную деятельность по предоставлению помещений для потребления наркотиков по новому адресу.

По нашему мнению, введение административной ответственности за единократное, неоднократное или несистематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также уголовной ответственности за подобное правонарушение в отношении лица, подвергнутого административному наказанию на территории Российской Федерации за аналогичное деяние в течение одного года, не может решить всех проблем которые возникают в деятельности подразделений наркоконтроля территориальных органов МВД России.

К числу проблем, связанных с реализацией мер административной ответственности за единократное предоставление помещения для потребления наркотических средств, можно отнести следующие:

— указанное предложение не исключает возможности уклонения от ответственности путем отказа от медицинского освидетельствования наркопотребителей, посещающих наркопритоны. Факт предоставления помещения не может быть учтен судом в связи с отсутствием сведений о виде потребленного наркотика;

¹ Сергеева А.А. Пробелы правового регулирования борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2006. № 10. С. 42-44.

² Методические рекомендации по документированию преступлений, связанных с организацией либо содержанием притонов или систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 232 Уголовного кодекса Российской Федерации) / ГУНК МВД России. М., 2017 // Электронный ресурс ведомственной сети МВД России URL: <http://10.5.0.15/onti/niokr/2017/vp/vp170720.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

– совершение административного правонарушения не дает основания для проникновения в жилое помещение с целью установления личности лица, предоставляющего помещения для потребления наркотиков, для решения вопроса о доставлении в отдел полиции с целью задержания и др.

Следует отметить, что уголовная ответственность за предоставление помещения для потребления наркотических средств была предусмотрена советским уголовным законодательством. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. в УК РСФСР 1960 г. была введена ст. 226.1, устанавливающая ответственность как за организацию или содержание притонов для потребления наркотических средств, так и за предоставление помещений для тех же целей. Отличие от действующего уголовного законодательства заключалось лишь в том, что предоставление помещения для потребления наркотических средств признавалось (по УК РСФСР) преступлением даже в том случае, если оно носило разовый (единичный) характер. Систематическое предоставление помещения для тех же целей считалось

уже содержанием притона¹. Кроме того, введение уголовной ответственности за разовое (единичное) предоставление помещения для потребления наркотических средств позволяет сотрудникам подразделений наркоконтроля территориальных органов МВД России применять более эффективные меры пресечения. В настоящее время в ст. 7.21, 7.22 КоАП РФ предусматривается ответственность за нарушение правил пользования жилыми помещениями.

С учетом изложенного вопрос о введении административной или уголовной ответственности за разовое (единичное) предоставление помещения для потребления наркотических средств нуждается в дальнейшей проработке. Для решения указанного вопроса необходимо исследовать практику применения мер уголовной ответственности за однократное предоставление помещения для потребления наркотических средств в других странах, например в Республике Беларусь (ч. 1 ст. 332 УК Республики Беларусь), а также законодательные инициативы в Российской Федерации о внесении изменений в КоАП РФ и УК РФ.

Овсянников П.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_50

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу об административно-правовых мерах по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции

Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) поставила под угрозу жизнь и здоровье населения планеты. Нормальная жизнедеятельность общества была парализована. Российская Федерация не стала исключением. В период интенсивного распространения заболевания все сферы общественной жизни оказались не готовыми к новым реалиям. Возникла объективная потребность в ускоренном принятии новых правовых норм, направленных на урегулирование общест-

венных отношений, складывавшихся в период распространения COVID-19.

Был принят Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» и подписано постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при вве-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М., 1984. С. 473.

дении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации».

Главами субъектов Российской Федерации были введены режимы повышенной готовности с целью минимизировать контакты между людьми и снизить темпы распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Опыт г. Москвы¹ был признан положительным и ставился в пример другим субъектам Российской Федерации.

Вместе с тем обращают на себя внимание ряд ключевых моментов, связанных с административной ответственностью за несоблюдение ограничений, предусмотренных нормативно-правовыми актами г. Москвы.

На территории г. Москвы режим повышенной готовности был введен указом мэра Москвы № 12-УМ от 5 марта 2020 г.

Кодекс города Москвы об административных правонарушениях² был дополнен ст. 3.18.1, которая предусматривает административную ответственность за невыполнение требований нормативных правовых актов г. Москвы, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности³. Часть 2 статьи предусматривает ответственность для граждан. Диспозиция анализируемой правовой нормы содержит упоминание о «режиме самоизоляции». Вместе с тем ни законы, ни подзаконные нормативно-правовые акты не раскрывают содержание данного режима. Остается открытым вопрос о том, какой правовой статус имеет «режим самоизоляции» и какие ограничения он влечет?

Часть 1.1 ст. 16.6 КоАП г. Москвы устанавливает, что дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы, в случае фиксации этих административных правонарушений посредством технологий электронного мониторинга местоположения гражданина в определенной геолокации с использованием системы городского

видеонаблюдения, технических устройств и программного обеспечения, рассматриваются в порядке, установленном ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ. Это означает, что протокол по делу об административном правонарушении не составляется, а сразу выносится постановление.

Часть 3 ст. 28.6 КоАП РФ регламентирует так называемый «упрощенный» порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ и в области благоустройства территории, предусмотренных законом субъекта Российской Федерации. Это означает что в первом случае объектом правонарушений выступают общественные отношения, складывающиеся в области дорожного движения, во втором – благоустройства территории.

Объектом административных правонарушений, предусмотренных ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы, являются общественный порядок и общественная безопасность. Очевидно, что объект у данных административных правонарушений разный.

Кроме того, в ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ речь идет о фиксации административного правонарушения с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи. Часть 1.1 ст. 16.6 КоАП г. Москвы предусматривает «технологии электронного мониторинга местоположения гражданина в определенной геолокации с использованием системы городского видеонаблюдения, технических устройств и программного обеспечения».

В нормативно-правовых актах ни федерального уровня, ни уровня субъекта Российской Федерации не раскрывается, что означает названная технология. Безусловно информация, получаемая с применением данной технологии, может

¹ Песков назвал важным опыт Москвы по борьбе с коронавирусом для других регионов // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8229489> (дата обращения: 14.02.2021).

² Далее – КоАП г. Москвы.

³ О внесении изменений в статьи 2 и 8 Закона города Москвы от 10 декабря 2003 года № 77 «Об общественных пунктах охраны порядка в городе Москве» и Закон города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях»: закон г. Москвы от 01.04.2020 № 6.

быть использована в качестве доказательств при раскрытии и расследовании преступлений, а также при производстве по делам об административных правонарушениях. Однако в последнем случае может применяться только общий порядок производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренный КоАП РФ.

Таким образом, положения ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы, применяться не могут.

Кроме того, КоАП г. Москвы содержит квалифицированный состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 3.18.1, – совершение административного правонарушения с использованием транспортного средства (ч. 4). Данная норма охватывает деяния, совершенные с использованием как личного транспортного средства, так и общественного (метро, электричка, автобус и т.д.).

В качестве обеспечительной меры ч. 4 ст. 16.6 КоАП г. Москвы в целях пресечения административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы, предусматривает задержание транспортного средства в порядке, определенном ст. 27.13 КоАП РФ, несмотря на то, что ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ определен исчерпывающий перечень административных правонарушений, за совершение которых может применяться задержание транспортного средства.

Согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится процессуальное законодательство. Однако п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относит административно-процессуальное законодательство.

Несмотря на это, п. 4 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ предусматривает, что порядок производства по делам об административных правонарушениях, в том числе установление мер обеспечения производства по делам об административных

правонарушениях, относится к ведению Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях.

КоАП РФ к ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях в данном контексте относит лишь организацию производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации (п. 2 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ).

Весьма спорным является вопрос о том, не противоречат ли процессуальные нормы КоАП г. Москвы Конституции РФ и КоАП РФ. По сути, КоАП г. Москвы содержит процессуальные нормы, которые дополняют раздел IV КоАП РФ, регламентирующий производство по делам об административных правонарушениях. В том числе КоАП г. Москвы дополнительно регулирует вопросы, связанные с применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и возбуждением дел об административных правонарушениях.

Представляется, что ч.ч. 1.1 и 4 ст. 16.6 КоАП г. Москвы вообще не должны были появиться в законе г. Москвы в том виде, в котором они существуют.

Верховный Суд РФ в обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержденном 21 апреля 2021 г., приводя примеры нормативно-правовых актов г. Москвы, вопросы, связанные с применением ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы, обошел стороной.

Анализируемая нормотворческая и правоприменительная деятельность, как следствие, породили массу жалоб на процессуальные решения, принятые соответствующими должностными лицами. Так, на официальном портале судов общей юрисдикции г. Москвы¹ содержатся

¹ Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 14.02.2020).

сведения об обжаловании более 68 тыс. постановлений по делам об администра-

тивных правонарушений, предусмотренных ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы.

Чумарова Е.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_53

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**Проблемы привлечения к административной ответственности
за правонарушение, предусмотренное статьей 20.21 Кодекса
Российской Федерации об административных правонарушениях**

Появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, является одним из наиболее распространенных административных правонарушений, посягающих на общественный порядок. Однако, несмотря на то что общественная вредность такого деяния сомнений не вызывает, в правоприменительной деятельности нередко возникают сложности, связанные с привлечением к административной ответственности лиц, его совершивших. Основная проблема заключается в особенностях доказывания наличия события административного правонарушения и виновности лица в его совершении при рассмотрении дела судьей. В частности, в соответствии с позицией судебной коллегии по административным делам Красноярского краевого суда¹ обязательным условием для привлечения к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ, является установление факта нахождения лица в состоянии опьянения, которое должно осуществляться путем проведения медицинского освидетельствования лица на состояние опьянения с составлением соответствующего акта. Иные доказательства (например, показания свидетелей) не могут рассматриваться как достаточные. Если лицо, направляемое в

порядке ст. 27.12.1 КоАП РФ на медицинское освидетельствование для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств в целях выяснения вопроса о наличии (отсутствии) в его действиях состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ, отказывается от прохождения такого освидетельствования, возможно его привлечение к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Полагаем, что такая позиция является спорной. Во-первых, в компетенцию сотрудников полиции входит лишь установление наличия критериев², при которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование³, составление протокола о применении к этому лицу рассматриваемой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в соответствии с ч.ч. 3-5 ст. 27.12.1 КоАП РФ и при необходимости доставление гражданина на медицинское освидетельствование в соответствующую медицинскую организацию (п. 14 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»). Во-вторых, в соответствии с ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны

¹ Письмо Красноярского краевого суда от 12.03.2020 № 1 жа-6/2020-3-7092 // Архив Красноярского краевого суда. 2020.

² Порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) : приказ Минздрава РФ от 18.12.2015 № 933н // СПС КонсультантПлюс.

³ Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения : постановление Правительства Российской Федерации от 23.01.2015 № 37 // СПС КонсультантПлюс.

здоровья граждан в Российской Федерации» гражданин имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения. Исключения из этого правила есть, но они не касаются рассматриваемой нами ситуации.

Таким образом, право сотрудника полиции направить гражданина на медицинское освидетельствование для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств, если результат освидетельствования необходим для подтверждения либо опровержения факта совершения административного правонарушения, не предполагает для этого гражданина предусмотренной законом обязанности такое освидетельствование пройти.

Неповиновение законному распоряжению или требованию образует состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, лишь в тех случаях, когда оно проявляется в преднамеренном отказе от обязательного исполнения неоднократно повторенных распоряжений уполномоченных лиц либо в неповиновении, выраженном в дерзкой форме, свидетельствующей о проявлении явного неуважения к органам и лицам, охраняющим общественный порядок. То есть отказ гражданина прекратить противоправные действия, предъявить документы, удостоверяющие личность, проследовать для составления протокола об административном правонарушении может быть квалифицирован по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, а отказ от прохождения медицинского освидетельствования – нет.

Полагаем, что следует критически отнестись и к предложениям о дополнении главы 19 КоАП РФ отдельной нормой, устанавливающей административную ответственность за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения¹ и исключения при этом аналогичных положений из

ст. 6.9 КоАП РФ и ст. 12.26 КоАП РФ². На наш взгляд, отказ от медицинского освидетельствования в случае совершения правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ, характеризуется меньшей степенью общественной вредности в отличие от аналогичных отказов при совершении противоправных деяний, обозначенных в ст. 6.9 КоАП РФ, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, предполагающих ответственность за нарушение абсолютного запрета на потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, а также в случае, предусмотренном ст. 12.26 КоАП РФ и связанном с предполагаемым нарушением абсолютного запрета управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного). Учитывая, что в российском законодательстве не содержится всеобъемлющего запрета на появление в общественных местах в нетрезвом состоянии, считаем, что установление ответственности за отказ от прохождения медицинского освидетельствования нецелесообразно. Более того, противоправность деяния, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ, заключается не только и не столько в появлении в общественном месте в состоянии опьянения, а в том, что это состояние оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность. Считаем, что, доказывая наличие события такого административного правонарушения и виновность лица в его совершении, основное внимание следует сосредоточить на характеристике его поведения, которое противоречит нормам морали и нравственности, а не на том, чем вызвано опьянение.

Учитывая, что в соответствии со ст. 26.11 КоАП РФ никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу, полагаем, что в случае отказа лица от медицинского освидетельство-

¹ См., напр.: Костин С.Г. К вопросу о проблемах применения мер административного принуждения в виде направления правонарушителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения; Кирюхин В.В., Сокол А.М. Проблемы применения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при производстве по делам об административных правонарушениях и пути их законодательного регулирования // СПС КонсультантПлюс.

² Фисенко Д.Ю. О законности привлечения граждан к административной ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2020. № 6-2. С. 87-91.

вания наличие события рассматриваемого административного правонарушения и виновность в его совершении могут быть доказаны другими фактическими данными, которые устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными КоАП РФ, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, иными документами, а также показаниями специальных технических средств и вещественными доказательствами (ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ). Так, в качестве доказательств вполне могут выступить данные с видеорегистратора и алкогольная продукция, изъятая у лица, привлекаемого к ответственности.

Рассматривая дело об административном правонарушении, субъект административной юрисдикции оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Между тем в правоприменительной деятельности полиции сложилась ситуация, в которой отсутствие акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения препятствует привлечению к ответственности за рассматриваемое административное правонарушение. С одной стороны, это оправдано тем, что неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица (ч. 4 ст. 1.5 КоАП РФ), а с другой – это ограничивает возможности своевременного и адекватного реагирования правоохранительных органов на такие правонарушения, способствует правовому нигилизму вследствие безнаказанности правонарушителей и отнюдь не способствует решению задач, связанных с охраной общественного порядка и общественной безопасности.

В связи с изложенным полагаем, что в соответствии с действующим административно-деликтным законодательством в качестве альтернативной меры реагирования на подобную ситуацию допустимо рассматривать возможность привлечения

к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. Однако состав указанного правонарушения, по нашему мнению, образует не отказ от медицинского освидетельствования сам по себе, а действия лица, отказывающегося быть доставленным на такое освидетельствование, так как эти действия представляют собой не только неповиновение законному требованию сотрудника полиции (п. 14 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»), но и воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей по пресечению административного правонарушения и осуществлению производства по делу об административном правонарушении (п. 11 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»).

Кроме этого предлагаем предусмотреть в КоАП РФ применение освидетельствования на состояние алкогольного опьянения в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не только в случаях, предусмотренных ч. 1.1 ст. 27.1 КоАП РФ, но также и во всех других, когда установление факта опьянения лица, совершившего административное правонарушение, имеет значение для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела.

Адекватное реагирование правоохранительных органов на ситуации, связанные с нахождением в общественных местах нетрезвых граждан, имеет значение еще и потому, что состояние опьянения является безусловным криминогенным фактором. Лица, находящиеся в нетрезвом состоянии в общественных местах, нередко становятся объектами преступных посягательств или сами совершают преступные деяния. Оставшись в состоянии опьянения на улице, указанные лица, не получив своевременной медицинской помощи, погибают, получают обморожения от переохлаждения, становятся инвалидами.

Решение этой проблемы видится в создании и постоянном функционировании специализированных организаций, предназначенных для осуществления вытрезвления граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного

токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, тем более, что необходимые изменения уже внесены в действующее законодательство¹. При условии должной правовой регламентации порядка помещения в такие учреждения и правил осуществления их деятельности, соответствующих действующему законодательству, это позволит своевременно пресекать подобные административные

правонарушения, осуществлять в установленных законом случаях освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения, что, в свою очередь, будет способствовать обеспечению достаточности доказательственной базы при привлечении к административной ответственности и более гуманному отношению, к лицам, которые такие правонарушения совершили.

Куцкель М.В.

DOI 10.51980/2021_1_56

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О принципе публичности в деятельности полиции по реализации статьи 6.8 КоАП РФ

Содержание принципа публичности наиболее детально раскрыто в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, ч. 2 ст. 21 УПК РФ говорит об обязанности компетентных субъектов принять все необходимые меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Выглядит вполне обоснованным, наряду с дифференциацией форм обвинения в уголовно-процессуальной деятельности, выделение принципа публичности. Вместе с тем вызывает научный интерес вопрос применимости, содержания и объема действия принципа публичности в деятельности полиции по выявлению административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ.

Интерес к данному вопросу увеличивается ввиду уверенности большей части граждан в потенциальной способности полиции выявить всех лиц, совершающих противоправные деяния, предусмотренные ст. 6.8 КоАП РФ². В целях ответа на поставленный вопрос нами будут

проанализированы основные источники полицейской деятельности в рамках противодействия незаконному обороту наркотиков.

Составляющим принципа публичности в административном процессе, отмечает О.В. Джуха, является требование процессуальной активности административно-юрисдикционного органа, включающей в себя осуществление правоприменения посредством исполнения своих полномочий и обязанностей, а также устремленности быстро, своевременно и полно устанавливать все обстоятельства дела, требующие правовой оценки в целях защиты прав и законных интересов всех участвующих в деле лиц.³ Согласимся, оперативность как отличительная особенность административного производства, безусловно, должна иметь место в деятельности компетентных субъектов, однако речь идет об уже выявленном противоправном деянии и возбужденном деле об административном правонарушении.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения : Федеральный закон от 29.12.2020 № 464-ФЗ.

² Анализ результатов проведенного нами анкетирования граждан показывает, что 65% анкетированных уверены в том, что человек, систематически незаконно приобретающий и хранящий наркотики, вероятнее всего, будет выявлен полицией.

³ Джуха О.В. Принципы административно-юрисдикционного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 9.

Основным нормативным актом, регламентирующим деятельность по применению административной ответственности, в том числе за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, является КоАП РФ. В рамках рассмотрения вопроса о наличии и объеме принципа публичности при применении административной ответственности за незаконный оборот наркотиков отметим, что, обозначая неотъемлемые качества производства по делам (всестороннее, полное, объективное, своевременное), КоАП РФ не устанавливает какой-либо обязанности по выяснению обстоятельств каждого события, по внешним признакам схожего с административным правонарушением, а говорит исключительно об уже возбужденных делах.

Базовым для всей полицейской деятельности является Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в котором регламентируется правовой статус полиции как правоохранительного органа. Представляет интерес, что ни в назначении полиции, являющемся совокупностью требований, которым должно соответствовать в том числе осуществляемое полицией производство по делам об административных правонарушениях¹, ни в основных направлениях ее деятельности законом не предусмотрена необходимость выявления (раскрытия) административных правонарушений. Аналогичная ситуация возникает при анализе обязанностей полиции: полиция обязана пресекать административные правонарушения и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных к подведомственности полиции (п. 11 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции»). Целесообразно отметить, что в действовавшем ранее Законе РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» обязанности выявлять административные правонарушения также не содержалось.

Нельзя не отметить основной документ, на котором базируется вся деятельность, связанная с оборотом наркотиков: Федеральный закон от 8 января 1998 г. №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Данным нормативным актом охвачен весь спектр деятельности в рамках оборота наркотиков и противодействия их незаконному обороту. Следует отметить, что органы внутренних дел занимают особое положение, являясь как субъектом, осуществляющим противодействие незаконному обороту наркотиков, так и координатором деятельности иных компетентных структур, указанных в ст. 41 (целесообразность такого положения ОВД оспаривается отдельными исследователями²).

Центральное место органов внутренних дел в противодействии незаконному обороту наркотиков подтверждается фактом создания совместным приказом МВД РФ № 284, ГТК РФ № 328, ФСБ РФ № 204, ФПС РФ № 217 от 7 мая 1998 г. Центра межведомственного взаимодействия в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков при МВД России (на правах Управления). Уникальность Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» обуславливается и наличием прямого указания на необходимость пресечения компетентными органами выявленных административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также привлечения лиц к установленной законом ответственности (ч. 4 ст. 53).

Значимым источником правового регулирования полицейской деятельности по применению административной ответственности за незаконный оборот наркотиков являются постановления Пленума Верховного Суда РФ. В научной среде высказывались различные точки зрения по вопросу наличия признака общеобязательности у актов толкования права высшими судебными

¹ Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / научн. ред. Ю.П. Соловей. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 50.

² Засеев Д.А. Организация и правовые основы деятельности подразделений, выполняющих правоохранительные функции в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2018. С. 14-15.

органами. В постановлениях пленума Верховного Суда, отмечает В.В. Лазарев, всегда содержались, содержатся и не могут не содержаться правила поведения общего характера, которые обращены отнюдь не к определенному суду, а ко всем судебным инстанциям и к неопределенному кругу лиц в связи с возможностью их обращения в судебные органы.¹ Относительно рассматриваемой нами сферы применения административной ответственности наиболее обоснованной выглядит утверждение Н.Н. Цуканова о том, что своими разъяснениями судебные органы дают основания нового понимания и применения комментируемых правовых норм, но не создают при этом новых норм права².

Ключевыми актами судебного толкования в сфере применения административной ответственности за незаконный оборот наркотиков являются постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Разъясняя отдельные аспекты деятельности, терминологию и особенности квалификации противоправных деяний, постановления не содержат упоминания рассматриваемого нами вопроса.

Не вызывает сомнения роль ведомственных правовых актов при реализации полицией своих полномочий, в том числе и при применении административной ответственности за незаконный оборот наркотиков. Ведомственное нормотворчество, как отмечают ученые-административисты, по своей сути имеет целью

уточнение и конкретизацию требований федерального законодательства, обеспечение и укрепление законности и дисциплины в органах внутренних дел³. Вместе с тем, исходя из отчетов МВД РФ о состоянии преступности и официальной статистики, административным правонарушениям в целом не уделяется должного внимания, в связи с чем сделать вывод о наличии либо отсутствии принципа публичности в соответствующей деятельности полиции не представляется возможным.

Рассматриваемый вопрос достаточно редко выступает предметом исследования в административно-правовой науке. При этом представляет интерес вывод Н.Н. Цуканова, который системно можно представить так: «меры административной ответственности – меры принуждения – метод государственного управления», а также учитывая целесообразность и достаточность предпринятых сотрудниками полиции иных мер неюрисдикционной направленности⁴. Безусловно, выбор метода управления всегда является прерогативой управляющего субъекта, действующего исходя из его эффективности при решении стоящих перед ним задач. Подобная логика верна, за некоторыми исключениями, одним из которых является реализация ст. 6.8 КоАП РФ.

В рассматриваемой нами сфере, принцип публичности имеет особенности. Так, специфика правоотношений не позволяет говорить о возможности возбуждения дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.8 КоАП РФ, при получении заявления/сообщения гражданина, последнее является лишь поводом для производства проверочных мероприятий. При этом, если в рамках проверочных мероприятий сотрудником полиции будут обнаружены

¹ Теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1999. С. 141.

² Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел : монография / научн. ред. Ю.П. Соловей. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 37.

³ Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск: ВШМ МВД России, 1993. С. 364.; Цуканов, Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел. С. 37.

⁴ Цуканов Н.Н. Принцип публичности производства по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел // Полицейское право. 2007. № 2. С. 101-102.

признаки искомого правонарушения, должно быть возбуждено дело об административном правонарушении. В случае же отсутствия указанных признаков следует вынесение определения об отказе в возбуждении дела.

Таким образом, при реализации административной ответственности за незаконный оборот наркотиков действие

принципа публичности может рассматриваться как обязанность сотрудников полиции возбуждать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ, в случаях непосредственного обнаружения достаточных данных, указывающих на событие административного правонарушения.

Нагорный Н.Н.,

DOI 10.51980/2021_1_59

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Анализ влияния законодательных новелл на эффективность применения статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Процесс совершенствования законодательства, и в том числе административного, носит постоянный характер, так как возникает необходимость оптимизировать регулирования определенных видов общественных отношений.

Нами уже указывалось на необходимость принятия новелл в диспозицию статьи 20.3 КоАП РФ, запрещающей пропаганду или публичное демонстрацию нацистской символики или символики экстремистских организаций¹.

В указанном составе административного правонарушения содержится санкция за осуществление определенных действий, которые нельзя совершать, что зафиксировано в нескольких федеральных законах: от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Недопустимость использования нацистской символики, закреплена в Федеральном законе «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (ст. 6 «Борьба с проявлениями фашизма»). Запрет демонстрация нацистской символики или сходных с ними символов («как оскорбляющих многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах») первоначально носил абсолютный характер, что противоречило логике общественных отношений, ведь само по себе использование (демонстрация, визуализация) обозначенной символики не всегда происходит для создания и деятельности фашистских организаций и движений (на недопущение чего направлен закон, но и при множестве других социальных ситуаций (научные исследования, показ в различных видах искусства, критическое рассмотрение таких явлений).

¹ Нагорный Н.Н., Нагорная Л.А. Об исключении понятия «пропаганда» из диспозиции статьи 20.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 70-71; Нагорный Н.Н., Нагорная Л.А. О необходимости оптимизации правоприменительной практики привлечения к административной ответственности по части 1 статьи 20.3 КоАП Российской Федерации // ModernScience. 2019. № 11-1. С. 98-101; Нагорный Н.Н., Ковалев С.М. О важности установления субъективной стороны административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.3 КоАП РФ, для справедливого привлечения к ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции (4-5 апреля 2019 г.): в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. Ч. 1. С. 35-36.

Поэтому законодателем в декабре 2019 г. это правило было скорректировано: «за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма».

В ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» также были внесены изменения аналогичного содержания в определение одного из видов проявлений экстремизма: «использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии». Конечно, в законе субъективная сторона экстремизма (пропаганда или оправдание) и его объективная сторона (публичное демонстрирование) взаимосвязаны, но до принятия указанных изменений правоприменитель, к сожалению, в некоторых случаях квалифицировал как экстремизм только факт публичного демонстрирования запрещенной символики, что, несомненно, являлось ошибкой. Мы считаем данные новые положения оптимальной формулировкой федеральных законов.

Вместе с тем считаем обоснованной доктринальную позицию о необходимости следующего административно-про-

цессуального изменения. Речь идёт об увеличении срока давности привлечения к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ с трех месяцев до одного года, путём внесения изменений в ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ¹. Аргументом для принятия такой новеллы является факт того, что при привлечении к административной ответственности по данному составу обязательно проводятся экспертизы, подтверждающие юридическую оценку правоохранителей, тем самым увеличивается время административно-правового разбирательства.

В соответствии с изменениями федеральных законов «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и «О противодействии экстремистской деятельности» ст. 20.3 КоАП РФ была дополнена примечанием о том, что не образуют состава административного правонарушения по данной статье «случаи использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии». Тем самым законодательно еще раз обращено внимание на соблюдение презумпции невиновности, выражающейся в недопустимости объективного вменения, обязательного учитывания субъективной стороны состава административного правонарушения при его квалификации.

Таким образом, законодательные новеллы, на наш взгляд, повысили эффективность применения ст. 20.3 КоАП РФ. Нами же предлагается увеличение срока давности привлечения к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ с трех месяцев до одного года.

¹ Иванов А.Ю. Некоторые проблемы административной ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики (ст. 20.3 КоАП РФ) // Современные системы безопасности – Антитеррор : материалы конгрессной части X специализированного форума (28-29 мая 2014 г.) / отв. ред. А.В. Букарин. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 214-218.

Рудакова Е.Н.

DOI 10.51980/2021_1_61

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

**К вопросу об административной ответственности за размещение
изображений, фотографий, видеозаписей лица в средствах массовой
информации, социальных сетях и иных общедоступных местах,
без его разрешения**

Право на неприкосновенность частной жизни закреплено в Конституции РФ и является одним из основополагающих прав личности. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной и личной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 23, 24 Конституции РФ). Состав сведений, составляющих личную или семейную тайну, определяется самим лицом, которого эти сведения касаются. Защита неприкосновенности частной и личной жизни охраняется различными нормативно-правовыми актами в сфере гражданского, уголовного, а также административного законодательства России.

Рассмотрим на примере размещения, изображения, фотографии, видеозаписи лица в средствах массовой информации, социальных сетях и иных общедоступных местах, без его разрешения, какое административное наказание может последовать.

Например, согласно постановлению о возбуждении производства по делу об административном правонарушении, начальник отдела оформления загранпаспортов УФМС России по Нижегородской области разместила анкетные данные и фотографию (содержащую биометрические данные) лица без ее согласия в качестве образца на информационном стенде отдела загранпаспортов УФМС России по Нижегородской области, то есть совершила правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ст. 13.11 КоАП РФ¹.

Административная ответственность за размещение изображения, фотографии, видеозаписи лица без его согласия охватывает самый широкий спектр субъектов данного правонарушения. Статья

13.11 КоАП РФ предусматривает наложение административного штрафа на физических, должностных и юридических лиц, за обработку персональных данных, если эти действия не содержат состава преступления.

Статья 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – № 152-ФЗ) определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к конкретному лицу – субъекту персональных данных. А ст. 11 № 152-ФЗ говорит о том, что сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, могут обрабатываться только при наличии его согласия в письменной форме.

Под обработкой персональных данных подразумеваются любые действия с персональными данными, включая сбор, хранение, распространение, предоставление, доступ к ним. Распространение персональных данных – действия, направленные на раскрытие персональных данных неопределенному кругу лиц.

Данная 13.11 КоАП РФ призвана в первую очередь регулировать отношения в сфере обработки персональных данных граждан, соблюдения действующего законодательства, подзаконных актов (№ 152-ФЗ, постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» и т.д.) юридическими лицами, осуществляющими такой вид деятельности. Большая часть выявленных правонарушений связана с нарушением законодательства юридическими лицами: управляющими ком-

¹ Судебные решения.пф. URL: <http://old.xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/2348762>.

паниями на своих сайтах в сети Интернет размещались анкеты с персональными данными жильцов, информация о задолженности, с указанием анкетных данных и места жительства должников, администрацией учебных заведений размещалась информация, отражающая общественную жизнь заведения, с указанием личных данных отдельных учеников, их фотографий, без получения согласия учащихся или их родителей.

И, как видно из статистических данных, ситуация с соблюдением законодательства в сфере обработки персональных данных в России изменяется в лучшую сторону. Если в 2016 г. за правонарушения, предусмотренные ст. 13.11, 13.11.1, 13.12, ч. 2, 4, 5, 13.13, 13.14 КоАП РФ были привлечены 4735 лиц, в 2017 г. – 5795 лиц, то в 2018 г. – 1736 лиц, а в 2019 г. – только 1382 лица¹.

При этом вряд ли стоит говорить о существенном сокращении размещения изображения, фотографии, видеозаписи лица, без его согласия, совершаемыми гражданами.

Можно сделать вывод, что, несмотря на наличие значительного количества законодательной базы, защищающей право гражданина на неприкосновенность его частной жизни, личную и семейную тайну, основная обязанность по защите своих интересов лежит на самом гражданине.

Привлечение к административной ответственности за указанные действия в подавляющем большинстве инициируется по заявлениям потерпевших граждан. В отдельных случаях такие правонарушения могут выявляться в основном при проведении проверок в отношении организации работы с персональными данными юридических лиц (ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ) или расследовании более тяжких преступлений как дополнительный состав (по ст. 137 УК РФ) преступной деятельности.

Так, Роскомнадзор в 2018 г. провел 832 плановые проверки соблюдения законодательства о персональных данных, по результатам которых различные нарушения были выявлены в 80% случаев. В течение 2018 г. органами Роскомнадзора были составлены и направлены в суды 156 протоколов об административных правонарушениях в отношении персональных данных за такие нарушения, из них 67 протоколов – по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за обработку персональных данных в случаях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации в области персональных данных. И меньше (31) было составлено протоколов об административных нарушениях по ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ за обработку персональных данных без получения согласия в письменной форме субъекта персональных данных².

Кроме того, ст. 13.11 КоАП РФ не предусматривает административную ответственность за неоднократное, систематическое размещение изображений, фотографий, видеозаписей лица, без его разрешения, а суммы штрафов, предусмотренных данной статьей, не всегда могут остановить недобросовестных должностных лиц и руководителей юридических лиц.

В целях обеспечения неприкосновенности своей частной жизни гражданам необходимо более щепетильно подходить к обращению со своими изображениями, фотографиями или видеоизображениями, размещением их в сети Интернет, передаче другим лицам, в том числе посредством мобильной связи, мессенджеров и т.д. Также имеет смысл рассмотреть вопрос об ужесточении ответственности юридических лиц за неоднократное совершение данного правонарушения.

¹ Судебная статистика. URL: <https://stat.api-press.pf>.

² Солдатова В.И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex russica. 2020. Т.73. № 2. С. 33-43. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.159.2.033-043>.

Ковальчук А.Н.,

DOI 10.51980/2021_1_63

кандидат технических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

Противодействие браконьерству: правовые и практические аспекты

В современной истории России браконьерство перерастает в глобальную проблему современности. Стремясь заработать как можно больше денег, браконьеры идут на все: вырубая леса в заповедных зонах, отстреливают и ловят животных, занесенных в Красную книгу, используют запрещенное оборудование охоты и ловли и пр. По некоторым оценкам в России ежегодно совершаются около 56 тыс. случаев браконьерства, а ущерб от деятельности браконьеров оценивается в 18 млрд руб.

Причина такого положения кроется в низком уровне охраны безопасности животного мира и в достаточно «мягких» мерах наказания за совершенные противозаконные деяния. Основными из них являются штрафные санкции, как правило, не покрывающие нанесенный ущерб, а также привлечение к административной и уголовной ответственности, которые далеко не всегда сдерживают браконьеров.

Разгул браконьерства имеет корни, среди которых можно выделить основные: нужда и отсутствие возможности прокормить семью, жажда наживы, а также желание поразвлечься с оружием на природе.

В контексте рассматриваемой проблемы следует указать и на изменение облика браконьера. Современный браконьер хорошо экипирован, перемещается на вертолете или на «крутом» джипе, снегоходе или катере, имеет дальнобойное нарезное оружие, использует тепловизоры, электронные манки и даже квадрокоптеры.

Но самое главное – резко усилился прессинг со стороны браконьеров, в результате которого страдают, как правило, охотинспекторы. В СМИ достаточно часто освещаются факты нападения на охотинспекторов. Им постоянно угрожают физической расправой, жгут их дома и транспортные средства, травят

и расстреливают их собак, угрожают близким родственникам и прочее. Причиной тому – полная незащищенность тех, кто по долгу службы занимается охраной охотничьих угодий.

Действующее законодательство об охоте не предусматривает социальную защиту охотничьих инспекторов от подобных посягательств. Производственные охотничьи инспекторы, получив определенные права по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений требований в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, их родственники, а также имущество остались без государственной социальной защиты.

Усугубляет существующее положение дел в этой сфере и то обстоятельство, что доля судебных решений от количества возбужденных уголовных дел по ст. 258 УК РФ («Незаконная охота») остается достаточно низким. К примеру, в Омской области она едва достигает 38%, в Челябинской – 31%. в Свердловской и Тюменской – 25%. Курганской – 20%, а в Пермском крае – всего 8%.

Участие государственных инспекторов в этом процессе возможно только на стадии возбуждения уголовного дела, в большинстве случаев они подают заявление. Дальше все полностью зависит от органов дознания и следствия. В создавшейся ситуации было бы логично передать расследование преступлений в сфере незаконной охоты региональным структурам госохотнадзора. В любом случае государственные инспекторы с опытом работы будут более эффективны, чем дознаватели районных отделов полиции, незнакомые со спецификой дел в этой сфере.

Этот вопрос – однозначно непростой и требует детального обсуждения с участием правоохранительных органов, профессионального сообщества работников охотничьего хозяйства, юристов и других заинтересованных сторон.

Чтобы побороть браконьерство или хотя бы снизить уровень злодеяний в этой сфере, необходимо в первую очередь улучшить работу и финансирование государственных служб, занимающихся охраной окружающей среды. Однако это не единственная проблема. Весьма важно также подготовить работников отрасли, курирующих это направление деятельности, к квалифицированному выполнению возложенных на них профессиональных обязанностей. Основное бремя забот здесь возлагается на специалистов-охотоведов.

Охотовед – редкая специальность, требующая высокой самоорганизации, находчивости, эрудиции и расширенного кругозора. Специалист по охотоведению должен обладать достаточно обширными познаниями в области различных наук, а также широким набором специфических умений и навыков¹. Так, нормативно-правовые документы², касающиеся деятельности специалистов-охотоведов, предусматривают применение ими физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в отношении нарушителей законодательства России по сохранению и использованию охотничьих ресурсов и среды их обитания. К ситуациям, попадающим под данную категорию нарушений, относятся задержания граждан, нарушивших законодательство об особо охраняемых природных территориях, и доставка указанных граждан в правоохранительные органы; досмотр транспортных средств, личных вещей граждан на территориях государственных природных заповедников, национальных парков и их охранных зон; изъятие у граждан, нарушивших законы об особо охраняемых природных территориях, продукции и орудий незаконного природопользования, транспортных средств и соответствующих документов; предотвращение преступлений, а также контроль инцидентов,

которые связаны с нарушением указанного законодательства.

При посягательстве на самого специалиста-оховеда он имеет право применить к нападающему определенные меры силового воздействия, которые, в свою очередь, определяются степенью опасности и характером действий правонарушителя.

Соблюдение основных правил применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия является прежде всего гарантией того, что будет обеспечен должный уровень безопасности. Рассмотрим, к примеру, право применения огнестрельного оружия. Данное право необходимо проанализировать с двух сторон. С одной стороны, применение огнестрельного оружия специалистами-охотоведами является действенным средством для того, чтобы выполнять должностные обязанности, а с другой – влечет за собой риск наступления тяжких либо необратимых последствий, к которым можно отнести и лишение жизни человека.

Если проанализировать практическое применение огнестрельного оружия специалистами-охотоведами за определенный промежуток времени, то можно сделать вывод, что данное право используется достаточно редко и только в исключительных случаях.

Сама процедура применения оружия достаточно сложна не только в юридическом, но и в тактическом плане. В результате по этой причине дело иногда доходит до того, что часть охотоведов не применяют оружие на упреждение даже при явной угрозе своей жизни и наличии юридических оснований и условий, боясь быть обвиненными в нарушении законности, что иногда приводит даже к их гибели. В связи с этим должная правовая подготовка позволит специалистам-охотоведам

¹ Ковальчук А.Н. Креативный подход к подготовке специалистов-охотоведов // Ресурсы дичи и рыбы: использование и воспроизводство : материалы I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции / отв. за вып. Л.П. Владышевская; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2020. С. 85-92.

² Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 04.06.2009 № 209-ФЗ; Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 35.02.14 Охотоведение и звероводство : приказ Министерства образования и науки РФ от 07.05.2014 № 463; Об обеспечении служебным оружием работников системы Рослесхоза : приказ Федерального агентства лесного хозяйства России от 15.07.1994 № 152 // СПС КонсультантПлюс.

при применении огнестрельного оружия действовать сообразно создавшейся обстановке, с учетом характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяется огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления; стремиться при этом к минимизации любого ущерба.

Однако обозначенная проблема не является единственной в профессиональной подготовке специалистов-охотоведов. Даже отличное знание ими действующего законодательства в отношении применения оружия не всегда является гарантией выполнения служебных задач и их личной безопасности. Для этого весьма важно, чтобы охотовед умел быстро ориентироваться и тактически правильно действовать в экстремальных ситуациях, а также на профессиональном уровне владеть огнестрельным оружием¹.

Таким образом, залог успешного правомерного применения оружия состоит в решении двуединой задачи – правовой и тактико-огневой. Помимо правовой компетентности от специалиста-оховеда требуется качественная практическая готовность действовать в нестандартной, часто экстремальной

ситуации, в условиях ограниченности времени, пространства, в иных обстоятельствах, существенно усложняющих как правовую оценку событий, так и реализацию принятого решения.

Между тем проблема применения оружия специалистами-охотоведами стоит весьма остро. В частности, об этом свидетельствует прессинг со стороны правонарушителей, в результате которого страдают, как правило, охотоведы. Во многом, на наш взгляд, это связано с профессиональной неподготовленностью специалистов-охотоведов к применению оружия.

В любой ситуации, которая угрожает жизни и здоровью специалиста-оховеда, а также требует выполнения служебных обязанностей с применением огнестрельного оружия, последний должен быть готов к тому, чтобы его применить.

Таким образом, применение специалистами-охотоведами огнестрельного оружия, наряду с другими мерами воздействия, законодатель связывает не только со строгим соблюдением ими специальных норм, устанавливающих основания их применения, но также и с соблюдением организационных и тактических основ.

Абильмажинов М.Д.

DOI 10.51980/2021_1_65

Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева
(г. Костанай, Республика Казахстан)

Проблемы в некоторых вопросах применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками полиции при несении службы по охране общественного порядка

В Послании народу Казахстана Глава государства Касым-Жомарт Токаев отметил: «Во всем прогрессивном мире институт полиции развивается на основе сервисной модели. Мы тоже заявили о переходе на такую модель, но пока работа привели только к фрагментарным результатам»².

В основе модели лежит охрана общественного порядка и общественной

безопасности граждан страны. Общественный порядок – это нормальное функционирование социальных отношений, отсутствие рисков и угроз, которые могут нарушить нормальную жизнедеятельность людей и их прогрессивное социальное и профессиональное развитие, обстановка спокойствия и защиты личности и собственности физических и юридических лиц.

¹ Ковальчук А.Н. Указ. соч.

² Казахстан в новой реальности: время действий : Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. 1 сентября 2020 года.

Ключевое место при исполнении должностных обязанностей у сотрудников ОВД (полиции) – это правовые основания применения специальных средств и огнестрельного оружия при несении службы.

Первичная сторона – это полномочия сотрудников правоохранительных органов в соответствии с Конституцией Республики Казахстан. Защита прав граждан связана с рисками получения тяжких и особо тяжких последствий и увечий, а иногда лишением человека жизни при исполнении должностных обязанностей. Вторичная сторона – это существующее средство охраны и защиты интересов населения и сотрудников ОВД (полиции) от преступных и опасных деяний со стороны граждан, переступивших закон.

Анализ законодательства Республики Казахстан, регламентирующего положения приближенной к экстремальным ситуациям оперативно-служебной деятельности, и норм, которые регулируют работу правоохранительных органов по применению специальных средств и оружия, указывают в современных условиях на некоторые актуальные проблемы.

Несостоятельность правовой алгоритмизации применения правоохранительными органами, а также полицией мер силового воздействия приводит к необоснованности и неправомерному их применению в вопросе выполнения задач охраны общественного порядка. Бывают ситуации, когда сотрудники при наличии условий и оснований применения специальных средств и огнестрельного оружия меры силового воздействия не применяют.

Анализ экстренных ситуаций показывает основные причины, по которым не умеют сотрудники профессионально и грамотно принять решения в период применения специальных средств и огнестрельного оружия при наличии условий и обстоятельств в соответствии с законами Республики Казахстан:

1) боязнь привлечения к уголовной ответственности в случаях их применения;

2) тактическая и психологическая неподготовленность к применению оружия, отсутствие практики и опыта по применению специальных средств и оружия в экстремальных ситуациях, незнание норм правоприменительной практики по защите сотрудников от вооруженного сопротивления или нападения.

Современные, динамично изменяющиеся, непрерывно усложняющиеся и не поддающиеся однозначной оценке условия жизни общества накладывают значительный отпечаток на профессиональную деятельность сотрудников органов внутренних дел. В условиях выполнения задач по охране общественного порядка огромное значение имеет уровень профессионального воспитания сотрудников органов внутренних дел, требования к которому не снижаются с течением времени.

Тактика охраны общественного порядка – наука о закономерностях, принципах, рекомендациях и механизме использования наиболее эффективных средств, форм и методов, приемов и способов непосредственной охраны общественного порядка в различных условиях объективной реальности, в том числе взаимодействия полиции и гражданского общества.

Наука и практика тактики общественного порядка тесно связана с теорией и практикой социального управления и организации, психологией и логикой, риторикой, этикой, и другим областями знаний, и может рассматриваться и как наука, и как искусство. Так, необходимость принятия практических решений и их реализация в экстремальных ситуациях ставят на особое место уровень теоретических знаний и практических навыков, придавая тактическим решениям и действиям черты искусства, которые, в свою очередь, выражаются степенью эффективности выбора и реализации наиболее целесообразных вариантов практического осуществления охраны общественного порядка в условиях конкретной оперативной обстановки, в рамках административного усмотрения¹.

¹ Цупко В.А. Наука и искусство тактики охраны общественного порядка, осуществляемой органами внутренних дел // Современные методы борьбы с преступностью : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2002. С. 6.

От правильного понимания сложившейся оперативной обстановки на вверенном сотруднику участке работы, соблюдения им законности при принятии решения в значительной степени зависят эффективность и качество выполнения поставленных задач и правоприменительная практика применения специальных средств и огнестрельного оружия.

На сегодняшний день качество образования не может определяться теми же знаниями, умениями и навыками, что и прежде. Необходимость подготовки выпускников к успешной карьере в условиях динамичного развития общества требует пересмотра отношений между высшей школой, профессиональной сферой, в том числе в обращении с огнестрельным оружием. Требования к выпускникам вузов Министерства внутренних дел Республики Казахстан стали гораздо обширнее, разнообразнее и сложнее, и это не может не приниматься во внимание в рамках определения стратегии и основных параметров развития системы образования в ведомственных образовательных организациях МВД Республики Казахстан, при совершенствовании системы профессиональной подготовки сотрудников полиции.

В этой связи актуальным остается вопрос подготовки полицейских, которые способны решать поставленные задачи с учетом современных тенденций в обществе. Современная действительность такова: к сотрудникам полиции предъявляются высокие требования как со стороны общественности, так и со стороны самой правоохранительной системы, где на постоянной основе проводятся мероприятия с целью определения уровня профессиональной подготовки, правовой культуры и способности работать с гражданами¹.

Для успешного выполнения возложенных задач полицейскому необходимо обладать такими личными качествами, как дисциплинированность, решительность и смелость, исполнительность, интеллектуальность, развитое чувство долга

и справедливости, честность и принципиальность, ответственность и добросовестность, самообладание, человечность, вежливость, коммуникабельность, стремление к самосовершенствованию².

В профессиональной деятельности полицейскому необходимо знать и умело применять на практике требования нормативных правовых актов, регламентирующих его деятельность, обладать навыками физической и боевой подготовки, оказания первой медицинской помощи, ведения служебной документации и в сфере информационных технологий, грамотно планировать и выполнять служебные задачи, рационально, эффективно использовать служебное время. В профессиональной деятельности полицейскому следует: решительно пресекать правонарушения, осуществлять справедливые и понятные окружающим действия, исключая нарушения законности и ущемление прав граждан, в том числе задержанных и арестованных; действовать честно, беспристрастно, решительно противодействовать проявлениям коррупции; соблюдать конституционные права граждан о неприкосновенности частной жизни; проявлять вежливость и тактичность при общении с гражданами, особенно детьми, женщинами, лицами с ограниченными возможностями и пожилыми людьми, чутко и объективно относиться к их обращениям и заявлениям, оказывать необходимую помощь, в том числе первую медицинскую; излагать свои замечания и требования в корректной и убедительной форме, проявляя выдержку и самообладание; уметь разрешать конфликтные ситуации.

Таким образом, служба в полиции является выражением особого доверия со стороны общества и государства и предъявляет высокие требования и ответственность к профессиональным способностям к применению специальных средств и оружия. Полицейскому всегда следует помнить, что каждый человек и гражданин Республики Казахстан должен чув-

¹ Мухтабаев К.Н. К вопросу о государственной политики в области профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Республики Казахстан // Гылым – Наука. 2016. № 2 (49). С. 40.

² Об утверждении Стандарта полицейского : приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 24.04.2020 № 358.

ствовать себя в безопасности, готового оказать помощь и способного защитить его жизнь, здоровье, права и свободы,

честь и достоинство от преступных и иных противоправных посягательств.

Дудина Н.А.,

DOI 10.51980/2021_1_68

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о полицейских обысках

Современное российское законодательство начитывает более 15 видов различного рода досмотровых мероприятий физического лица и вещей, находящихся при нем. К ним, в частности, относятся: досмотровые мероприятия, предусмотренные Федеральным законом «О полиции» (12 видов досмотров и осмотров, которые носят как принудительный характер, например осмотр задержанного лица, предусмотренный ч. 16 ст. 14 Федерального закона «О полиции», так и добровольный характер, например осмотр, предусмотренный п. 18 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»); наружный досмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных (п. 266 приказа МВД РФ от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции»); личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, предусмотренный ст. 27.7 КоАП РФ; личный обыск, предусмотренный ст. 184 УПК РФ; личный обыск подозреваемых и обвиняемых при задержании и заключении под стражу (приказ МВД РФ от 22 ноября 2005 г. № 950, приказ Минюста РФ от 14 октября 2005 г. № 189); обыск осужденных и досмотр их вещей (ст. 82 УИК РФ); личный таможенный досмотр (ст. 329 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза) и т.д.

Продолжая развивать идею унификации полицейских досмотровых мероприятий и создания единых правил их проведения, предложенную А.В. Жильцовым¹, остановимся на кратком анализе полицейских обысков как одних из основных и часто применяющихся в деятельности полиции².

Анализ действующего законодательства позволил выделить следующие виды обысков, проводимых сотрудниками органов внутренних дел и сотрудниками полиции в частности:

– обыск и личный обыск подозреваемых или обвиняемых, проводимый в рамках уголовно-процессуального закона (ст. 182, 184 УПК РФ)³. Обыск – следственное действие, которое заключается в принудительном обследовании помещений, участков местности либо отдельных граждан в целях отыскания и изъятия скрываемых объектов, имеющих значение для уголовного дела. К таковым объектам могут относиться орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, предметы, документы, разыскиваемые лица, трупы и ценности;

– личный обыск подозреваемых и обвиняемых, проводимый в соответствии с приказом МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и

¹ Жильцов А.В. Правовая природа, виды и содержание досмотровых мероприятий, реализуемых полицией // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 45-49.

² Подр.: Правовые основы реализации полицией досмотровых мероприятий : аналитический обзор / А.Ю. Иванов, А.В. Жильцов, Н.А. Дудина и др. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. 46 с.

³ В соответствии с п. 9 ст. 13 Федерального закона «О полиции» полиции предоставлено право производить в случаях и порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, следственные и иные процессуальные действия, в числе которых обыск и личный обыск.

обвиняемых органов внутренних дел». Подозреваемые и обвиняемые, поступившие в ИВС, подвергаются личному обыску, а их личные вещи — досмотру.

В отличие от личного обыска, проводимого в рамках уголовно-процессуального законодательства, рассматриваемый личный обыск подозреваемых и обвиняемых и досмотр вещей производится с целью обнаружения и изъятия у них предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию либо не принадлежащих данному лицу. К запрещенным к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми относятся предметы, вещества и продукты питания, которые представляют опасность для жизни и здоровья или могут быть использованы в качестве орудия преступления либо для воспрепятствования целям содержания под стражей.

Личный обыск подозреваемых или обвиняемых производится работниками ИВС одного с ними пола. Далее законодатель выделяет подвид личного обыска — «полный обыск», но не раскрывает его сущности. Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что полный обыск подразумевает под собой полное обнажение тела человека. При полном обыске не должны присутствовать лица противоположного пола, за исключением медицинских работников в необходимых случаях.

Досмотр вещей подозреваемых или обвиняемых производится в их присутствии при поступлении в ИВС, перед отправкой за его пределы, при переводе в другую камеру, медицинский стационар или водворении в карцер. В исключительных случаях по указанию начальника ИВС досмотр вещей подозреваемых или обвиняемых производится в отсутствие их владельцев при дежурном по камере.

При проведении личного обыска или досмотра вещей подозреваемых и обвиняемых могут применяться технические средства обнаружения запрещенных предметов, веществ и продуктов питания. Рентгеновскую аппаратуру разрешается применять только для обыска

одежды или досмотра вещей подозреваемых и обвиняемых.

Нетрудно заметить, что в одном нормативном правовом акте законодатель использует разные понятия досмотровых мероприятий, при этом разница таких мероприятий и порядок их проведения не раскрывается (личный обыск, полный обыск, полный личный обыск, обыск одежды, досмотр вещей).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что каждое из разновидностей рассматриваемых и имеющих созвучное название мероприятий имеет узкое целевое предназначение, кроме того, они различаются между собой основаниями, субъектами, условиями и порядком проведения, имеют особенности документационного оформления и др.

Если говорить об обыске и личном обыске, проводимых в соответствии с УПК РФ, то законодатель достаточно четко сформулировал название этих мероприятий, основания и порядок их проведения. Можно утверждать, что нормы, посвященные обыску и личному обыску, отвечают признаку формальной определенности и в достаточной степени охраняют права и свободы граждан, которые стали участниками такого вида процессуальных действий.

Что касается личного обыска и досмотра вещей подозреваемых, обвиняемых, в приказе МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950, как уже изложено выше, содержатся некоторые пробелы, нарушающие принцип формальной определенности текста нормативного правового акта, что создает основания для обжалования действий сотрудников ИВС. Так, подозреваемые/обвиняемые жаловались на то, что в ИВС не предусмотрена комната для обыска, в результате чего заключенным необходимо раздеваться в холодном помещении в антисанитарных условиях; обыск производился на маленьком столе; сотрудники ИВС после досмотра не мыли руки; обыскивали без перчаток, что является нарушением гигиенических норм. В ходе обыска (досмотра) заключенных заставляли присе-

дать, при этом вся одежда находилась у сотрудников ИВС¹.

Встречаются случаи, когда в отношении одного и того же лица проводятся различные досмотровые мероприятия и запрещенные к свободному обороту предметы, и вещества обнаруживаются только лишь при личном обыске при помещении в ИВС. Так, в нижнем белье гражданки Г.Е.А. в ходе личного обыска последней при водворении в ИВС сотрудником полиции были обнаружены два прозрачных пакетика с пазовыми застежками, в которых содержалось наркотическое вещество. До личного обыска в ИВС Г.Е.А. была досмотрена в отделе полиции в связи с задержанием за совершение другого преступления.

Г.Е.А. обжаловала факт обнаружения наркотического вещества при личном обыске, поскольку при первоначальном досмотровом мероприятии его не было. Суд, отказывая в удовлетворении требо-

ваний Г.Е.А., доводы о том, что при доставлении Г.Е.А. в ИВС при ней не могло быть наркотических средств, признал несостоятельными, поскольку данное обстоятельство не исключает тщательного сокрытия Г.Е.А. наркотического средства в своей одежде и обнаружение их при личном обыске в ИВС.

Доводы стороны защиты о том, что появление в комнате досмотра свертка с веществом возможно потому, что смотровое помещение не проверяется перед новым обыском, до Г.Е.В. досматривались иные люди, опровергается рапортом сотрудника ИВС, составленным непосредственно после обнаружения наркотических средств у Г.Е.А.²

Все вышеизложенное свидетельствуют о необходимости унификации терминов, систематизации соответствующих мер и универсализации процедур полицейских осмотров, досмотров и обысков.

Сидоров Я.С.

DOI 10.51980/2021_1_70

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О возможности проведения личного досмотра лицом иного пола с досматриваемым

Проблемы проведения личного досмотра вызывают интерес как в научной среде, так и у практических работников. Для определения путей их решения следует проанализировать нормативные правовые акты, регламентирующие этот вид процессуального действия сотрудников полиции, предложения ученых по его совершенствованию, а также практику применения.

Личный досмотр играет существенную роль не только в обеспечении производства по делу об административном правонарушении, но также непосредственно направлен на обеспечение личной безопасности сотрудников полиции. Исследованию данной меры административного принуждения посвящены множество научных работ³.

¹ Решения Выксунского городского суда Нижегородской области № 2-730/2018 2-730/2018~М-554/2018 М-554/2018 от 26.09.2018 по делу № 2-730/2018; № 2-681/2018 2-681/2018~М-502/2018 М-502/2018 от 21.06.2018 по делу № 2-681/2018; Чернушинского районного суда Пермского края № 2-431/2015 2-431/2015~М-293/2015 М-293/2015 от 14.05.2015 по делу № 2-431/2015 // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru>.

² Приговор Калининского районного суда г. Челябинска № 1-328/2018 от 20.09.2018 по делу № 1-328/2018 // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru>.

³ См., напр.: Сафонова Л.С. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С 17; Пивоваров Д.В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, применяемые сотрудниками полиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 16. Правовые основы реализации полицией досмотровых мероприятий : аналитический обзор / А.Ю. Иванов, А.В. Жильцов, Н.А. Дудина и др. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020.

А.В. Мягков¹ отмечает, что личный досмотр может применяться только в случаях привлечения лица к административной ответственности. Данную точку зрения разделяет О.Ю. Зубкова², указывая, что личный досмотр производится только в связи с совершением административного правонарушения и в целях, указанных в законе. Несмотря на то, что личный досмотр имеет правовую регламентацию, он нуждается в совершенствовании, т.к. существуют некоторые недостатки в определении оснований и порядка его проведения.

При производстве личного досмотра необходимо соблюдать правила, указанные в ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ, согласно которым он осуществляется лицом одинакового пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола. Вместе с тем далеко не всегда имеется возможность обеспечить присутствие понятых одного пола с лицом, совершившим административное правонарушение. Сотрудник полиции, проводящий личный досмотр, также может оказаться иного пола, чем правонарушитель. Некоторые исследователи выступают за упрощение процедуры привлечения понятых. По их мнению, в КоАП РФ необходимо уточнить: «досмотр производится при понятых, если возможно обеспечить их присутствие»³.

Однако такая формулировка нуждается в пояснении, т. к. непонятно, о чем идет речь: отсутствуют кандидаты на роль понятых либо подходящие лица имеются, но их участие в процессуальных действиях невозможно по каким-либо причинам. Установленные в ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ дозволения являются исключением из общего правила личного досмотра. Представляется, что причиной, по которой в КоАП РФ допущено проведение данного действия без понятых, является необходимость обеспе-

чения их защиты от противоправных посягательств. Допущение проведения личного досмотра лицом иного пола с досматриваемым также оправдывается соображениями безопасности. Например, в ходе наружного досмотра, проводимого сотрудником полиции мужского пола в отношении женщины, сотрудником полиции был сделан вывод о наличии под одеждой оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия. С точки зрения закона необходимо провести личный досмотр, так как имеются данные о наличии у гражданки при себе оружия, но в силу отсутствия сотрудника женского пола сделать это невозможно. Препроводить предполагаемого правонарушителя в ближайший отдел полиции и уже там провести личный досмотр лицом одного пола с досматриваемым является небезопасным как для самого сотрудника полиции, так и для окружающих.

Как же обеспечить безопасность должностных лиц, сотрудников полиции, осуществляющих личный досмотр? Следует ли законодательно закрепить возможность проведения досмотра сотрудником правоохранительных органов мужского пола женщины-правонарушителя? Самым, на наш взгляд, правильным выходом из этой ситуации будет дополнение ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ положением, позволяющим в исключительных и неотложных случаях, для предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан, осуществлять личный досмотр лицом иного пола.

Поэтому представляется необходимым ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «В исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых, а при нали-

¹ Мягков А.В. Досмотр как мера административного принуждения, применяемая милицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 15.

² Зубкова О.Ю. Личный досмотр как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Научные открытия : материалы XXXVIII Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 243-244.

³ Мягков А.В. Досмотр как мера административно-процессуального обеспечения, применяемая милицией // Полицейское право. 2006. № 1(5).

ции реальной угрозы жизни и здоровью должностных лиц или граждан личный досмотр может осуществляться лицом иного пола с досматриваемым при условии обеспечения принципа уважения прав и свобод человека и гражданина».

В целом необходимо отметить, что вопросы осуществления личного досмот-

ра в связи с совершением лицом общественно опасного деяния, имеющего признаки преступления, до возбуждения уголовного дела, когда уголовно-процессуальные нормы не могут быть применены, остаются недостаточно исследованными.

Иккерт А.В.

DOI 10.51980/2021_1_72

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу допуска к управлению мототранспортными средствами

Транспортные средства различаются по техническим характеристикам, мощности двигателя, грузоподъемности, количеству пассажирских мест, сложности и степени опасности управления. Чтобы управлять определенным видом автотранспорта, следует получить удостоверение с соответствующей категорией.

Классификация категорий транспортных средств периодически изменяется. Первые водительские удостоверения в подразделениях Госавтоинспекции выдали в 1936 г., они получили название «удостоверение шофера». В 1970-х гг. были определены пять категорий водительских удостоверений, каждая из которых обозначала право на управление определенными транспортными средствами: категория «А» – мотоцикл, категория «В» – легковой автомобиль, категория «С» – грузовой автомобиль и категория «D» – автобус, категория «Е» – прицеп в составе транспортного средства.

С 2000 г. в водительские удостоверения внесены изменения, касающиеся допуска к управлению транспортными средствами категории «Е», в связи с тем, что прицеп или полуприцеп не может быть самостоятельным участником дорожного движения без сцепки с тягачом соответствующей категории транспортных средств. Для подтверждения права на управление транспортными средствами оборудованные прицепом разрешающая отметка о допуске к управлению проставляется в графе категории «Е» водительского удостоверения, как составы транспортных средств «Е к В», «Е к С», «Е к Д».

28 марта 2006 г. на территории Российской Федерации вступили в силу поправки к международной Конвенции о дорожном движении (1968 г., Вена), при этом был установлен переходный период сроком 5 лет, касающийся новых требований к национальному водительскому удостоверению. До конца переходного периода в обращении были удостоверения как новой редакции, так и старого образца. Участники конвенции обязаны были признавать удостоверения, соответствующие старой редакции, выданные до 28 марта 2011 г., и начать выдавать удостоверения новой редакции не позднее 29 марта 2011 г.

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» определен перечень категорий и подкатегорий транспортных средств, который включает в себя 10 основных категорий и 6 подкатегорий.

Рассмотрим категории мототранспортных средств с учетом всех нововведений:

- категория «А» – мотоциклы;
- категория «М» – мопеды и легкие квадрициклы;
- подкатегория «А1» – мотоциклы с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания, не превышающим 125 кубических сантиметров, и максимальной мощностью, не превышающей 11 киловатт;
- подкатегория «В1» – трициклы и квадрициклы.

Категория «М» позволяет управлять легкими квадрициклами и мопедами, к

ним относятся двух- или трехколесные механические транспортные средства, максимальная конструктивная скорость которых не превышает 50 км/ч, имеющие двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 кубических сантиметров, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт. К мопедам приравниваются квадрициклы, имеющие аналогичные технические характеристики. Управлять транспортными средствами категории «М» также могут и водители, у которых нет категории «М», но в водительском удостоверении есть любая другая категория, разрешающая управлять транспортными средствами. Категория «М» в водительском удостоверении открывается дополнительно при сдаче экзамена на любую из других категорий и при отсутствии медицинских противопоказаний.

Подкатегория «B1» — трициклы и квадрициклы. Это новая подкатегория введена для допуска к управлению трициклами и квадрициклами. Следует сказать, что многих участников дорожного движения данный вид транспортных средств до сих пор вводит в заблуждение. Следует различать понятия «квадроцикл» и «квадрицикл», данные транспортные средства имеют абсолютно разные технические характеристики, права управления для одного из типов транспортного средства не подходят для управления другим. К управлению квадроциклами, снегоходами и вездеходами допускаются исключительно граждане с наличием удостоверения тракториста-машиниста категории «А».

К легким квадрициклам относятся четырехколесные транспортные средства, ненагруженная масса которых не превышает 350 кг без учета массы аккумуляторов (в случае электрического транспортного средства), максимальная конструктивная скорость не превышает 50 км/ч, характеризующееся:

— в случае двигателя внутреннего сгорания с принудительным зажиганием — рабочим объемом двигателя, не превышающим 50 кубических сантиметров;

— в случае двигателя внутреннего сгорания другого типа — максимальной эффективной мощностью двигателя, не превышающей 4 кВт;

— в случае электродвигателя — номинальной максимальной мощностью двигателя в режиме длительной нагрузки, не превышающей 4 кВт.

Категория «B1» разрешает управление не только легкими, но и прочими квадрициклами, к которым относятся четырехколесные транспортные средства, ненагруженная масса которых не превышает 400 кг (550 кг для транспортного средства, предназначенного для перевозки грузов) без учета массы аккумуляторов (в случае электрического транспортного средства) и максимальная эффективная мощность двигателя не превышает 15 кВт.

Трицикл — это трехколесное транспортное средство с колесами, симметричными по отношению к средней продольной плоскости транспортного средства, рабочий объем двигателя которого (в случае двигателя внутреннего сгорания) превышает 50 кубических сантиметров и (или) максимальная конструктивная скорость (при любом двигателе) превышает 50 км/ч.

Квадрициклы, трициклы оборудуются механизмами управления, как у автомобилей, так и как у мотоциклов — либо ручная коробка передач в комплектации с традиционным рулевым колесом, либо ножная система для переключения передач, дополненная классическим мотоциклетным рулем управления. В зависимости от этого владельцы разных типов квадрициклов и трициклов приобретают различные категории, необходимые для допуска к управлению. В связи с данными обстоятельствами при изготовлении нового образца водительского удостоверения в разделе № 12 на обратной стороне напротив категории B1 проставляется соответствующее ограничение на право управления подкатегорией «B1» в виде символа AS, или MS.

Отметка AS в водительском удостоверении означает «automotive steering» (автомобильная посадка), водитель имеет право управлять транспортными

средствами подкатегории «B1» исключительно с автомобильным типом управления, то есть трицикл или квадрицикл должен иметь руль «рулевое колесо», как у автомобиля, и посадку на сиденье, как у автомобиля. Отметку AS ставят тем водителям, у которых открыта категория «B», но отсутствует категории «A».

Отметка MS в водительском удостоверении означает «motorcycle steering» (мотоциклетная посадка) водитель имеет право управлять транспортными средствами подкатегории «B1» исключительно с мотоциклетным типом управления, то есть трицикл или квадрицикл должен иметь руль и посадку, как у мотоцикла. Отметку MS ставят водителям, у которых открыта категория A, но закрыта категория B.

Если в водительском удостоверении водителя, разрешены категории «A» и «B», ограничения в виде отметок «AS» и «MS» отсутствуют, то есть он может управлять любым видом трициклов и квадрициклов.

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос подготовки кандидатов в водители мототранспортных средств в образовательных учреждениях. Анализ результатов проведения экзаменов и состояния аварийности с участием водителей мототранспорта со стажем управления до 3-х лет, позволяет говорить о пробелах в обучении.

Так, в соответствии с приказом Минобрнауки России от 26 декабря 2013 г. № 1408 «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» для подготовки водителя мототранспорта в автошколе установлено 18 часов (16 часов на транспортном средстве с автоматической трансмиссией) практических занятий по управлению транспортным средством. Данное количество занятий по практическому вождению относится к подготовке по всем категориям мототранспорта «M», «A» и подкатегориям «A1», «B1», и не учитывает разные технические характеристики мототранспортных средств. Помимо обучения на

закрытой площадке (автодроме) особое внимание необходимо уделить обучению кандидатов в водители к управлению мототранспортом в реальных дорожных условиях, что в данный момент отсутствует в программе подготовки водителей как обязательная подготовка.

Для допуска к управлению мототранспортом в дорожном движении после прохождения обучения необходимо сдать теоретический и практический экзамен в ГИБДД. В настоящее время теоретический этап экзамена на получения права управления мототранспортом категории «A», «M» и подкатегорий «A1», «B1» проводится в органах ГИБДД по комплексу экзаменационных вопросов, предусмотренных как для категорий транспортных средств «A» так и для категории «B», их содержание в большей степени относится к категории «B» и не дает возможность объективно оценить уровень подготовки кандидата в водители мототранспорта и его готовность к безопасному управлению мототранспортом.

Практический экзамен на право управления мототранспортом заключается в том, что кандидаты в водители сдают экзамен по первоначальным навыкам управления мототранспортом на закрытых площадках (автодромах), что исключает возможность проверки и оценки экзаменатором практических навыков управления мототранспортными средствами в условиях реального дорожного движения в населенных пунктах и автомагистралях.

В случае успешной сдачи экзамена на закрытой площадке (автодроме) кандидат в водители, имеющий только теоретические знания и первоначальные навыки управления на автодроме, получает водительское удостоверение на право управления мототранспортными средствами и возможность управлять транспортом в условиях реального дорожного движения, однако предвидеть, как он будет реагировать на обстановку в реальных условиях дорожного движения и поведет себя в различных ситуациях на дорогах общего пользования, невозможно.

Рябинин Н.А.,

DOI 10.51980/2021_1_75

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Некоторые аспекты защиты частных прав сотрудников органов внутренних дел

Конституцией России предусмотрена возможность каждого субъекта права осуществлять защиту имеющихся у него прав (ст. 2, 18, 23, 45 46). Основные способы защиты частных прав граждан регламентируются гражданским законодательством и в полной мере могут быть применены сотрудниками ОВД, частные права которых были нарушены в процессе осуществления профессиональной деятельности¹. Однако на практике очень часто возникают ситуации, когда лица, частные права которых были нарушены, не обращаются за их защитой.

Наиболее распространенными причинами отказа от защиты нарушенных прав являются отсутствие необходимых специальных юридических знаний, убежденность в неэффективности правовых средств защиты², необходимость значительных временных затрат на осуществление защиты, отсутствие денежных средств на профессиональную юридическую помощь. Перечисленные причины в качестве препятствий к осуществлению защиты указывают и сотрудники ОВД при их анкетировании.

Возникает вопрос: должно ли и каким образом Министерство внутренних дел России защищать частные права сотрудников ОВД? Ответ на данный вопрос можно получить, изучив содержание следующих нормативных правовых актов.

1. Пункт 6 ст. 30 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» бланкетным способом закрепляя гарантии правовой защиты сотрудника полиции, предусматривает, что государственная

защита жизни и здоровья, чести и достоинства сотрудника полиции и членов его семьи, а также имущества, принадлежащего ему и членам его семьи, от преступных посягательств в связи с выполнением служебных обязанностей осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

2. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», на который ссылается Федеральный закон «О полиции», конкретизирует гарантии государственной защиты, закрепляя её основные виды:

- применение уполномоченными на то государственными органами мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья указанных лиц, а также обеспечение сохранности их имущества;

- применение мер правовой защиты, предусматривающих в том числе повышенную уголовную ответственность за посягательство на их жизнь, здоровье и имущество;

- осуществление мер социальной защиты, предусматривающих реализацию установленного законом права на материальную компенсацию в случае их гибели (смерти), причинения им телесных повреждений или иного вреда их здоровью, уничтожения или повреждения их имущества в связи с их служебной деятельностью.

Следует отметить, что в содержании указанного закона меры правовой защиты не регламентированы, что, на наш

¹ Рябинин Н.А., Казанцева К.Ю. Основные формы защиты прав участников гражданских правоотношений и их использование в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 8.

² Вопросы организации и практическая реализация мер по оказанию правовой помощи сотрудникам органов внутренних дел: опровержение недостоверной информации и сведений, порочащих честь и достоинство сотрудников, военнослужащих, гражданских служащих и работников, а также деловую репутацию подчиненного подразделения. (Нежелание сотрудников обращаться за судебной защитой своих прав). УИР ДПД МВД России // СТРАС «Юрист» СПС КонсультантПлюс.

взгляд, является пробелом и препятствует созданию действенного механизма защиты прав сотрудников ОВД.

3. Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации», в соответствии с которым Министерство полномочно разрабатывать и реализовывать меры по обеспечению социальной и правовой защиты сотрудников ОВД, оказывать в соответствии с законодательством Российской Федерации правовую помощь сотрудникам ОВД в защите их прав и свобод по делам, возникшим в связи с осуществлением ими служебной деятельности.

В процессе реализации обозначенного полномочия в целях повышения эффективности оказания правовой помощи сотрудникам ОВД создан приказ МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850 «Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России». В данном приказе регламентируются:

- предмет оказания помощи – защита чести, достоинства и деловой репутации;
- адресат оказания помощи – сотрудники ОВД, федеральные государственные гражданские служащие и работники системы МВД России, права которых были нарушены в процессе с осуществления ими служебной деятельности;
- субъекты оказания помощи – сотрудники правовых подразделений, подразделений собственной безопасности, подразделений информации и общественных связей, кадровых подразделений;
- формы оказания помощи – консультирование, помощь в составлении документов, участие в судебном разбирательстве по гражданскому делу в качестве третьего лица.

Также указанным приказом достаточно подробно регламентируется порядок оказания правовой помощи.

Отмечая важность существования и реализации на практике положений данного приказа, следует констатировать тот факт, что защита иных частных (имущественных и неимущественных) прав сотрудников ОВД, нарушенных в процессе их служебной деятельности, не регламентирована. Учитывая, что случаи причинения вреда имуществу, здоровью и иным нематериальным благам сотрудников ОВД не редки, а оказание помощи сотрудникам в защите их частных прав является гарантией службы и, несомненно, отражается на престиже службы в ОВД, считаем необходимым предусмотреть механизм оказания сотрудникам юридической помощи и в указанной ситуации.

В связи с этим необходимо создать новый приказ или внести изменения в действующий приказ МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850 и распространить предмет его регулирования (действия) на все случаи причинения вреда частным (имущественным и неимущественным) правам сотрудника ОВД, нарушенным в связи с осуществлением им служебной деятельности.

В качестве предмета оказания юридической помощи следует указать защиту от причинения любого вреда, как имущественного, так и неимущественного, сотруднику ОВД, служащему или работнику системы МВД. В частности, речь идет об оказании правовой и организационной помощи в защите от причинения вреда таким нематериальным благам, как жизнь, здоровье, личная неприкосновенность, честь достоинство, деловая репутация, личная и семейная тайна, персональные данные, отдельные интеллектуальные права, право на изображение и другим, а также от причинения вреда материальным благам – имуществу, вещам, денежным средствам, имущественным правам.

К перечисленным в приказе формам оказания помощи следует добавить:

- предоставление адресатам оказания помощи правовой информации (например, в рамках служебной подготовки) о случаях нарушения частных прав сотрудников ОВД и возможных способах их

предотвращения, пресечения и восстановления нарушенных прав, а также о сложившейся судебной практике по данным категориям дел;

– создание и доведение до заинтересованных лиц алгоритмов действий по защите нарушенных частных прав;

– помощь в сборе надлежащих доказательств по делу;

– подготовку универсальных образцов (бланков) процессуальных документов, используемых в процессе защиты нарушенных прав.

Также считаем целесообразным расширить круг адресатов оказания правовой помощи, добавив к сотрудникам ОВД, служащим и работникам системы МВД России их родственников и иных заинтересованных лиц (например, иждивенцев), в силу закона осуществляющих защиту нарушенных частных прав в ситуациях когда сотрудник не может осуществить защиту самостоятельно.

В процедуру оказания юридической помощи, на наш взгляд, следует внести изменения, предусматривающие обязательное рассмотрение рапорта (заявления) сотрудника ОВД (служащего, работника МВД России) о факте нарушения его частных прав в ходе осуществления служебной деятельности, установить

срок ответа на рапорт (заявление) и предусмотреть обязательный характер такого ответа.

Осознавая, что сформулированные предложения, несомненно, приведут к увеличению объема служебной деятельности, прежде всего, у сотрудников правовых подразделений, считаем необходимым осуществить увеличение штатной численности данных подразделений.

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний день нормативно-правовая база, регламентирующая защиту частных (гражданских) прав сотрудников ОВД носит фрагментарный характер и требует скорейшего совершенствования. Так, оказание правовой помощи сотрудникам ОВД, имущественные и неимущественные права которых были нарушены в процессе осуществления служебной деятельности, урегулировано лишь в части защиты их чести, достоинства и деловой репутации. В остальных случаях сотрудник вынужден самостоятельно защищать нарушенные частные права. Мы считаем, что МВД России необходимо в кратчайшие сроки предусмотреть механизм оказания правовой помощи в защите остальных частных прав (имущественных и неимущественных) сотрудника ОВД.

Филипсон К.Ю.

DOI 10.51980/2021_1_77

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Актуальные проблемы защиты субъективных прав при установлении пределов принудительного правопреемства (исполнительского иммунитета)

В соответствии с п. 1 ст. 69 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» судебные приставы-исполнители в целях защиты субъективных прав производят обращение взыскания на имущество должника, включая изъятие имущества и (или) его принудительную реализацию либо передачу взыскателю в порядке принудительного правопреемства.

Однако следует отметить, что не все имущество должника подлежит принудительному изъятию и реализации. В целях

защиты субъективных прав обязанного лица в ст. 446 ГПК РФ закреплён перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание.

Установленные законодательные ограничения в первую очередь связаны с недопущением нарушения одного из главных принципов исполнительно-производства, закреплённого в п. 4 ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве», выражающегося в неприкосновенности минимума имущества,

необходимого для существования гражданина-должника и членам его семьи.

В то же время на практике перед судебными приставами исполнителями возникает проблема, когда должник не имеет имущества, на которое может быть обращено взыскание, но при этом владеет жилым помещением, которое по своим качественным и количественным характеристикам явно превышает минимальные общепризнанные социальные стандарты проживания, но является для обязанного лица и его семьи единственным. В связи с этим, осуществляя защиту субъективных прав, судебные приставы сталкиваются с недобросовестным поведением должника, который, зная об исполнительском иммунитете, вкладывает все свои средства в покупку дорогостоящего жилья, тем самым уклоняясь от исполнения обязательств.

Выявленная проблема стала предметом рассмотрения по делу о проверке конституционности положения абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ. Конституционный Суд РФ высказал свою позицию относительно, установленного исполнительского иммунитета, подчеркнув, что положения права собственности, включая основания и порядок его приобретения, перехода и утраты, а также объем и границы правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом, должны регламентироваться в соответствии с принципами правового государства, на основе юридического равенства и справедливости. При этом право собственности и иные имущественные права подлежат защите на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, кредиторов и должников. При возникновении коллизий между правами кредитора и должника не допускается предоставления защиты одним правам в нарушение других, равноценных по своему конституционному значению. В таких случаях права и законные интересы участников гражданского оборота долж-

ны получать соразмерную (пропорциональную) защиту на основе баланса конституционных ценностей.

Таким образом, установленные федеральным законодателем пределы возможного взыскания по исполнительным документам должны отвечать интересам защиты конституционных прав кредитора, при этом они не могут затрагивать основное содержание конституционных прав должника.

Однако Конституционный Суд РФ указал, что федеральному законодателю надлежит внести необходимые изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующее пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к жилому помещению (его частям), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в данном жилом помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания, с тем чтобы обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора (взыскателя) в случае, когда по своим характеристикам соответствующий объект недвижимости явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, а также предусмотреть для таких лиц гарантии сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования¹.

Во исполнение постановления Конституционного Суда РФ Минюстом РФ был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве». Указанный законопроект, прежде всего, направлен на защиту наиболее значимых субъективных прав кредитора, таких как удовлетворение права требования о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, и о взыскании алиментов.

¹ По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова : постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П.

Рассматриваемый законопроект содержит такие положения, которые, на первый взгляд, позволяют защитить, нарушенные субъективные права кредитора, но при этом не допустить нарушения конституционных прав должника.

Во-первых, законодатель устанавливает правила принудительного изъятия жилого помещения у должника:

1) площадь жилого помещения должна превышать двукратную норму предоставления площади жилого помещения, установленную в соответствии с законодательством России, на гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в указанном жилом помещении;

2) стоимость составляет более двукратной стоимости жилого помещения, по размеру соответствующего норме предоставления площади жилого помещения, установленной в соответствии с законодательством Российской Федерации, на гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в указанном жилом помещении, рассчитанной с учетом среднего удельного показателя кадастровой стоимости объектов недвижимости для кадастрового квартала на территории субъекта Российской Федерации, утвержденного в соответствии с законодательством об оценочной деятельности.

Во-вторых, закрепляет ограничения изъятия жилого помещения, если размер требований в исполнительном производстве явно несоразмерен стоимости имущества, на которое обращается взыскание: если сумма неисполненных гражданином-должником обязательств, а также подлежащих возмещению за счет гражданина-должника расходов по совершению исполнительных действий и исполнительского сбора составляет менее 5% от стоимости имущества, на которое обращается взыскание, и (или) минимальный размер денежной суммы, подлежащей передаче гражданину-должнику после реализации имущества в соответствии с настоящей статьей, составляет более 50% стоимости соответствующего имущества.

В-третьих, законопроект предусматривает правовые гарантии должника и членов его семьи:

1) денежная сумма для приобретения иного жилого помещения для проживания должника-гражданина и членов его семьи не может быть менее стоимости жилой площади, рассчитанной на основании нормы предоставления площади жилого помещения, установленной в соответствии с законодательством Российской Федерации, с учетом членов семьи должника-гражданина, проживающих совместно с ним, а также с учетом среднего удельного показателя кадастровой стоимости объектов недвижимости для кадастрового квартала на территории субъекта Российской Федерации на момент вынесения определения суда об обращении взыскания на имущество (минимальный размер денежной суммы, подлежащей передаче должнику-гражданину после реализации имущества);

2) если в течение трех месяцев с даты передачи должнику-гражданину денежной суммы для приобретения иного жилого помещения должник-гражданин не приобрел жилое помещение, денежная сумма, определенная исходя из минимального размера денежной суммы, подлежащей передаче должнику-гражданину после реализации имущества, перечисляется в порядке, установленном Правительством РФ, в бюджет муниципального образования по месту нахождения имущества, на которое обращено взыскание в соответствии с настоящей статьей. В последующем орган местного самоуправления в течение двух месяцев с даты перечисления в бюджет соответствующего муниципального образования денежной суммы предоставляет должнику-гражданину и членам его семьи, совместно проживающим с ним, иное пригодное для проживания жилое помещение.

Законопроект оправданно вызвал широкий общественный резонанс, так как совершенно невозможно предсказать, как его положения будут реализованы на практике. Критики совершенно справедливо опасаются возможного ухудшения субъективных прав должников, в связи с несовершенством российской правовой системы и возможными недобросовестными действиями должностных лиц, уполномоченных в после-

дующем предоставить жилое помещение должникам.

При этом в Минюсте поясняют, что поправки коснутся только тех собственников, которые проживают в больших квартирах элитного сегмента.

На наш взгляд, принятие данного законопроекта позволит добиться баланса интересов кредитора и должника, а также ограничит возможность злоупотребления правом со стороны обязанного лица.

В настоящее же время суды пытаются обойти исполнительский иммунитет в целях защиты субъективных прав кредитора при помощи положений ст. 10 ГК РФ. Положения указанной статьи устанавливают запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав¹.

Полагаем, что законодательные поправки по ограничению использования исполнительского иммунитета позволят более эффективно защитить субъективные права кредиторов, однако прежде необходимо детально и последовательно разработать механизм их действия, а также предусмотреть возможные негативные социальные последствия.

В заключение отметим три основные преграды в принятии рассматриваемого

выше законопроекта, которые ставят под сомнение последующие его эффективное применение²:

во-первых, проблемы с кадастровой оценкой и легко прогнозируемые в связи с этим вопросы к стоимости жилья и расчет суммы, необходимые для приобретения нового;

во-вторых, порядок практической реализации с учетом отсутствия маневренного фонда для переселенцев;

в-третьих, не нужно забывать, что сельские дома, в которых живет огромное количество граждан, как раз не самых обеспеченных, имеют в большинстве случаев заведомо большую площадь, чем это предусмотрено социальными нормами. Но это вовсе не означает, что такие граждане являются состоятельными;

в-четвертых, многие состоятельные граждане во избежание возможных рисков в будущем, как правило, изначально пытаются не оформлять на себя те объекты недвижимости, которыми на самом деле пользуются, а оформлять их на третьих лиц. Поэтому данный законопроект их почти не коснется.

Полагаем, что, прежде чем принимать столь социально значимые нормы и применять повсеместно, необходимо чтобы они прошли апробацию, широкое экспертное и общественное обсуждение.

¹ Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС18-15724 по делу № А40-67517/2017. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020170>.

² Нельзя допустить, чтобы от принятия законопроекта Минюста пострадали граждане или семьи, попавшие в сложную жизненную ситуацию. URL: <https://onf.ru/2017/01/12/klimov-nelzya-dopustit-chtoby-ot-prinyatiya-zakonoproekta-minyusta-postradali-grazhdane>.

Невирко Д.Д.,

DOI 10.51980/2021_1_81

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о разграничении коррупционных проступков и иных нарушений законодательства о государственной службе

В действующем законодательстве Российской Федерации в целом, как и непосредственно в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», до сих пор не выработан единый стройный подход к определению понятия «коррупционное правонарушение» и его квалифицирующих признаков. Отсутствие единого категориально-понятийного аппарата влечет невозможность установления четких пределов его правового регулирования, в результате чего все усилия по противодействию коррупции в большей степени приобретают «лоскутный», а не системный характер¹.

Действующее законодательство не содержит дефиниций «коррупционное правонарушение», «коррупционный проступок», несмотря на то, что сами понятия активно используются законодателем.

В настоящее время проблеме разграничения коррупционных и иных преступлений посвящено значительное количество работ, но при этом практически отсутствуют научные исследования, направленные на выработку критериев отличия коррупционных правонарушений от иных дисциплинарных проступков. Возникает вопрос: «Насколько принципиально констатация факта совершения именно коррупционного нарушения при привлечении государственного или муниципального служащего к дисциплинарной ответственности?». Ответ на данный вопрос имеет принципиальный характер, так как от него зависят и процедура наложения взыскания, и правовые последствия (особенно в случае увольнения за коррупционные правонарушения).

На основе анализа материалов правоприменительной практики можно выде-

лить основные ошибки, допускаемые кадровыми, правовыми подразделениями и представителями нанимателя при квалификации дисциплинарных проступков как коррупционных.

1. Деяния лица, совершенные до подписания контракта и назначения на должность, квалифицируются как коррупционный дисциплинарный проступок.

Может показаться, что подобная ошибка невозможна в принципе, так как факт того, что дисциплинарные проступки могут быть совершены исключительно должностными лицами и, соответственно, не могут быть совершены безработными гражданами, не подвергается сомнению. К сожалению, в последние несколько лет практика привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности за нарушения антикоррупционного законодательства (имеются в виду деяния, не являющиеся преступлениями или административными правонарушениями), имевшие место до назначения на должность государственной службы приобрела массовый характер.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» граждане, претендующие на замещение должностей государственной службы, обязаны представлять представителю нанимателя сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (далее – сведения о доходах), непредоставление таковых в соответствии с ч. 8 ст. 8 закона является основанием для отказа в приеме указанного гражданина

¹ Спектор Е.И. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsionnye-pravonarusheniya-problemnye-voprosy-yuridicheskoy-kvalifikatsii> (дата обращения: 09.02.2021).

на государственную или муниципальную службу.

При этом в законе отсутствуют нормы, регламентирующие довольно распространенную ситуацию, при которой представитель нанимателя издает приказ о назначении на должность государственной службы гражданина, не предоставившего сведения о доходах. После выявления подобного факта (как правило, в результате проверки соблюдения антикоррупционного законодательства) гражданин привлекается к дисциплинарной ответственности как лицо, совершившее коррупционный проступок, или увольняется в связи с утратой доверия. Данная ошибка связана в том числе с неправильным пониманием правовой природы взысканий за коррупционные проступки¹.

Анализ судебной практики убедительно доказывает, что суды зачастую становятся на сторону представителя нанимателя и фактически признают возможность совершения дисциплинарного коррупционного проступка до издания приказа о назначении на должность государственной службы. Так, И.Н.К. 1 сентября 2017 г. поступил на государственную гражданскую службу – в Балтийско-Арктическое морское управление Росприроднадзора. 28 июня 2018 г. заявитель был освобожден от замещаемой должности и уволен с государственной гражданской службы в связи с утратой представителем нанимателя доверия к государственному гражданскому служащему. Увольнению предшествовало проведение на основании представления Генеральной прокуратуры РФ служебной проверки, по результатам которой было установлено, что заявитель при поступлении на государственную гражданскую службу не представил сведений о доходах.

Решением Первомайского районного суда города Мурманска от 7 сентября

2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда от 6 декабря 2018 г., отказано в удовлетворении исковых требований И.Н.К. о признании увольнения незаконным. При этом суды пришли к выводу, что увольнение И.Н.К. в связи с утратой доверия на основании п. 1.1 ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» является законной и обоснованной мерой реагирования на допущенное им нарушение действующего законодательства о прохождении государственной гражданской службы, а процедура увольнения заявителя была соблюдена.²

Думается, что ситуация изменится после того, как Конституционный Суд РФ в постановлении от 6 апреля 2020 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также пункта 2 части 1 статьи 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» в связи с жалобой гражданина И.Н. Котяша», указал, что заключение государственным органом (его подразделением по вопросам государственной службы и кадров) – вопреки требованию закона – служебного контракта с гражданином, не представившим сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, исключает применение к этому гражданину после поступления его на государственную гражданскую службу негативных правовых последствий в виде мер юридической ответственности, в том числе такой сопряженной с репутационными издержками меры, как увольнение с указанной службы по порочащему гражданину основанию³.

¹ См. подр.: Невирко Д.Д. Проблемы усмотрения при привлечении государственных служащих к ответственности за коррупционные правонарушения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции (4-5 апреля 2019 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2019.

² Дело № 2-3734/2018 ~ М-3010/2018. URL: https://perv--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34406639&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 09.02.2021).

³ Дело гр. И.Н.К. было пересмотрено 26.06.2020. Дело № 2-1912/2020. – URL: https://perv--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34406639&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 09.02.2021).

2. Также довольно распространены случаи, когда ненадлежащий контроль со стороны руководителя за подчиненными, совершившими нарушения коррупционного характера, квалифицируется как коррупционный проступок.

В настоящее время вопрос об ответственности лица, замещающего руководящую должность на государственной службе, за действия подчиненных является чрезвычайно дискуссионным, однако думается, что факт нарушения государственным служащим антикоррупционного законодательства автоматически не образует состав коррупционного дисциплинарного проступка руководителя. Несмотря на аксиоматичность представленного утверждения, правоприменительная практика предлагает нам значительное количество примеров принятия представителем нанимателя неверных решений в рассматриваемой сфере.

Например, 17 февраля 2020 г. Ленинский районный суд г. Ростова-на-Дону рассмотрел дело по иску бывшего начальника отдела – старшего судебного пристава Н.И.В. на которого было наложено дисциплинарное взыскание – освобождение от занимаемой должности в связи с утратой доверия за непринятие мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов в связи с тем, что подчиненные ему сотрудники принимали решения по исполнительным производством в отношении водителя данного отдела (вопреки нормам законодательства о конфликте интересов). Представитель нанимателя посчитал, что в данном случае Н.И.В. совершил коррупционное правонарушение. Суд с данной позицией не согласился и отменил приказ об увольнении. Как указано в решении суда: из анализа имеющихся в деле документов усматривается лишь ненадлежащий контроль со стороны Н.И.В. за ходом исполнительного производства¹.

3. Наиболее распространенной ошибкой в рассматриваемой сфере является

неправильная квалификация коррупционных проступков. В настоящее время список коррупционных правонарушений, влекущих наложение дисциплинарных взысканий, довольно широк. К сожалению, не всегда кадровым подразделениям государственных органов при проведении проверки деятельности должностных лиц удается верно квалифицировать коррупционный проступок. Не являются редкостью случаи, при которых государственному служащему при совершении деяний, имеющих признаки одного коррупционного проступка, вменяется нарушение целого ряда норм антикоррупционного законодательства.

Так, 14 июля 2020 г. Орджоникидзевским районным судом г. Екатеринбурга было принято крайне спорное решение по иску старшего инспектора дорожно-патрульной службы отдельного специализированного батальона дорожно-патрульной службы ГИБДД ГУ МВД России по Свердловской области Г.Р.Р., который был уволен со службы в связи с утратой доверия (за невыполнение обязанности по уведомлению представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений). Данному должностному лицу было предложено незаконное денежное вознаграждение в сумме 13 000 руб. за непривлечение к ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения. При этом и представитель нанимателя и суд неоднократно ссылались на ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», т.е. указывали на несоблюдение норм законодательства о конфликте интересов.²

Данная ошибка не так существенна при привлечении к дисциплинарной ответственности (по сравнению с уголовной или административной), так как отсутствует четкая привязка состава к конкретному взысканию, при этом неверная

¹ Дело № 2-1114/2020 ~ М-632/2020. – URL: https://leninsky--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=93053697&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 09.02.2021).

² Дело № 2-1679/2020 ~ М-1622/2020. URL: https://ordzhonikidzevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=114937222&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 09.02.2021).

квалификация деяния делает приказ о наказании как минимум оспоримым.

Таким образом, даже поверхностный анализ правоприменительной практики, связанной с привлечением государственных служащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, убедительно доказывает нали-

чие ряда проблем, связанных с квалификацией коррупционных проступков. Думается, данная ситуация является следствием целого комплекса причин, которые только предстоит выявить. Надеюсь, это станет темой отдельной работы.

Муханов Д.А.

DOI 10.51980/2021_1_84

Красноярский государственный аграрный университет

Формы противодействия коррупции субъектами, обеспечивающими конституционный правопорядок

Противодействие коррупции является одной из важных и приоритетных задач государства. Коррупция представляет собой отношения, которые возникают в условиях наличия у субъекта управления прав и возможностей в связи с его профессиональной деятельностью и должностным положением, характеризующиеся нарушением российского законодательства в целях личной выгоды в ущерб третьим лицам (государству, обществу, организации). Коррупционное состояние общественных отношений негативно влияет на стабильное и прогрессивное развитие общества и государства, препятствует формированию должного уровня правопорядка и законности в национальной системе.

В современной России формируется механизм противодействия коррупции, основывающийся на последовательном действии средств и форм правовой деятельности субъектов конституционного правопорядка, участвующих в установлении должного уровня безопасности и стабильного развития российского государства и общества. При этом конституционный правопорядок характеризуется как вид и состояние социальной жизни, фактическое и номинальное отражение требований Конституции России, федерального законодательства, обуславливающие установление режима последо-

вательного и системного соблюдения прав и свобод человека и гражданина¹.

Субъекты, в лице государственных органов и должностных лиц, гарантирующие конституционный правопорядок, обеспечивают разработку законов, планов, профилактических мер, выявление и пресечение преступлений, а также контроль деятельности в сфере противодействия коррупции. Данные направления совершенствования общественно-правовых отношений граждан, должностных лиц, муниципальных и государственных органов обуславливают укрепление правопорядка.

Главным субъектом, обеспечивающим конституционный правопорядок, является Президент РФ, который определяет основные направления государственной политики по борьбе с коррупцией. Федеральное Собрание РФ разрабатывает и принимает федеральные законы в сфере противодействия коррупции. Генеральная прокуратура РФ и прокуроры субъектов Российской Федерации, координирующие деятельность ОВД, ФСБ, таможенных органов и других органов исполнительной власти, связанных с исполнением обязанностей по борьбе с коррупцией. Основным исполнительным органом по противодействию коррупции является Главное Управление по экономической безопасности и противодействию коррупции МВД РФ.

¹ Безруков А.В., Тепляшин И.В. Конституционный правопорядок как условие развития гражданского общества в современной России // Современное право. 2018. № 12. С. 33–39.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что субъекты, обеспечивающие конституционный правопорядок, это компетентные органы власти, реализующие комплекс правоприменительных, организационно-управленческих и информационно-идеологических средств, обеспечивающих борьбу, профилактику и искоренение коррупционной преступности, выступая гарантом защиты правовых интересов общества и государства.

Совокупность организационно-правовых средств и методов в антикоррупционном механизме, вытекающих из соответствующих компетенций уполномоченных субъектов, представляют собой формы противодействия коррупции. На данный момент можно выделить две основные формы: антикоррупционная профилактика и применение антикоррупционных мер. Первая носит общесоциальный характер и включает в себя: создание в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, стимулирование должностных лиц по предотвращению коррупционного поведения, разработка планов и программ в сфере борьбы с коррупцией. Вторая форма имеет специальный характер, заключающийся в непосредственной деятельности уполномоченных органов, направленных на принятие своевременных мер по выявлению, пресечению и наказанию виновных лиц, совершивших коррупционные деяния.

Если рассматривать историю и опыт, как Российской Федерации, так и зарубежных стран, то можно сделать вывод: искоренить полностью коррупцию не представилось возможным ни одной стране мира. Что касается её минимизации, то для этого требуется принятие конкретных мер и соответствующее время, которое покажет, эффективны ли существующие инструменты в этом вопросе. Ведь, как справедливо отмечает П.В. Тепляшин, «научный интерес представляет сравнительно-правовой анализ применения санкций за коррупционные

преступления, поскольку зарубежный опыт является не только предметом компаративистского исследования, который имеет в этом случае в большей степени гносеологическое значение, но и его аксиологическое понимание позволяет обнаружить общемировые закономерности противодействия коррупции и выявить на этом фоне достоинства и возможные недостатки национальных особенностей моделей борьбы с общественно опасными деяниями коррупционной направленности»¹.

Актуальным вопросом остается официальная отчетность компетентных органов и периодическая публикация показателей в средствах массовой информации по коррупционным преступлениям. В этом плане, с одной стороны, в случае положительных показателей коррупционных преступлений нет оснований говорить об эффективности принятых мер по противодействию коррупции, так как при этом не всегда учитывается состояние и наличие латентной преступности коррупционной направленности. Лицам, призванным бороться с преступностью, нельзя забывать, что конечной целью их деятельности являются не ведомственные показатели, а человек, его права и свободы, признание, соблюдение и защита которых являются высшей обязанностью государства².

Важной формой борьбы с коррупцией являются демократические процедуры, закрепленные в Конституции РФ (ст. 32, 33 и др.) и федеральном законодательстве. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства, в работе государственных органов как непосредственно, так и через своих представителей, имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. В России действуют различные общественные организации, которые участвуют в противодействии коррупции,

¹ Тепляшин П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования : сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск: СФУ, 2019. С. 215.

² Белоусов В.Т. Противодействие коррупции: от теории к практике // Власть. 2015. № 12. С. 172-175.

функционируют общественные советы при органах государственной и муниципальной власти, реализуется институт общественного контроля. Но стоит признать, что общественные структуры не наделены значимыми полномочиями и ресурсами, не принимают императивных решений и не осуществляют правоприменительную деятельность в отличие от государственных служб и организаций.

Интересной представляется форма противодействия коррупции, которая реализуется государственным органом при непосредственном участии и тесном сотрудничестве с гражданским обществом. Например, в 2020 г. принят Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации», который закрепляет, что для выполнения своих задач Государственный Совет РФ взаимодействует не только с государственными

органами, но и с институтами гражданского общества. Представляется, что активное взаимодействие и даже включение в состав данного конституционного государственного органа представителей периферических структур общества дало бы положительный результат в деле противодействия коррупции и повысило бы уровень доверия населения к государству в целом.

Таким образом, национальный механизм противодействия коррупции требует совершенствования и введения новых форм правовой деятельности. Общество, население России – как источник власти в государстве имеет относительно скромные способы влияния на процесс распространения коррупции, тем не менее их содействие органам государственной власти выступает кооперативной формой в антикоррупционном механизме.

Воропаева К.Е.

DOI 10.51980/2021_1_86

Красноярский государственный аграрный университет

Антикоррупционное поведение молодежи как необходимое условие противодействия преступности

Преступность как проявление неправомерного поведения со стороны граждан, должностных лиц и служащих должна рассматриваться не только с точки зрения правового нигилизма и игнорирования законодательных положений, но как социально вредное явление, оказывающее негативное влияние на общественные ценности и правовые установки. В этом плане современное молодежное сообщество не является исключением, преступность и коррупция подрывают доверие к государственному строю, формируют правовой нигилизм у молодых людей, мешают нормальному процессу правовой социализации молодежи.

Стоит отметить, что события, происходившие в начале 2021 г. и связанные с несанкционированными публичными мероприятиями и достаточно широким присутствием на них молодежи, показывают

неустойчивость психологического портрета молодых людей, фактическое отсутствие с их стороны знаний в области политики и государственного управления. В силу этого формирование эффективной молодежной политики во многом обеспечивается системным правовым антикоррупционным воспитанием молодежи, укреплением у молодых людей общегражданских ценностей, основанных на принципах соблюдения прав и свобод человека в целях предотвращения угроз социальных рисков¹. Роль правоохранительных органов в данном вопросе выступает наиболее значимой и перспективной, именно органы правопорядка, специализированные образовательные организации способны с точки зрения практики и теории сформировать у молодых граждан устойчивое негативное отношение к любым формам противоправного поведения,

¹ Алексеев С.Л. Развитие гражданской идентичности молодежи в процессе непрерывного образования : коллективная монография. Казань: Академия социального образования, 2017. С. 23-24.

помочь овладеть практическими социальными навыками и коммуникационными умениями, позволяющими активно взаимодействовать с государственным аппаратом. Как представляется, необходимо не только ограничивать и устанавливать запреты на коррупционное поведение, но и мотивировать молодежь к антикоррупционной модели правовой деятельности. Как справедливо отмечается в специальных исследованиях, за счет использования «правовых стимулов и ограничений высвечиваются конкретные меры реагирования на преступность, а также детализируется предупреждение и борьба с коррупцией как два основных направления противодействия коррупции»¹.

Можно обозначить основные сферы формирования антикоррупционного поведения современной молодежи.

1) сфера высшего юридического образования. Профессиональное образование способно содействовать созданию атмосферы нетерпимости к попыткам проявлений коррупции в обществе, развитию антикоррупционной и гражданской устойчивости молодого поколения. Укрепление антикоррупционной составляющей в системе образования, на наш взгляд, осуществляется путем реализации антикоррупционного поведения и формирования высокой социальной ответственности молодежи, понимания важности правопорядка и законности в системе государственного и муниципального управления;

2) сфера гражданского общества. В данном случае правовое воспитание современной молодежи в наибольшей мере может осуществляться такими негосударственными структурами, как Общественная палата РФ, общественные советы при органах государственной власти и органах местного самоуправления, общественные объединения правоохранительной направленности и др. Такая работа может осуществляться совместно

с органами МВД РФ, прокуратуры, Следственного комитета РФ, службой судебных приставов РФ;

3) молодежное сообщество. Формирование антикоррупционного мировоззрения может осуществляться посредством политико-правовой и управленческой деятельности самих молодежных движений и советов, участвующих в публично-правовой деятельности, действующих, прежде всего, при законодательных и исполнительных органах власти. Важно подчеркнуть, что специалисты указывают на хорошие перспективные начала участия молодежных общественных структур в обеспечении законности и правопорядка в стране². К таким структурам следует отнести молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные избирательные комиссии и пр.;

4) сфера непосредственного участия молодежи в деятельности по укреплению законности и правопорядка. В данном случае речь идет об участии молодежи, достигшей соответствующего возраста, в демократических выборах, в охране общественного порядка, оказании помощи правоохранительным структурам по противодействию преступности, работы в качестве присяжных и арбитражных заседателей и т.д. Здесь молодой человек знакомится с правовой природой деятельности органов управления, процедурой претворения в правовую действительность положений Конституции РФ и федерального законодательства, социальным характером и целевым назначением принимаемых правовых решений, с юридической практикой, направленной на обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, в рамках формирования и развития концепции общественной безопасности в современной России следует учесть, что достижение высокого уровня правовой культуры и правомерной линии поведения молодежи осу-

¹ Тепляшин П.В. Антикоррупционные правила безопасности сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы // Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения: сборник научных статей по итогам V Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. С. 208.

² Безруков А.В., Тепляшин И.В. Роль общественности в укреплении конституционного правопорядка в России // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 38.

шествуется, прежде всего, в процессе социализации в демократических и управленческих отношениях, при получении высшего образования, в рамках осуждения преступных проявлений в современном обществе.

При этом политическое самообразование, локальный процесс ознакомления с национальными и правовыми ценностями у современной молодежи осуществляется, как правило, неэффективно и нецеленаправленно. В этом плане формирование надлежащего уровня правовой грамотности сопряжено с достаточно трудоемким и длительным процессом правового воспитания. Данные обстоятельства следует учесть при реализации соответствующих государственных программ и мероприятий, связанных с про-

филактикой правонарушений и антисоциального поведения собственно в молодежной среде, антикоррупционным воспитанием студенческого сообщества, вовлечением молодежи в конкретные правовые, управленческие и демократические процедуры, корректированием и стимулированием их правомерного и социально полезного поведения.

Формирование молодежной политики, укрепление основ гражданского общества, учет инициатив молодежных структур прямо связаны с целенаправленным и системным правовым и антикоррупционным воспитанием современной молодежи, качественной и эффективной работой правоохранительных структур, цивилизованным процессом противодействия преступности.

Тетерятников Н.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_88

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Публичные мероприятия в современной России: новые практики и особенности законодательного регулирования

Публичные, в том числе массовые, мероприятия являются инструментом донесения мнения определенных групп населения до сведения широкой общественности и официальных властей. Реакция заинтересованных людей на экономические, социальные либо политические события в стране наиболее явно и действенно выражается посредством выхода на улицу – хоть в одиночный пикет, хоть на митинг, шествие или демонстрацию.

В качестве весьма эффективного средства воздействия гражданского общества на государственные и муниципальные власти проведение публичных, особенно массовых, мероприятий в Российской Федерации, являющихся одной из форм непосредственной демократии, неоднократно приводили именно к тому результату, к которому стремились митингующие.

Среди ярких, запоминающихся и одновременно эффективно сработавших публичных массовых событий последних

лет в качестве наиболее показательных можно определить следующие.

1. В 2010 г. в Красноярском крае региональные власти подписали итоговое соглашение с компанией ЗАО «ЧЕК-СУ.ВК» о строительстве ферросплавного завода в окрестностях города Красноярска на месте закрывшегося завода по производству экскаваторов «Крастяжмаш». Граждане, возмущившись предстоящим загрязнением и так весьма экологически неблагополучного города, начали выходить на акции протеста, которые приобрели поистине грандиозный масштаб и длились без малого два года. В результате этих публичных массовых мероприятий с широким участием красноярцев губернатор Красноярского края Лев Кузнецов выступил с официальным заявлением, в котором проинформировал, что им принято решение о расторжении соглашения с ЗАО «ЧЕК-СУ.ВК», в связи с

чем ферросплавный завод на территории края построен не будет¹.

2. Осенью 2019 г. муниципальные власти города Екатеринбурга приняли решение о строительстве православного храма на месте центрального городского сквера с вырубкой в последнем множества деревьев. Нравнодушные граждане организовали публичный массовый протест, обосновывая его тем, что сквер в данном месте жизненно необходим для прогулок, в том числе с детьми. После чего стали массово выходить на место предстоящей стройки, тем самым препятствуя возведению церковного сооружения. Противостояние граждан и строителей продолжалось более месяца. События в Екатеринбурге освещались множеством средств массовой информации – как через Интернет, так и посредством федеральных телеканалов. Муниципальные власти неоднократно огораживали сквер забором, который затем демонтировался гражданами. Борьба шла и днем, и ночью. Общественным активистам неоднократно отказывали в проведении местного референдума относительно судьбы сквера и строительства храма на его месте. Разрешилась данная спорная ситуация лишь к июлю 2019 г. после заявления епархии об отказе от строительства храма на месте сквера у драматического театра областного центра².

3. Вблизи станции Шиес Архангельской области в 2018 г. начались работы по строительству мусорного полигона для твердых бытовых отходов, вывозимых из города Москвы. Из числа местных жителей сформировалась команда экоактивистов, решивших противодействовать этой инициативе властей. Одной из мер борьбы стала организация массовых несогласованных акций протеста, сопровождающаяся созданием постоянно действующих палаточных городков на месте стройки, куда люди заселялись вахтовым методом на срок от нескольких недель до нескольких месяцев, препятствуя тем самым реализации проекта. Кроме того, в декабре 2019 г. на митинг в городе Котласе, распо-

ложенном на юге Архангельской области, собрались около десяти тысяч человек, при том, что численность населения этого города составляет всего 61 тыс. горожан. Финалом борьбы граждан со строительством мусорного полигона стало постановление областного арбитражного суда, вынесенное в январе 2020 г., в соответствии с которым объекты полигона были признаны самостроем и подлежали сносу³.

По сравнению с петициями, жалобами, прошениями и гневными комментариями в социальных сетях публичные мероприятия, особенно в виде митингов, шествий и демонстраций, обладают куда большей эффективностью. Это обусловлено общественным резонансом, спровоцированным освещением в средствах массовой информации даже небольших и локальных акций.

Из приведенных примеров становится понятно, что как инструмент гражданского общества, которое противостоит официальной публичной власти, публичные мероприятия являются серьезным оружием. При этом социальные активисты последнее время обращаются и к инновационным средствам борьбы за свои ценности.

Так, 22 декабря 2019 г. в городе Элисте Республики Калмыкия впервые был проведен интернет-митинг, в котором приняли участие около пяти тысяч человек. Организован он был на площадке видеохостинга YouTube. Лейтмотивом акции стало требование отставки главы города Дмитрия Трапезникова. До этого в Элисте проходили и реальные митинги с той же повесткой, в результате которых были заведены административные дела на участников, что, возможно, и побудило использовать в дальнейшем с этой целью Интернет.

Сложно судить о реальном переносе публичных мероприятий с площадей городов в Интернет, тогда как законодательное регулирование подобных акций до сих пор является проблемой для государственных органов. В настоящее время

¹ URL: <https://www.svoboda.org/a/24646004.html>.

² URL: <https://www.interfax.ru/russia/665378>.

³ URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/09/shies/>.

не существует требований относительно массовости и несогласованности подобных событий.

Кроме того, такие акции могут проводиться из любого места на планете, а участвовать в них может кто угодно и – также – из любой произвольной локации. Возникает вопрос не столько о том, есть ли принципиальная необходимость в правовой регламентации подобного рода акций, сколько о способах осуществления такого регулирования. Тем более, что интернет-митинги могут выступить эффективным средством агитации к организации публичных массовых мероприятий в реальной действительности.

Российские власти стараются не отставать от наиболее активных представителей общественности: законодательство о митингах в России за последние несколько лет претерпело ряд существенных изменений в сторону ужесточения норм. Так, в соответствии с КоАП РФ штраф за участие в несогласованном митинге за последние годы увеличился в 20 раз и может достигать теперь 20 000 рублей.

Кроме того, в 2018 г. появился новый состав административного правонарушения, предусматривающий вовлечение несовершеннолетнего в участие в несогласованных собраниях, митингах и других публичных акциях. Санкция предусматривает до 50 000 рублей штрафа или 15 суток административного ареста для граждан, до 100 000 рублей штрафа для должностных лиц и до 500 000 рублей штрафа для юридических лиц.

В августе 2019 г. по данному составу, в том числе в связи с повторным совершением этого правонарушения, политическую активистку Л.Э. Соболев суммарно оштрафовали на 930 000 рублей за призывы участвовать в несанкционированных митингах, обращенные к неограниченному кругу лиц, включая несовершеннолетних¹.

В самом конце 2020 г. законодательство о публичных мероприятиях было дополнено:

– нормой, позволяющей признавать несогласованным митингом очередь на одиночный пикет;

– запретом на проведение публичных акций у зданий экстренных служб;

– обязанностью журналистов, освещающих публичные мероприятия, открыто носить «отличительный признак представителя СМИ», за отсутствие или сокрытие которого предусматривается административная ответственность.

К вышеперечисленному ст. 212.1 УК РФ, введенная в 2014 году, предусматривает за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, а также иного публичного мероприятия штраф до 1 000 000 рублей, а также лишение свободы до пяти лет.

По данному составу несколько человек привлекались в качестве обвиняемых по уголовным делам. При этом трое были признаны виновными и осуждены – двое к реальному сроку, третья – к условному².

Следует отметить, что первый осужденный добился того, что 22 февраля 2017 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации его приговор отменил и постановил выплатить компенсацию в размере 2 200 000 рублей за два года лишения свободы с признанием за ним права на реабилитацию³. Вторым приговор по ст. 212.1 УК РФ был вынесен весной 2020 г., а третий – в последних числах декабря 2020 г.

¹ URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/08/13/808674-summa-shtrafov-sobol>.

² URL: <https://www.rbc.ru/society/23/12/2020/5fe2fc8e9a79475f9268e6ae>.

³ URL: <https://www.interfax.ru/russia/564681>.

Демин А.В.,

DOI 10.51980/2021_1_91

доктор юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Институт налоговых информаторов в контексте борьбы с налоговой преступностью в США: компаративный анализ*

Добровольное налоговое информирование на возмездной или безвозмездной основе (*whistle-blowing*) легализовано во многих странах мира. В этом контексте особая роль принадлежит США, где указанный налогово-правовой институт эффективно применяется уже более ста лет, а суммы вознаграждений, выплаченные налоговым информаторам только за последние годы, исчисляются сотнями миллионов долларов. При этом такие бюджетные издержки с лихвой покрываются за счет денежных сумм, взысканных с нарушителей налогового законодательства на основании полученных от информаторов сведений. Впечатляющее соотношение затрат и выгод подтверждает обоснованность введения института налоговых информаторов в национальный правопорядок.

Программы материального поощрения налоговых информаторов историческими корнями восходят к законодательству 1867 г., позволявшему Министру финансов выплачивать суммы, необходимые для «выявления и привлечения к суду и наказания лиц, виновных в нарушении национальных налоговых законов».¹ Первоначально все вопросы, связанные с вознаграждением и правовой защитой информаторов, относились к полной дискреции налоговых органов. С 2006 г. в структуре Налоговой службы США (*Internal Revenue Service; IRS*) действует специализированное подразделение по работе с налоговыми информаторами — Офис по работе с налоговыми информаторами (*IRC Whistleblower Office*), на которое возложено администрирование релевантных вопросов, включая прием сообщений о налоговом неком-

плайенсе, рассмотрение заявлений информаторов о вознаграждении, обеспечение им правовой защиты и т. д. Именно Директору Офиса делегированы полномочия по утверждению и назначению вознаграждений для лиц, которые предоставляют в IRS информацию, связанную с установленными фактами налогового некомплайенса.

Нормативная основ выступают положения, изложенные в § 7623 Налогового кодекса США (IRC), в § 301.7623-1 Свода федеральных подзаконных нормативных актов (CFR) и в разд. 25.2 Руководства для сотрудников Налоговой службы (IRM).

Информатор должен предоставить в IRS конкретную и достоверную информацию, которая, по его мнению, приведет к получению доходов от одного или нескольких лиц, нарушивших, по мнению информатора, налоговое законодательство. Как правило, в сообщении информатора должно быть указано лицо (лица), которое, как он считает, совершило налоговое правонарушение, и должна быть предоставлена существенная информация, включая всю доступную документацию, которая подтверждает это утверждение. Если документы или иные доказательства известны информатору, но не находятся в его ведении, он должен их описать, и указать их местонахождение в меру своих возможностей.

С 2006 г. для вознаграждения налоговых информаторов предусматривается два правовых режима. Первый из них имеет закреплён в § 7623 (b) IRC и носит для налоговиков обязывающий характер: если на основании переданной информации со стороны IRS предпринимаются какие-либо административные или судеб-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00080 А «Налоговый комплайенс и правовые средства его обеспечения».

¹ Act to amend existing Laws relating to Internal Revenue, and for other Purposes, ch. 169, § 7, 14 Stat. 471, 473 (1867).

ные действия, информатор вправе получить в качестве вознаграждения от 15% до 30% от поступлений, полученных в результате таких действий; при этом точная сумма такого вознаграждения зависит от важности переданной информации, т. е. от степени, в которой данное лицо внесло существенный вклад в такие действия. Разумеется, наличие нижнего и верхнего пределов для вознаграждения привносят элемент дискреционного усмотрения в процесс поощрения информаторов. Поэтому вопрос о том, каким образом должна определяться точная сумма вознаграждения, вызывает оживленные дискуссии научном сообществе.¹

Программы материального стимулирования налоговых информаторов, администрируемые IRS, используют экономически эффективный метод для возмещения налоговых поступлений и устранения налогового разрыва. Поступления, от размера которых рассчитывается вознаграждение информатору (proceeds), согласно §7623 (c) IRC охватывает штрафы, пени, доплаты к налогам и дополнительные суммы, предусмотренные внутренним законодательством о доходах, любые доходы, возникающие в связи с законами, в отношении которых IRS уполномочена осуществлять налоговое администрирование, включая уголовные штрафы, гражданские конфискации и санкции за нарушения требований к отчетности².

Вознаграждение выплачивается при соблюдении определённых количественных критериев, а именно: сумма налогового спора превышает 2 млн долл. США, либо валовой доход налогоплательщика – физического лица, в отношении которого предоставлена информация о некомплайенсе, превышает 200 тыс. долл. за соответствующий налоговый период.

Сумма вознаграждения может быть уменьшена и составить не более 10% от полученных средств, если сведения информатора лишь дополняют информацию, уже ставшую известной регулятору в результате мероприятий налогового

контроля, судебных разбирательств или из средств массовой информации, т. е. в ситуации – когда информатор не является первоначальным источником информации о налоговом некомплайенсе. Кроме того, вознаграждение может быть уменьшено в случае, когда релевантные сведения получены от лица, которое планировало и инициировало деяния, приведшие к налоговому некомплайенсу. Если информатор виновен в налоговом преступлении, в присуждении вознаграждения ему должно быть отказано.

Любое решение относительно присуждения вознаграждения в рамках §7623 (b) IRC можно обжаловать в Налоговый суд США в течение 30 дней с момента его вынесения. Особенность этого правового режима – его обязательность для IRS, т. е. при фактическом наличии всех критериев и оснований, указанных в Законе, она обязана выплатить информатору вознаграждение в установленных пределах. Но реальная жизнь может быть намного многообразнее жестко предусмотренных правовых рамок. Как быть, к примеру, если сумма налогового спора не превышает 2 млн долл. или же доходы налогоплательщика – физического лица не дотягивают до установленного предела? Оставить информатора без какого-либо материального стимула, по мнению американских законодателей, было бы нелогично и несправедливо. Для «непредусмотренных» ситуаций в § 7623 (a) IRC закрепляет дискреционный режим налогового информирования, применение которого – право, но не обязанность Налоговой службы. Министр финансов вправе выплачивать вознаграждение, которые сочтёт необходимым, для выявления неуплаты налога или – выявления и привлечения к суду и наказания лиц, виновных в налоговом некомплайенсе, когда такие расходы прямо не предусмотрены законом. При этом в рамках этого дискреционного режима вознаграждения информаторам также выплачиваются из поступлений от сумм, фактически собранных на основании предоставленной

¹ Givati Y. A Theory of Whistleblower Rewards // Journal of Legal Studies. 2016. Vol. 45. № 1. P. 43-72.

² Подп.: Davis-Nozemack K., Webber S. Paying the IRS Whistleblower: A Critical Analysis of Collected Proceeds // Virginia Tax Review. 2012. Vol. 32. № 1. P. 77-130.

информации. Точный размер вознаграждения определяется по усмотрению Министра финансов и не может быть обжалован в судебном порядке.

Для выплаты вознаграждения не требуется заключать контракт с IRS. Вместе с тем информатор должен быть надлежаще предупрежден об ответственности за лжесвидетельство. Фактическая выплата вознаграждения, как правило, происходит с некоторой задержкой – через несколько лет после представления информации, пока налоговый спор по делу (включая возможные обжалования) не будет окончательно разрешен.

На статус информатора не вправе рассчитывать сотрудники налоговой администрации; любые государственные служащие, получившие информацию при исполнении своих официальных обязанностей; лица, которые были обязаны раскрыть информацию в силу Закона или которым Закон запрещает раскрывать информацию; лица, получившие доступ к информации на основании контракта с федеральным правительством; лица, претендующие на вознаграждение на основе информации, полученной от неправомочного информатора.

Общественное мнение по отношению к информаторам довольно вариативно. Одни считают их героями, другие – чуть ли не предателями, предавая социальному ostracismu. В любом случае, сообщая сведения о налоговом некомплайенсе, информатор рискует своей репутацией, карьерой, отношениями с коллегами и окружающими, а зачастую – даже психологическим или физическим здоровьем. Кроме того, при отсутствии должной легализации статуса налоговых информаторов, возможно их уголовное преследование за нарушение режимов конфиденциальности в корпоративной среде.¹ Поэтому для них законодательно предусмотрена система мер правовой защиты.

В частности, в силу § 7623 (d) (1) IRC ни работодатель, ни какое-либо должностное лицо, служащий, подрядчик, субподрядчик или агент такого работодателя не имеют права увольнять, понижать в должности, отстранять от должности, угрожать, преследовать или каким-либо иным образом дискриминировать наемного работника (в том числе воздействуя через обычные обязанности такого сотрудника) в ответ на любое законное действие, совершенное сотрудником при предоставлении уполномоченным субъектам информации о налоговом некомплайенсе, а также – вследствие дачи показаний, участия или иного содействия в любых административных или судебных действиях, предпринятых IRS в связи с предполагаемой недоплатой налога или любыми налоговыми правонарушениями.

В силу § 301.7623-1 (e) CFR, IRS обязана приложить все усилия для защиты конфиденциальности информатора, личность которого не подлежит разглашению. Иногда IRS может потребоваться раскрыть личность информатора, например, если признана необходимым использовать информатора в качестве свидетеля в судебном разбирательстве. В таких случаях IRS должна уведомить информатора до того, как раскрыть его личность.

Итак, можно констатировать, что институт налоговых информаторов в США на сегодняшний день представляет собой весьма эффективный инструмент противодействия налоговому некомплайенсу и повышения собираемости налоговых платежей. Этот опыт целесообразно использовать и для модернизации российского законодательства о налогах и сборах, но, разумеется, с учетом национальной ментальности, культурных и правовых традиций нашего народа, а также – тех масштабных угроз и вызовов, которые стоят перед налоговой системой России.

¹ Steichen A. The Tax Whistle-Blower: Neither Demigod nor Loathsome Beast // Intertax. 2018. Vol. 46. № 10. P. 794.

Игнатенко В.А.

DOI 10.51980/2021_1_94

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнёва (г. Красноярск)

Вклад современной системы совещательно-консультативных органов в борьбу с преступностью

На любом историческом этапе развития одной из основных задач государства является обеспечение безопасности жизни общества и каждого его члена от преступных посягательств, так как преступления представляют собой наиболее опасное социальное явление, направленное на «причинения вреда личности, обществу или государству» (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Статьей 45 Конституции РФ предусмотрено, что наше государство гарантирует защиту всех прав, свобод и законных интересов любого человека и гражданина.

Однако снижение уровня преступности невозможно лишь посредством репрессивных мер государства. Выражаю твердое убеждение, что достижение указанной цели возможно только при взаимодействии с общественностью, при активном участии различных институтов гражданского общества и посредством установления контроля общества за деятельностью государства, его органов и должностных лиц.

П.В. Тепляшин подчеркивает, что наибольшую важность для любого правового явления представляет «установление контроля, а не пассивное наблюдение за процессом его осуществления... (в частности, посредством общественного обсуждения результатов реализации конкретной модели противодействия соответствующего вида (проявлений) преступности)»¹.

Рассматривая в исторической ретроспективе сближение государственных институтов, осуществляющих правоохранительную деятельность, с обществом, следует отметить, что толчком к этому послужил изданный в июне 1973 г. Указ

Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах советской милиции». Этим нормативным актом сотрудникам милиции предписывалась «вести широкую профилактическую работу по предупреждению преступлений, устанавливая связь с общественностью».

Указанное направление деятельности не утратило актуальности и в настоящее время. Так, одним из основных принципов деятельности полиции является общественное доверие и поддержка граждан (Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»).

Современная система совещательно-консультативных органов, действующая в сфере борьбы с преступностью, функционирует как при Президенте Российской Федерации, так и в структурах федеральных органов исполнительной власти:

- при Федеральной службе безопасности Российской Федерации;
- при Министерстве внутренних дел Российской Федерации;
- при Следственном комитете Российской Федерации;
- при Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации.

Специфика деятельности указанных субъектов борьбы с преступностью обусловлена исполнением конституционных полномочий либо функциональным предназначением государственных структур, при которых они функционируют.

Так, в настоящее время при Президенте Российской Федерации осуществляет свою деятельность *Совет Безопасности*, являющийся специальным совещательным конституционным органом, осуществляющим обеспечение защиты

¹ Тепляшин П.В. Криминологический эксперимент: понятие, признаки, функции, классификация // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVII международной научно-практической конференции / под ред. С.К. Буякова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. Ч. 2. С. 31.

жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Одним из основных направлений деятельности Совета Безопасности является «разработка правовых актов в области защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства», в том числе, от преступных посягательств (Указ Президента РФ от 7 июня 2004 г. № 726).

Кроме этого при Президенте России функционирует *Совет по противодействию коррупции*. Он является совещательно-консультативным органом, образованным в целях создания системы противодействия коррупции в Российской Федерации и устранения причин ее порождающих (Указ Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815).

В структуре Федеральной службе безопасности Российской Федерации (ФСБ России) осуществляет функционирование *Общественный совет при ФСБ России*. Он является совещательным органом общественного контроля, деятельность которого направлена на консолидацию целей государства и общества «в области обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя». Его деятельность включает в себя развитие взаимодействия, выработку рекомендаций, обсуждение проектов нормативно-правовых актов, разрабатываемых данным ведомством (приказ ФСБ России от 12 мая 2007 г. № 235).

Значительный опыт взаимодействия органов государственной власти с обществом, общественными объединениями и гражданами накоплен Министерством внутренних дел Российской Федерации (МВД России). Так, при Центральном аппарате МВД России и его территориальных органах — главных управлениях МВД России в соответствующих субъектах Российской Федерации, создана и функционирует система *общественных советов при МВД России* (Указ Президента РФ от 23 мая 2011 г. № 668).

При МВД России и его территориальных органах существует система координационных советов, например, *Координационный совет по взаимодейст-*

вию с охранно-сыскными структурами. Он является совещательно-консультативным органом, созданным для «использования потенциала частно-охранных структур к решению задач по обеспечению общественной безопасности, в том числе, по вопросам стимулирования правоохранительной составляющей их деятельности» (приказ Департамента охраны общественного порядка МВД России от 15 мая 2008 г. № 26).

Свой вклад в борьбу с преступностью вносит сформированная система совещательно-консультативных органов при Следственном комитете Российской Федерации (СК России), в которую входят 3 структурных элемента:

— *Совет руководителей следственных органов* — совещательный орган для совершенствования деятельности и использования практического опыта работы следственных органов;

— *Научно-консультационный совет СК России* — совещательный орган, действующий в целях научно-практического обеспечения деятельности СК России, разработки рекомендаций по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений;

— *Общественный совет при СК России* — совещательный орган общественного контроля деятельности СК России, служащий для консолидации действий следственных органов, общества и граждан, в борьбе с преступностью (Указ Президента РФ от 14 января 2011 г. № 38).

Особенности деятельности совещательно-консультативных органов в структуре Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) обусловлены задачами данного ведомства в «пресечении преступлений» (Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157). В эту деятельность свой вклад вносят *Военный совет войск национальной гвардии Российской Федерации*, координационный и научно-консультационный советы (Указ Президента РФ от 30 июня 2012 г. № 919).

В настоящее время в структурах ведомства идет формирование общественных советов при Росгвардии, целью создания которых является обеспечение

«защиты и согласования интересов граждан», общества и государственных органов «при решении вопросов в сфере деятельности Росгвардии» (пункт 8 приказа Росгвардии от 7 ноября 2019 г. № 373).

Анализируя вклад современной системы совещательно-консультативных органов в борьбу с преступностью, отметим следующее. Во-первых, система совещательно-консультативных органов обеспечивает взаимодействие общества и общественных групп с органами государственной власти, осуществляющими правоприменительные функции в области борьбы с преступностью. Во-вторых, в ряде случаев совещательно-консультативные органы могут формироваться только из государственных должностных лиц, при этом участие представителей общественности в них предусмотрено исключительно как специалистов, консультантов или экспертов (например, Совет Безопасности). В-третьих, совещательно-консультативные органы выражают или учи-

тывают интересы большей части общества, путем поиска компромисса. В-четвертых, система совещательно-консультативных органов является обязательным элементом власти, выполняющей «функции по ее стабилизации» и предающей устойчивость самому институту власти в системе «государство – общество».¹ В-пятых, по своей правовой природе современная система совещательно-консультативных органов, представляет собой «систему сдержек, ограничений и контроля» за правоохранительными органами со стороны общества.²

Однако важно помнить, что эффективная борьба с преступностью как социальным явлением, возможна только при совместных усилиях государства и общества, при условии улучшения социально-экономического благосостояния населения страны, роста общественного и индивидуального правосознания, повышения уровня общей и правовой культуры российского общества.

Богатова Е.В.

DOI 10.51980/2021_1_96

Красноярский государственный аграрный университет

Достоверность результатов общественной деятельности как условие эффективного противодействия преступности

В условиях совершенствования всего комплекса организационно-правовых средств и форм противодействия преступности немаловажное значение имеет механизм включенности общественных институтов в правоохранительную сферу. Для того чтобы деятельность общественных структур была востребованной и достаточной для реального противодействия преступности, она должна соответствовать реальному состоянию общественных отношений и правоохранительной деятельности. Ведь такая деятельность, по сути, развивает реализацию такого принципа профилактики право-

нарушений, как открытость, который закреплен в ст. 4 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Соответственно, необходимо, чтобы со стороны заинтересованных граждан и общественных объединений правоохранительной направленности выявляемая и передаваемая компетентным органам информация, а также сами результаты общественной деятельности в правоохранительной сфере были исключительно достоверными и объективными.

¹ Подр.: Игнатенко, В.А. Анализ системы совещательно-консультативных органов в структуре МЧС России: теоретико-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 49.

² См., напр.: Гриб В.В. Общественный контроль : учебник. М.: Юрист, 2017. С. 247-264; Тепляшин И.В. Участие институтов гражданского общества в формировании общественных советов при органах государственной власти: основные способы и некоторые проблемы // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 5-8 и др.

Достоверность выступает научно-методологической и социально-правовой категорией, необходимой для оценки правовых явлений (фактов, событий, доказательств) в целях установления реального состояния общественных отношений, социальной и правовой жизни общества и государства. В специальной литературе отмечается корреляция достоверности с правовой жизнью, закономерным результатом существования того или иного социального образования, подчеркивается соприкосновение категории с такими понятиями, как объективность, обоснованность, достаточность, неопровержимость¹.

Достоверность допустимо использовать в рамках любой правовой деятельности: правотворческой, интерпретационной, правореализационной. В рамках правореализационной правовой деятельности особое место занимает непосредственная реализация права непосредственно гражданами и их объединениями, направленная на снижение правового нигилизма в обществе, развитие механизма взаимодействия гражданского общества и государства, оказание общественными структурами необходимой помощи правоохранительным органам в борьбе с преступностью, и даже оценку степени гуманизма и либеральных инициатив в противодействии общественно опасным посягательствам².

Достоверность как качество правовой деятельности может формироваться в рамках общих и специальных сфер общественной работы. К общим относятся демократия, реализация личностью своих прав и свобод, получение гражданами социальных ценностей в правовом пространстве. К специальным сферам можно отнести процедуру непосредственного участия граждан в работе тех или иных организаций и учреждений, осуществление правовой деятельности,

требующей достаточного объема специальных знаний и практического опыта, правовой мониторинг в отношении органов власти. К специальной сфере относится механизм участия граждан в правоохранительной сфере и в области борьбы с преступностью.

Можно назвать следующие формы организационно-правовой деятельности общественных институтов, где в наибольшей мере актуальным остается достоверность полученной информации и формируемого социально-правового результата:

1) надзор и мониторинг за деятельностью органов государственной власти и должностных лиц. В данном случае речь идет об осуществлении общественного контроля в отношении деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления. В ходе общественного контроля осуществляется не только выявление реального состояния функционирования органа власти, но и происходит составление итогового документа (заключения), в котором содержание выводов общественной проверки проводимой общественным инспектором или иным субъектом общественного контроля должны коррелироваться с объективной действительностью:

2) реализация гражданских инициатив, связанных с такими направлениями, например, как отзыв выборного должностного лица на муниципальном уровне в случае игнорирования с его стороны требований закона; проведение общественных слушаний и конференций с целью обсуждения состояния криминогенной обстановки в пределах конкретной территории; формирование обращений и петиций граждан, общественных объединений, связанных с профилактическими и иными мероприятиями по противодействию преступности³. В данном случае общественность акцентирует внимание на

¹ Тепляшин И.В., Богатова Е.В. Достоверность результатов общественного контроля как условие укрепления законности и правопорядка, эффективного противодействия преступности // Материалы XXIII международной научно практической конференции (2-3 апреля 2020 г.): в 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. Д.М. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД РФ России, 2020. С. 32.

² Тепляшин И.В., Васильев Д.С. Эффективность гуманизма в профилактике преступлений // Российский следователь. 2013. № 14. С. 36-39.

³ Игнатенко В.В., Рымарев Д.С. Вина как условие конституционно-правовой ответственности участников выборов // Академический юридический журнал. 2015. № 4 (62). С. 14-24.

наиболее актуальных и требующих оперативного решения вопросах правоохранительного характера;

3) деятельность общественных советов, связанная с выявлением фактов коррупции, неэффективных управленческих решений, прочих недостатков работы соответствующих должностных лиц правоохранительных органов. В данном случае общественные советы, особенно в которых принимают участие ветераны правоохранительных органов, способны предложить пути совершенствования механизма противодействия преступности в конкретных условиях и сферах (в сфере наркопреступности, уличной и бытовой преступности, среди несовершеннолетних и пр.);

4) работа общественных помощников органов полиции, прокуратуры, иных правоохранительных структур, направленная на установление возможных фактов противоправного поведения участников общественных отношений, установление нахождения преступников, доказательств, похищенного имущества и т.д.;

5) работа экспертного сообщества. Сегодня достаточно часто проводятся встречи, собрания, круглые столы, конференции, организуемые правоохранительными структурами с участием экспертов, специалистов, образовательных организаций. Такие мероприятия создают условия для кооперативного формирования теоретических моделей противодействия преступности;

6) участие граждан в охране общественного порядка, которое регламентируется Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Такая работа также является сегодня наиболее значимой, требующей системного законодательного и правоприменительного сопровождения. Стоит отметить перспективность формирования института народных дружинников и групп, осуществляющих охрану правопорядка в современных условиях.

В приведенных формах организационно-правовой деятельности общественных институтов формируется соответствующая информация и сведения о

работе конкретных должностных лиц (государственных и муниципальных служащих), возможных нарушениях российского законодательства со стороны, либо выявления общих проблемных участков работы конкретных должностных лиц, органов управления в целом. При этом крайне важным выступает установление именно объективной и достоверной информации о фактах, событиях, правовой жизни в той или иной сфере государственного или муниципального управления.

От качественного сбора и обработки информации и прочих значимых сведений напрямую зависит процесс восстановления справедливости, укрепления законности и правопорядка в соответствующей сфере государственного и муниципального управления. Качество общественного присутствия в государственном управлении в целом создает необходимые условия для оперативности законодательной работы и правоприменительного воздействия на криминологическую обстановку и уровень преступности в стране.

Кроме того, системная работа общественных институтов в борьбе с преступностью, связанная с установлением результатов своей деятельности на основании принципа достоверности, равно как и других требований, влечет за собой формирование высокой правовой культуры общественников. Качество правовой деятельности общественных структур в борьбе с преступностью повышает уровень доверия государственных органов и должностных лиц к данной сфере развития гражданского общества. Подобная управленческая обстановка в политической системе общества благоприятно влияет на состояние борьбы с преступностью, повышает эффективность антикоррупционного механизма.

В итоге категория достоверности результатов общественной деятельности в правоохранительной сфере выступает одним из правовых условий на пути укрепления конструктивного диалога гражданского общества и государства, оптимизации правоохранительной деятельности и борьбы с преступностью.

Маякова Е.О.

DOI 10.51980/2021_1_99

Санкт-Петербургский университет МВД России

Рассмотрение обращений граждан в эпоху информационных технологий

Сегодня переход на инновационные платформы коснулся всех сфер жизни общества, в том числе и правовой. Перед наукой стоит задача по доктринальному освоению новых явлений и процессов, возникающих и протекающих в государственно-правовой сфере под воздействием цифровизации управления и права¹. В эпоху дигитализации внимание приковано к постановке фундаментальных исследований по вопросам, затрагивающим организацию и деятельность так называемого Электронного правительства². Происходит настоящая революция данных, связанная с развитием государственной инфраструктуры облачных вычислений, что позволяет расширить возможности предоставления открытых данных для отдельных отраслей. Исходя из уровня подготовки кадров, расходов на IT-технологии и, главное, индексов цифровизации в Правительстве Российской Федерации проделана работа по подготовке и представлению индекса цифровой зрелости регионов нашей страны³. В рамках поручения Президента Российской Федерации была запущена инвентаризация информационных ресурсов и систем, которые используют государственные органы⁴. Она поможет оценить и оптимизировать расходы на инфраструктуру,

обеспечить её соответствие требованиям о защите информации, наладить регистрацию и учёт.

Из Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р следует, что праву отводится важная (инструментальная) роль в развитии цифровой экономики. Нормативное регулирование поставлено на первое место среди пяти базовых направлений ее развития⁵. В конце ноября 2019 г. премьер-министр Дмитрий Медведев утвердил «дорожную карту» по созданию цифровой платформы госуправления и поручил утвердить план на её основе⁶.

Анализируя существующие тенденции, мы можем свидетельствовать о переходе правоотношений в новую для них цифровую плоскость. Новации касаются существенных изменений деятельности государственной власти в условиях цифровизации⁷. Практический интерес представляет внедрение технологий безбумажного документооборота в органах власти и управления, в том числе в системе Министерства органов внутренних дел Российской Федерации. Вышеуказанные изменения способствуют обновлению системы оказания государствен-

¹ Большие данные и защита прав пользователей : материалы парламент. слушаний / Ком. Гос. Думы по информ. политике, информ. технологиям и связи, 2019. Дата публикации: 12.02.2019. URL: <https://parlib.duma.gov.ru/catalogues/?#Resource-144143/>

² Электронное правительство. Опубликован в разделе: Работа Правительства – Государство-Электронное правительство. Дата публикации: 16.12.2020. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/719/events/>.

³ Дмитрий Чернышенко провёл совещание по вопросам цифровизации ключевых отраслей и практического применения искусственного интеллекта. Опубликован в разделе: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Дата публикации: 16.12.2020. URL: <http://government.ru/news/41141/>.

⁴ Об утверждении плана мероприятий по проведению инвентаризации IT-ресурсов : распоряжение Правительства РФ от 09.12.2020 N 3277-р. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001202012140055> (дата обращения: 11.02.2021)

⁵ Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 7-16.

⁶ Электронная брошюра по итогам форума Московского международного форума инновационного развития «Открытые инновации-2019». Опубликована в разделе: Пресс-центр. Дата публикации: 20.11.2019. URL: <https://2019.openinnovations.ru/brochure.pdf>.

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. Опубликовано в разделе: новости, выступления и стенограммы. Дата публикации: 15.01.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>.

ных услуг, и прежде всего мы говорим об услугах, предоставляемых с использованием различных цифровых платформ, позволяющих переносить диалог с гражданами на виртуальные информационные платформы с использованием современных каналов связи¹. Министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Максуд Шадаев обратил внимание на то, что главной задачей является удобный формат взаимодействия граждан с государством, который исходит процессов качественных изменений внутри самих органов власти².

В условиях стремительного распространения цифровых технологий все большую актуальность приобретает развитие новых способов коммуникации между государственными органами, органами местного самоуправления и гражданами. Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 остро поставила вопрос об организации дистанционных средств взаимодействия между государством, с одной стороны, и гражданами (организациями) – с другой. Одним из важнейших способов такого взаимодействия граждан и государства является работа с обращениями, которая находится в фокусе внимания руководства нашей страны.

Так, в целях обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, прогнозирования развития социально-экономических и общественно-политических процессов в Российской Федерации Президентом РФ в 2017 г. подписан Указ о мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций³. Данным документом регламентированы процеду-

ры сбора информации о жалобах и других обращениях, поступающих в государственные органы и органы местного самоуправления, анализа и систематизации информации, содержащейся в обращениях, а также порядок направления материалов мониторинга обращений в Администрацию Президента РФ⁴.

Принимая во внимание устойчивую тенденцию значительного ежегодного роста поступающих в органы внутренних дел обращений граждан, работа по всем поступающим жалобам, заявлениям, предложениям должна быть нацелена на оперативное, объективное, своевременное и всестороннее их рассмотрение. Отмечаем, что административно-процессуальный порядок рассмотрения обращений в органах внутренних дел в соответствии с современными тенденциями также вышел на новый информационный уровень. Все чаще граждане используют электронную форму подачи обращений посредством использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, официальных порталов МВД России, единого портала государственных и муниципальных услуг. Об этом свидетельствует официальная цифра Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области⁵. Так, анализ статистических данных по работе с обращениями за 2019 г. показал, что на 41% увеличилось количество обращений, поступивших на официальный сайт ГУ МВД России⁶.

Получение обращений от граждан в электронном виде повышает оперативность получения и обработки информации, позволяет снизить затраты и повысить продуктивность труда сотрудников,

¹ Маякова Е.О. Административно-процессуальный порядок рассмотрения обращений граждан в контексте дигитализации // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения), 27 марта 2020 года / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова. Электрон. дан. (3,98 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. 1 электрон. опт. диск.

² Максуд Шадаев рассказал о планах по развитию доступности цифровых услуг для граждан // Материалы расширенного заседания Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи от 05.02.2020. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/39646/>.

³ О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций : Указ Президента РФ от 17.04.2017 № 171 // Российская газета. Федеральный выпуск. 2017. № 83 (7249). С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Далее – ГУ МВД России.

⁶ О состоянии работы с обращениями граждан и их приеме в ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 2019 году : обзор от 11.02.2020. Документ опубликован не был.

при этом обеспечение четкой фиксации способствует ускорению скорости обслуживания и утверждения позитивного имиджа органов внутренних дел.

Успешная адаптация к цифровым развивающимся платформам применительно к системе МВД России является важной задачей для министерства. Наблюдается преобладание количества обращений в форме электронного документа над количеством обращений в письменной и устной форме¹.

Мы приходим к выводу о том, что необходимыми условиями развития административно-процессуального порядка рассмотрения обращений с использованием цифровых платформ являются: уни-

фикация взаимодействия всех субъектов и систем в соответствующей области; модернизация нормативной правовой базы, обеспечивающей защиту прав при обороте с персональными данными, а также регламентацию и организацию контроля в сфере соблюдения правил и сроков приема, регистрации, перенаправления обращений, направляемых в электронном форме, направления решений по этим обращениям; разработка профилей метаданных и требований к пространственным данным и сервисам для различных областей применения; повышение осведомленности граждан о новых технологических возможностях сбора, обработки и анализа соответствующих обращений.

Афанасенко А.Н.

DOI 10.51980/2021_1_101

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Особенности использования «личного сыска» сотрудниками патрульно-постовой службы полиции

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» одними из основных задач полиции является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений. Правовую основу проведения личного сыска составляют Федеральные законы «О полиции» и от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности», а также ведомственные нормативные правовые акты МВД России.

Согласно п. 216 Устава патрульно-постовой службы полиции, утвержденного приказом МВД России от 29 января 2008 г. № 80, одной из обязанностей патрульных и постовых нарядов является выявление по приметам путем личного сыска в районе маршрута патрулирования (поста) находящихся в розыске преступников, без вести пропавших и других разыскиваемых лиц, уделяя особое внимание местам массового нахождения граждан. В названном пункте Устава ППСП употреблен термин «личный сыск», однако

его понятие не раскрывается ни в данном нормативно-правовом акте, ни в иных нормативно-правовых актах Российской Федерации.

В настоящее время открытым является и вопрос о нормативном ведомственном регулировании тактики и методов (способов) проведения личного сыска. Личный сыск является наиболее распространенным и действенным методом работы различных служб и подразделений органов внутренних дел. С его помощью ежегодно задерживаются опасные преступники, раскрывается большое количество совершенных преступлений, в том числе «по горячим следам». Но ввиду того, что сотрудники ППСП несут службу в форменной одежде, проведение личного сыска в полном объеме невозможно, хотя нахождение сотрудников в форме, несомненно, имеет большое профилактическое значение.

Использование личного сыска при несении службы, сотрудниками органов внутренних дел позволяет решить следующие задачи:

¹ О состоянии работы с обращениями граждан и их приеме в ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 2019 году.

- выявление по особым приметам и поведенческим признакам лиц, совершивших преступления, скрывающихся от суда и следствия, бежавших из мест лишения свободы, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, а также проведение их умелого задержания;

- обнаружение и предупреждение готовящегося преступления и пресечение совершающегося;

- установление мест концентрации уголовно-преступного элемента, мест возможного его появления, а также определение характера и направленности преступных деяний;

- выявление потерпевших от латентных преступлений, свидетелей и очевидцев преступления;

- сбор сведений о лицах, подозреваемых в совершении преступления.

Для эффективной работы путем личного сыска каждый сотрудник ППСП должен знать:

- территорию, на которой он несет службу, для чего рекомендуется тщательно изучить маршрут патрулирования по схеме, затем лично пройти маршрут, заглянув в места, где возможна концентрация лиц представляющих интерес для сотрудников органов внутренних дел;

- ориентировки на разыскиваемых преступников и лиц, пропавших без вести;

- ориентировки на угнанный автотранспорт и приметы похищенных вещей;

- поведенческие особенности разных категорий преступников, их имена и клички, уметь разбираться в особенностях общения преступников, так как всё это дает возможность получить характеризующие сведения и определить намерения лиц, представляющих оперативный интерес.

Работа личным сыском требует определенной психологической подготовки от сотрудников полиции, высокой наблюдательности и внимания.

Особое внимание должно уделяться качественному проведению инструктажей перед заступлением на службу, ориентировки обязательно записываются нарядами полиции ППС в служебные книжки, во всех случаях важно, чтобы в

инструктажах участвовали сотрудники уголовного розыска (желательно выдать каждому сотруднику имеющиеся ориентировки и фото преступников), хорошо, если в инструктаже проводимом с сотрудниками ППСП, принимают участие и участковые уполномоченные полиции, которых можно также включать в наряды с молодыми сотрудниками, так как участковый уполномоченный хорошо знает свой участок и может оказать неоценимую помощь в так называемой «экскурсии по своей земле».

Сотрудники ППСП для успешного выполнения поставленной задачи в ходе личного сыска должны иметь хорошую память, быть сообразительными, обладать смекалкой, быть физически подготовленным, уверенно владеть боевыми приемами борьбы, специальными средствами, оружием.

Одной из основных составляющих личного сыска является такое оперативно-розыскное мероприятие, как отождествление личности, то есть работа по опознанию личности преступника по ориентировкам или фотороботу, по особым приметам и т.д. в процессе личного контакта с ним или непосредственной беседы сотрудника ППСП, с гражданами, которые могут знать информацию о лицах, фактах и обстоятельствах совершенных или готовящихся преступлений. Цель проведения отождествления личности – непосредственное опознание преступника и задержание его с личным, как правило, в момент совершения преступления, например такого, как карманная кража или угон автотранспорта.

Сотруднику ППСП необходимо знать, что у этой категории преступников при себе, несомненно, имеются и орудия совершения преступления, от которых они в случае задержания попытаются незаметно избавиться, а также нужно знать, что преступники, как правило, действуют в группе и с их стороны за сотрудниками также ведется наблюдение, и в случае их задержания с их стороны может быть оказано противодействие. Соответственно, сотрудники должны быть к этому готовы и в случае принятия решения на задержание с личным действовать внезапно и решительно.

По результатам проведенной методом личного сыска работы возможно установление фактов подготовки или совершения преступлений, получение необходимых данных для обнаружения каких-либо доказательств по уголовным делам, проверка достоверности показаний подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, обнаружение места укрытия вещей и ценностей, сбытых преступным путем, выявление лиц, представляющих интерес для органов внутренних дел.

В ходе проведения личного сыска, несомненно, должны выявляться причины и условия, способствующие совершению преступлений.

О проведенных мероприятиях сотрудники ППСП составляют рапорт на имя начальника отдела полиции, в котором необходимо отражать выявленные причины и условия, способствовавшие совершению правонарушений и преступлений.

Все рапорта должны тщательно изучаться, систематизироваться и на их основе должны готовиться предложения в органы власти по устранению выявленных причин и условий, что, несомненно, повлияет на снижение количества правонарушений и преступлений.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы:

1) использование личного сыска открывает перед сотрудниками ППСП широкие возможности для предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, преследования преступников по «горячим следам» и их задержания;

2) если не обладать достаточным опытом и необходимыми профессиональными навыками, сотрудникам ППСП будет сложно разоблачать преступников, необходимо совершенствовать свои навыки и умения в целях борьбы с преступностью;

3) необходимо проводить системное обучение нарядов комплексных сил методам личного сыска, распознавания и задержания преступников, способам проверки документов, удостоверяющих личность, приемам и способам обнаружения и сохранения следов преступления, обеспечению сохранности обстановки места происшествия, выявлению и установлению очевидцев преступления, потерпевших и подозреваемых, использованию словесного портрета;

4) к личному сыску привлекать сотрудников ППСП только в гражданской одежде и только если они обладают необходимыми навыками для его проведения.

Власов В.А.,

DOI 10.51980/2021_1_103

кандидат юридических наук, доцент, член Общественной палаты г. Красноярск
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск),
Красноярский государственный аграрный университет

Отдельные актуальные аспекты правового регулирования продовольственного обеспечения сотрудников органов внутренних дел

В период пандемии из-за достаточно сложных социально-экономических и политических процессов, происходящих в России, связанных с различными общественными явлениями, в том числе с таким негативным феноменом, как преступность, возникла объективная необходимость исследования тесной связи уголовной политики и продовольственной политики.

Стратегической целью современной уголовной политики российского госу-

дарства выступает максимально эффективное обеспечение правопорядка и результативное противодействие преступности. Увеличение и усложнение задач и функций, стоящих перед ОВД, повышение требований к эффективности управления ими и усиление интенсивности их работы требует повышенного внимания к своевременному и качественному обеспечению сотрудников органов внутренних дел продовольствием, поскольку данный аспект является чрезвычайно

важным, в частности, при предоставлении продовольственных пайков в период действия военного положения или чрезвычайного положения, в период проведения контртеррористической операции и иных подобных ситуациях.

Реформирование системы МВД России способствовало созданию необходимых условий для повышения качества работы всех элементов системы экономического и продовольственного обеспечения и направлено на осуществление эффективной работы органов внутренних дел по выполнению их основной функции – обеспечение личной безопасности граждан и всего общества в целом. Важная роль при этом отводится системе продовольственного обеспечения сотрудников органов внутренних дел, необходимость развития которой обусловлена задачами повышения эффективности правоохранительной деятельности при обязательном условии рационального использования имеющихся в распоряжении финансовых и продовольственных ресурсов.

Сложившаяся сложная как политическая, так и экономическая ситуация в экономике российского государства, характеризующаяся обострением внешних угроз в обеспечении продовольственной безопасности, указывает на приоритеты в обеспечении ОВД отечественными поставщиками продовольственных товаров. В современный период имеет место быть тенденция к постоянному ежегодному увеличению бюджетных средств, осваиваемых за счет государственных закупок, в том числе и в системе МВД России.

Особенности правового регулирования продовольственного обеспечения ОВД регулируются ст. 69 «Вещевое и продовольственное обеспечение сотрудника органов внутренних дел» Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 342-ФЗ). В п. 5

ст. 69 закона закреплено: «сотруднику органов внутренних дел, проходящему службу в особых условиях, прописанных в данном законе, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, выдается продовольственный паек по нормам и в порядке, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации».

Законодатель к прохождению службы в органах внутренних дел в особых условиях относит следующие: «в период действия военного положения или чрезвычайного положения, в период проведения контртеррористической операции, в условиях вооруженного конфликта, при ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций допускаются в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, на срок не более шести месяцев в течение календарного года изменение режима служебного времени сотрудника органов внутренних дел, возложение на него дополнительных обязанностей, командирование его в другую местность, временный перевод его в другое подразделение без изменения характера службы в органах внутренних дел и установление иных особых условий и дополнительных ограничений без согласия сотрудника» (п. 1 ст. 35 Федерального закона № 342-ФЗ).

Полномочие по установлению норм выдачи продовольственного пайка и порядка его выдачи федеральный законодатель делегировал Правительству РФ. Этот вывод вытекает из общей нормы права, закрепленной в ч. 3 ст. 48 Федерального закона «О полиции»¹. Необходимо отметить, нормы продовольственных пайков разрабатываются с учетом принципов сбалансированного питания и особенностей учебно-боевой деятельности различных контингентов, воздействия на организм физических и химических факторов внешней среды. При реализации правоохранительной стратегии подразделения полиции используют весь

¹ Барсуков С.И., Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). М.: Деловой двор, 2012. 424 с.

сформировавшийся за долгие годы потенциал, в том числе продовольственные и материальные ресурсы¹.

Пищевые продукты, необходимые для обеспечения профессиональной деятельности сотрудников ОВД, необходимы им для удовлетворения физиологических потребностей.

Пищевые продукты подразделяются на две основные группировки: товары растительного происхождения, в состав которых входят однородные группы товаров зерномучные, плодоовощные, кондитерские товары, а также вкусовые напитки; товары животного и комбинированного происхождения — пищевые жиры (условно к ним отнесены растительные масла), молочные, мясные, рыбные (включая морепродукты растительного происхождения), продукты детского питания и пищевые концентраты. Последние две группы являются продуктами комбинированного происхождения, так как разные их подгруппы производят на основе растительного или животного сырья (например, продукты детского питания на зерновой, плодоовощной, молочной, мясной или рыбной основе).

Продовольственное обеспечение военнослужащих, обеспечение воинских частей техникой, продукцией общехозяйственного назначения и имуществом продовольственной службы осуществляется на основании единого плана снабжения, в соответствии со штатами, табелями и нормами довольствия. Планы снабжения (обеспечения) продовольствием составляются следующими уполномоченными органами в системе МВД: Департаментом по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России, по окружным управлениям материально-технического снабжения системы МВД России, ОУМТС МВД России — по воинским частям; продовольственной службой воинской части — на

потребность воинской части и прикрепленных к ней на обеспечение других воинских частей и подразделений.

К отдельным проблемным аспектам в сфере продовольственного обеспечения сотрудников органов внутренних дел следует отнести:

— двойственную правовую природу ОВД: с одной стороны, они выступают государственными заказчиками в договорных отношениях, с другой — относятся к правоохранительным органам, которые наделены властными полномочиями;

— осуществление продовольственного и иного обеспечения ОВД как посредством заключения и исполнения государственных контрактов на поставку товаров (работ, услуг), так и на основе единого плана снабжения в соответствии со штатами, табелями и т.д.;

— постоянное внесение изменений и дополнений в законодательство о контрактной системе, в том числе и в ведомственные акты системы МВД РФ, что не способствует его стабильности. Более того, положения и терминология отдельных правовых актов в сфере государственных закупок остаются пробельными и противоречивыми. Нет единой методологии и стандартов деятельности контрольно-надзорных органов и судов;

— отсутствие реальных правовых механизмов с целью установления препятствий к участию в государственных закупках юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые занимаются демпингом².

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что для совершенствования продовольственного обеспечения сотрудников органов внутренних дел в целях эффективного противодействия преступности необходимо урегулировать не только процесс заключения государственных контрактов, но и весь цикл государственных закупок

¹ Подр.: Власов В.А., Шерстяных А.С. Некоторые актуальные аспекты правового механизма деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в системе обеспечения продовольственной безопасности / В.А. Власов, А.С. Шерстяных // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). С. 61-65.

² Vlasov V.A., Sherstyanykh A.S. Some relevant aspects of the food security legal regulation in the system of the ministry of internal affairs of russian federation // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. III International Scientific Conference: AGRITECH-III-2020: Agribusiness, Environmental Engineering and Biotechnologies. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations, 2020.

продовольствия: от прогнозирования государственных нужд до аудита и контроля исполнения государственных заказов. Целесообразно расширить возможности размещения контрактов, разрешив

заказчикам проводить не только аукционы, но и конкурсы и переговоры (что особенно важно для ОВД, когда появляется необходимость быстро закупить небольшие партии специфических товаров).

Бабин С.В.

DOI 10.51980/2021_1_106

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

История народовластия в российских источниках права

Рассматривая вопросы участия гражданского общества в делах управления государством, нельзя не отметить, что в современном российском общественном сознании все более актуальным становится вопрос: является ли наше государство демократическим? И, несмотря на все достижения совместной работы власти и общества в построении именно такого государства, ответ на него для многих неочевиден. Общеизвестно, что демократия – это власть народа, но если это так, то большое количество граждан, пребывая в обыденной, повседневной действительности, не видят этой своей власти. Между тем основными инструментами демократии являются выборы, общественные слушания и голосования по наиболее важным вопросам, широкое местное самоуправление и обеспечение гражданам возможности обращаться при необходимости к своей власти и вступать с ней в прямой диалог. Посредством использования данных инструментов обеспечивается участие народа в осуществлении государственной власти и общественный контроль за ее деятельностью.

Решая задачи местного самоуправления, граждане Российской Федерации непосредственно участвуют в реализации государственно-властных полномочий в разнообразных формах, включая прямое противодействие преступности в составах народных дружин и иных добровольных общественных объединений. Вместе с тем мы не ошибемся, отметив превалирующее в российском обществе мнение, что все известные практики

народовластия рождены в ходе исторического развития европейских народов и потому демократическое устройство так называемых западных стран представляется очевидным, в отличие от нашего собственного опыта. Конечно, суждения о том, что в нашей демократии слишком много государства и мало подлинной общественной инициативы имеют под собой вполне очевидные основания, однако в связи с этим неверно формулировать вывод, что такое положение дел является следствием стремления российской власти к ограничению гражданского общества. Внимательный взгляд на отечественную историю взаимоотношений народа и власти позволяет увидеть глубокие национальные корни российской демократии, которая объективно не могла развиваться образом, аналогичным европейскому, а потому содержит присущие только ей отличия.

В самом начальном периоде своего формирования (VIII-IX века) российская государственность уже обладала устойчивыми элементами выражения народной воли в решении как вопросов самоуправления, так и более важных дел. В это время на русских землях сложились центры племенной, а затем политической власти, крупнейшими из которых являлись Киев и Новгород, однако по большей части население проживало сельскими общинами. И повсеместно люди использовали единый универсальный способ организации управления, который И.Д. Беляев называл «общинной земщиной»¹. Основные элементы общин-

¹ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М.: типография А.А. Карцева, 1888. С. 24, 38
// Электронная библиотека Государственной публичной исторической библиотеки России. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/10781-belyaev-i-d-lektsii-po-istorii-russkogo-zakonodatelstva-m-1888> (дата обращения: 10.02.2021).

ного самоуправления (выборы представителей общины, ведающих всеми без исключения административными вопросами, народные сходы, собрания, вече) пока еще не закреплялись в письменных источниках, являя собой пример обычного права, однако самые ранние из известных документов свидетельствуют о том, что на территориях формирующегося древнерусского государства уже тогда была отчетливо видна решающая роль вечевых собраний в выборах князей, отстранении их от управления и четком ограничении полномочий княжеской власти¹.

В первых памятниках русского права, к которым относятся договоры, заключенные в первой половине X века великими князьями Олегом и Игорем с византийскими императорами, присутствуют специальные нормы, содержание которых свидетельствует о том, что участниками договоров со стороны Руси являются не только сами великие князья, но также князья, находящиеся от них в вассальной зависимости, бояре и простой люд. Это явно указывает на то, что как минимум основное содержание договоренностей обсуждалось на вечевых собраниях. Как отмечал И.Д. Беляев, «...видно, что в заключении договора участвовало все общество, что в делах общественных значение князя было ограничено и рядом с его властью, рука об руку, шла власть земщины»². На всем протяжении существования древнерусского государства взаимоотношения народа и княжеской власти определялись, как правило, в форме договоров с населением управляемых земель и, что очень важно, ключевые задачи, в том числе обеспечение правопорядка и отправление судебных решений, в сельской местности, как и в городских посадах и слободах, решались органами самоуправления и представителями князя совместно.

Этот период взаимоотношений завершился в эпоху подчинения русских княжеств Золотой орде, когда назначение князей и полномочия высших органов

власти на Руси стали определяться административно-командными методами из ханской ставки. Татаро-монголы, по сути, определили дальнейший вектор развития Руси с преобладающей тенденцией единоначалия, заменившей исконную традицию народовластия. Причем этот процесс на протяжении столетий усиливался внутренней потребностью русских княжеств избавиться от нашествия, что было невозможно без максимальной централизации власти в одних руках. Как следствие, едва только такая централизация состоялась, татаро-монголы были побеждены, сами оказались в кабальных отношениях с Русью и с этого времени (XV век) началось становление Московского государства.

Большое государство с единым центром управления исключало возможность вечевой деятельности, поэтому наиболее важные для жизни страны вопросы теперь решались без участия широких масс. Однако местное самоуправление, по большому счету, продолжало жить той же жизнью, что и ранее. Низовая демократия сохранилась на русской земле благодаря обширности ее территории, фактической неспособности власти к столь масштабному внедрению централизованных инструментов управления и, во многом, ее заинтересованности в сохранении хоть каких-нибудь организационных начал общественной жизни. Вместе с тем порядка в формирующемся и постоянно увеличивающемся государстве было мало, процесс крайнего усиления центральной власти привел к многочисленным перекосам, когда даже у царя стали возникать трудности в реализации своих прав в противостоянии с церковной и светской аристократией. Поэтому в середине XVI века Иваном Грозным был осуществлен целый ряд реформ, результатом которых стало возвращение широкой выборности административно-управленческих кадров на местном уровне и создание серьезных «противовесов» для власти аристократии в лице Земского собора, созываемого царем для решения

¹ Исаев И. А. История государства и права России : учебник. М.: ИНФРА-М, 2020. С. 21.

² Беляев И.Д. Указ соч. С. 58-59.

ключевых государственных вопросов, и постоянно действующих земских и губных изб на местах. Что примечательно, все эти новые учреждения сформировали собой достаточно работоспособную для того времени систему сословно-представительных органов власти, в принципе, аналогичных тем, которые развивались в государствах Западной Европы, однако российский опыт характерен наличием гораздо более широкого народного представительства и реальным участием сословий в управлении делами государства. Кроме того, если европейским монархам органы сословного представительства навязывались формирующейся финансовой аристократией и буржуазией, то становление российской сословно-представительной монархии было начато именно верховной властью.

Необходимо также отметить, что в Московском государстве, а позднее и в Российской империи очень активно функционировал институт челобитной, посредством которого широкие слои населения могли напрямую обращаться к государственной власти, а также специфику формирования административно-управленческих чиновничьих аппаратов на местном уровне, в том числе, в области обеспечения правопорядка. В отличие от распространенной в Европе практики назначения чиновников, российские управленцы низового звена избирались местным свободным населением. Например, в тексте главы 21 Соборного уложения 1649 г.¹ очень подробно описана процедура избрания и вступления в должность губного старосты: староста избирается общиной из числа владеющих грамотой местных служилых дворян или детей боярских или иных состоятельных людей, после чего направляется в Москву для приведения к присяге и регистрации в Разбойном приказе, получения наказной памятки, с которой новый

чиновник направляется обратно к месту службы.

Подобные реформы, направленные на решение задач развития и совершенствования административной и судебной власти, как на высшем, так и на местном уровне, предпринимались после Ивана Грозного не единожды и всякий раз они реализовывались посредством включения выборных общинных начал в систему управления государством, обеспечивая широкое сословное представительство. К концу XIX века в России на основе законодательства повсеместно оформилась система взаимного контроля между властью правительственной и местным самоуправлением, а весь исторический отрезок существования сословно-представительской и абсолютной монархии, начиная с XVI века, можно оценивать не только как эпоху сплошного закабаления крестьян и отказа от проведения буржуазных реформ, но и как период поступательного расширения гражданских прав.

В качестве итога отметим, что к числу главных черт отечественной демократии, от Московии до Российской империи, без сомнения, следует относить, с одной стороны, процессы «демократизации сверху», а с другой – достаточно настороженное отношение населения к этим процессам, что связывалось с увеличением административной нагрузки на привычную жизнедеятельность общин и не вполне очевидными выгодами от такого упорядочивания этой самой жизнедеятельности. Эти черты сохраняются и в современной жизни общества, когда зачастую инициативы в вопросах расширения полномочий местного самоуправления (как это произошло с теми же добровольными народными дружинами, обеспечивающими правопорядок вместе с полицией) исходят от центральной власти.

¹ Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. М.: Государственная типография, 1913. С. 306-307 // Электронная библиотека Государственной публичной исторической библиотеки России. URL: <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/16231-ulozhenie-gosudarya-tsarya-i-velikogo-knyazya-alekseya-mihaylovicha-m-1913> (дата обращения: 14.02.2021).

Особенности применения беспилотных летательных аппаратов в правоохранительной деятельности

В современном мире инновационные технологии внедряются в различные сферы деятельности человека, в том числе и в деятельность вооруженных сил, войск национальной гвардии, министерства внутренних дел, министерства чрезвычайных ситуаций, промышленную сферу и многие другие. Одними из современных технических средств, применяемых в настоящее время, являются беспилотные летательные аппараты или беспилотные воздушные суда (БПЛА).

В соответствии с п. 5 ст. 32 Воздушного кодекса РФ беспилотным воздушным судном признается воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот).

Правоохранительными органами применяются два основных вида БПЛА в зависимости от принципа полета: самолетного и вертолетного типа¹

Беспилотные летательные аппараты оснащаются современными средствами аудио-, фото- и видеозаписи с высокой разрешающей способностью, средствами радиосвязи и многими дополнительными техническими устройствами, в результате чего спектр их применения обширен.

В качестве одного из направлений применения БПЛА является сопровождение крупных массовых мероприятий (митингов, шествий, культурных, спортивных, праздничных мероприятий). С высоты до 150 метров можно охватить большую площадь, до нескольких квадратных километров для контроля за оперативной обстановкой, выявлять очаги возникновения конфликтов, а также совершения преступлений и правона-

рушений, в результате чего оперативно управлять наземными нарядами, обеспечивающими общественную безопасность на контролируемых мероприятиях.

Вторым направлением применения БПЛА можно отметить их использование при проведении антитеррористических операций. При дополнительном оснащении БПЛА специальной техникой возможна постановка преднамеренных радиоэлектронных помех с целью подавления средств связи, а также блокирования радиоуправляемых взрывных устройств в определенном радиусе действия. С учетом мобильности БПЛА можно оперативно менять зоны блокирования в зависимости от передвижения субъектов контроля. Кроме того, поочередно используя два аппарата, можно осуществлять круглосуточный мониторинг места проведения специальной операции. При этом в ночное время для качественного контроля необходимо также использовать тепловизор.

В случае необходимости быстрого развертывания сети радиосвязи можно использовать БПЛА с ретранслятором на борту, что обеспечит качественную радиосвязь и возможность передачи информации на дальние расстояния с минимальными потерями.

Основными направлениями применения БПЛА в деятельности территориальных органов МВД России на транспорте выступают² мониторинг, сбор и фиксация информации: при патрулировании железных дорог, акваторий и прилегающих участков местности, при проведении воздушной разведки в интересах оперативных подразделений, при обнаружении

¹ Более подробная классификация БПЛА приводится в работе: Макаренко С.И., Тимошенко А.В., Васильченко А.С. Анализ средств и способов противодействия беспилотным летательным аппаратам. Часть 1. Беспилотный летательный аппарат как объект обнаружения и поражения // Системы управления, связи и безопасности. 2020. № 1. С. 109-146. DOI: 10.24411/2410-9916-2020-10105.

² Котарев С.Н., Котарева О.В., Александров А.Н. Использование беспилотных летательных аппаратов для обеспечения безопасности на объектах транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4(83). С. 199-204.

фактов хищения грузов и материальных ценностей на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах.

Наряду со стационарными и мобильными средствами контроля и фиксации нарушений правил дорожного движения в воздушном пространстве над автодорогами применяются БПЛА. На сложных участках, где запрещен выезд на встречную полосу движения, осуществляется контроль с воздуха, и в случаях выявления нарушений информация оперативно передается сотрудникам ДПС ГИБДД, для остановки нарушителя и привлечения к административной ответственности. В случаях поиска угнанных автомобилей, припаркованных во дворах жилых домов, можно осуществлять планомерный подворовый облет. Также беспилотные летательные аппараты дальнего действия можно использовать для осмотра территории большой площади. В вегетационный период наркотикосодержащих растений с помощью БПЛА возможно выявление посевов таких растений, а также наблюдение за появлением людей и машин в обнаруженном районе посева. Одновременно могут устанавливаться районы незаконной вырубki лесов. За пятнадцатиминутный полет с помощью БПЛА можно осмотреть сотни гектаров полей и лесов. Наземным осмотром подобные мероприятия занимают от нескольких часов до нескольких дней, при этом задействуются значительные людские ресурсы.

Несанкционированное применение БПЛА в воздушном пространстве над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории создает угрозу безопасности, жизни, здоровья и имущества граждан. Нарушители могут перевозить взрывчатые и отравляющие вещества, а также изучать слабые места в строениях правоохранительных органов, что осложняет обеспечение безопасности на таких мероприятиях.

Согласно п. 40 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудники полиции имеют право пресекать нахождение беспилотных воздушных судов в воздушном

пространстве в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан над местом проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Такое пресечение осуществляется посредством подавления или преобразования сигналов дистанционного управления беспилотными воздушными судами, воздействия на их пульты управления, а также повреждения или уничтожения данных судов.

Можно сделать вывод, что сфера применения беспилотных летательных аппаратов в правоохранительной деятельности широка, однако, несмотря на все разнообразие применения, существуют и проблемные моменты.

Исходя из определения, закрепленного в Воздушном кодексе РФ, для управления беспилотным воздушным судном требуется специально обученный оператор, который может грамотно управлять и использовать возможности БПЛА, в том числе в различных погодных условиях. Операторами могут быть как штатные сотрудники структурных подразделений правоохранительных органов, которые применяют беспилотные воздушные суда, так и привлеченные сотрудники авиационных подразделений. Но в каждом из указанных вариантов сотрудник должен проходить специальную подготовку и постоянно повышать квалификацию по применению БПЛА.

Кроме того, использование воздушного пространства имеет разрешительный порядок. Использование воздушного пространства беспилотным воздушным судном осуществляется на основании плана полета воздушного судна и разрешения на использование воздушного пространства.

Для правоохранительных органов в ряде случаев разрешение на использование воздушного пространства не требуется – согласно п. 114 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: в случаях «пресечения и раскрытия преступлений», а также п. 52(1) указанных правил: «выполнения визуальных полетов

беспилотных воздушных судов с максимальной взлетной массой до 30 кг, осуществляемых в пределах прямой видимости в светлое время суток на высотах менее 150 метров от земной или водной поверхности вне диспетчерских зон аэродромов гражданской авиации, районов аэродромов (вертодромов) государственной и экспериментальной авиации, запретных зон, зон ограничения полетов, специальных зон, воздушного пространства над местами проведения публичных мероприятий, официальных спортивных соревнований, а также охранных мероприятий, проводимых в соответствии с Федеральным законом «О государственной охране»; на удалении не менее 5 км от контрольных точек неконтролируемых аэродромов и посадочных площадок»¹. Тем не менее об использовании воздушных судов необходимо незамедлительно уведомить соответствующий центр Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации.

Перед осуществлением органами оперативно-разыскных операций необходима подготовка соответствующего задания с указанием цели, задачи, района или места применения БПЛА. При этом следует сделать акцент на том, что если он используется в целях видеофиксации над частной собственностью разрабатывае-

мого лица, то нужно получить разрешение суда на проведение данного мероприятия, чтобы не нарушать права гражданина, гарантируемые Конституцией РФ².

Применение БПЛА правоохранительными органами имеет свои особенности, положительные и отрицательные стороны. Применяя БПЛА с оператором, можно в меньшей степени задействовать наземные наряды, точно их направлять для оперативного пресечения правонарушений и преступлений, а также собирать доказательную базу. В ряде обозначенных случаев правоохранительным органам не требуется получения разрешения на использование воздушного пространства для применения БПЛА, но необходимо уведомление соответствующих органов об использовании воздушного пространства, что также сдвигает временные интервалы их применения. А в случаях проведения ОРМ, нарушающих конституционные права человека, требуется получение разрешения суда, что также может занять продолжительное время. Операторам, управляющим беспилотными летательными аппаратами, необходимо сначала приобрести навыки пилотирования, а потом регулярно поддерживать. С применением беспилотных воздушных судов возможности правоохранительных органов, очевидно, возрастут.

Крупин В.А.

DOI 10.51980/2021_1_111

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Актуальные вопросы, связанные с неповиновением сотруднику полиции

В последние годы количество случаев неповиновения законным требованиям сотрудникам полиции с каждым годом увеличивается и является стабильно высоким. По данным ГИАЦ МВД России³, в 2018 г. сотрудниками ОВД были пресечены 62991 административное правонарушение, предусмотренное статьей

19.3 КоАП РФ, в 2019 г. – 65051, а в 2020 г. – 69461 (наибольшее количество правонарушений были пресечены сотрудниками патрульно-постовой службы полиции – 41300).

Неправомерные действия правонарушителя в отношении сотрудников полиции, находящихся при исполнении обя-

¹ Утверждены постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 № 138.

² Косовский В.Б. Мартынюк С.Н. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 25-29.

³ Сводный отчет по России: сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации за 2018-2020 гг. Форма I-АП (577). URL: <http://10.5.0.16/> (дата обращения: 27.01.2021).

занностей по охране общественного порядка, совершаются, как правило, в грубой форме. Такие деяния направлены не только на воспрепятствование правоохранительной деятельности полиции, но и создают угрозу для общества и принижают авторитет представителей власти.

Нередко неповиновение, предусмотренное административным законодательством, перерастает в уголовно наказуемое деяние, предусмотренное ст. 318 УК РФ («Применение насилия в отношении представителя власти»). При таких обстоятельствах производство по делу об административном правонарушении прекращается на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ. Например, в г. Лесосибирске Красноярского края 14 октября 2018 г. в отношении Л.А.В. был составлен протокол об административном правонарушении по ст. 19.3 КоАП РФ, согласно которому Л.А.В. вел себя агрессивно, хватал сотрудников полиции за форменное обмундирование, провоцировал драку, нанес участковому уполномоченному удар в область брови, на неоднократные предупреждения полиции не реагировал. 19 октября 2018 г. судья прекратил производство по делу об административном правонарушении, так как при квалификации действий Л.А.В. по административному и по уголовному делу по ст. 318 УК РФ учтены одни и те же признаки объективной стороны составов указанных правонарушений, привлечение Л.А.В. одновременно к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ и к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 318 УК РФ недопустимо¹.

Сотруднику полиции необходимо помнить, что в случаях неповиновения сотрудникам полиции гипотеза, как элемент правовой нормы ст. 19.3 КоАП РФ, заключается в установленном законом обязательном исполнении законных требований представителя власти.

Гарантии правовой защиты сотрудника полиции закреплены в ст. 30 Федерального закона «О полиции», где законные требования сотрудника полиции

обязательны для выполнения гражданами. Значимость данной нормы подчеркивает, что полицейская работа связана со спецификой выполняемых задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, где в случае неповиновения законным требованиям сотрудника полиции к правонарушителю будут применены меры принуждения, в том числе с привлечением его к административной ответственности. Таким образом, закон возлагает на граждан обязанность выполнять исключительно законные требования полицейских.

Иногда на практике встречаются случаи, когда сотрудники наружных нарядов, оказывая помощь следователю (дознавателю) в рамках производства следственного действия, полагают, что действия следователя (дознавателя) законны, пресекают противоправные действия гражданина, связанные с неповиновением. Но в последующем в процессе судебного разбирательства следственные действия признаются незаконными. Например, постановление Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 11-АД17-17, связанное с удовлетворением жалобы и дополнительной жалобы К.М.В., где постановления судей районного, Верховного Суда Республики Татарстан, вынесенные в отношении К.М.В. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, отменены ввиду незаконного следственного действия (выемки автомобиля), осуществляемого следователем. Производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ².

В подобных случаях сотрудники полиции могут стать фигурантами уголовного дела за превышение должностных полномочий, а гражданин, который оказывал активное неповиновение сотрудникам полиции, от административной ответственности освобождается и остается безнаказанным.

¹ Постановление Лесосибирского городского суда от 19.10.2018 № 5-164/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m8W3ectYCCWw/?regular-txt> (дата обращения: 07.03.2021).

² Постановление Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 11-АД17-17 URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01062017-n-11-ad17-17> (дата обращения: 07.03.2021).

Необходимо отметить, что при отсутствии у сотрудника полиции соответствующего права и, следовательно, установленной обязанности гражданина полицейский не может предъявлять ему требование. Сотрудник полиции может только попросить гражданина не как представитель власти, а как частное лицо, выполнить определенные действия, а в случае получения отказа в действиях гражданина состава правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 КоАП РФ, не будет.

Анализ результатов опроса слушателей факультета профессиональной подготовки показывает, что ряд сотрудников полиции, прибывших на обучение, имеют слабые знания законодательства в части полицейских полномочий.

Полицейские полномочия определены федеральными конституционными законами «О военном положении», «О чрезвычайном положении», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, федеральными законами «О противодействии терроризму», «О полиции» и др.

Так, в соответствии со ст. 12, 27 Федерального закона «О полиции» на полицию возложены обязанности (основные обязанности сотрудника полиции), а ст. 13, 28 – предоставлены права (основные права сотрудника полиции).

В процессе исполнения полицейских полномочий сотрудники полиции сталкиваются с общественным контролем за их деятельностью со стороны граждан.

Согласно ч. 1 ст. 50 Федерального закона «О полиции» граждане Российской Федерации вправе осуществлять общественный контроль за деятельностью полиции, но в соответствии с Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Общественный контроль обеспечивает реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина, с одной стороны, а с

другой – данной нормой прикрываются блогеры, «правозащитники», которые под видом общественного контроля осознанно вмешиваются в деятельность сотрудников полиции, оказывая им неповиновение.

Зачастую ввиду того, что в действиях блогеров состава правонарушения нет, а имеется только неэтичное, провокационное поведение, привлечь их по ст. 19.3 КоАП РФ не представляется возможным.

Например, в г. Краснодаре 9 февраля 2018 г. блогер Евгений Ширманов зашел на стационарный пост ДПС, производил видеосъемку, делал замечание наряду ДПС, по поводу неправильно припаркованного служебного автомобиля. За отказ выйти из служебного помещения и прекратить видеосъемку сотрудниками ДПС в отношении Ширманова был составлен протокол об административном правонарушении по ст. 19.3 КоАП РФ. В ходе судебного разбирательства действия сотрудников ДПС признали неправомерными, блогер имел полное право вести съемку на посту¹.

Необходимо отметить, что в законе нет точного механизма общественного контроля и реализации полномочий общественного контроля, чем зачастую и пользуются блогеры, «правозащитники».

Таким образом, необходимо совершенствование законодательства за неповиновение законным требованиям сотрудника полиции, а также определение точного механизма общественного контроля, введение нормы, на основании которой в рамках своих полномочий сотрудники полиции могли бы пресекать деятельность блогеров, «правозащитников», провокационные действия, зачастую завуалированно направленные на унижение чести и достоинства представителя власти. В то же время сотрудникам полиции нужно четко знать свои полномочия, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

¹ Суд признал правоту блогера, уличившего сотрудников ДПС в неправильной парковке. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1991245/> (дата обращения: 06.03.2021).

Секция
**ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО
И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Деришев Ю.В.,

DOI 10.51980/2021_1_114

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Сибирский юридический университет (г. Омск)

**К дискуссии о паритете «процессуального и непроцессуального»
в современном отечественном уголовном процессе**

«Уголовный процесс без ОРД в большей степени бессилен, как и бесполезна ОРД без ее выхода на уголовный процесс»

В. Т. Томин

Общепризнано, что эффективность – это оптимальное достижение поставленных целей с наименьшей затратой сил и средств. Таким образом и исходя из общего представления, выработанного научным сообществом, *эффективность права* как результативность его воздействия на общество следует представлять как соотношение его намеченных целей (целеполагания) и полученных результатов (целедостижения)¹ при оценке затраченных ресурсов.

В связи с этим перманентный поиск новых эффективных (результативных) способов и средств противодействия преступности всегда составлял значительную долю уголовно-процессуальной политики российского государства. В несколько условном виде данный процесс можно рассматривать как установление оптимального *баланса*, с одной стороны, эффективности контроля преступности, с другой – гарантий прав и интересов личности в уголовном судопроизводстве (иными словами, это баланс «консервативного и либерального»).

Рассматривая данную конкуренцию, можно обнаружить также противостояние двух доктрин и в доказательственном праве. Так, по мнению А. М. Баранова, это, с одной стороны, стремление госу-

дарства усложнить и детализировать процедуры уголовного судопроизводства, в первую очередь его досудебной фазы, а с ними *формализовать* уголовный процесс и создать реальные барьеры для недобросовестного правоприменителя. Но в те редкие исторические периоды, как указывает автор, и в отдельных более развитых социальных структурах, где доверие общества к государству, к правоохранительной системе повышалось, «процедура становилась вторичной, она упрощалась. Достоверность собранных доказательств обеспечивалась не за счет точного соблюдения установленных форм процесса, а правосознанием, грамотностью, если хотите – порядочностью и совестью лица, осуществляющего уголовное судопроизводство»². Поистине, «*процессуальность*» (выделено нами. – Ю.Д.) того или иного познавательного инструмента, несмотря на долгую его (порой многовековую) апробацию, зачастую зависит от конвенции, принимаемой тем или иным сообществом»³.

В последние годы наметилась *наднациональная тенденция* инкорпорации оперативно-розыскных возможностей раскрытия и расследования преступлений в состав средств сферы уголовно-процессуального регулирования, иными

¹ Сырых В. М. Логические основания общей теории государства и права в 3-х т. Т. 2. М., 2004. С. 265; Кудрявцев В. И. Самошенко И. С. Никитинский В. Н., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 36-37.

² Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. Омск, 2006. С. 143.

³ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород, 2002. С. 87.

словами, «процессуализации» ранее неизвестных норм уголовно-процессуального права способов ведения уголовного судопроизводства, что, на наш взгляд, также можно рассматривать в качестве одного из путей поиска гармонии консервативного и либерального в развитии современного уголовного судопроизводства. В полной мере это относится к разработке и регламентации в ряде новых уголовно-процессуальных кодексов европейских государств института так называемых *специальных, тайных или негласных следственных действий*¹.

Так, одним из ярких открытий УПК Украины 2012 г. стало введение в качестве средств получения доказательств института «негласных (розыскных) следственных действий». Эксперты объясняли этот шаг тем, что эффективно расследовать, особенно организованную преступную деятельность, традиционным путем стало невозможно².

Глава 21 УПК Украины «Негласные следственные (розыскные) действия» предусматривает серьезный арсенал конфиденциальных действий, ранее «о законодательном закреплении которых, субъекты оперативно-розыскной деятельности могли только мечтать»³. Согласно ч. 1 ст. 246 УПК Украины *негласные (розыскные) следственные действия* – это разновидность следственных (розыскных) действий, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Возникла несколько парадоксальная ситуация. По мнению М.А. Михайлова, «при таком статусе негласных следственных действий возникают сомнения в необходимости проведения еще и оперативно-розыскной деятельности», более того, в данной ситуации «законопос-

лушным гражданам следует опасаться незаконнопопавших правоохранителей»⁴.

Аналогию рассматриваемым негласным следственным действиям можно найти и в УПК других европейских государств, в том числе на постсоветском пространстве. Так, глава XVI УПК Грузии предусматривает возможность производства *тайных следственных действий*, ст. 215 УПК Латвии – *специальных следственных действий*; глава 30 УПК Казахстана – *негласных следственных действий*.

Анализ данных нормативных правовых актов свидетельствует, что *конфиденциальные процессуальные действия* позволяют обеспечить, в первую очередь, *контроль* (цензуру) информации (корреспонденции), имеющей значение для расследования, во-вторых, *контроль* интересующих органы расследования объектов (мест и лиц), в-третьих, *контроль* преступной деятельности (эксперимент, контролируемая поставка, контрольная покупка и т.п.), в том числе «изнутри», т.е. через внедрение в преступное сообщество конфиденнта и др.

Следует признать, что современная отечественная процессуалистика вполне допускает дальнейшее развитие конвергенции процессуального и непроцессуального. Так, известен исходный постулат концепции М.П. Полякова по данному вопросу – результат ОРД есть готовый информационный продукт, нуждающийся лишь в интерпретации⁵, т.е. дело только в процессуальном оформлении полученных сведений. Действительно, оперативно-розыскная информация в контексте концепции уголовно-процессуальной интерпретации результатов ОРД – это *альтерпроцессуальная информация*, что, с одной стороны, подчеркивает процедурность способа производ-

¹ Как представляется, уместно именовать их конфиденциальными процессуальными действиями, можно использовать и термин «иные процессуальные действия» по аналогии с УПК Грузии, содержащим XVII главу «Другие процессуальные действия», куда, например, отнесена экспертиза, которая всегда вызывала у теоретиков проблему принадлежности к следственным действиям.

² Погорельский М. А. Функциональное назначение оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе: Монография, Харьков: Арсис, ЛТД, 2007. С. 5.

³ Михайлов М. А. Расширение круга субъектов ОРД требует взвешенного решения // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. 2011. № 24. С. 28. С. 28.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Поляков М.П. Указ. соч. С. 220.

ства результатов ОРД, а с другой – не позволяет ей полностью отождествиться с процессуальностью уголовного судопроизводства¹.

Специально исследовавший проблему законности правовых средств современного уголовного судопроизводства А.М. Баранов пришел к выводу, что «негласные приемы и способы собирания сведений (доказательств) о преступлении должны иметь уголовно-процессуальную природу, т.е. регулироваться уголовно-процессуальным законом»².

Безусловно, конфиденциальные процессуальные действия явление пока не совсем ординарное, а значит, не совсем консервативное. Вместе с тем эффективность применения данных средств получения доказательств в рамках уголовного судопроизводства не может вызывать больших сомнений. С другой стороны, процессуализация откровенно либерных средств получения доказательственной информации – бесспорно, шаг к либерализации его процедур, усиливающий гарантии прав граждан, вовлекаемых в данные правоотношения.

Очевидно также, что нужен новый взгляд на старые каноны, но необходим и разумный предел. Всеобщая «процессуализация» полицейской деятельности не всегда есть благо для общества, страдает главное – *оперативность* той самой *оперативно-розыскной* деятельности. Как утверждал И.Я. Фойницкий, упорядочение полицейского сыска было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия: «порядок и образ действий полиции по производству дознания закон избегает регламентировать с точностью ...для того именно, чтобы не стеснить полицию в

этой деятельности, по существу своему требующей быстроты и целесообразности соответственно изменяющимся обстоятельствам»³.

Как заметил М.П. Поляков, конкуренция «процессуального» и «непроцессуального» присутствует в уголовном процессе реально, и не только на теоретическом уровне. Более того, автор выводит закон «единства и борьбы процессуального и непроцессуального», который действует в сфере познания криминальных явлений⁴. Действительно «процессуальное» невозможно без «непроцессуального», первое чаще всего возникает из второго, а второе обязано первому своим применением. Вместе с тем недопустима, на наш взгляд, искусственная подмена «непроцессуального» «процессуальным» и наоборот. Непроцессуальная деятельность должна лишь дополнять, сопровождать процессуальную деятельность, но не подменять ее. В той же степени излишня «процессуализация» производств, которым точная, детальная процедура не требуется, «ведет не к чему иному, как к регрессу, к стагнации судопроизводства»⁵.

В связи с этим более продуктивным видится подход формирования и регламентации отдельных *обобщенных направлений получения доказательственной информации (например, вербальной, вещественной, электронной и т.п.)*, в том числе и видами контроля (информации, мест и лиц, преступного поведения), указанными выше, но без углубления в процедурные детали отдельных процессуальных действий, особенно конфиденциальных. Но при этом также нужен взвешенный баланс «процессуального и непроцессуального»!

¹ Поляков М.П. Указ. соч. С. 221.

² Баранов А. М. Указ. соч. С.164.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. С. 379-380.

⁴ Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности :: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. С. 104-106.

⁵ Там же. С. 97.

Майорова Л.В.,

DOI 10.51980/2021_1_117

кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Информационные технологии в уголовном процессе

Информационные технологии достаточно активно развиваются в последние годы в России, но еще есть многое, что необходимо реализовать. Данные процессы активизировались в связи с пандемией. Как это бывает, в процессе развития появляются новые задачи, которые требуют решения.

В России принят ряд нормативных правовых актов, относящихся к информационным технологиям. Прежде всего это Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». Принятие новых решений, связанных с новыми технологиями в экономике, безусловно, влияет и на судопроизводство, поскольку цифровая экономика не может быть без цифрового судопроизводства.

В рамках реализации Программы по созданию «мобильного правосудия» («электронного правосудия») происходит внедрение программных средств аналитического обеспечения деятельности судов, осуществляется сканирование всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и электронного архива судебных дел, что позволяет обеспечить доступ граждан к правосудию, а также качественную и эффективную работу судов.

Верховному Суду РФ и Судебному департаменту при Верховном Суде РФ делегированы полномочия по разработке и внедрению технологий электронного правосудия. Внедрение в работу этого оборудования и технологий за короткий срок, равный 15-20 годам, изменило деятельность органов правосудия настолько, что сформировался целый пласт процессуальных отношений, получивший название электронного правосудия, тре-

бующий научного определения, осмысления и нормативного урегулирования.

В конце декабря 2017 г. Пленум Верховного Суда РФ утвердил постановление об использовании арбитражными судами и судами общей юрисдикции электронных документов в деятельности, регулируемой ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ¹.

В судебной системе происходит активное внедрение современных электронных средств и технологий – видеоконференцсвязи, видеопотоколирования, электронной подачи документов, объединяемых понятием технологии «электронного правосудия».

В отдельных отраслях судопроизводства, в том числе уголовном судопроизводстве, термин «электронное правосудие» вообще не используется. Достаточно активно проводятся исследования теоретических и практических проблем использования электронных ресурсов в процессе осуществления правосудия в рамках уголовного судопроизводства. В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены только отдельные способы совершения процессуальных действий в электронном виде. Например, в главе 56 УПК РФ закреплён порядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов.

В качестве необходимой составляющей электронной формы осуществления правосудия является определенная процессуально-процедурная форма реализации процессуального статуса участников уголовно-процессуальных отношений. Объем предоставляемых участникам уголовного судопроизводства прав и специфика их реализации зависят от того, на каком этапе осуществляется производство по уголовному делу.

¹ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

Пределы реализации прав участников уголовного судопроизводства можно правильно установить только в том случае, если исходить из принципа единства процессуальных прав и процессуальных обязанностей. Например, дополнительные возможности, которые предоставляет использование электронных технологий, ставят под угрозу безопасность конфиденциальных сведений об участниках уголовно-процессуальных отношений и третьих лиц, передаваемых через информационно-коммуникационную систему Интернет. Следовательно, должны быть корреспондирующие обязанности лиц, ведущих процесс, направленные на защиту прав участников уголовно-процессуальных отношений на конфиденциальность личных данных.

В уголовном судопроизводстве использование цифровых технологий при проведении следственных действий получает все большее распространение. Судебная практика по данному направлению только появляется, в качестве примера можно проанализировать использование видеоконференцсвязи.

Согласно позиции Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) использование видеоконференцсвязи в судебном заседании представляет собой форму судебного процесса и не является несовместимым с пониманием справедливого и публичного разбирательства. В ряде случаев применение видеоконференцсвязи сопряжено с нарушением прав участников уголовного судопроизводства, в том числе и предусмотренных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Рассматривая жалобы российских граждан, ЕСПЧ в ряде случаев признал нарушения государством прав и свобод обвиняемых. Использование видео-

конференцсвязи в судебном заседании должно гарантировать возможность для заявителя участвовать в процессе по уголовному делу и быть заслушанным без технических препятствий, а также иметь возможность эффективного общения с адвокатом без свидетелей¹.

ЕСПЧ также указал, что если лицо общается с судом с помощью видеоконференцсвязи, то право на юридическую помощь приобретает особое значение, в первую очередь, если лицу предъявлены многочисленные и серьезные обвинения и ему грозит суровое наказание².

В деле «Сахновский против России» подсудимый познакомился с назначенным ему защитником непосредственно перед началом судебного заседания в суде кассационной инстанции и имел ограниченные возможности общаться с ним (в течение 15 мин. и через контролируемую систему видеосвязи). Таким образом, он был лишен возможности конфиденциально обсудить ход защиты с адвокатом, согласовать позиции и убедиться, что защитник ознакомился с материалами дела³.

В деле «Шулепов против России» видеоконференцсвязь была осуществлена без участия защитника⁴. В деле «Слащев против России» заявитель участвовал в заседании суда надзорной инстанции с помощью видеоконференцсвязи невысокого качества и не понимал значительную часть того, что говорилось в зале судебного заседания⁵.

В деле «Григорьевских против России» качество видеосвязи и трансляции было неудовлетворительным. Заявитель, страдавший от частичной глухоты, не мог участвовать в заседании надлежащим образом, а когда он просил надзирателей увеличить громкость, его просьба была отклонена. ЕСПЧ в решении по данному

¹ Григорьевских (Grigoryevskikh) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 09.04.2009 (жалоба № 22/03). URL: <http://www.echr.coe.int>.

² Севостьянов (Sevastyanov) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 22.04.2010 (жалоба № 37024/02). URL: <http://www.echr.coe.int>.

³ Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 02.11.2010 (жалоба № 21272/03). URL: <http://www.echr.coe.int>.

⁴ Шулепов (Shulepov) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 26.06.2008 (жалоба № 15435/03). URL: <http://www.echr.coe.int>.

⁵ Слащев (Slashchev) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 31.01.2012 (жалоба № 24996/05). URL: <http://www.echr.coe.int>.

делу указал, что предусмотренное ст. 6 Конвенции право обвиняемого на эффективное участие в рассмотрении его уголовного дела обычно включает не только право личного присутствия, но и право слышать и следить за разбирательством¹.

Следует отметить, что о необходимости применения видеоконференцсвязи не только в ходе судебного разбирательства, но и на предварительном расследовании в целях процессуальной экономии, обеспечения возможности проведения следственных действий в труднодоступных и отдаленных районах, обеспечения безопасности участников процесса неоднократно говорилось в уголовно-процессуальной науке.

Одним из важнейших аспектов применения видеоконференцсвязи является взаимосвязь технических условий ее проведения со свойствами достоверности и допустимости доказательств, полученных таким путем, и возможности их использования при производстве по уголовному делу.

Достоверность и допустимость полученных посредством видеоконференцсвязи доказательств может быть обеспечена только при условии надлежащего качества изображения и звука и защищенности от внешнего вмешательства информационного канала связи. Помехи

и сбои в видеоконференцсвязи, подключение третьей стороны к каналу связи и т.д. не позволяют признать доказательства, полученные таким путем, допустимыми. В период пандемии появились новые формы общения, кроме традиционной видеоконференцсвязи. Например, с помощью Skype заключались досудебные соглашения о сотрудничестве в рамках главы 40.1 УПК РФ, принимались решения об изменении меры пресечения судом и др.²

В подобных случаях возникает вопрос о безопасности получения и сохранности персональных данных. Данный вопрос является достаточно сложным и требует нормативного регулирования. Прогресс в информационных технологиях влечет так называемое старение с технической точки зрения способов и методов получения и сохранения данных. Следует учесть, что, например, ознакомление с информацией, сохраненной в компьютере, будет через несколько лет так же сложно, как и прочесть манускрипт, написанный несколько веков назад.

Регулирование в сфере электронного правосудия не существует отдельно от общих норм процессуального права, его основополагающих принципов гуманизма, законности и является его неотделимой частью.

Петухов Е.Н.,

DOI 10.51980/2021_1_119

кандидат юридических наук, доцент
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Понятие и критерии надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей

В юридической науке существует понятие правомерного поведения, под которым понимается общественно необходимое, желательное или социально допустимое поведение, осуществляемое в соответствии с правовыми предписаниями

и поддерживаемое возможностью государственной защиты³.

Опосредуя данное понятие и его существенные признаки в уголовно-процессуальную сферу, сформулируем понятие должного поведения участников уго-

¹ Григорьевских (Grigoryevskikh) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 09.04.2009 (жалоба № 22/03).

² URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/mass-media/news/archive?item=51680926.

³ Нагимуллин И.Р. Средства обеспечения правомерного поведения подозреваемых и обвиняемых на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Казань, 2005. С. 32.

ловного судопроизводства с учетом того, что основой такой разновидности правомерного поведения являются возложенные законодателем на конкретного участника обязанности в соответствии с его уголовно-процессуальным положением: должное поведение участников уголовного судопроизводства – это действие или деятельность правообязанных субъектов по уголовному делу, осуществляемые ими в рамках государственно-властных предписаний (обязанностей) в виде активных действий и бездействия (воздержания) в соответствии с их уголовно-процессуальным статусом.

Гарантом обеспечения должного поведения участников уголовного судопроизводства, безусловно, является надлежащее исполнение уголовно-процессуальных обязанностей. Соответственно, необходимо определить сущность надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, чтобы понять и раскрыть процесс исполняемости данных процессуальных категорий, а также осознать момент их исполненности и степень исполненности, от которых зависит качество решения задач и в итоге достижение целей уголовного судопроизводства.

В поиске значения термина «надлежащий» обращаемся к словарям: под редакцией Т.Ф. Ефремовой – такой, какой следует, соответствующий, должный¹, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – такой, какой следует, нужный, соответствующий, должный², В.И. Даля – надобный, приличный, соответственный³.

Если исходить из установленного нами этимологического значения слова «надлежащий», то применительно к предмету исследования данной работы надлежащее исполнение уголовно-процессуальных обязанностей должно чему-то соответствовать. Полагаем, что с учетом характеризующей его такой качественно-количественной величины, как мера, данное правовое явление должно

соответствовать составляющим эту величину элементам: способу, сроку и субъекту⁴. Раскроем содержательный смысл понятия «надлежащий» через обозначенные явления с учетом того, что все они должны быть законными, то есть установлены в уголовно-процессуальном законодательстве.

Надлежащий способ – это совокупность и порядок действий, используемых для решения какой-либо задачи. Применительно к нашему исследованию – это вид и порядок фактического действия (активного или пассивного), предписанного диспозицией обязывающей уголовно-процессуальной нормы.

Надлежащий срок: в уголовном процессе это предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством период времени, исчисляемый такими величинами, как немедленно, часы, сутки, месяцы.

Надлежащий субъект: в уголовном процессе это любой участник уголовного судопроизводства, который в соответствии с п. 58 ст. 5 УПК РФ является лицом, принимающим участие в уголовном процессе. Считаем, что применительно к уголовно-процессуальным обязанностям данное лицо должно соответствовать таким правовым требованиям, как правосубъектность, правоспособность и дееспособность.

Мы также полагаем, что любая человеческая деятельность (действие или бездействие, поступок), тем более вызванная к осуществлению путем воздействия на ее исполнителя посредством закрепленного в норме закона государственно-властного предписания (веления), должна быть обозначена и обоснована целью ее совершения. При этом цель должна быть реально достижимой в результате существующей способности и возможности совершения (исполнимости) предписанных действий обязанным участником уголовного судопроизводства.

¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/search/?cx> (дата обращения: 07.01.2021).

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 371.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 949.

⁴ По такому же пути идут ученые-цивилисты. См., напр.: Волос А.А. К вопросу о соотношении надлежащего и реального исполнения обязательства // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 31-32.

ства. Поэтому считаем, что в основу содержания надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей должна входить такая правовая категория, как цель. Она будет характеризовать данное понятие с позиции целеполагания, как стремящуюся деятельность должностных лиц либо действия иных участников уголовного судопроизводства к достижению определенного необходимого результата – решению конкретной задачи уголовного процесса должностными лицами и органами государства либо достижению законного интереса иными лицами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства.

Далее, используя выведенные нами знания об элементах-признаках надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностях, рассмотрим их практическое применение в ходе изучения такого правового явления, как «исполнение».

Обобщая значения термина «исполнение», которые содержатся в толковых словарях, энциклопедиях, википедии, приходим к тому, что это то же, что выполнять; претворять в жизнь; совершать; реализовывать, а также осуществлять действия согласно инструкциям, указаниям.

Используя данные значения анализируемого глагола, с учетом того, что в нашем случае необходимо ориентироваться на нормы уголовно-процессуального законодательства, сформулируем его функциональный смысл применительно к сфере уголовного судопроизводства.

Исполнение – это наряду с соблюдением одна из основных форм практической реализации предписания, содержащегося в обязывающей норме уголовно-процессуального законодательства, когда обязанные субъекты уголовного процесса претворяют эти предписания в своем поведении добровольно либо в принудительном порядке. То есть исполнение состоит в обязательном совершении соответствующими участниками уголовного процесса предусмотренных обязывающими нормами действий в установленный срок. Например, для исполнения судом обязанности по обращению приговора, вступившего в законную

силу, к исполнению (ч. 4 ст. 390 УПК РФ) судье, рассмотревшему уголовное дело в первой инстанции, или председателю этого суда необходимо совершить в соответствии с ч. 2 ст. 393 УПК РФ следующие предписанные этой нормой действия – направить в течение 3 суток со дня вступления приговора в законную силу копию обвинительного приговора в то учреждение, на которые возложено исполнение наказания.

Что касается такой формы реализации обязанности, как соблюдение, то оно состоит в воздержании от совершения запрещенных нормами уголовно-процессуального права действий. Например, для исполнения обязанности не покидать места производства обыска лицу, присутствующему в месте производства данного следственного действия, необходимо в соответствии с предписаниями, содержащимися в ч. 8 ст. 182 УПК РФ, совершить следующие пассивные действия – не покидать самостоятельно места, где производится обыск, оставаясь в данном месте до момента окончания следственного действия либо до разрешения его покинуть, которое может дать должностное лицо, производящее обыск.

Результаты вышеизложенных рассуждений приводят нас к формулированию понятия надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей: это точное и полное совершение обязанным участником уголовного процесса действий предписанным законом способом с целью решения задач уголовного судопроизводства или достижения законных интересов этих участников в установленные сроки.

Из приведенной дефиниции надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей выводятся его структурные элементы, являющиеся, на наш взгляд, одновременно критериями, по которым следует судить о законности/незаконности, а также о степени исполненности/неисполненности данных отраслевых обязанностей.

В качестве таких постоянных критериев предлагаются:

надлежащий субъект исполнения – участник уголовно-процессуальных пра-

воотношений, на которого законом возложены обязанности в зависимости от его уголовно-процессуального статуса;

надлежащий способ исполнения – вид совершаемых действий: активные действия (поступок, действие, деятельность); пассивные действия (воздержание от совершения конкретных активных действий);

надлежащий срок исполнения – установленный законом период времени совершения активных действий либо воздержания от совершения конкретных действий;

законом определенная цель в виде достижения определенного необходимого результата: решение задач уголовного процесса; достижение законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В итоге надлежащим должно признаваться такое исполнение уголовно-процессуальных обязанностей, которое соот-

ветствует постоянным основным названным субъективным и объективным критериям. Всякое иное исполнение, то есть с нарушением указанных требований, не является надлежащим, поэтому оно становится основанием для рассмотрения вопроса о применении ответственности к недобросовестным исполнителям уголовно-процессуальных обязанностей.

В завершение следует отметить, что кроме предложенных постоянных критериев оценки степени исполненности уголовно-процессуальных обязанностей допустимо существование применительно к надлежащему исполнению уголовно-процессуальных обязанностей и переменных критериев. Например, такими критериями могут быть: место исполнения обязанности, процессуальный документ, сопровождающий ее исполнение, правовые последствия исполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей и т.п.

Овсянников Ю.В.,

DOI 10.51980/2021_1_122

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Недопустимость злоупотребления правом как принцип уголовного судопроизводства

В уголовно-процессуальном праве наряду с нормами, разрешающими конкретные вопросы, которые возникают при производстве по уголовному делу, содержатся основополагающие положения или идеи, имеющие значение для построения как всего уголовного процесса в целом, так и его конкретных правовых институтов, каковыми и являются принципы уголовного процесса.

Уголовно-процессуальное законодательство в качестве базового принципа уголовного судопроизводства определяет защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, защиту конституционных прав и свобод граждан.

Как известно, уголовно-процессуальная деятельность протекает в устано-

вленной законом процессуальной форме, обязывающей совершать любые процессуальные действия в необходимых порядке, условиях и последовательности. Поэтому все уголовно-процессуальные решения во всех стадиях уголовного процесса приобретают или должны приобретать определенную процессуальную форму. Необходимость в ней обусловлена тем, что как начальный этап уголовного судопроизводства, так и последующее производство по уголовному делу неизбежно связано с принуждением, с вторжением в сферу личных интересов и законных прав граждан, касается прав и свобод человека. В связи с этим законодатель стремится поставить процессуальную деятельность в разумные рамки, определить разумные пределы вторжения в сферу личных интересов граждан. Принуждение должно применяться толь-

ко при наличии для этого предусмотренных законом оснований, а о наличии таковых можно судить только тогда, когда решение о применении будет объяснено и мотивировано в соответствующем нормативном акте.

Большое значение в установлении пределов осуществления полномочий лиц, ведущих уголовное судопроизводство, мог бы сыграть неизвестный еще отечественному уголовному судопроизводству принцип недопустимости злоупотребления правом.

В современном отечественном законодательстве недопустимость злоупотребления правом закреплена в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Данное положение закреплено в гл. 2 Конституции РФ, посвященной правам и свободам человека и гражданина.

Несмотря на то, что УПК РФ не содержит понятия «злоупотребление правом», оно уже около пятнадцати лет является предметом научных изысканий и привлекает внимание представителей науки уголовного процесса и практикующих юристов. Встречается данное понятие и в судебной практике по конкретным делам, а также в текстах постановлений, определений Конституционного Суда Российской Федерации применительно к уголовно-процессуальной деятельности¹.

Уголовно-процессуальная теория не выработала единого определения понятия «злоупотребление правом». Но во всяком случае ясно, что (в соответствии с толковыми словарями русского языка)

злоупотреблять правом — значит сознательно употреблять его во зло, во вред кому/чему-либо². Из всех толкований точнее всего в контексте данного вопроса следующее: «обращать хорошее средство на худое дело», иными словами, злоупотребление правом — это употребление права во зло.

Целью данной статьи является обоснование возможности дополнения п. 12.1 ст. 5 УПК РФ «Злоупотребление правом» и главы 2 УПК РФ ст. 9.1 УПК РФ «Недопустимость злоупотребления правом».

В последние годы потребность в исследовании вопросов, связанных с злоупотреблением правом, возросла. Об этом, в частности, можно судить по появившимся за последнее десятилетие фундаментальным трудам, посвященным изучению общетеоретической и отраслевой проблематики злоупотребления правом³.

Недопустимости злоупотребления правами присущи все признаки и свойства принципа, реализующегося в рамках уголовного судопроизводства: высокая степень общности; действие на протяжении всего уголовного судопроизводства; согласованность и связь с другими принципами; нормативно-правовой характер; выражение господствующих в государстве политических и правовых идей, касающихся способов осуществления судопроизводства по уголовным делам; возможность применения в качестве критерия законности действий и решений.

Это заключение подтверждается следующими аргументами. Во-первых, недопустимость злоупотребления процессуальными правами в рамках уголовного судопроизводства представляет собой общее положение. Она существует вне

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2010 № 795-О-О; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденный Пленумом ВС РФ 24.12.2014; О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // СПС КонсультантПлюс.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ ; науч. ред. Л. В. Беловинский. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс [и др.], 2009.

³ Белоножкин, А.Ю. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 26; Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации. Рязань: Повременный, 2002. С. 50; Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2008. С. 33; Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 156.

зависимости от конкретных лиц, участников процесса, от их правового и социального статуса, обстоятельств уголовного дела и каких-то иных отправных моментов. Во-вторых, недопустимость злоупотребления процессуальными правами, т.е. добросовестное использование предоставленных прав, обеспечивает реализацию государственной правовой политики, т.е. тех целей и задач, которые для себя определило государство. В уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается достижение назначения уголовного судопроизводства, которое определено как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В-третьих, недопустимость злоупотребления процессуальными правами, являясь принципом уголовного процесса, взаимодействует с иными принципами, проявляясь в них и обеспечивая их реализацию.

Реализация принципа недопустимости злоупотребления правом связана и с принципом справедливости, поскольку злоупотребление правами приводит к нарушению баланса интересов лиц в уголовном судопроизводстве, а это позволяет соотнести реализацию принципа недопустимости злоупотребления правом с принципом равноправия граждан в уголовном судопроизводстве и принципом охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

В связи с этим мы согласны с мнением О.Я. Баева¹ и считаем необходимым и актуальным:

1) дополнить п. 12.1 ст. 5 УПК РФ понятием, отражающим сущность злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве. С учетом приведенной выше позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу такое дополнение может быть сформулировано в следующем виде: злоупотребление правом – поведение (действие/бездействие) субъекта уголовного судопроизводства, не выходящее за

пределы его правового статуса, однако нарушающее права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, а также препятствующее разбирательству дела и решению задач правосудия в оптимальные сроки, защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства;

2) для создания процессуального механизма оценки поведения участника уголовного судопроизводства как злоупотребления правом, часть первую УПК РФ дополнить корреспондирующей с предложенным понятием статьей примерно следующего содержания (как нам представляется, сообразно своей сущности она должна следовать за нормой, устанавливающей принцип законности при производстве по уголовному делу):

«Статья 9.1. Недопустимость злоупотребления правом.

При производстве по уголовному делу злоупотребление правами его участниками недопустимо.

Факт злоупотребления участником уголовного судопроизводства предоставленным ему правом устанавливается мотивированным постановлением суда, ограничивающим в связи с установлением такого факта пределы и/или сроки реализации данным участником судопроизводства своего субъективного права или влекущим иные процессуальные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом.

В досудебном производстве по уголовному делу суд рассматривает вопрос о признании правового поведения участника досудебного производства как факта злоупотребления правом на основании мотивированного ходатайства полномочных представителей стороны обвинения или представителя стороны защиты».

В рамках уголовного судопроизводства значение принципа недопустимости злоупотребления процессуальным правом состоит в том, что, во-первых, он выполняет превентивную функцию, предотвращая любые формы злоупотреблений

¹ Баев, О.Я. Злоупотребление правом как уголовно-процессуальная категория // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 336-349.

правами, во-вторых, он позволит конкретизировать содержание процессуальных прав участников уголовного судопроиз-

водства, определить пределы реализации данных прав и оптимизировать механизм их осуществления.

Стельмах В.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_125

кандидат юридических наук, доцент
Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Возможно ли процессуальное задержание лиц, указанных в статье 449 УПК РФ?

В Российской Федерации все равны перед законом и судом. Порядок уголовного судопроизводства является единым и, как правило, не зависит ни от субъективных свойств лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, ни от категории преступления.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон выделяет группу субъектов, наделенных так называемым иммунитетом (неприкосновенностью) от уголовного преследования. Эти субъекты перечислены в ч. 1 ст. 447 УПК РФ. Неприкосновенность предоставляется лицам, осуществляющим важные виды публично-правовой деятельности и представляет собой не личную привилегию, а прежде всего гарантию независимости лица при выполнении своей деятельности.

Иммунитет предполагает усложнение уголовного преследования по сравнению с обычным порядком судопроизводства. Лица, перечисленные в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, обладают разным объемом иммунитета. В отношении одних отличия от общего порядка заключаются исключительно в том, что возбуждение уголовного дела производится руководителем следственного органа определенного уровня (по субъекту Российской Федерации или руководством центрального аппарата). В отношении других иммунитет предполагает усложнение возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Кроме того, в ст. 449 УПК РФ перечислены лица, обладающие иммунитетом от уголовно-процессуального задержания. Это сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, судьи всех федеральных судов, мировые судьи, прокуроры, Председатель Счет-

ной палаты Российской Федерации, его заместители, аудиторы Счетной палаты, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий.

Во-первых, необходимо отметить разницу в правовой регламентации задержания многих из названных субъектов.

Касательно задержания в ст. 449 УПК РФ употреблена следующая формулировка: данные лица, задержанные по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91 УПК РФ, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности.

УПК РФ говорит только об уголовно-процессуальном, а не о физическом («уличном») задержании указанных субъектов. Очевидно, что непосредственное ограничение свободы лица, находящегося, например, в общественном месте, и совершающем действия, образующие объективную сторону состава преступления, нельзя расценивать как процессуальное задержание.

Вместе с тем другие законы резко ограничивают возможность не только процессуального, но физического задержания упомянутых субъектов. Так, ч. 5 ст. 16 закона «О статусе судей в Российской Федерации» запрещает личный допрос судьи (кроме прямо предусмотренных законом случаев, когда это требуется для обеспечения безопасности других людей). Кроме того, задержание судьи по подозрению в совершении преступления либо принудительное доставление в любой государственный орган допускается, только если личность судьи

не могла быть известна в момент задержания, а после установления личности он подлежит немедленному освобождению.

Примечательно, что в отношении судей Конституционного Суда РФ действует несколько иной порядок, причем установлен он весьма специфическим образом. В ч. 1 ст. 15 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» говорится, что гарантии неприкосновенности судей Конституционного Суда установлены Законом «О статусе судей в Российской Федерации», то есть каких-либо особых правил, отличных от тех, что предусмотрены для всех судей, данный федеральный конституционный закон не содержит (то есть судья Конституционного Суда РФ, задержанный за совершение преступления, подлежит освобождению непосредственно после установления его личности). Вместе с тем в § 11 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации говорится, что в случае задержания судьи Конституционного Суда РФ на месте преступления Председатель Конституционного Суда РФ незамедлительно созывает заседание Конституционного Суда РФ, которое проводится в течение 24 часов с момента, когда в Конституционном Суде РФ стало известно о задержании судьи. По результатам заседания Конституционный Суд РФ принимает одно из двух решений: а) потребовать незамедлительного освобождения судьи; б) воздержаться от данного требования.

Следует учитывать, что Регламент Конституционного Суда РФ принимается на основе Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Хотя Регламент сам по себе не равен по юридической силе не только федеральному конституционному, но и «обычному» федеральному закону, в системной связи с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» он составляет единое правовое пространство, в связи с чем при задержании судьи Конституционного Суда РФ должны применяться положения § 11 Регламента. Не вполне ясно, какова юридическая природа этих положений – являются ли они исключительно «доброй

волей» Конституционного Суда, по своей инициативе принявшего повышенные обязательства, не предусмотренные законом, либо они все же напрямую вытекают из смысла закона, и представляют собой единственно возможный вариант правовой регламентации. С одной стороны, очевидно, что Конституционный Суд РФ, сознавая свое исключительное положение в обществе и судебной системе Российской Федерации, добровольно принял нормы, устанавливающие для судей Конституционного Суда РФ стандарты, не только не ниже, но даже гораздо выше обычных. С другой стороны, представляется, что эти стандарты напрямую вытекают из смысла закона, и требуют распространения на судей всех остальных судов, в том числе мировых судей. Конечно, распространение не имеет в виду буквального копирования процедуры, что просто невозможно в силу различной организационной структуры этих судов, а подразумевает обязательность решения вопроса о дальнейшем продлении задержании судьи при согласии компетентного органа.

В п.п. «б» и «в» ч. 2 ст. 19 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» сформулированы запреты задержания и личного досмотра названных лиц. При этом закон не распространяет этот запрет на случаи задержания сенатора или депутата Государственной Думы на месте преступления.

Несколько по-иному решается вопрос о задержании Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Запрещаются его задержание (кроме случаев задержания на месте совершения преступления) и личный досмотр. При этом в случае задержания Уполномоченного по правам человека на месте преступления должностное лицо, производившее задержание, немедленно уведомляет об этом Государственную Думу, которая должна принять решение о даче согласия на дальнейшее применение этой процессуальной меры. При неполучении в течение 24 часов согласия Государственной Думы на задержание Уполномоченный по правам человека подлежит немед-

ленному освобождению (ст. 12 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»).

Своеобразный, отличающийся от общего, порядок задержания установлен Федеральным законом «О Счетной палате Российской Федерации». Во-первых, иммунитет о задержания распространен не только на Председателя Счетной палаты, его заместителя и аудиторов, но также на инспекторов Счетной палаты. Во-вторых, в законе ничего не говорится о задержании этих должностных лиц на месте преступления, однако фактически подразумевается возможность их задержания с согласия той палаты Федерального Собрания, которая назначила их на должность в Счетную палату (ч. 1 ст. 39 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации»).

Таким образом, сама принципиальная возможность задержания различных субъектов, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, а также условия и порядок задержания отличаются друг от друга. В данном случае нельзя говорить о безусловном приоритете УПК РФ перед федеральными законами, определяющими статус тех или иных субъектов, поскольку если эти законы устанавливают дополнительные правовые гарантии для лиц, в

соответствующей части должны применяться именно указанные законы.

Следует отметить, что ст. 449 УПК РФ теоретически допускает процессуальное задержание названных в ней субъектов при их физическом задержании на месте преступления. Однако эта норма фактически блокируется правилами о получении согласия на задержание от компетентных государственных органов. Совершенно очевидно, что сжатый срок задержания (не более 48 часов) практически стопроцентно исключает реальную возможность получения согласия.

Следовательно, в данное время иммунитет указанных лиц от задержания фактически является абсолютным. Это противоречит демократическому и правовому характеру государства. Очевидно, следует предусмотреть возможность процессуального задержания всех субъектов при их фактическом задержании на месте преступления без какого-либо согласия. Ситуация, при которой задержанный непосредственно при совершении преступления субъект демонстративно освобождается от задержания, неприемлема и способна только дискредитировать систему государственной власти в целом и правоприменительную деятельность в частности.

Лукьянова А.А.

DOI 10.51980/2021_1_127

Барнаульский юридический институт МВД России

Задержание подозреваемого: процессуальные пределы

Институт задержания подозреваемого является одним из наглядных примеров использования государственного принуждения в защиту публичных интересов. Необходимостью осуществления государственной защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, можно оправдать применение принудительных мер, ограничивающих конституционные права и свободы правонарушителя.

Бесспорным видится утверждение о том, что только государство обладает исключительной монополией на применение мер принудительного воздействия, влекущих ограничение предоставленных Конституцией РФ прав и свобод¹. Одни и те же принудительные действия, которые в правовом общении между государством и личностью считаются закономерными, неприемлемы в правоотношениях категории «личность — личность».

¹ Макарейко Н.В. пределы государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 35-39.

Уголовно-процессуальная деятельность, являющаяся одной из форм государственной деятельности, пронизана принудительным потенциалом. Вместе с тем справедливым представляется мнение С.И. Вершининой о том, что при соблюдении установленного порядка уголовного судопроизводства процессуальная деятельность вполне может осуществляться и без применения мер принуждения¹. Использование механизма уголовно-процессуального принуждения, зачастую заключающего в рамки целый комплекс правовых возможностей личности, в том числе конституционного уровня, допустимо лишь в соответствии с поставленной целью, что и делает возможным установление ограничений даже неотъемлемых и непосредственно действующих прав и свобод.

Следует отметить, что рассуждения автора основаны на теоретических взглядах о понимании уголовно-процессуального принуждения в широком смысле. Так, права и свободы человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовного процесса, могут быть ограничены не только применением мер принуждения, но и в случаях производства следственных действий, содержащих признаки объективного ограничения прав и свобод личности². Законодательная классификация мер процессуального принуждения не является единственной, а разнообразие мер пресечения, иных мер процессуального принуждения, входящих в систему уголовно-процессуального принуждения в широком смысле, позволяет относить их к различным классификационным группам³.

Выбирая в качестве классификационного признака характер ограничения прав гражданина, в частности конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, считаем возможным выстроить классификационную группу из следующих элементов (от мер пресечения

до следственных действий, обладающих принудительным потенциалом): заключение под стражу, задержание, домашний арест, запрет определенных действий, помещение в медицинский стационар в порядке ст. 203 УПК РФ (во взаимосвязи с ч. 2 ст. 10 УПК РФ), привод, запрет, адресованный лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания следственного действия. Все перечисленные действия обладают схожей юридической природой ограничения прав человека, не смотря на различия в объекте, характере и степени правоограничения.

Наиболее концентрированными по объему ограничения названного конституционного права способами безоговорочно остаются заключение под стражу и задержание, последний из которых обладает оперативным характером. Возможность внесудебного концентрированного лишения свободы передвижения (в понимании п. 15 ст. 5 УПК РФ) или физической свободы (в авторской интерпретации) полагаем должно происходить выверено во избежание преждевременного и необоснованного ограничения права, соседствующего с нарушением.

Правовыми гарантиями защиты личности принято считать установленные законом пределы, определяющие границы вмешательства государства в автономию личности, в частности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Таковыми пределами, прямо установленными Конституцией РФ, являются:

- 48-часовой лимит допустимого досудебного ограничения права путем задержания;

- допустимые способы ограничения права: заключение и содержание под стражей, задержание;

¹ Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 115-125.

² Федоров И.З. Эволюция института государственного принуждения в уголовном судопроизводстве // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 1 (9). С. 115-122.

³ Химичева О.В., Бондаренко И.П. Разнообразие мер процессуального принуждения и характера гарантий прав, свобод и законных интересов обвиняемого при его применении // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8. С. 118-122.

– императивное требование судебного вмешательства во все случаи ограничения права на срок свыше 48 часов.

Очевидно, что пределы применения государственного принуждения, в частности способом задержания, не исчерпываются приведенным перечнем. Возможности правового института задержания активно используются и в уголовно-процессуальной деятельности, и в административной, и в полицейской. Следует отметить, что названный способ правоограничения будет иметь процессуальные особенности в зависимости от сферы правоприменительной деятельности. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Н.В. Макарейко, который, говоря об административном задержании, отметил, что в зависимости от конкретной цели применения меры принуждения в значительной степени будут проявляться отличия по порядку и объему правоограничений, закрепление единственно возможной формы ведения государственного принуждения нельзя в полной мере признать абсолютным. Одна и та же мера государственного принуждения может быть отнесена к разным формам государственного принуждения.

Для уголовно-процессуального задержания существуют особые процессуальные пределы, отличные от пределов, например, задержания административного, и обусловленные не только специфической сферой правоприменительной деятельности, но и конкретной следственной ситуацией, что бесспорно должно учитываться рядовыми законоисполнителями. В качестве методологической основы для определения соответствующих закономерностей полагаем использовать теоретические взгляды на структуру механизма государственного принуждения, согласно которым данная функциональная система состоит из 4 элементов: субъект, объект, непосредственно государственного мера и правовая регламентация функционально принудительной деятельности¹. Искомые процессуальными границами, не проти-

воречащими, а конкретизирующими конституционно установленные пределы, видятся:

– надлежащий субъект (уголовно-процессуальным законом установлен исчерпывающий перечень должностных лиц, уполномоченных задерживать);

– надлежащий объект (лицо, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления);

– наличие признаков события преступления, что подтверждено процессуальным решением о возбуждении уголовного дела;

– наличие фактов, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, что законодателем признано одновременно и основанием к задержанию;

– цель – проверка подозрения (во взаимосвязи с п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ);

– сбалансированность защищаемого публичного интереса и применяемого принуждения (наличие подозрения в совершении преступления, в качестве наказания за которое может быть назначено лишение свободы);

– детальная регламентация процессуального порядка;

– установленные правовые гарантии и средства защиты от неправомерного задержания (например, такие правовые возможности, как возможность обжаловать решение о задержании или фактические действия должностного лица, возможность уведомить своих близких о задержании и месте нахождения, возможность своевременно получить квалифицированную юридическую помощь).

Резюмируя, следует отметить, что задержание остается функциональным средством обеспечения осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Однако использование данной меры принуждения должно соответствовать целям уголовного судопроизводства, быть сбалансированным и не выходить за пределы, установленные государством на конституционном и отраслевом уровнях. Несмотря на то, что применение принуждения обусловлено

¹ Кожевников С.Н. Государственное принуждение: сущностные аспекты // Социально-политические науки. 2017. № 3. С. 71-74.

конфликтом между государственной волей, выраженной в законе, и волей объекта, государство в лице должностных лиц, уполномоченных на уголовно-процессуальное задержание, обязано не

только регламентировать пределы вмешательства, но и действовать в этих границах, что является залогом соблюдения законности и гарантирует защиту личности, ее прав и свобод.

Костенко Д.С.

DOI 10.51980/2021_1_130

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Применение превентивных запретов определенных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а также противодействие наркопреступности всегда являлись предметом пристального внимания ученых, сотрудников правоохранительных органов, сознательных граждан. Значительная общественная опасность этой категории преступлений для развития и благополучия страны предполагает реализацию решительных мер с учетом совершенствования методики расследования преступлений, а также развития норм уголовно-процессуального законодательства в целом.

В то же время говорить о противодействии преступности можно только в случае эффективного решения задач, появляющихся на всем протяжении уголовного процесса.

Современные законодательные новеллы в рамках тенденции совершенствования норм института мер пресечения позволяют по-новому оценить применение отдельных мер пресечения и на основе анализа практики их применения сделать выводы об эффективности ограничений для раскрытия преступления.

Избрание мер пресечения отмечается в методической литературе при описании начального этапа расследования преступлений¹. Однако в большинстве случаев подробного описания методики их непосредственного применения не имеют. Представляется, что законодательное расширение перечня мер пресечения, который на данный момент насчитывает

восемь мер, делает необходимым акцентировать особое внимание на методике применения отдельных мер, доказывания их оснований. Особое внимание необходимо уделить нововведённой мере – запрету определенных действий.

Меры пресечения являются центральной группой мер процессуального принуждения². Трудно недооценить значение превентивных принудительных ограничений, которые возлагаются на подозреваемого и обвиняемого на стадии досудебного производства по уголовным делам. Именно они позволяют обеспечить уверенность в том, что подследственное лицо сможет скрыться от органов, проводящих предварительно расследование или суда; продолжит заниматься преступной деятельностью; может угрожать участникам уголовного судопроизводства и иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 97 УПК РФ меры пресечения также могут применяться для обеспечения исполнения приговора. Однако подобное применение уголовно-процессуальных норм института мер пресечения не является предметом рассмотрения данной статьи.

Отметим особенности ограничений, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ. Данная статья предусматривает шесть автономных запретов, три из них не являются для законодательства новыми и уже фигурировали в качестве дополнительных ограничений при избрании

¹ Чурилов С.Н. Методика расследования преступлений: общие положения. М.: Юстицинформ, 2011. С. 73.

² Головки Л.В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2016. С. 536.

домашнего ареста: запреты общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные сообщения, использовать средства связи и сеть Интернет. Три других запрета являются новеллой — запрет выходить за пределы жилого помещения в определенное время; запрет находиться в определенных местах или ближе установленного расстояния до определенного объекта, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; управлять автомобилем или транспортным средством. Следует учитывать, что некоторые из перечисленных запретов могут применяться совместно с залогом и домашним арестом (ч. 8 ст. 106, ч. 7 ст. 107 УПК РФ).

В научной литературе регулярно рассматриваются вопросы о возможностях и эффективности применения отдельных комбинаций запретов определенных действий¹, о степени финансовых затрат на обеспечение технологий, посредством которых происходит контроль над подследственными² и многие другие.

Однако не меньший интерес представляет то, как складывается правоприменительная практика применения запрета определенных действий в отношении отдельных категорий преступлений. В частности, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Какие именно запреты определенных действий возлагаются наиболее часто? Каковы обоснования этих запретов? Для ответа на эти вопросы был проведен анализ более двухсот решений судов апелляционной инстанции, предметом которых было применение запрета определенных действий. Источником судебных актов стала база судебных и нормативных актов «СудАкт».

Установлено, что процент применения запретов определенных действий к подозреваемым и обвиняемым по преступлениям, предусмотренными ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ от общего числа из-

бранных мер составляет 8% (16 судебных актов). Рассмотрим, какие именно из запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, были применены.

Наиболее часто применяемым запретом определенных действий оказался запрет покидать жилое помещение в определенное время суток (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). В большинстве решений «комендантский час» распространялся на ночное время: с 22:00 до 07:00. В одном из решений промежуток времени был установлен с 23:00 до 04:00 с учетом осуществления трудовой деятельности в качестве водителя-экспедитора³. Также в одном из постановлений апелляционного суда Ханты-Мансийского автономного округа судом было отдельно предусмотрено время для прогулок с 10:00 до 12:00⁴.

Можно сделать вывод о том, что возможность выбора определенного времени запретов позволяет учесть интересы органов, проводящих предварительное расследование, а также права граждан. Акцентировать внимание на этих положениях следует не только судье, но и лицу, проводящему предварительное расследование, составляющему ходатайство об избрании меры пресечения.

Следует отметить, что в одном из решений апелляционного суда Томской области при возложении запрета покидать жилое помещение в определенное время возложен запрет покидать пределы городов Северск и Томск⁵. С учетом того, что ст. 105.1 УПК РФ не предусматривает запрет покидать определенный населенный пункт, данный запрет можно признать неправомерным. Наличие подобных неточностей в судебных решениях свидетельствует о необходимости акцентировать особое внимание на разграничении мер пресечения при их применении. В том числе разграничении запрета определенных действий и подписки о невыезде.

В большинстве случаев запрет покидать жилое помещение сочетался с

¹ Стельмах В.Ю. Мера пресечения «запрет определенных действий» // Российский следователь. 2020. № 2. С. 23.

² Цоколова О.И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019 – 2022 годы) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 30.

³ Апелляционное постановление от 20.09.2019 № 22К-1215/2019. URL: <https://sudact.ru/>.

⁴ Апелляционное постановление от 30.08.2019 № 22К-1584/2019. URL: <https://sudact.ru/>.

⁵ Апелляционное постановление от 30.07.2020 № 22-1246/2020. URL: <https://sudact.ru/>.

запретами на коммуникацию (п.п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Запрет на использование информационно-коммуникационной сети Интернет особенно эффективен, поскольку распространение наркотических средств в условиях современных реалий осуществляется с использованием смартфонов и мессенджеров.

Запреты находятся в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до объектов возлагались значительно реже (в двух судебных актах). Среди таковых объектов были определены бары, рестораны и иные увеселительные заведения. Запрет на управление транспортным средством в рассмотренных решениях не фигурировал.

Анализ практики применения запретов определенных действий по отношению к обвиняемым и подозреваемым в совершении преступлений, связанных с оборотом наркотиков, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, возможность комбинировать уголовно-процессуальные запреты, ограничивающие раз-

личный объем конституционных прав, закономерно соотносится при производстве по уголовному делу по статьям УК РФ, которые предусматривают составы преступлений от небольшой тяжести до особо тяжких. Во-вторых, характер самих ограничений, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, позволяет ограничивать конституционные права личности в той мере, в которой это необходимо для проведения предварительного расследования. В-третьих, формирование судебной практики по применению запрета определенных действий продолжается. В связи с этим лицам, ведущим производство по делу, следует уделять особое внимание при выборе отдельных запретов и разграничении их с иными мерами пресечения.

Таким образом, запрет определенных действий является эффективным инструментом для достижения целей уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Муравьев К.В.,

DOI 10.51980/2021_1_132

доктор юридических наук, доцент

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Заключение под стражу: результаты двадцатилетнего совершенствования

Нормативное регулирование и практика применения заключения под стражу традиционно занимают значительное место в современной уголовно-процессуальной политике.

На рубеже веков самая строгая мера процессуального воздействия, наиболее существенно ограничивающая конституционное право на личную неприкосновенность, была наиболее востребована практиками. В 2001 г. полномочия по избранию заключения под стражу в досудебном производстве и продлению «стражных» сроков были переданы суду (п.п. 1 и 2 ч. 2 ст. 29, ст. 108, 109 УПК РФ). В соответствии с переходными положениями к УПК РФ до 1 января 2004 г.

предусматривалось сохранение прежнего (по санкции прокурора) порядка ареста. Однако в связи с занятой Конституционным Судом РФ позицией¹ процессуальный порядок применения рассматриваемой меры пресечения только по судебному решению введен в действие одновременно с вступлением в силу других норм закона, т.е. уже с 1 июля 2002 г. Кроме того, установлено правило, в соответствии с которым не допускается возложение полномочий по избранию заключения под стражу на одного и того же судью на постоянной основе, они разграничиваются между судьями в соот-

¹ По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова : постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 № 6-П // СПС КонсультантПлюс.

ветствии с принципом распределения уголовных дел (ч. 13 ст. 108 УПК РФ)¹.

После введения судебного порядка ареста их количество уменьшилось, но во многом это было связано с изменением материального законодательства, поскольку в этот период размер мелкой кражи был повышен с одной до пяти минимальных размеров оплаты труда, а хищения с меньшей суммой ущерба отнесены к административным правонарушениям. Потребовались дальнейшие законодательные шаги, направленные, главным образом, на усиление стандартов обоснованности арестов, введение дополнительных ограничений применения данной меры пресечения, диверсификацию принудительных средств. Обратим внимание на основные направления уголовно-процессуальной политики, осуществляемые в целях реального «превращения» заключения под стражу в исключительную меру обеспечения производства по делу.

1. Поскольку во многих решениях судебных органов об избрании заключения под стражу не указывались конкретные доказательства, свидетельствующие о наличии оснований для ограничения свободы изобличаемого, в ч. 1 ст. 108 УПК РФ внесены дополнения. Определено, что в постановлении об избрании рассматриваемой меры пресечения требуется указывать конкретные фактические обстоятельства, на основании которых судья принимает решение. Таковыми не могут являться не проверенные в суде данные, например результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные с нарушением требований УПК РФ².

Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 22, которым задан

ориентир на необходимость установления оснований для избрания заключения под стражу на основе доказательств, которые свидетельствуют о существующем или реально возможном ненадлежащем поведении преследуемого лица. Обстоятельства, подтверждающие наличие оснований для применения меры пресечения, должны быть реальными, удостоверяться достоверными сведениями. При продлении «стражного» срока также должны указываться конкретные обстоятельства, обосновывающие необходимость изоляции лица, и доказательства, их подтверждающие³.

2. Развитие института заключения под стражу иллюстрируют изменения, внесенные в ст. 97, 99 и 100 УПК РФ. Законодатель отказался от установки об исключительном характере избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, распространил на данного участника основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, указав в качестве «учитываемого обстоятельства» тяжесть преступления вместо тяжести предъявленного обвинения. Увеличен до 45 суток срок предъявления обвинения подозреваемому в совершении преступлений «террористической или иной экстремистской направленности». В постановлении Верховного Суда РФ № 22 и в пришедшем ему на смену постановлении № 41⁴ появилась установка о том, что при решении вопроса о мере пресечения в каждом случае необходимо устанавливать «обоснованные подозрения». Судья должен проверить, что в материалах, аргументирующих ходатайство о заключении под стражу, содержатся конкретные сведения о причастности к совершенному престу-

¹ О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 29.05.2002 № 59-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: Федеральный закон от 08.12.2003 № 161-ФЗ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

³ О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 // СПС КонсультантПлюс.

плению определенного лица, обязан дать им оценку, но без обсуждения вопроса о его виновности. При этом Конституционный Суд РФ указал, что факты, обосновывающие подозрения, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, как в случаях предъявления обвинения – следующего этапа в процессе предварительного следствия¹.

3. На момент принятия УПК РФ многие заключенные под стражу содержались в условиях, которые признавались Европейским судом по правам человека не соответствующими Конвенции о защите прав человека и основных свобод². Государством приняты правовые и организационные меры, направленные на то, чтобы арестованные лица содержались в условиях, которые бы исключали угрозу их жизни и здоровью (ч. 3 ст. 10 УПК РФ). Однако в следственных изоляторах от трудноизлечимых болезней, запущенных случаев туберкулеза и других патологий погибало значительное число подозреваемых и обвиняемых. В этой связи в ст. 110 УПК РФ появилась ч. 1.1, которая предполагает изменение заключения под стражу на другую меру пресечения при обнаружении в результате медицинского освидетельствования преследуемого лица тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей³.

4. Общая концепция гуманизации уголовной политики нашла отражение при корректировке материально-правового условия заключения под стражу. После изложения в новой редакции ст. 15 УК РФ законодатель внес изменения и в ч. 1 ст. 108 УПК РФ с целью исключения случаев ареста лиц, совершивших преступления небольшой тяжести. Теперь

самая строгая мера пресечения применяется (по общему правилу) к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, которые караются уголовным наказанием свыше 3 лет лишения свободы.

5. Уменьшению числа арестованных лиц способствовал запрет на применение содержания под стражей по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, кроме исключительных случаев (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). После внесения изменений уточняющего характера⁴ прогнозируется дальнейшее снижение количества арестов предпринимателей, вплоть до единичных случаев. Вместе с тем проблема вовлечения органов предварительного расследования в разрешение гражданско-правовых споров между хозяйствующими субъектами сохраняется⁵.

6. Внесены иные изменения: о возможности «заочного» принятия судебного решения о заключения под стражу в случае объявления обвиняемого в международный, в межгосударственный розыск; о необходимости уведомления о месте ареста родственников преследуемого лица, командование воинской части, иные компетентные органы; об исчислении сроков ареста и многие другие. В целом следует констатировать, что ст. 108 УПК РФ являлась и продолжает являться одной из самых «подвижных» норм в современном отечественном законодательстве. Одновременно с развитием института заключения под стражу получили развитие «альтернативные» способы уголовно-процессуального воздействия на подозреваемого, обвиняемого (залог, домашний арест, запрет опреде-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О // СПС КонсультантПлюс.

² Дело «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» : постановление Европейского суда по правам человека от 15.07.2002 (жалоба N 47095/99) // СПС КонсультантПлюс.

³ Подр.: Булатов Б.Б., Николюк В.В. Медицинское освидетельствование обвиняемого для устранения заболевания, препятствующего содержанию его под стражей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7. С. 63-70.

⁴ О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 02.08.2019 № 315-ФЗ; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Цоколова О.И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019-2022 годы) // Российский следователь. 2020. № 6. С. 26-31.

ленных действий). На современном этапе имеется необходимость дальнейшего изучения опыта конструирования системы мер пресечения, включающей ограничения и запреты, не связанные с изоляцией от общества, с предоставлением возможности компетентным органам одновременного их применения¹.

Данные статистики свидетельствуют о снижении числа обвиняемых, в отношении которых избирается заключение под стражу (например, динамика первых полугодий 2018-2020 гг. — 51 811, 47 951, 42 592 случаев²). Специалисты предполагают сохранение данной тенденции, но указывают, что она не беспредельна. Несмотря на строгость рассматриваемой

меры воздействия, уголовное судопроизводство без принуждения невозможно, и в отношении определенной части обвиняемых, подозреваемых в качестве меры пресечения неизбежно будут избираться аресты³. В этой связи при осуществлении уголовно-процессуальной политики в сторону модели «надлежащей правовой процедуры», приоритетом которой является защита индивидуальных прав и свобод, предоставление максимального числа гарантий лицу, защищаемому от уголовного преследования, важно не забывать и про важность «контроля над преступностью». Монополия любого из данных направлений уголовной политики невозможна⁴.

Якубова С.М.,

DOI 10.51980/2021_1_135

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О сроках наложения ареста на имущество по уголовным делам

В Конституции РФ предусмотрено право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению. И это право охраняется законом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

В случае нарушения незаконными действиями либо бездействием органов государственной власти или должностных лиц предусмотренных основным законом страны прав установлена обязанность государства по возмещению причиненного вреда (ст. 53 Конституции РФ).

Кроме того, права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью также гарантированно охраняются законом. При этом государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституция РФ).

Между тем право собственности может быть ограничено на законных осно-

ваниях. В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрена иная мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ). И как следствие в законе закреплено императивное указание следователю, дознавателю к принятию мер по установлению подлежащего конфискации имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, несущих ответственность за вред, причиненный виновным в совершении преступления лицом, и наложению ареста на такое имущество. Стоимость такого имущества должна соответствовать или быть сопоставимой стоимости предмета, подлежащего конфискации, и обеспечивать уплату штрафа и других имущественных притязаний, предусмотренных санкцией инкриминируемого деяния (ст. 115, 160.1 УПК РФ).

Данная специальная мера процессуального принуждения устанавливает запрет собственнику или иному владельцу

¹ Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2017. С. 321-405.

² Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

³ Цоколова О.И. Указ. соч. С. 26-31.

⁴ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 57-59.

имущества, не являющемуся обвиняемым или гражданским ответчиком по уголовному делу, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии и передаче его на хранение¹.

Учитывая, что право собственности обеспечивается Конституцией РФ, для избрания указанной превентивной меры принуждения обязательно получение разрешения суда. Следовательно с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия². Арест может быть наложен и на имущество иных лиц, не являющихся обвиняемым или гражданским ответчиком по уголовному делу. Так, по уголовному делу по обвинению И.А.Н. в совершении ряда должностных преступлений в обеспечительных целях был наложен арест на имущество как самой обвиняемой, так и третьих лиц, переданное им для оказания содействия И.А.Н. в избежании ответственности в силу родственных отношений, поскольку было установлено, что спорное имущество получено в результате преступных действий обвиняемой³.

При наложении ареста на имущество, как обеспечительной меры суд должен учесть правовое положение собственников имущества или лиц, у которых находится имущество, полученное в результате преступных действий, или использовавшееся в преступных целях, либо предназначавшееся для использования в преступных целях.

Дискуссионным остается вопрос о сроках наложения ареста на имущества.

О проблемах реализации этой меры принуждения свидетельствует и количество внесенных законодателем за время ее действия изменений. Федеральным законом 2015 г.⁴ установлена обязанность суда при вынесении решения о наложении ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми (обвиняемыми) по уголовному делу, о конкретизации срока действия этой меры принуждения (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), введена ст. 115.1 УПК РФ, определяющая порядок продления срока применения анализируемой меры процессуального принуждения.

В случаях истечения установленного судом срока ареста, наложенного на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, или приостановления предварительного следствия по основаниям ч. 1 ст. 208 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора не позднее чем за 7 суток до истечения срока ареста, наложенного на имущество, или до приостановления предварительного следствия возбуждает перед судом по месту производства предварительного расследования ходатайство о продлении срока ареста, наложенного на имущество, о чем выносит соответствующее постановление с указанием срока, на который продлевается арест на имущество⁵.

Однако следует учесть обязанность уполномоченных должностных лиц по соблюдению требований нормы-принципа о разумном сроке уголовного судопроизводства. При определении разумности срока ареста, наложенного на имущество, установлена также обязанность правоприменителя учитывать обстоя-

¹ По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 44. Ст. 6128.

² Приговор Свердловского районного суда г. Красноярск от 13.09.2018 по делу № 1-79/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BZkB0kJA4plx/>.

³ Булатов Б.Б., Николук В.В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК РФ). М.: Спарк, 2003. С. 101-105.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3981.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3981.

тельства, указанные в ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ. За нарушение требований УПК РФ в части соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства при применении данной меры принуждения законодателем предусмотрено право на возмещение имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока уголовного судопроизводства, в порядке гражданского судопроизводства. Это право возникает в случаях, если продолжительность срока ареста превысила четыре года либо если вопрос об отмене данной меры принуждения не решен в течение шести месяцев со дня окончания производства по уголовному делу с вынесением приговора или постановления о прекращении производства по нему¹.

Кроме того, нарушение требований закона в части установления конкретного срока наложения судом ареста на имущество может повлечь отмену либо изменение вынесенных судебных решений². Так, постановлением Президиума Самарского областного суда по кассационной жалобе адвоката решение Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области признано незаконным и необоснованным, поскольку не содержит конкретного срока, до которого на собственника накладываются ограничения по распоряжению арестованным имуществом³.

В силу неоднозначности применения норм, регулирующих сроки наложения ареста на имущество, зачастую они

подвергаются критике со стороны правоприменителей и ученых-процессуалистов. По мнению Е.Ю. Никифоровой, Е.В. Межениной, дополнения требует ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ в части, регулирующей продление срока ареста имущества лиц, не являющихся подозреваемыми (обвиняемыми) или ответственными за их действия по приостановленному уголовному делу. Свою позицию указанные исследователи обосновывают необходимостью учитывать преюдициальное значение решений, принятых в порядке гражданского судопроизводства о принадлежности этого имущества, невозможности ограничений права собственности вследствие его обременения либо о статусе добросовестного приобретателя заинтересованного лица⁴.

Соглашаясь с мнением уважаемых процессуалистов о потребности в пересмотре сроков действия исследуемой меры принуждения, хотелось бы отметить, что в действующей редакции предусмотрена возможность продления этих сроков, в том числе при принятии решений по основаниям ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в связи с приостановлением производства расследования по делу по различным основаниям.

Между тем полагаем, что требуют корректировки именно нормы, наделяющие следователя, дознавателя правом автоматического продления в установленном порядке срока наложения ареста на имущество.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // СПС КонсультантПлюс.

³ Постановление Президиума Самарского областного суда от 25.01.2018 № 44у-23/2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Никифорова Е.Ю., Меженина Е.В. О сроках и пределах наложения ареста на имущество при производстве по уголовному делу // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 2. С. 237-242.

Реализация принципа неприкосновенность личности при производстве следственных действий, сопряжённых с применением физического принуждения

Уголовно-процессуальная деятельность неразрывно связана с реализацией института государственного принуждения, что неизбежно порождает вопрос о балансе между правомерными действиями властных субъектов и защитой прав личности. Наиболее остро указанный вопрос возникает при ограничении права на телесную неприкосновенность личности при производстве следственных действий, сопряженных с применением физического принуждения, необходимость в использовании которого обусловлена преодолением активного противодействия со стороны лиц, привлеченных в качестве подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу.

В настоящее время относительно физического воздействия в рамках следственных действий процессуальное законодательство не предусматривает специальных процедур его использования и как следствие применение физической силы при производстве следственных действий не может юридически правильно оцениваться контролирующими органами относительно правомерности (как и её отсутствия) ограничения права на личную неприкосновенность. Усугубляется сложившаяся ситуация правового пробела и тем, что ст. 10 УПК РФ, закрепляющая принцип «неприкосновенность личности», не включает в своё содержание элемент, регулирующий ограничение телесной неприкосновенности. В связи с этим вопрос реализации принципа неприкосновенности личности в рамках производства следственных действий с применением физического принуждения вызывает повышенный теоретический и практический интерес.

Названное право в уголовном процессе строго охраняется законом и выражается в гарантии личной неприкосновенности каждому участнику уголовного

судопроизводства, закрепленную не только на отраслевом (ст. 10 УПК РФ), но международном и конституционном уровнях правового регулирования.

Так, право каждого на свободу и личную неприкосновенность является общепризнанным международно-правовым стандартом и находит отражение в следующих нормативно-правовых актах (далее – НПА) международного права: Всеобщая декларация прав человека (ст. 3, ч. 2 ст. 29), Международный пакт о гражданских и политических правах (ч. 1 ст. 9), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 5). Детальный анализ вышеуказанных положений НПА позволил нам сделать вывод, что международные стандарты включают в содержание права на неприкосновенность личности узконаправленный смысл, неразрывно связывающий рассматриваемое право только с ограничением свободы.

Конституция РФ закрепляет гарантию каждому гражданину права на личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22), допуская ограничение этого права федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Отметим, что нормы Конституции РФ, как и международные стандарты по правам человека, раскрывают право на неприкосновенность личности в узконаправленном смысле: конституционное право на личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти.

Эти положения имеют корреспондируют уголовно-процессуальному закону (гл. 2 УПК РФ), где неприкосновенность личности трактуется не как право, а как

один из принципов уголовного судопроизводства.

Как и конституционные нормы, уголовно-процессуальный закон сводит содержание права на неприкосновенность личности исключительно к гарантиям от незаконных арестов и задержания. В связи с этим возникает справедливый вопрос, касающийся объема содержания права на неприкосновенность личности, который достаточно полно проработан в науке как в рамках отрасли конституционного права, так и в области уголовного процесса. Однако в научной среде мнения относительно рассматриваемой проблемы кардинально расходятся. Анализ юридической литературы по исследуемому вопросу позволил выделить нам два основных подхода к определению содержания права на личную неприкосновенность:

Авторы первой группы, в числе которых В.М. Чхиквадзе¹, Л.Д. Воеводин², П.А. Лупинская и В.М. Лебедев³, полагают, что рассматриваемое право необходимо понимать в узком смысле. Согласно этому подходу право на неприкосновенность личности сводится к трактовке: «никто не может быть подвергнут аресту иначе, как на основании судебного решения» и не включает в себя иные составляющие.

Аргументируя свою точку зрения, ученые оперируют следующими факторами:

— отсутствие легального определения «права на неприкосновенность личности»;

— тенденция узконаправленного понимания права на свободу и личную

неприкосновенность в международных актах;

— заимствованное из международного права узкое понимание содержания права на личную неприкосновенность в Конституции РФ, что находит отражение в позиции Конституционного Суда РФ.⁴

Такое понимание содержания права на личную неприкосновенность в рамках уголовного судопроизводства представляется нам несостоятельным, так как оно сужает область действия права на неприкосновенность личности, позволяя оставить права участников уголовного судопроизводства незащищенными.

Вторая группа авторов в лице Л.А. Григоряна⁵, И.Л. Петрухина⁶, В.М. Корнукова⁷, допускает возможность широкого толкования права на личную неприкосновенность, которое заключается в расширении составляющих содержания права на личную неприкосновенность. В качестве основных компонентов права на личную неприкосновенность ученые признают физическую, психическую, нравственную неприкосновенность, свободу располагать собой, личную свободу⁸.

Опираясь на изложенные выше результаты анализа научной литературы, мы пришли к выводу, что наиболее обоснованным для целей уголовного судопроизводства является широкое понимание содержания права на личную неприкосновенность. Аргументируя свою точку зрения, отметим, что в рамках уголовно-процессуальной деятельности, которая пронизана государственным принуждением, жизненно необходимым для ре-

¹ Чхиквадзе В.М. Гарантировано Конституцией. М., 1979. С. 150.

² Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.

³ Лебедев В.М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 11; Уголовно-процессуальное право : учебник / под ред. П.А. Лупинской. 2-е изд. М., 1997. С. 102.

⁴ По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна : постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П.

⁵ Григорян Л.А. Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки и телефонных переговоров. М., 1980. С. 34.

⁶ Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 144.

⁷ Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. С. 156.

⁸ Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Уфа: Башкирский государственный университет, 2002.

шения задач уголовного судопроизводства, часто возникает необходимость не только в применении мер принуждения, связанных с лишением свободы, но и других процессуальных действиях, непосредственно ограничивающих физическую, нравственную и психическую неприкосновенность, индивидуальную свободу, общую свободу действий и личную безопасность, что безусловно является компонентами принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе.

В правоприменительной деятельности следователи и дознаватели нередко сталкиваются с активным противодействием участников уголовного процесса, что вызывает необходимость использовать при производстве следственных действий физическое принуждение, которое, казалось бы, ограничивает право на личную неприкосновенность. Но по причине того, что процессуальный закон, во-первых, не отражает гарантии от незаконного применения физического воздействия, а во-вторых, не предусматривает процессуального порядка применения физической силы, возникает правовой пробел, приводящий к невозможности защиты нарушенного права на

личную неприкосновенность участников уголовного судопроизводства. Важно понимать, что в рамках уголовного судопроизводства у правоприменителя должна быть возможность не нарушать право на личную неприкосновенность, а законно его ограничивать, для чего согласно Конституции РФ законом должен быть предусмотрен специальный порядок такого ограничения.

Подводя итог, следует отметить, что помимо задержания и заключения под стражу в рамках уголовного судопроизводства существуют другие формы ограничения неприкосновенности личности, которые применяются в правоприменительной деятельности. В целях возможности защиты права на телесную неприкосновенность участников уголовного судопроизводства считаем целесообразным поднять вопрос о дополнении уголовно-процессуального законодательства, в части регламентации принципа «неприкосновенность личности» (ст. 10 УПК РФ), а именно помимо задержания и заключения под стражу, предусмотреть возможность применения иных мер, ограничивающих неприкосновенность личности, в том числе и мер физического принуждения.

Назаров А.Д.,

DOI 10.51980/2021_1_140

доктор юридических наук, доцент

Юридический институт Сибирского федерального университета,
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Движение к деформализации в доказывании по уголовным делам

Современные уголовные дела – даже по самым незначительным преступлениям, представляют собой сегодня многотомный труд следователя. Каждый шаг следователя, каждое проводимое им следственное или иное процессуальное действие – это многостраничный протокол с приложениями. «Хотели как лучше...», чтобы и права, и обязанности, и ответственность – все через протокол разъяснить всем участникам процесса, ничего не упустить: «ведь что написано пером, то не вырубишь топором...».

Возведенный «в ранг святых» формальный подход к расследованию уго-

ловных дел на современном этапе все чаще «вызывает» к обратному своему действию – деформализации в уголовно-процессуальной деятельности.

Вспомнить о деформализации автора статьи побудил сюжет, который он наблюдал во время недавней научной стажировки в Германии. У одного из коллег по российской делегации прямо из гостиничного номера из сейфа с цифровым замком были похищены евро и российские пятитысячные купюры. Вызвали комиссара полиции, который тут же приехал и приступил к работе.

Во-первых, он не потребовал с российского профессора написать заявление о преступлении. В ответ на вопрос автора по этому поводу сказал, что сам наглядно увидел признаки совершения кражи и этого ему достаточно, чтобы приступить к раскрытию и расследованию преступления. Естественно, никакие постановления о возбуждении уголовного дела в Германии не выносятся.

Во-вторых, комиссар полиции очень своеобразно осматривал место происшествия: он ходил по гостиничному номеру со своим смартфоном, наговаривая в него все увиденное и обнаруженное на месте происшествия; на этот же смартфон он сделал фотосессию всей обстановки места происшествия; со знанием криминалистики и используя криминалистическую технику исследовал поверхности для обнаружения отпечатков пальцев, микрочастиц и т.п. Конечно, никаких понятий при работе комиссар не приглашал, бумажный протокол не составлял. На вопрос об этом протоколе сыщик ответил, что в полицейском участке он сам или его помощник все распечатают и приобщат к делу.

Допросы потерпевшего и свидетелей комиссар полиции также на месте происшествия проводил неформально: все на тот же смартфон он предложил им рассказать о происшедшем событии, задал вопросы и на него же записал ответы допрошенных им лиц. И никаких письменных предупреждений-подписок о тюремном сроке за отказ от свидетельствования и заведомо ложных показаниях, никаких бумажных протоколов. Сыщик, опять же, пояснил, что в полицейском участке для «бумажного дела» он или его помощник составят краткие протоколы показаний допрошенных лиц, а полные тексты

допросов на цифровых носителях будут идти вместе с этим делом.

Подобные действия комиссара полиции в Германии вполне вписываются в концепцию «строгого и свободного» порядка представления доказательств¹. Кроме того, по немецкому законодательству полиция пользуется «правом первого вмешательства», что позволяет полицейским оперативно применять цифровые форматы их деятельности в соответствии со специальными полицейскими регламентами².

Конечно, такая деформализация в доказывании оптимизирует уголовный процесс, делает его оперативным и негромоздким. Более того, она же его и объективизирует – все тонкости и детали записаны в цифровом формате на аудио- и фотовидеоносителях. О проблемах и перспективах деформализации в уголовном судопроизводстве стали все чаще высказываться российские ученые-процессуалисты в ходе научных дискуссий³. Есть большая надежда на то, что уже в скором времени процедуры следственных и иных процессуальных действий будут деформализованы.

Таким образом, на наш взгляд, *деформализация доказывания по уголовным делам* – это оптимизация, цифровизация и объективизация проведения субъектами, ведущими уголовный процесс, следственных и иных процессуальных действий, позволяющая оперативно и качественно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также в конечном итоге получать доказательственные продукты, отвечающие свойствам относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве.

¹ Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ : учебник / Вернер Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной ; под ред. Л.В. Майоровой. 6-е изд., с доп. и изм. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 117.

² Габриэль Р. Введение в немецкое уголовно-процессуальное право : учебное пособие / научный перевод: А. Килина, Ю. Степанова. Красноярск: КГУ, 2001. С. 77.

³ См.: Гаврилов Б.Я. Деформализация досудебного производства: мифы и реальность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 5. С. 23-27; Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство и меры по его деформализации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1. С. 18-21; Ильютченко Н.В. Деформализация уголовного процесса: современные тенденции : доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Основные принципы организации и деятельности уголовного суда: история и современность». Томск, ЮИ ТГУ, 19.09.2013 и др.

Калугин А.Г.,

DOI 10.51980/2021_1_142

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О перспективах развития институтов доказательственного права в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации

Тенденции и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации на современном этапе определяются в значительной мере следующими факторами.

Во-первых, существенными изменениями в структуре и характере преступности, требующими от государства разработки новых, адекватных складывающейся обстановке средств противодействия. В числе таких изменений следует выделить в качестве наиболее значимых:

- стремительную «цифровизацию» преступности, когда большая часть преступных посягательств на собственность, почти весь незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также многие другие виды преступлений «ушли» в Интернет, совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, при этом появилась и новая разновидность противоправных посягательств на конституционный строй государства и общественную безопасность, которую можно условно обозначить такими терминами, как «информационная война», «кибертерроризм»;

- устойчивое поступательное снижение в общем массиве совершаемых преступлений доли так называемых «традиционных», уголовные дела о которых возбуждаются по заявлениям граждан либо юридических лиц, на фоне практически не контролируемого роста латентных преступлений, в составе которых, как правило, нет конкретного потерпевшего, которые выявляются в абсолютном большинстве случаев в результате активной целенаправленной работы оперативных подразделений правоохранительных органов (коррупционные и иные должностные преступления, незаконный оборот наркотиков, оружия, порнографии, незаконный игорный бизнес, преступления, связанные с экстремизмом и терроризмом, и многие другие).

Во-вторых, общемировыми тенденциями развития многих институтов уго-

ловно-процессуального права, так или иначе затронутыми и российскую систему уголовного судопроизводства, среди которых в первую очередь необходимо назвать:

- повышение требований к стандартам доказывания, прежде всего в части обеспечения гарантий конституционных прав граждан при получении доказательственной информации;

- повышение значимости соблюдения разумных сроков производства по уголовным делам, обеспечения гражданам беспрепятственного доступа к правосудию и оперативности предварительного расследования и рассмотрения судами уголовных дел;

- дифференциацию уголовно-процессуальной формы, появление новых упрощенных (ускоренных) производств, что, в свою очередь, во многом обусловлено развитием в материальном уголовном праве различных альтернатив уголовному преследованию и наказанию;

- активное внедрение в уголовное судопроизводство современных информационно-телекоммуникационных технологий («цифровизацию»).

Исходя из сказанного, попытаемся выделить некоторые наиболее перспективные, на наш взгляд, направления развития норм и институтов отечественного уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих процесс доказывания по уголовным делам.

1. Расширение перечня видов (источников) доказательств, предусмотренного ч. 1 ст. 74 УПК РФ.

В качестве «претендентов» для включения в указанный выше исчерпывающий перечень видов информации и ее источников, которые допускаются в качестве доказательств по уголовным делам, предлагается рассмотреть два вида, обладающих, на наш взгляд, собственной правовой и информационной природой, существенными признаками, позволяю-

щими отграничить их от «иных документов» и вещественных доказательств:

- компьютерную информацию;
- результаты оперативно-розыскной деятельности.

Компьютерная информация в виде контента (документа, изображения (фото, видео и т.д.)), создание и (или) распространение которого образует состав преступления, либо «виртуального следа»¹ преступления (например, изменений, неправомерно внесенных в компьютерную программу, «следов взлома» и т.д.), безусловно, представляет собой ценность как доказательственная информация. Вместе с тем ее особенностями являются признаки, отличающие ее от известных нам источников – вещественных доказательств и «иных документов»:

а) компьютерная информация создана и сформирована машиной с помощью алгоритма, который задан программой, соответственно, работать с этой информацией (воспринять при помощи органов чувств («прочитать»), воспроизвести, исследовать, скопировать) без соответствующих программных и аппаратных средств невозможно;

б) она создана и существует в виртуальном пространстве и не «привязана» к конкретному материальному носителю, может быть в неизменном виде перенесена (скопирована, растрована) на бесконечное количество носителей с различными техническими (физическими) характеристиками, использоваться одновременно неограниченным количеством пользователей в случае размещения ее в компьютерной сети.

Таким образом, необходимо закрепление понятия и признаков, а также процессуального порядка собирания и исследования этого вида доказатель-

ственной информации в самостоятельных нормах уголовно-процессуального закона.

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в уголовно-процессуальном доказывании не только в виде предметов и документов, но и как источник информации, имеющий самостоятельное значение: как сведения, добытые сотрудником оперативного подразделения путем непосредственного восприятия следов преступления, а иногда и самого события его совершения, гносеологически схожие с результатами следственного действия (осмотра, следственного эксперимента, обыска и т.п.), но полученные в ином, не предусмотренном уголовно-процессуальным законом режиме. В качестве характерных признаков, позволяющих выделить результаты ОРД в самостоятельный вид доказательств, и одновременно условий их использования в уголовно-процессуальном доказывании С.Б. Россинский и А.Е. Вытовтов выделяют:

а) невозпроизводимость, то есть невозможность повторного получения следователем, судом соответствующей информации;

б) потенциальную проверяемость этих сведений на предмет относимости, допустимости и достоверности при помощи уголовно-процессуальных средств².

2. Распространение общих правил (единого процессуального режима) собирания, проверки и оценки доказательств на все этапы досудебного производства, с момента получения сообщения о преступлении. Ранее в своих работах мы уже обращали внимание на необходимость изменения парадигмы досудебного производства в российском уголовном процессе³, так как предусмотренные в насто-

¹ Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации. Основы теории и практики расследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2002. С. 104.

² Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex Russica. 2018. № 10. С. 80; Вытовтов А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2020. С. 15.

³ Калугин А.Г. К вопросу о предмете доказывания на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции (2-3 апреля 2020 г.): в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 128-130; Калугин А.Г. Начальный этап уголовного судопроизводства: в поиске оптимальной модели // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 143-148; Калугин А.Г. К вопросу о средствах проверки сообщений о преступлениях // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 2. С. 46-53.

ящее время ч. 1 ст. 144 УПК РФ средства так называемой «доследственной проверки» не позволяют полноценно решать задачи начального этапа уголовного судопроизводства.

Представляется очевидным, что процессуальное решение как о начале уголовного преследования (и в отношении конкретного лица, и по факту совершения преступления), так и об отказе от него должно приниматься на основе достоверных данных, полученных с соблюдением процессуальных гарантий прав и законных интересов граждан, то есть в рамках уголовно-процессуальной формы – формы следственных действий. Применение такой модели потребует некоторого усовершенствования и процесса доказывания.

Прежде всего, к единой процессуальной форме должен быть приведен порядок получения вербальной информации от участников процесса – заявителя, лица, считающего себя пострадавшим от преступления (потерпевший, гражданский истец), очевидцев (свидетелей), подозреваемого. Сейчас мы имеем, как известно, два варианта: процессуальный (допрос) и «квазипроцессуальный» (получение объяснений).

Представляется также целесообразным дополнить уголовно-процессуальное законодательство нормами, регламентирующими порядок добровольной выдачи и инициативной передачи физическими лицами следователю, дознавателю и в суд документов, предметов,

информации, содержащейся на электронных носителях, порядок истребования указанных выше носителей информации в органах, учреждениях и организациях.

Эти объективно существующие способы собирания доказательств заслуживают процессуального статуса, поскольку повсеместно используются в следственной и судебной практике, с их помощью собираются важнейшие доказательства, но, в отличие от следственных действий, они не нуждаются в обеспечении мерами процессуального принуждения.

3. Отказ от использования в современном уголовно-процессуальном законодательстве основанного на средневековой теории «формальных доказательств» подхода к критериям оценки допустимости доказательств (наглядный пример – п.п. 1, 2.1, 2.2, 2.3 части 2 ст. 75 УПК РФ), который нередко вынуждает суд пренебрегать имеющимися в уголовном деле сведениями, полученными в соответствии с законом и в полной мере отвечающими требованиям достоверности и проверяемости.

Допустимость доказательств, на наш взгляд, должна определяться двумя основными критериями:

а) возможностью проверки полученных сведений на достоверность уголовно-процессуальными способами, доступными суду;

б) соблюдением конституционных прав и свобод человека при получении доказательств.

Марковичева Е.В.,

DOI 10.51980/2021_1_144

доктор юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Показания несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в российском уголовном процессе

Ратификация Российской Федерацией Руководящих принципов, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений (приняты 22 июля 2005 г. резолюцией 2005/20 на 36-ом пленарном заседании Экономического и Социаль-

ного Совета ООН) и Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS № 201) [(заключена в г. Лансароте 25 октября 2007 г.) привела российского законодателя на путь внесения в УПК РФ изменений, призванных

обеспечить дополнительные гарантии прав несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. В частности, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ были скорректированы нормы ст. 191 УПК РФ, регламентирующей особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего.

Очевидно, что сама ситуация расследования и рассмотрения уголовного дела создает риск психотравмирующего воздействия на несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Процессуальные правила производства отдельных следственных действий, получившие закрепление в ст. 191 УПК РФ, нацелены на минимизацию таких рисков и предполагают: 1) дифференцированное привлечение педагога и психолога к производству таких следственных действий; 2) сокращение продолжительности следственных действий; 3) оценку процессуальной позиции законного представителя на предмет ее соответствия интересам несовершеннолетнего; 4) применение видеозаписи следственных действий.

В целом нормы российского уголовно-процессуального права закрепляют процессуальный механизм обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, однако порядок производства отдельных следственных действий с их участием урегулирован достаточно схематично. Законодатель оставил нерешенными целый ряд вопросов, закономерно возникающих в процессе правоприменения.

Остановимся на отдельных проблемах, сопровождающих расследование и рассмотрение уголовных дел с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Закрепление в ч. 4 ст. 191 УПК РФ обязанности участия психолога при производстве отдельных следственных действий в ходе расследования уголовных дел о преступлениях против половой

неприкосновенности несовершеннолетнего нацелено на обеспечение не столько юридической, сколько социально-психологической поддержки несовершеннолетних.

Введение данной нормы преследовало благую цель, направленную на снижение психотравмирующего воздействия следственных действий на несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Именно поэтому такая корректировка ст. 191 УПК РФ нашла поддержку как среди юристов¹, так и среди психологов². Не ставя под сомнение важность и значимость участия психолога в следственных действиях с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, отметим, что это лишь первый шаг на пути к полноценной процессуальной регламентации особенностей производства следственных действий с участием указанных субъектов. В частности, необходимо обеспечить соответствие между нормами ч. 4 ст. 191 и ч. 1 ст. 280 УПК РФ в плане дифференцированного (или взаимозаменяемого) участия в процессе педагога и психолога.

На наш взгляд, корректировке правил допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля должна была предшествовать четкая законодательная позиция по вопросу процессуального статуса психолога, его процессуальных прав и обязанностей и требований, предъявляемых к нему. Если в отношении педагога хотя бы была предпринята соответствующая попытка, выразившаяся в дополнении ст. 5 УПК РФ п. 62, то положение психолога в российском уголовном процессе так и осталось неопределенным. Результатом такого подхода является часто совершенно случайный выбор органами предварительного расследования психолога. Но может ли помочь следователю в установлении контакта с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем любой психолог, даже работающий в образовательном

¹ См., напр.: Дударев В.А. Допрос несовершеннолетних потерпевших/свидетелей (новая редакция ст. 191 УПК РФ) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 160-161.

² См., напр.: Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23-31.

учреждении? Очевидно, что для этого психолог как минимум должен владеть соответствующими знаниями и методиками их применения на практике.

Определенным шагом на пути решения данной проблемы могло бы стать отнесение психолога к специалисту с последующей корректировкой норм, содержащихся в ст. 58 УПК РФ. Вопрос о квалификации психолога является не только теоретическим, но и практическим. Нередкими являются ситуации, когда потерпевший от сексуального преступления несовершеннолетний не может давать показания в суде, поскольку представляется медицинское заключение о невозможности его участия в производстве следственных действий. Видеозапись его допроса на стадии предварительного расследования отсутствует в связи с отказом законного представителя чаще всего под воздействием «убедительных» доводов следователя. Согласимся с учеными, которые обоснованно отмечают, что «сложность для понимания и реализации нормы ч. 5 ст. 191 УПК РФ состоит в том, что законодатель, с одной стороны, диктует органу расследования: «применение видеозаписи – ваша обязанность», с другой – обуславливает видеозапись согласием заинтересованных лиц»¹. Оглашение показаний таких несовершеннолетних в суде также представляет известную проблему². Все это приводит к отсутствию компенсаторного механизма для стороны защиты, который должен быть обеспечен в условиях состязательного судебного процесса. В такой ситуации суды вынуждены прибегать к допросу психолога, задавая ему вопросы о процедуре допроса, участником которого он был, о характере ответов несовершеннолетнего и т.д.

Однако допрос психолога в суде несет в себе ограниченные возможности. В то же время суду важно убедиться, что показания несовершеннолетнего носят правдивый характер, а сам он не склонен к фантазированию и не демонстрирует признаков конфабуляции, то есть ложных воспоминаний. Хотя психологией разработаны определенные методики экспертной оценки достоверности показаний несовершеннолетнего, признанные учеными в данной области справедливо указывают, что, «учитывая положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и состояние научно-исследовательских разработок в области свидетельских показаний, в настоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психологопсихиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно»³. Поэтому универсального средства решения обозначенной проблемы пока не может быть предложено.

Решение проблемы участия психолога в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 191 УПК РФ, требует и совершенствования процессуального порядка его производства. К сожалению, УПК РФ не предусматривает дистанционного допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, что могло бы помочь в установлении обстоятельств совершения преступления и позитивный опыт использования которого есть, например, в Республике Казахстан⁴. Российские исследователи справедливо указывают на необходимость поиска альтернативных очной ставке процедур по данной категории уголовных дел⁵.

¹ Кальницкий В.В., Овчинникова М.М. Видеозапись следователем (дознавателем) показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 33.

² Подр.: Марковичева Е.В. Проблемы, связанные с участием несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля в судебном разбирательстве // Российское правосудие. 2019. № 3. С. 77-83.

³ О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы. Информационное письмо // Психология и право. 2016. № 3. Т. 6. С. 78.

⁴ См.: Аубакирова А.А. Закрепление показаний несовершеннолетнего потерпевшего в современном уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 43-48.

⁵ См.: Николук В.В., Виноградова В.А., Антонов В.А. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3. С. 39-52.

Ограничивая продолжительность допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля временными рамками, УПК РФ, с одной стороны, создает гарантии защиты несовершеннолетнего от психотравмирующей ситуации допроса, но, с другой — не устанавливает никакого дополнительного времени для установления психологического контакта между психологом и ребенком, что является необходимой предпосылкой продуктивности его участия. Именно психологический контакт психолога и несовершеннолетнего является важнейшей предпосылкой получения правдивых и наиболее полных показаний. Этот фактор учитывается, в частности, в зарубежных методиках проведения допроса таких несовершеннолетних¹.

Следует сказать о том, что небольшая продолжительность допроса малолетних потерпевших и свидетелей не всегда носит охранительный характер. Следователь обычно ограничен рамками процессуальных сроков, необходимостью соблюдать формальные требования при производстве следственных дей-

вий, и сокращение времени допроса не позволяет решить специфичные задачи, связанные с обеспечением прав несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Тем самым создается предпосылка для повторных допросов несовершеннолетнего, что с позиции специалистов-психологов всегда несет ряд рисков: усиления психотравмы, формирования ложных воспоминаний, снижения контакта между следователем и ребенком, так как последний начинает полагать, что ему не верят, и т.д.² Не урегулирован на уровне законодательства и вопрос о допросе несовершеннолетнего потерпевшего в специальных помещениях, оборудуемых во многих современных государствах («голубые комнаты в отдельных европейских государствах, «зеленые комнаты» в Республике Беларусь и т.п.).

Очевидно, что эти и другие вопросы должны быть решены через закрепление на законодательном уровне вариативных специальных процессуальных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Судницын А.Б.,

DOI 10.51980/2021_1_147

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Уголовно-процессуальное средство охраны психического здоровья несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) и реализации права обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него

Нормативно-правовая основа, обеспечивающая охрану и реализацию прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, постоянно совершенствуется. Знаковым событием в этой части следует назвать изменения, внесенные в уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, в результате которых инструментарий, обеспечивающий охра-

ну и реализацию прав пострадавших от преступлений лиц, пополнился дополнительными мерами: незамедлительность признания потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела, равные с подозреваемым, обвиняемым права при назначении и производстве судебной экспертизы, право на ознакомление с материалами уголовного дела в случае его прекращения, право получения копии постановления об отказе в избрании в

¹ См.: Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 23-31.

² См.: Брусницын Л.В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 90-94.

отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу и другие. Не обошел вниманием законодатель и особых участников уголовного судопроизводства – потерпевших и свидетелей, не достигших возраста совершеннолетия. Приняв во внимание необходимость оказания им особой заботы и помощи, специальной защиты, включая надлежащую правовую защиту, были уточнены особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, а также оглашения их показаний, данных в досудебном производстве.

Анализ международных актов в области ювенальной юстиции, усовершенствование правовых норм уголовно-процессуального законодательства позволяют утверждать, что в отечественном уголовном процессе законодательно созданы условия для минимизации участия несовершеннолетних потерпевших и свидетелей при производстве по уголовным делам, что обеспечивает охрану их психического здоровья¹.

Вместе с тем в сфере обеспечения охраны и реализации прав несовершеннолетних продолжает оставаться ряд не до конца разрешенных проблемных вопросов, содержание одного из них фигурирует в заглавии работы.

С одной стороны, стремление к минимизации участия несовершеннолетних жертв и очевидцев преступлений при производстве по уголовному делу с целью обеспечения охраны их психического здоровья основывается на системном толковании международного и национального законодательства (ч. 5 ст. 191, чч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ). С другой

стороны, уголовно-преследуемое лицо имеет право допрашивать свидетельствующего против него потерпевшего и свидетеля, задать вопросы изобличающих его фигурантам дела (чч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ).

Реализация противоположных интересов указанных участников может быть обеспечена, среди прочего, отказом от проведения очной ставки в классическом ее представлении.

Учеными-процессуалистами предлагается использовать «альтернативную» очную ставку, представляющую собой аналог традиционной очной ставки, но проводимую опосредованно, путем постановки вопросов допрашиваемыми через следователя, без их личной встречи друг с другом².

Достоинством данного варианта является обеспечение охраны психического здоровья несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) и права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или потерпевших, возможность задать вопросы изобличающим его лицам.

Однако и у данного варианта имеются некоторые недостатки. Фактическим основанием для проведения очной ставки является наличие в показаниях ранее допрошенных лиц существенных противоречий по обстоятельствам, имеющих значение для уголовного дела (ст. 192 УПК РФ). Однако далеко не во всех случаях между показаниями несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) и обвиняемого будут усматриваться противоречия. Действующая же норма не предусматривает иных оснований для

¹ Подр.: Судницын А.Б. Охрана психического здоровья несовершеннолетних потерпевших, свидетелей в ходе предварительного расследования и право обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 148-151.

² Брусицын Л.В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 92; Кальницкий В.В. Органы расследования обязаны обеспечивать право обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 7; Николук В.В., Виноградова В.А., Антонов В.А. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3. С. 39-52; Николук В.В., Ломакина А.А. Видеозапись допроса несовершеннолетнего потерпевшего и ее использование при расследовании уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.С. Диденко. Ростов-на-Дону: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2019. С. 161 и др.

очной ставки, в том числе направленных на реализацию права обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него. Аналогичное несоответствие проявляется относительно цели очной ставки (устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц). Кроме того, порядок производства очной ставки предполагает встречу участников «лицом к лицу», *tête-à-tête*, как говорят французы.

Акцент на буквальное толкование нормы сделан еще и ввиду позиции Верховного Суда РФ: оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля допускается при условии, что обвиняемому (подсудимому) в досудебных стадиях производства по делу была предоставлена возможность оспорить показания свидетельствующего против него лица *предусмотренными законом способами* (курсив мой. — А.С.)¹.

В связи с изложенным предложения указанных авторов о необходимости проведения «альтернативной» очной ставки в целях охраны психического здоровья несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля поддерживаются по сути. Однако при этом следует констатировать, что в рамках действующего законодательства предлагаемый комплекс действий правоприменителей² вобрал в себя элементы следующих процессуальных институтов: подачи и разрешения ходатайств, ознакомления с материалами уголовного дела, следственных действий (допроса, а не очной ставки). Поэтому предлагаемое процессуальное средство, позволяющее обеспечить охрану

психического здоровья несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) и реализацию права обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него, вряд ли уместно называть очной ставкой, пусть и «альтернативной». По своей сути это «отложенный» (продолжающийся) допрос. Представляется возможным называть рассматриваемое процессуальное средство депонированием показаний.

Депонировать (от лат. *deponere* — откладывать) — отдавать на хранение, делать взнос, вклад³. Депонирование показаний введено и применяется в уголовном судопроизводстве различных государств, в том числе из числа бывших республик, входивших в СССР. Но оно используется, как правило, в качестве средства закрепления показаний потерпевшего и свидетеля, осуществляемого на досудебном производстве следственным судьей, в случае если имеются основания полагать, что более поздний допрос станет невозможным. Так, УПК Кыргызской Республики определяет депонирование показаний свидетеля и потерпевшего как проведение в ходе досудебного производства следственным судьей допроса свидетеля или потерпевшего по ходатайству одной из сторон с целью заблаговременного обеспечения (сохранения) судебных доказательств при наличии оснований, что в силу объективных причин впоследствии допросить их в ходе судебного разбирательства станет невозможным, либо необходимости обеспечения

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // СПС КонсультантПлюс.

² 1) разъяснение несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю), законному представителю положительных для них последствий допроса с видеозаписью; 2) допрос несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) с применением видеозаписи допроса; 3) допрос обвиняемого с разъяснением ему права задать вопросы, свидетельствующему против него лицу, отраженному в протоколе допроса; 4) в случае заявления обвиняемым указанного ходатайства — предъявление (оглашение) протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), воспроизведение видеозаписи его допроса; 5) формулирование обвиняемым вопросов, адресованных несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю), фиксация вопросов в протоколе допроса обвиняемого; 6) рассмотрение возможности отвода вопросов, адресованных несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю); 7) дополнительный допрос несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) по неотведенным следователем вопросам обвиняемого, с применением видеозаписи допроса; 8) ознакомление обвиняемого с показаниями несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), содержащие ответы на вопросы, сформулированные обвиняемым, воспроизведение видеозаписи допроса. Подр.: Судницын А.Б. Указ. соч. С. 150-151.

³ Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е.С. Зенович. М., 1998. С. 143.

безопасности свидетеля или потерпевшего (п. 7 ст. 5, гл. 26 УПК КР)¹.

Аналогичный процессуальный институт имеется в уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана, Украины, Эстонии и др.

В отличие от указанного в предыдущем абзаце варианта предлагается следующее понимание сущности рассматриваемого понятия. Депонирование показаний – это проведение в ходе досудебного производства дополнительного допроса несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) с применением видеозаписи, обеспечивающего охрану его психического здоровья путем исключения непосредственных контактов с обвиняемым и минимизацией участия при производстве по уголовному делу, проводимого по вопросам, заявленным стороной защиты в целях реализации права допрашивать лиц, свидетельствующих против обвиняемого.

При таком понимании депонирование показаний может выступить в

качестве уголовно-процессуального средства охраны психического здоровья несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) и реализации права обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него.

Безусловно, обозначенное предложение требует более углубленной проработки. Однако уже сейчас представляется возможным предположить, что депонирование показаний имеет определенный потенциал для последующего усовершенствования уголовно-процессуального законодательства. Использование такого средства может быть уместным не только по делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, но в отношении взрослых. Например, в случае совершения преступления против половой свободы в отношении женщины либо при производстве по уголовному делу, где имеется необходимость обеспечения безопасности свидетеля или потерпевшего, и т.п.

Ахпанов А.Н.,

DOI 10.51980/2021_1_150

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД РК
Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва,
Научно-консультативный совет при Верховном Суде Республики Казахстан
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)

Хан А.Л.,

кандидат юридических наук, доцент
Академия «Bolashak» (г. Караганда, Республика Казахстан)

Негласные следственные действия в контексте оперативно-розыскных мероприятий

Ранее мы уже обращались к проблемам соотношения оперативно-розыскной и следственной деятельности в Республике Казахстан², однако некоторое непонимание сущности этих двух сходных, но не тождественных институтов судопроизводства со стороны как законо-

дателя, так и правоприменителя вынуждают вновь вернуться к рассматриваемой тематике. Дело в том, что в теории и практике судопроизводства начинает явно прослеживаться тенденция постепенного «выхолащивания» сущности ОРД и локализации стоящих перед ней

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20 // Информационная система «КОНТИНЕНТ». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=36313326#pos=5;-142 (дата обращения: 01.10.2020).

² Ахпанов А.Н., Хан А.Л. О правовой природе и разграничении оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий // Вестник Института законодательства РК. 2018. № 3 (52). С. 45-54.

задач только рамками уголовного дела. Основания для подобных опасений следующие.

1. Пункт 15 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) дает понятие оперативно-розыскной деятельности исходя только из ее субъективных признаков: «...в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств...». Однако в отличие от определения, данного российским законодателем, в здесь отсутствуют объективные признаки: наличие объективного затруднения или невозможности достижения этой цели посредством реализации иных законных средств (т.е. предусмотренных уголовно-процессуальным законом). По мнению ведущих российских ученых: К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова, указанный объективный признак не следует уничтожать по воле какого-либо субъекта, в том числе и законодателя, поскольку речь идет о социально обусловленном состоянии крайней необходимости, основанной на исключительном, вынужденном характере деятельности, направленной на защиту общества и государства, которые не только одобрили ее применение против общественно опасных деяний лиц, совершающих преступления и систему законных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), но и обязали своих представителей (субъектов) осуществлять такого рода деятельность¹. Полагаем, что отсутствие в законе рассматриваемого признака носит концептуальный характер, определяющий последующее отношение законодателя к оперативно-розыскной деятельности и требующий нормативного закрепления.

2. Пункт 3 ст. 2 Закона об ОРД в редакции от 4 июля 2014 г. был изложен в

следующей редакции: «...выявление, предупреждение и пресечение преступлений», тогда как в предыдущей редакции в указанном перечне была ссылка и на **раскрытие** преступлений. Тем самым задача раскрытия преступлений стала прерогативой исключительно лиц, ведущих уголовный процесс (ч. 1 ст. 8 УПК РК), в число которых субъекты ОРД не включены (п. 26 ст. 7, п.п. 1, 2 ст. 61 УПК РК), поскольку буквальное толкование закона предполагает лишь участников по находящимся в производстве уголовным делам. Предположительно именно это положение послужило основанием для искусственного разграничения в УПК РК рассматриваемой деятельности на гласные следственные действия и негласные следственные действия (гл. 30 УПК РК), повлекшее принижение ОРД как одного из способов выявления и собирания информации в доказывании, который не должен ограничиваться наличием или отсутствием уголовного дела².

Между тем, и это общепризнанно, даже самый «продвинутый» следователь (дознатель), даже при наличии доступа и использования современных инновационных технологий и учетов, не в состоянии только гласными методами и средствами раскрыть преступления, совершенные в условиях неочевидности, в том числе глубоко законспирированными, финансово и технически оснащенными преступными формированиями. Следовательно, независимо от стремления сторонников построения судопроизводства (расследования) только в условиях состязательности, гласности и «прозрачности», без привлечения тайных непроцессуальных механизмов получения и собирания информации защита общества и государства от преступных посягательств будет носить не фактический, а лишь мнимый характер. Иное – это идеализм, граничащий с безответственностью.

Полагаем, что подобный нонсенс может привести к ситуации, аналогичной

¹ См.: Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2002.

² Ахпанов А.Н., Хан А.Л. О соотношении гласных и негласных следственных действий в уголовном процессе Республики Казахстан // Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства : материалы международного научно-практической конференции. М., 2016. С. 51-62.

Кыргызской Республике после вступления в силу нового Уголовно-процессуального кодекса от 1 января 2019 г., когда фактически был поставлен на утрату Закон КР «Об оперативно-розыскной деятельности» от 16 октября 1998 г. № 131, имеющий в соответствии с иерархией законов меньшую юридическую силу по сравнению с кодифицированным законом. По мнению национальных экспертов Кыргызстана, правоведов и практиков, новый УПК КР практически парализовал оперативно-розыскную деятельность, в частности направленную на решение задач в сфере разведки и контрразведки, обеспечения государственной безопасности страны. Особо подчеркивалось, что все виды ОРМ со вступлением в силу УПК КР производятся только в рамках досудебного производства, т.е. после официальной регистрации в Едином реестре преступлений и проступков, а также на основании письменного поручения следователя. При этом резюмировалось, что многие виды ОРМ, особенно направленные исключительно на конспиративный сбор информации или предупреждение правонарушений, невозможно производить негласно, что может нанести существенный урон интересам национальной безопасности Кыргызстана¹.

Между тем нас обнадеживает ситуация, что в Республике Казахстан негласные следственные действия (далее – НСД) охватывают только часть ОРД, относящуюся к общим, и частично к специальным оперативно-розыскным мероприятиям (ст. 11 Закона об ОРД), и тем самым презюмируется локальное значение негласных следственных действий в рамках уголовного дела при приоритете оперативно-розыскных мероприятий как способа защиты основ общества и государства от любых противоправных посягательств, независимо от наличия или отсутствия уголовного судопроизводства.

В пользу этого вывода свидетельствуют следующие аргументы.

– несмотря на законодательную регламентацию НСД в нормах УПК РК, последние не имеют значения самостоя-

тельных источников доказательств и вводятся в уголовный процесс путем составления протокола исследования НСД органом досудебного расследования (ст. 238, 239 УПК РК);

– проведение НСД возлагается на специальные органы с использованием форм и методов ОРД, регламентируемых не УПК РК, а Законом об ОРД (ст. 232 УПК РК);

– инициатором проведения НСД выступает лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, в то время как инициатором ОРД выступают сотрудники специальных органов, в том числе и в ситуациях, когда речь идет лишь о предположении угрозы безопасности общества и государства от действий возможных правонарушителей. Тем самым социальная значимость ОРД значительно выше НСД, которые представляют лишь часть этой деятельности как средства обеспечения должного производства по действующему уголовному делу в целях реализации принципа неотвратимости наказания;

– изменены субъекты санкционирования ОРД. Так, санкционирование НСД передано в компетенцию следственного судьи (ч. 1 ст. 234 УПК РК), а санкционирование ОРД осталось в ведении прокуратуры (ч.ч. 4-8 ст. 12 Закона об ОРД. При этом общая проверка законности проведения НСД и ОРД сохранена за прокурором (п. 1 ч. 2 ст. 12 Закона РК от 30 июня 2017 г. «О прокуратуре», ч. 2 ст. 234 УПК РК). Однако, на наш взгляд, законодателю следовало бы быть более последовательным в определении дискреционных полномочий указанных субъектов. Полагаем, что требование оперативного реагирования напрямую связано с задачей быстроты уголовного процесса. Поэтому, на наш взгляд, следовало бы предусмотреть процедуру, когда следственный судья санкционировал бы не каждое отдельное негласное следственное действие (ст. 234 УПК РК), а давал общую санкцию на их проведение. Тогда, в зависимости от скоротечности ситуации, оперативный сотрудник мог бы

¹ URL: <http://www.adilet.kg/upload/file/Poziciya.pdf>.

самостоятельно принимать решение о проведении соответствующих НСД или ОРМ с последующим уведомлением прокурора. Последний, проверив законность и обоснованность принятого решения, либо выражал бы согласие, либо выносил соответствующий акт прокурорского реагирования. Подобная процедура полностью соответствует проводимой в стране политике «трехзвенной структуры судопроизводства» (полиция – прокуратура – суд) с одновременным усилением прокурорского надзора. Однако мы отдаем предпочтение ранее действовавшей процедуре прокурорского санкциониро-

вания ОРД и НСД, когда вмешательство следственного судьи обусловлено лишь наличием жалоб на незаконность их проведения.¹

Таким образом, можно констатировать, что НСД носят подчиненный характер по отношению к ОРД и могут рассматриваться только в контексте этой деятельности, поскольку их цель локализована узконаправленными задачами, определяемыми органом уголовного преследования в границах установленного события правонарушения, что и не позволяет подменять или отождествлять эти понятия.

Страхова С.В.,

DOI 10.51980/2021_1_153

кандидат юридических наук, доцент
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Сохранение в тайне данных о личности свидетеля в уголовном процессе: проблемы правовой регламентации

Уголовные дела о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ занимают второе место по количеству рассмотренных в 2019 г. в Российской Федерации судами по существу с вынесением приговора – 75 463 уголовных дела. Учитывая, что преступления указанной категории совершаются, как правило, в условиях неочевидности, в подавляющем большинстве их выявление и раскрытие осуществляется путем осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), а при расследовании зачастую возникает необходимость обеспечения безопасности свидетелей.

Гарантии применения мер безопасности к указанным лицам сформулированы законодателем в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Вместе с тем обращает на себя внимание некоторое рассогласование названия статьи и содержания ее ч. 3. Так, в названии ст. 11 УПК РФ законодатель употребляет словосочетание «охрана прав». В правовой науке сложилось вполне устоявшееся

мнение о том, что понятия «охрана прав» и «защита прав» не являются тождественными: охрана направлена на предотвращение возможности нарушения конкретных прав, а защита – на восстановление уже нарушенных прав.

Логично полагать, что применение мер безопасности к свидетелям связано, в первую очередь, с необходимостью обеспечения сохранения в тайне их персональных данных с целью предотвращения возможности применения по отношению к ним насилия, уничтожения или повреждения имущества, иных противоправных действий, а в отношении конфиденентов, кроме того, и для предотвращения утраты возможности продолжения своей деятельности вследствие рассекречивания.

Содержание же ч. 3 ст. 11 УПК РФ свидетельствует о том, что в качестве оснований применения мер безопасности закреплены уже имеющие место угрозы убийством, применением насилия, уничтожения или повреждения имущества,

¹ Ахпанов А.Н., Хан А.Л. О правовой природе и разграничении оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий.

иных противоправных действий. На необходимость подтверждения факта угрозы доказательствами, а также сведениями, полученными в ходе ОРД, и представления их в материалах уголовного дела, указывают, в частности, А.Б. Соколов и С.А. Табаков, подчеркивая, что на это обстоятельство указывают и суды¹. Однако в таком случае, на наш взгляд, применение мер безопасности, указанных в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, ч. 5 ст. 278 УПК РФ, теряет смысл, ибо подобные угрозы, как представляется, адресованы конкретным лицам.

Международная судебная практика допускает использование анонимности как гарантии безопасности свидетелей и лиц, содействующих правосудию, а также для обеспечения конспирации, в частности, для предотвращения возможной угрозы жизни, здоровью, собственности субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности. Так, в Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 20 апреля 2005 г. № (2005)9 «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» меры по защите свидетелей определяются как индивидуальные процессуальные или не процессуальные меры, направленные на защиту свидетеля или лица, сотрудничающего с правосудием, от любых прямых или косвенных угроз, которые были или могли быть осуществлены в отношении свидетеля или лица, сотрудничающего с правосудием. Таким образом, применение мер безопасности допускается не только при наличии угроз, но и при потенциальной возможности их осуществления.

Кроме того, в решении по делу «Ван Мелехен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) указал, что прибегать к использованию полицейских в качестве анонимных свидетелей следует в исключительных случаях, признал, что при условии уважения прав на защиту правомерным является желание

руководства полиции сохранить анонимность агента, занимающегося розыскной деятельностью, для защиты его самого или его семьи и для того, чтобы не ставить под угрозу возможность его использования в будущих операциях.

Заметим, что в уголовно-процессуальных законодательствах стран Европейского Союза отражены различные подходы к основаниям использования анонимности свидетелей. Так, Е.О. Зайцев отмечает, что в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Польша определены три категории лиц, которым необходимо гарантировать конфиденциальность: 1) тайные сотрудники полиции, когда информация, которой они владеют, служит наиважнейшим или единственным доказательством в деле; 2) подозреваемый, который дает показания взамен на обещания освобождения от уголовной ответственности либо смягчения наказания («коронный свидетель»); 3) непосредственные свидетели и потерпевшие, которые отказываются давать показания из-за страха мести организованных преступных групп².

По вопросу оснований для применения такой меры безопасности, как засекречивание свидетелей, позиция ЕСПЧ отражена в одном из последних его решений – по делу «Васильев и другие против России» от 22 сентября 2020 г., в котором отмечается, что засекречивание личностей свидетелей на том основании, что они опасаются за свою безопасность, не является достаточным основанием для такой меры, национальный суд должен выяснять, есть ли объективные основания для засекречивания и подтверждаются ли они доказательствами.

Представляется, что указанные требования справедливы и для уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, поскольку направлены на снижение риска привлечения в качестве основных свидетелей обвинения зависимых от правоохранительных органов и/или

¹ Соколов А.Б., Табаков С.А. Допрос свидетеля под псевдонимом: когда проводить и как подготовиться // Уголовный процесс. 2019. № 2. URL: <https://e.ugpr.ru/articleprint?aid=702833>

² Зайцев Е.О. Анонимные свидетели в уголовном процессе Республики Польша // Российский следователь. 2006. № 10. С. 51-52.

наркозависимых лиц. В качестве объективных оснований для засекречивания, по нашему мнению, могут быть приняты сведения, которые указывают на потенциальную возможность противоправного воздействия. В частности, такими сведениями, как отмечают А.Б. Соколов и С.А. Табаков, являются сведения о поведении подозреваемого, обвиняемого при привлечении его ранее к уголовной ответственности, об избрании в отношении него меры пресечения в связи с тем, что он угрожал свидетелям или потерпевшим, о совершении преступления организованными группами, когда часть соучастников не установлена и находится на свободе¹.

Относительно оснований анонимности конфиденентов, по нашему мнению, следует согласиться с Л. Брусницыным в том, что у данной категории лиц нет ограничений для участия в уголовном деле под псевдонимом², поскольку сведения о конфидентах согласно ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» составляют государственную тайну, их рассекречивание возможно лишь по их письменному согласию и на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД. Указание истинных персональных данных, в частности в постановлении следователя о сохранении в тайне данных о личности, будет означать рассекречивание конфиденента.

С учетом вышесказанного нормы ч. 3 ст. 11 УПК РФ, на наш взгляд, целесообразно было бы сформулировать в следующем виде: «При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам угрожают *или могут угрожать* убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями... (далее – по тексту).

Отдельную проблему представляет собой порядок, предусмотренный ч. 9

ст. 166 УПК РФ для сохранения в тайне данных о личности свидетеля, потерпевшего. Указанная норма предусматривает лишь помещение соответствующего постановления в конверт, который приобщается к уголовному делу и хранится в условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников уголовного судопроизводства.

С.И. Давыдов и Е.Н. Петухов по этому поводу замечают, что у практических работников эффективность подобной регламентации, в частности в отношении конфиденентов, вызывает сомнение (отметили более 92% респондентов). Причина опасений в том, что перечень лиц, которые осведомлены или могут быть осведомлены об их истинных персональных данных, не ограничивается дознавателем, следователем – в этот перечень входят начальник органа дознания или руководитель следственного органа, а также надзирающий прокурор и судья. Опрос оперативных сотрудников показал, что каждый третий из них допускает вероятность расшифровки конфиденента, если о нем узнает всего лишь один человек, будь то судья, прокурор или следователь³.

Заметим, что из текста ч. 9 ст. 166 УПК РФ усматривается, что в конверте хранится лишь постановление о сохранении в тайне данных о личности свидетеля.

Соглашаясь с обоснованностью указанных опасений, связанных, с одной стороны, с расширением перечня лиц, осведомленных (или имеющих такую возможность) о персональных данных конфиденентов, а равно и анонимных свидетелей, а с другой – с коррупционными рисками, полагаем заслуживающей внимания правовую регламентацию данного вопроса в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан, которой предусмотрено хранение конверта с постановлением о сохранении в тайне данных о личности не при уголовном деле, а отдельно от основного

¹ Соколов А.Б., Табаков С.А. Указ. соч.

² Брусницын Л.В. Допрос под псевдонимом // Законность. 2003. № 1. С. 27.

³ Давыдов С.И., Петухов Е.Н. Проблемы защиты свидетелей из числа конфиденентов: уголовно-процессуальный аспект // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3(101). С. 40.

производства. Кроме того, мы разделяем мнение Г. Сулейменовой, которая отмечает, что в описи материалов уголовного дела должно быть указано наименование документов, хранящихся отдельно от основного производства, без указания сведений о персональных данных защищаемого лица (заявление свидетеля о применении к нему мер безопасности, постановление об уточнении персональных данных и применении меры безопасности, протокол его допроса и др.)¹.

Резюмируя сказанное, отметим, что суть позиции ЕСПЧ относительно анонимности свидетелей в уголовном процессе заключается в том, что

процессуальные нормы, направленные на защиту свидетелей, должны обеспечивать сохранение равновесия между предотвращением преступления, нуждами жертв и свидетелей и соблюдением права на справедливое судебное разбирательство². С учетом того, что использование анонимности свидетелей в уголовном процессе представляет собой изъятие из такого условия судебного разбирательства, как гласность, представляется, что указанный баланс в уголовном судопроизводстве возможно обеспечить путем неукоснительного соблюдения судом принципа свободы оценки доказательств и правил оценки доказательств.

Чечётин А.Е.,

DOI 10.51980/2021_1_156

доктор юридических наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России

Шатохин И.Д.,

кандидат юридических наук
Барнаульский юридический институт МВД России

Масса изъятого наркотика должна устанавливаться экспертизой, а не исследованием

В процессе исследования проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств (далее – наркотиков), наше внимание привлекло определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 2044-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина, осужденного за хранение наркотиков в особо крупном размере. Поводом для его обращения в Конституционный Суд РФ послужил обвинительный приговор суда, в котором доказательством размера изъятого у него наркотика стала справка о его оперативном исследовании, а не заключение судебной экспертизы. Данное обстоятельство имело существенное значение

для заявителя, поскольку при проведении так называемого оперативного исследования в его деле была израсходована почти половина изъятого наркотика, а оставшаяся масса, установленная в процессе последующей судебной химической экспертизы, уже не подпадала под категорию особо крупного размера, что позволяло изменить квалификацию деяния в сторону смягчения.

Изучение материалов этого дела показало, что, действительно, суд первой инстанции при вынесении приговора определил массу изъятого наркотика исходя из справки о результатах оперативного исследования, проведенного до возбуждения уголовного дела. Эта справка наряду с последующим заключением

¹ Сулейменова Г. Проблемы участия в уголовном процессе свидетелей под псевдонимом // Юрист. 2013. № 10. URL: <https://journal.zakon.kz/4583749-problemy-uchastija-v-ugolovnom-processe.html>].

² О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием : рекомендация Комитета министров Совета Европы от 20.04.2005 № (2005)9. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=31775#03232263760403342>.

судебной экспертизы была признана судом доказательством по уголовному делу. Сторона защиты с такой оценкой справки, на основании которой определялась масса наркотика и, соответственно, квалификация деяния, выразила несогласие, настаивая на том, что справка об исследовании наркотического средства в части определения размера изъятого не может являться доказательством. Однако суд апелляционной и три суда кассационных инстанций, включая Верховный Суд РФ, согласились с приговором, отметив в решениях, что «размер наркотического средства правильно определен как особо крупный, исходя из массы, установленной при первоначальном исследовании».

Протестуя против вынесенных судебных решений, заявитель обратился с жалобой в Конституционный Суд РФ поставив под сомнение конституционность п. 5 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также ст. 89 и 144 УПК РФ, которые, по его мнению, позволили сотрудникам полиции подменить следственные действия в виде производства судебной экспертизы проведением исследования как оперативно-розыскного мероприятия, которое не сопровождается процессуальными гарантиями права на защиту, и использовать справку, составленную по результатам такого исследования, в качестве доказательства по уголовному делу.

Поставленный заявителем вопрос о недопустимости использования для доказывания массы изъятого наркотика результатов непроцессуального исследования, на наш взгляд, представляет определенный интерес для специалистов, поскольку анализ приговоров по делам о незаконном обороте наркотиков показывает, что такая практика установления количественных параметров объективной стороны состава преступления по уголовным делам данной категории является достаточно распространенной.

Казалось бы, ответ на поставленный вопрос дает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14

«О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», в п. 2 которого разъяснено, что «для определения размеров наркотического средства суды должны располагать заключениями экспертов или специалистов». Эта позиция воспроизводится и в соответствующем обзоре судебной практики, где отмечается, что «выводы судов о размере наркотического средства всегда основываются на анализе заключений экспертов, исследованных в судебном заседании».¹ При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъяснено, что «справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта».

С одной стороны, буквальное толкование приведенных правовых позиций Верховного Суда РФ исключает возможность использования для целей доказывания массы изъятого наркотика справок об исследовании, которые не могут подменять заключений экспертов, с другой же — из дела заявителя следует, что суды общей юрисдикции для определения размера наркотиков основывались не только и не столько на заключениях экспертов, сколько на справке исследования, проведенного в непроцессуальном порядке. Таким образом, судьи, рассматривавшие дело заявителя, истолковали приведенные выше разъяснения Пленума Верховного Суда РФ отнюдь не буквально, а расширительным образом. Данное обстоятельство приводит нас к выводу о недостаточной определенности позиции Верховного Суда РФ по поставленному заявителем вопросу.

В связи с этим следует обратиться к мотивировочной части привлекавшего наше внимание определения

¹ Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 // СПС КонсультантПлюс.

Конституционного Суда РФ, в которой излагаются три аргумента в пользу принятого им решения. В качестве первого аргумента использована многократно повторяемая позиция о том, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем». Исходя из буквального толкования этого положения применительно к делу заявителя, следует, что фигурировавшая в нем справка, которая является по существу результатом оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов», не может быть доказательством по уголовному делу, в том числе в части установления массы изъятого у задержанного гражданина наркотика.

Далее Конституционный Суд РФ в своем решении воспроизводит ряд положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих процесс доказывания по уголовным делам, цитируя, в частности, норму ч. 1 ст. 86 УПК РФ, согласно которой «собираение доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом». Поскольку фигурирующая в деле заявителя справка о результатах оперативного исследования получена не путем «производства следственных и иных процессуальных действий», то исходя из логического толкования приведенной нормы она не может рассматриваться в качестве доказательств. Такой вывод подтверждается и положениями ч. 2 ст. 74 УПК РФ, закрепляющей перечень допустимых доказательств, к числу которых отнесено заключение и показания эксперта, а отнюдь не справка об исследовании.

Нам представляется очевидным, что справка об исследовании наркотика не может быть приравнена по своему доказательственному значению к

заключению эксперта, поскольку она не содержит процессуальных гарантий достоверности установленной массы наркотического средства. При исследовании, как известно, эксперт не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо недостоверного заключения, а представляемая им справка не содержит описания пошаговой методики исследования. Отсутствие процессуальных гарантий достоверности порождает опасность злоупотреблений при проведении исследований, особенно в части определения массы наркотика, поскольку при этом используются так называемые разрушающие методики, т.е. часть исследуемого вещества безвозвратно утрачивается и проверить вес утраченного в судебном процессе уже невозможно.

Чтобы правильно понять суть рассматриваемого нами решения Конституционного Суда РФ следует обратить пристальное внимание на третий абзац его мотивировочной части. Он начинается с вывода о том, что оспариваемые заявителем законоположения не могут расцениваться в качестве нарушающих его конституционные права в обозначенном им аспекте. Это положение следует понимать так, что указанные в жалобе нормы не позволяют подменять экспертизу исследованием, а справку по его результатам использовать в качестве доказательств по уголовному делу. Отсюда вытекает, что если нормы закона не допускают тех действий и решений, которые имели место в деле заявителя, то такие действия и решения правоприменителей не соответствуют закону.

Подтверждением этому служит использованная далее в этом же абзаце оговорка о том, что проверка обоснованности осуждения заявителя и достоверности вывода суда о размере изъятого у него наркотического средства, а равно переоценка соответствующих доказательств требуют исследования фактических обстоятельств конкретного дела и не относятся к компетенции Конституционного Суда РФ. Такая оговорка основана на положении ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля

1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой Конституционный Суд РФ решает исключительно вопросы права и воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов.

Такого рода оговорки в решениях Конституционного Суда РФ, как правило, означают наличие серьезных сомнений в правильности применения закона в делах заявителей и должны служить своего рода предупредительными сигналами для всех правоприменителей, включая суды общей юрисдикции, нацеливающими на правильное применение

закона. Отсюда следует, что определения Конституционного Суда РФ об отказе в принятии жалоб к рассмотрению, содержащие такие оговорки, ни в коем случае не следует рассматривать как признание правомерности имевших место действий сотрудников полиции, в том числе в деле заявителя.

Таким образом, системное и логическое толкование рассматриваемого нами определения Конституционного Суда РФ позволяет прийти к выводу, который сформулирован в названии статьи, о том, что масса изъятого наркотика должна определяться результатами судебной экспертизы, а не исследования, проведенного в непроцессуальном порядке.

Шановалова Т.И.,

DOI 10.51980/2021_1_159

кандидат юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России
Институт социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки
и технологий имени М.Ф. Решетнева (г. Красноярск),
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск)

Рецензия заключения эксперта

В последнее время возникла тенденция недоверия со стороны участников судопроизводства к заключениям экспертов. Этому можно найти логичное объяснение: у многих на слуху уголовные дела, где, по заключениям экспертов, под колеса машин попадали малолетние дети, находящиеся в сильной степени алкогольного опьянения. К сожалению, это не единичные случаи. Сегодня по разным основаниям возникают сомнения в обоснованности заключения эксперта. Анализ подобных случаев, проводимый саморегулируемыми организациями судебных экспертов, в качестве причин такого положения называет чаще всего некомпетентность эксперта, которая может быть вызвана и низким уровнем подготовки, и недостаточным практическим опытом, реже – дачу экспертом заведомо ложного заключения.

В п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ закон среди доказательств по уголовному делу называет заключение и показания эксперта. Это не особый вид доказательства. Заключение эксперта в соответствии со ст. 88

УПК РФ оценивается по общим правилам оценки доказательств. Однако нельзя не учитывать специфику этого доказательства.

Начнем с того, что, во-первых, доказательство – заключение эксперта получает не тот, кто назначает экспертизу. Во-вторых, заключение эксперта как доказательство основано на использовании для его получения специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, которыми не располагают субъекты назначения экспертизы (суд, следователь, прокурор, дознаватель). В-третьих, суд, следователь, прокурор, дознаватель, оценивая данное доказательство, могут только проверить соблюдение процессуальной процедуры получения этого доказательства после назначения судебной экспертизы.

Конечно же, лицо, назначившее экспертизу, руководствуется при этом законом, позже оно оценивает полученное заключение эксперта по своему внутреннему убеждению, которое основано на всестороннем, полном и объективном

изучении всех обстоятельств дела в их совокупности.

При этом лицо, назначившее экспертизу, как правило, самостоятельно не в состоянии оценить научную обоснованность выводов заключения эксперта, насколько правильно были выбраны и применены методики исследования. Для того чтобы в полной мере объективно оценить данное доказательство, необходимо обладать специальными познаниями, тогда как в основном судей, следователей, дознавателей интересуют только выводы эксперта, а анализ самого заключения эксперта сводится лишь к проверке полноты выводов без оценки их обоснованности.

Реальным выходом из сложившейся ситуации может стать рецензирование сведущими лицами заключений экспертов. Тщательная оценка заключения эксперта соответствующим специалистом позволяет увидеть допущенные экспертные ошибки.

Законодатель хотя и косвенно, но признает, что оценка выводов судебной экспертизы с точки зрения именно научной обоснованности является для суда очень сложной задачей, решение которой невозможно без реальной состязательности сведущих лиц в суде, о чем свидетельствует введение в ГПК РФ ст. 188 «Консультация специалиста». Полагаю, что данная статья может быть применена и в уголовном судопроизводстве по аналогии.

Кроме того в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указано, что для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения.

25 января 2018 г. по делу № 305-ЭС17-11486 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ вынесла определение по делу о споре между ФКУ «Управление капитального строительства МЧС России» и ООО «Энергоучет». Верховный Суд РФ

определил статус рецензии на судебную экспертизу, указал, что суды не вправе отказывать стороне в приобщении рецензии на судебную экспертизу к материалам дела.

Давая оценку заключению эксперта, специалист делает это в не процессуальной форме, то есть УПК РФ не предусматривает процедуры рецензирования. Рецензия заключения эксперта как документ в настоящее время не предусмотрена в правовой системе Российской Федерации ни одним процессуальным законом, но она может быть оформлена в письменном виде как заключение специалиста.

Рецензируя заключение эксперта, специалист не оценивает его как доказательство по делу, это является прерогативой суда. Специалист анализирует заключение эксперта с позиции научной и методической обоснованности, соответствия рекомендациям, выработанным общей теорией судебной экспертизы, соблюдения требований законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность, предъявляемым к подобным документам. Рецензент высказывает свое мнение как профессионал в определенной области знаний и не выходит за эти пределы.

Полученный в результате документ в качестве заключения специалиста может быть приобщен к материалам дела следователем или судом.

Часть 1 ст. 80 УПК РФ содержит правовое определение заключения эксперта (в ред. Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ): «1. Заключение эксперта – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами».

Соблюдение требований закона при проведении экспертизы заключается в соответствии заключения ст. 204 УПК РФ «Заключение эксперта» требованиям, то есть была ли соблюдена процессуальная форма заключения эксперта и налицо ли все требуемые для нее реквизиты.

Согласно части 1 данной нормы в заключении эксперта указываются:

1) дата, время и место производства судебной экспертизы;

2) основания производства судебной экспертизы;

3) должностное лицо, назначившее судебную экспертизу;

4) сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность;

5) сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;

6) вопросы, поставленные перед экспертом;

7) объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы;

8) данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;

9) содержание и результаты исследований с указанием примененных методик;

10) выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

Особого внимания заслуживает п. 9 — содержание и результаты исследований с указанием примененных методик.

О том, что данное требование является необходимым при проведении экспертизы, указывается в ст. 25 «Заключение эксперта или комиссии экспертов и его содержание» Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно данной статье «В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены: ...содержание и результаты исследований с указанием примененных методов; оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам».

В приказе МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» данное положение конкретизи-

руется. Пункт 27: «Приступив к проведению экспертизы, эксперт применяет рекомендованные экспертные методики и имеющиеся в распоряжении ЭКП технические средства для полного, объективного и научно обоснованного решения поставленных перед ним вопросов».

Именно «оценка научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения» является наиболее сложной для субъектов, назначающих экспертизу, так как и судья, и прокурор, и следователь, и дознаватель, как правило, не являются специалистами в той специальной области знаний, к которой относится исследование.

Сведения о рекомендуемой в конкретных условиях методике и возможных результатах ее применения эксперты получают из справочной и методической литературы. Эта литература постоянно обновляется, разрабатываются и совершенствуются новые методики. Учеными-криминалистами проводится унификация и стандартизация все большего количества существующих типовых судебно-экспертных методик, создаются атласы методик, утвержденные Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований, добровольной сертификации экспертных методик и экспертных лабораторий.

Оценивая представленное на рецензирование заключение, специалист в первую очередь должен выяснить, были ли:

1) исследованы все представленные на экспертизу объекты и выявлены все необходимые и достаточные для формулирования ответов на поставленные вопросы диагностические и идентификационные признаки;

2) использованы рекомендованные современной наукой и судебно-экспертной практикой методы и методики;

3) даны ли экспертом аргументированные ответы на все поставленные перед ним вопросы либо обоснован отказ дать ответ на какие-то из вопросов;

4) в экспертном заключении полно и всесторонне описан ход и результаты исследования и приложен соответствующий иллюстративный материал.

Нами было исследовано заключение эксперта от 4 августа 2020 г. по уголовному делу, которое по формальным требованиям не соответствует используемому в уголовном судопроизводстве доказательству «заключение эксперта», а именно: 1) на разрешение экспертизы был поставлен вопрос: «1. Установлено ли на 15 жестких дисках платежных терминалов программное обеспечение? Если да, то какое?». Экспертом И. на стр. 12 заключения в разделе «Выводы» в п. 2 указано: «Информацию о том, какие именно сведения имеются в памяти представленных на экспертизу жестких дисков платежных терминалов установить не представляется возможным, поскольку информация на жестких дисках находится в зашифрованном состоянии», т.е. данные объекты, представленные на экспертизу, исследованы не были, а это означает, что и на все остальные вопросы эксперт не мог дать ответ;

2) не были использованы рекомендованные современной наукой и судебно-экспертной практикой методы и методики: на стр. 3 указаны только «визуальный осмотр представленного оборудования, анализ полученной информации и сопоставление полученной информации с нормативными документами». Указанные действия относятся к полномочиям лица, производящего расследование. Следовательно, если это необходимо, при участии специалиста самостоятельно проводит осмотр изъятых объектов и анализирует необходимые нормативные

правовые акты. Специалиста, который принимал участие в осмотре, следователь может допросить по интересующим его вопросам;

3) данные экспертом ответы, изложенные в выводах, не аргументированы, т.е. не подтверждены необходимыми исследованиями;

4) в выводах указано: «в ходе проведения экспертизы установлено, что через платежные терминалы осуществлялось проведение азартных игр, указанные азартные игры производились через программное обеспечение, которое определяет выигрыш в ходе проведения игры случайным образом, путем выпадения случайных комбинаций, после нажатия игроком соответствующей кнопки», что противоречит выводам самого эксперта, так как «информацию о том, какие именно сведения имеются в памяти представленных на экспертизу жестких дисков платежных терминалов установить не представляется возможным, поскольку информация на жестких дисках находится в зашифрованном состоянии». В этом случае эксперт не может делать категорических выводов, выводы могут быть только вероятностными, либо эксперт указывает, что по объективным причинам он не может дать ответ на поставленные вопросы.

Полагаю, что рецензия в данном случае является мотивированным обоснованием ходатайства о назначении повторной экспертизы или допроса эксперта.

Титов П.М.

DOI 10.51980/2021_1_162

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Роль специальных оперативных подразделений в сборе и закреплении доказательств

Доказательства были и есть ключевым элементом в любом уголовном деле. Они позволяют восстановить и понять картину прошлого. Сбор и закрепление доказательств являлся во все времена ответственной деятельностью, которой занимаются уполномоченные субъекты доказывания. При этом порядок их сбора,

закрепления, проверки и оценки регламентирован уголовно-процессуальным законом. Затем происходит мыслительный процесс оценки доказательств, который «направлен на установление

объективной истины по уголовному делу»¹. М.С. Строгович приводит такие доводы: «оценка доказательств заключается в выводе о достоверности или недостоверности доказательств... и о доказанности или недоказанности факта, сведения о котором содержатся в данном доказательстве»².

Большое значение имеет процедура получения доказательств. Существуют различные способы получения доказательств. Например, В.Ю. Стельмах говорит о значении электронной информации в доказывании по уголовным делам³. При этом какая бы ни была получена информация, какое бы она ни занимала значение в уголовном деле, главное, чтобы она была получена не в нарушении закона.

Важно отметить роль оперативных сотрудников в осуществлении работы по сбору, закреплению информации, которая в последующем станет доказательством по тому или иному уголовному делу.

Особое место среди оперативных подразделений занимают оперативно-поисковые подразделения и бюро специальных технических мероприятий. Данные подразделения занимаются специфическими оперативно-розыскными мероприятиями, при которых требуются определенные навыки, специальная техника и особые познания. Оперативно-поисковые подразделения появились в нашей стране в системе правоохранительных органах в начале XX в. Во время их создания они именовались полицейской разведкой, затем 7-м управлением МВД России. В настоящее время данное подразделение негласно именуется «семеркой». Данные подразделения оказывают весомый вклад в раскрытие преступлений, так как информация, исходящая от них, преобразовывается порой «в весомые» доказательства по уголовным

делам. Информация от оперативно-поисковых подразделений обладает исключительной особенностью, свойственной способу ее получения.

Бюро специальных технических мероприятий в МВД России было создано в 1992 г. на фоне роста технических средств в открытом обороте. В настоящее время все технические мероприятия оперативного характера находятся в ведении данных подразделений. В ряде случаев информация от специальных технических подразделений является основой доказательственного блока по уголовному делу. При этом данное оперативное подразделение осуществляет не только оперативно-розыскные мероприятия в рамках оперативно-розыскной деятельности, но и проводит мероприятия в рамках следственных действий:

- контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ);

- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Такие следственные действия отличаются от иных прежде всего судебным контролем, а также лицами, правомочных их осуществлять. В.Ю. Стельмах раскрывает процедуру проведения следственного действия получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами⁴. Одной из целей такого следственного действия является получение информации, направленной на раскрытие и расследование преступлений. При этом данное следственное действие ограничивает конституционное право гражданина, что подтверждается судебным контролем при проведении упомянутого следственного действия.

После проведения следственного действия, ограничивающего конституционные права гражданина, следователь

¹ Подр.: Титов П.М. Внутреннее убеждение судей как элемент принципа свободы оценки доказательств по уголовным делам частного обвинения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 91-93.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 303-304.

³ См.: Стельмах В.Ю. Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств // Библиотека криминалиста. 2018. №3 (38). С. 93-100.

⁴ См.: Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами : монография. Екатеринбург, 2014. 219 с.

осматривает, прослушивает и т.д., о чем составляется подробный протокол. После этого на основании постановления следователя в полном объеме приобщается к материалам уголовного дела как вещественное доказательство. При проведении оперативных мероприятий, документы из соответствующих подразделений проходят процедуру рассекречивания, а затем аналогичную процедуру, что и в результате следственного действия.

Необходимо отметить, что в научной литературе неоднократно подчеркивалось, что результаты оперативно-розыскных мероприятий имеют не меньшую, а даже большую доказательную ценность по сравнению с результатами уголовно-процессуальных действий, так как в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий происходит восприятие, фиксация непосредственных преступных действий, а в рамках уголовно-

процессуальных – всегда только оставшихся следов преступления¹. Роль всех оперативных подразделений нельзя недооценивать. Акцент хочется сделать на специальных оперативных подразделениях, которые получают объемный блок оперативной информации. В ближайшее время данные подразделения ждет реорганизация (объединение). Цель данной реорганизации – усиление контроля за оперативно-розыскной деятельностью со стороны Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Также ключевым будет при реорганизации, это получение общего доступа к базам, которые содержат информацию оперативного характера обо всех оперативных разработках. Это должно позволить структурировано и полноценно осуществлять применение данной информации, и применять в качестве доказательств по уголовным делам.

Стенушов М.Ю.

DOI 10.51980/2021_1_164

Главное управление МВД России по Нижегородской области (г. Нижний Новгород)

Формирование уголовно-процессуальных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам о незаконной банковской деятельности

В отечественном уголовном процессе смешанного типа субъектами доказывания, уполномоченными формировать доказательство, могут считаться как суд, так и следователь.

Мы разделяем мнение создателя понятия «формирование уголовно-процессуальных доказательств» – профессора С.А. Шейфера, который полагал, что доказательства формируются органом предварительного расследования; орган предварительного расследования обладает наибольшими ресурсами и возможностями для формирования доказательств².

Следователь формирует доказательства посредством проведения следст-

венных и иных процессуальных действий, ход и результаты которых оформляются протоколами и другими документами. Составление протокола следственного действия, вынесение постановления о приобщении к делу предмета, документа можно считать окончанием формирования уголовно-процессуального доказательства. На наш взгляд, это доказательство является тем «средством доказывания», которое используется как следователем, так и прокурором при принятии решений, определяющих судьбу уголовного дела. Некоторые полагают, что следственные доказательства нельзя считать *средствами доказывания* «объективной истины» и даже отвергают саму

¹ См.: Стельмах В.Ю., Титов П.М. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве Сер. Уголовный процесс. Москва, 2020. – 344 с.

² См., напр.: Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 26-27.

концепцию объективной истины¹. Мы, напротив, полагаем, что следователь, проводя всесторонне, полное, объективное расследование уголовного дела доказывает объективную истину.

Суд при разрешении уголовного дела по существу исследует и оценивает доказательства, сформированные следователем, и на их основе принимает окончательное решение.

Свой вклад в формирование следователем уголовно-процессуальных доказательств вносит и оперуполномоченный. Мы исходим из того, что результаты оперативно-разыскной деятельности (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ), так же как и доказательства (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), представляют собой «сведения» (информацию), а также источники (носители) этих сведений. Разница между результатами оперативно-разыскной и следственной деятельности в форме, процедуре их формирования. Но не в содержании. В содержательном плане — это фактически одно и то же.

В силу следственной процедуры (формы) уголовно-процессуального доказывания результаты оперативно-разыскной деятельности выступают исходным материалом для формирования следователем уголовно-процессуального доказательства. Мы рассматриваем оперативно-разыскную деятельность как первый фазис процесса формирования уголовно-процессуального доказательства.

Наш собственный практический опыт по выявлению и раскрытию преступлений, предусмотренных ст. 172 УК РФ, и взаимодействия с органами предварительного следствия убеждает в реальности этой уголовно-процессуальной технологии формирования доказательств.

В Нижегородской области на противодействии преступлениям в сфере незаконной банковской деятельности специализируются оперуполномоченные отдела № 7 Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Нижегородской области. По расследованию этой категории преступлений специализируется группа

следователей отдела по расследованию преступлений экономической направленности ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области. Многолетнее взаимодействие позволило наработать оптимальный алгоритм действий по раскрытию этих преступлений и изобличению лиц, их совершающих.

Оперуполномоченные этого отдела выявляют «обнальные площадки» и лиц, причастных к незаконной банковской деятельности оперативным путем. Проводя комплекс оперативно-разыскных мероприятий, в том числе прослушивание телефонных и иных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, скрытое наблюдение внутри офиса и прочие, выявляется и документируется, в том числе с помощью технических средств, преступная деятельность лиц. Результаты оперативно-разыскной деятельности доводятся начальником УЭБиПК до руководства следственного органа, и совместно с руководителями принимается решение о «реализации». Рапорт о раскрытии преступления регистрируется в КУСП дежурной части ГУ МВД России. В рапорте указывается круг лиц, причастных к совершению преступлений, признаки их преступной деятельности, в том числе такой квалифицирующий признак, как получение дохода в крупном размере: 2 млн 250 тыс. рублей.

После этого следователь возбуждает уголовное дело по факту, но не в отношении лица. Данное решение сохраняется в тайне, пока готовятся к производству неотложные следственные действия, которые проводятся совместно несколькими следователями и оперуполномоченными в один день. Это позволяет взять с поличным основных участников незаконной банковской деятельности, задержать и доставить для допросов в следственный отдел. Одновременно с этим проводятся обыски и изъятия документов, предметов, копирование электронной информации в организации (организациях или по адресам физических лиц), где осуществлялась незаконная банковская деятельность и в

¹ См.: Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. С. 142-157.

местах жительства подозреваемых. Такая реализация в ходе следствия результатов оперативно-розыскной деятельности позволяет сформировать доказательства для формулирования и выдвижения «первоначального обвинения» и применения мер пресечения. В ходе дальнейшего следствия результаты оперативно-розыскной деятельности проверяются и закрепляются посредством проведения следственных действий. Одним из важнейших среди них является судебно-бухгалтерская экспертиза. Заключение этой экспертизы подводит научную базу под обвинение и придает данным, полученным в ходе оперативно-розыскной деятельности, дополнительную достоверность, которая как показывает опыт, трудно опровержима защитой, даже если ею делаются попытки привлечь «своего» специалиста к анализу сведений и их источников, совместно наработанных в ходе досудебного производства оперуполномоченными и следователями.

Как показывает опыт, залог надежности и силы результатов деятельности органов следствия и оперуполномоченных по расследованию и раскрытию преступлений против законной банковской деятельности состоит и во взаимодействии с прокуратурой. По делам этой категории практикуется предварительное согласование следователем с прокурором оконча-

тельной формулы обвинения. Надзирающий прокурор предварительно знакомится с основными результатами следствия и проектами процессуальных решений.

Решающую роль играет прокурор в заключении досудебных соглашений с некоторыми из обвиняемых, с которыми предварительно ведется работа оперуполномоченными. Как показывает практика, этот инструмент показал себя надежным средством доказывания, в том числе в суде, где подсудимые дают изобличающие показания против других обвиняемых.

Оперативное сопровождение предварительного следствия позволяет обеспечить эффективное проведение следственных действий и формирование доказательств. Оперативное сопровождение уголовного дела продолжается и в суде. Особенно эффективно оно, когда поддержание обвинения осуществляется тем же прокурором, который осуществлял надзор за процессуальной деятельностью органа предварительного следствия.

Таким образом, теория и практика убеждают в правоте и практичности концепции о *следственной технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности*.

Бухарина Н.П.

DOI 10.51980/2021_1_166

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Особенности предмета доказывания по коррупционным преступлениям в сфере образования

Коррупция в той или иной степени поразила значительную часть сфер жизни российского общества. Сфера образования не стала исключением. В науке вопросы объема и содержания понятия коррупционного преступления, в том числе в сфере образования, являются

дискуссионными. Не углубляясь в суть научной полемики, поддержим авторов¹, которые к наиболее распространенным видам коррупционных преступлений в образовании относят ст. 159, 160, 201, 204, 285, 286, 290, 291, 291.1, 292 УК РФ. Очевидно, что указанные составы

¹ См.: Букалерева Л. А., Стребков Ю. П. Коррупционные преступления в сфере образования : монография. М., 2012. С. 26; Плохов С. В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2013. С. 60-91; Гулина Е.В. Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Улан-Удэ, 2019. С. 67-68.

преступлений неоднородны по своим уголовно-правовым характеристикам, что, соответственно, накладывает отпечаток на предмет доказывания. Остановимся на отдельных проблемных аспектах предмета доказывания по указанной категории уголовных дел, нашедших отражение в материалах судебной практики.

Так, преступления, предусмотренные ст. 204, 290, 291, 291.1, 292 УК РФ имеют формальный состав. В науке отмечается, что в формальных составах преступления при описании объективной стороны юридическое значение будет иметь только общественно опасное деяние¹. В этой связи надлежит установить и описать какие конкретные действия (бездействия) совершил подозреваемый (обвиняемый). В сфере образования особенностью объективной стороны данных преступлений выступает совершение лицом действий (бездействий), искажающих нормальное функционирование учебного процесса, имеющего в каждой образовательной организации содержательную и организационную специфику. Такая специфика может заключаться не только в формах учебных занятий (семинары, вебинары, контактная работа с обучающимися и пр.) и контроля успеваемости (промежуточная аттестация, защита ВКР, учет посещаемости, творческий экзамен и пр.), но и в формах их закрепления в виде разнообразных, нередко противоречащих друг другу, локальных актов организации либо в наличии фактически сложившейся практики осуществления образовательного процесса, не имеющей должного оформления. Данные особенности, на наш взгляд, целесообразно учитывать при доказывании события совершенного коррупционного преступления, так как нередко их игнорирование приводит к возникновению следственных ошибок,

связанных с пробелами предварительного расследования².

Так, постановлением Советского районного суда Ставропольского края уголовное дело в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, возвращено прокурору по причине того, что органами следствия в числе прочего неверно дана уголовно-правовая оценка действиям подсудимого. Сторона обвинения ссылалась на тот факт, что Ф. за денежное вознаграждение проставлял отметки студенту о посещении им занятий в его отсутствие. Указанные отметки, по версии следствия, являлись допуском к итоговой аттестации. Вместе с тем судом было установлено, что журналы посещаемости в образовательной организации отсутствовали, отметки о посещаемости, как правило, фиксировались в обычных тетрадках. Была ли такая тетрадь у подсудимого Ф., органами следствия не установлено. Кроме того, как указали свидетели, вне зависимости от посещения занятий студент хоздоговорной группы допускался к итоговой аттестации, положение о которой отсутствовало в образовательной организации, и фактически итоговая аттестация осуществлялась на основе сложившегося обычая. При таких обстоятельствах суд справедливо возвратил указанное уголовное дело прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ³.

Необходимо отметить, что впоследствии действия Ф. были переквалифицированы на ч. 3 ст. 159 УК РФ.

В доказывании по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе принципиальное значение имеет установление предмета преступления.

Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предметом

¹ Логинова Н.Г., Федорова Е.А. Установление состава преступления как необходимое условие постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3 (21). С. 122.

² См.: Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2017. С. 62-66.

³ Постановление Советского районного суда Ставропольского края от 06.08.2014 по обвинению Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ // Советский районный суд Ставропольского края. URL: https://sovetsky--stv.sudrf.ru/modules/php?name=sud_delo (дата обращения: 06.02.2021).

взяточничества и коммерческого подкупа могут выступать деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав. Изучение материалов судебной практики по данной категории коррупционных преступлений в образовательных организациях позволяет сказать, что наиболее распространенной формой взятки и коммерческого подкупа являются наличные денежные средства и имущество, как правило, в виде товаров народного потребления.

Главным критерием отнесения имущества к предмету взятки либо коммерческого подкупа с учетом норм уголовного и гражданского законодательства является возможность его оценки в денежном выражении, которая осуществляется, согласно положениям вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, на основании представленных сторонами по делу доказательств, а в необходимых случаях при условии наличия заключения эксперта или эксперта.

Практика рассмотрения данной категории уголовных дел показывает, что нередко возникают ошибки именно при определении стоимости предмета взятки в виде имущества.

В качестве примера можно привести постановление Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 2 июля 2012 г. по обвинению Д. в совершении девяти преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 290 УК РФ. Как установлено судом, по одному из эпизодов Д. получила в качестве взятки бутылку коньяка «Красный яр», которую свидетель приобрела в гастрономе «Красный яр», расположенном рядом с техникумом, однако стоимость бутылки назвать затруднилась. Из ответа управляющего гастрономом «Красный яр» следует, что продукции коньяк «Красный яр» в продаже не имелось, более того, коньяка с таким наименованием не существует. Вместе с тем в обвинительном заключении

указано, что Д. получила по указанному эпизоду взятку в виде 1000 рублей. Объясняя возникшие противоречия между показаниями, ранее данными при производстве предварительного расследования и в суде, свидетель пояснила, что о передаче Д. в качестве взятки 1000 рублей она следователю не говорила, наоборот говорила, что передала Д. бутылку коньяка «Красный яр», но следователя это не устраивало, т.к. она не помнила, сколько именно стоила эта бутылка¹. При отсутствии в обвинительном заключении по рассматриваемому эпизоду указания на предмет взятки и его стоимости в денежном выражении (с учетом иных допущенных следствием при составлении обвинительного заключения нарушений) суд возвратил указанное уголовное дело прокурору на основании ст. 237 УК РФ.

Помимо обозначенных обстоятельств совершения коррупционного преступления в предмет доказывания также входит и ряд признаков, характеризующих внешние проявления исследуемого события, например время совершения преступления.

Особенностью доказывания данного признака коррупционного преступления в рассматриваемой сфере будет являться то, что под временем совершения конкретного преступления может подразумеваться дата фактического приема экзамена, дата выставления отметки в соответствующий официальный документа, дата принятия решения государственной аттестационной комиссией и пр. При этом важно установить и приобщить к материалам уголовного дела соответствующие документы, например расписание экзаменов, дней контактной работы преподавателей, расписания приема и пр.

Нередки случаи, когда фактическое время совершения преступления и дата внесения сведений в официальный документ о сдаче соответствующего экзамена не совпадают. Так, Железнодорожным районным судом г. Красноярск по вышеуказанному уголовному делу было

¹ Постановление Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 02.07.2012 по обвинению Д. в совершении девяти преступлений, предусмотренных ч.2 ст.290 УК РФ // Железнодорожный районный суд г. Красноярск. URL: https://geldor--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 06.02.2021).

установлено, что в зачетных книжках время пересдачи зачета и экзамена было проставлено не тем числом, когда это было фактически, а числом, когда их сдача была назначена. Однако в обвинительном заключении по одному из эпизодов было указано, что Д. получила взятку и в тот же день незаконно поставила отметку о сдаче экзамена в зачетную книжку и ведомость. При указанных обстоятельствах суд указал, что время

совершения преступления фактически следствием не установлено.

Анализ судебной практики в части установления следствием и судом элементов события преступления, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, показывает, что предмет доказывания по коррупционным преступлениям имеет особенности, учет которых имеет потенциал для сокращения количества следственных ошибок.

Нехороших М.Е.,

DOI 10.51980/2021_1_169

кандидат юридических наук

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

Перспективы дальнейшего совершенствования системы проверочных производств в уголовном процессе России

С 1 октября 2019 г. в Российской Федерации закончился очередной этап судебной реформы, который выразился в создании новых судов общей юрисдикции и изменении соотношения проверочных производств в каждой процессуальной отрасли права. В уголовном процессе указанная реформа получила отражение в наделении апелляционных судов общей юрисдикции, кассационных судов общей юрисдикции, Апелляционного военного суда и Кассационного военного суда правом пересмотра судебных решений в апелляционной и кассационной инстанции, в разграничении единого порядка кассационного производства на два самостоятельных вида кассации (сплошную и выборочную), в сокращении перечня судебных решений, которые могут проверяться в надзорной инстанции, а также в изменении системы судов, уполномоченных рассматривать заключение прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Несмотря на то, что большую часть изменений можно оценить положительно, необходимо признать, что некоторые из процессуальных новшеств вновь актуализировали вопросы о соотношении проверочных производств между собой и их назначении. Анализу именно таких вопросов и будет посвящена настоящая статья.

Прежде всего следует отметить, что в результате вступивших в законную силу изменений уголовно-процессуального закона действующий порядок сплошной кассации оказался наиболее приближен к апелляционному производству. Это получило отражение в самой процедуре данных проверочных производств, в которой можно выделить следующие схожие этапы:

– действия суда первой инстанции по поступившей апелляционной/кассационной жалобе/представлению (ст. 389.7, 389.8, 401.7 УПК РФ). В двух проверочных производствах жалоба/представление подаются непосредственно в суд первой инстанции, где осуществляется их проверка на соответствие формальным требованиям закона (при этом требования, предъявляемые к жалобам/представлениям, являются практически идентичными). В случае если жалоба/представление отвечают требованиям закона, суд первой инстанции должен направить их всем заинтересованным участникам уголовного процесса, установить срок для возможного принесения возражений, сформировать материалы уголовного дела и направить их в вышестоящий суд;

– в вышестоящем суде (в суде апелляционной инстанции или в суде кассационной инстанции) до назначения судебного заседания материалы уголовного дела

передаются судье, который единолично проверяет соблюдение требований закона о действиях суда первой инстанции по поступившей апелляционной/кассационной жалобе/представлению и принимает решение о назначении судебного заседания, а также решает организационные вопросы до начала судебного заседания (уведомляет о дате и месте судебного заседания заинтересованных участников, решает вопрос об участии в судебном заседании осужденного и т.п.);

Фактически указанные изменения свидетельствуют об устранении из сплошной кассации института допуска жалобы, что, в свою очередь, означает, что действующий процессуальный порядок сплошной кассации стал тяготеть к обычному (ординарному) проверочному производству. Однако нельзя забывать, что объектом проверки в кассационном производстве являются вступившие в законную силу судебные решения судов первой и апелляционной инстанции, к которым, в соответствии с правовыми позициями Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, должны предъявляться требования правовой определенности. Вместе с тем, как представляется, проверка окончательных судебных решений ввиду требования правовой определенности должна всегда сопровождаться институтом допуска жалобы, который гарантирует, что не всякая жалоба, поданная даже в связи с незначительными нарушениями закона или вообще при отсутствии нарушений закона, будет порождать проверку обжалованного решения в вышестоящем суде.

В научной литературе в направлении дальнейшего сближения сплошной кассации и апелляционного производства высказываются отдельные предложения

по дальнейшему совершенствованию кассационного производства. Так, Ю.А. Патенкова предлагает «придать кассационной жалобе отлагательный, приостанавливающий исполнение приговора характер»¹. А.А. Рукавишникова предлагает закрепить пресекательный срок на обращение в суд кассационной инстанции².

Указанные доктринальные предложения получили выражение и в официальных законопроектах, направленных в Государственную Думу Российской Федерации. Так, Пленум Верховного Суда РФ 10 декабря 2019 г. также принял постановление о внесении в Государственную Думу законопроекта, которым предлагается установить двухмесячный срок для обжалования приговоров в сплошной кассации. Как указано в пояснительной записке, это упорядочит процедуру кассационного производства, а также позволит обеспечить соблюдение разумных сроков судопроизводства и оперативного восстановления нарушенного права³. В свою очередь, Федеральная палата адвокатов Российской Федерации отмечает, что предлагаемый в законопроекте подход при отсутствии надежного механизма по восстановлению пропущенных сроков, влечет за собой ослабление эффективности кассационного производства, снижает возможности устранения судебных ошибок на этой стадии, а право на разумный срок судопроизводства не может быть приоритетнее права на защиту и умалять его содержание⁴. Подобные возражения высказывает В.В. Кальницкий: «Дифференциация первого кассационного обжалования в зависимости от того, в какой срок подана жалоба (если законодатель введет такую корректировку), вряд ли будет соответствовать идее правового равенства участников процесса,

¹ Патенкова Ю.А. «Процессуальная революция» в суде кассационной инстанции: проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 473.

² Рукавишникова А.А. Место реформированного производства в суде кассационной инстанции в системе обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе России // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 4 (35). С. 93.

³ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 54.

⁴ Правовая позиция Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации о проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.01.2020 // URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-legal-position-of-fpa/the-legal-position-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation-Volodinu> (дата обращения 01.09.2020).

которую Конституционный Суд РФ считает главенствующей»¹.

Вместе с тем ряд авторов вполне обоснованно предлагают изменить место сплошной кассации в системе проверочных производств путем усиления признаков экстраординарного (исключительного) проверочного производства. В частности, А.В. Кудрявцева и М.С. Спиридонов считают допустимым «ввести ограничение обжалования посредством сплошной кассации только тех приговоров и иных итоговых судебных решений, которые были предметом рассмотрения в суде апелляционной инстанции. Это не будет отступлением от принципа широкой свободы обжалования, поскольку возможность обжалования любого приговора, даже не обжалованного в апелляционном порядке, должна быть предоставлена сторонам в порядке выборочной кассации»². И именно такие предложения заслуживают поддержки, поскольку проверка вступивших в законную силу судебных решений в кассационном производстве обязывает данную инстанцию быть исключительной, гарантирующей стабильность приговоров.

Кроме того, необходимо устранить еще одно несовершенство действующего порядка сплошной кассации. В настоящее время в УПК РФ устранен запрет на принесение новых кассационных жалоб в тот же суд кассационной инстанции (ст. 401.17 УПК РФ). Иными словами, заинтересованные участники уголовного процесса могут подавать неограниченное количество кассационных жалоб в один и тот же суд кассационной инстанции, указывая разные основания отмены приговора. При этом суд кассационной инстанции должен каждый раз проверять уголовное дело в ревизионном порядке, то есть вне зависимости от доводов кассационных жалоб (чч. 1, 2 ст. 401.16 УПК РФ). В совокупности с порядком сплошной кассации это приводит к тому, что невозможно отказать в передаче новой кассационной жалобы, поданной тем же

участником уголовного процесса, и суд кассационной инстанции вынужден при поступлении каждой новой жалобы заново полностью пересматривать уголовное дело. Как представляется, такое положение противоречит исключительному характеру кассационного производства и создает все условия для злоупотребления правом на кассационное обжалование. В связи с изложенным в УПК РФ следует вновь ввести запрет на подачу новой кассационной жалобы в тот же суд кассационной инстанции.

Переходя к сравнению выборочной кассации и надзорной инстанции в уголовном процессе, следует отметить, что они являются схожими в наиболее существенных признаках: предмет проверки, основания отмены или изменения судебных решений, пределы проверки и пр. В качестве отличия надзорной инстанции от выборочной кассации следует выделить лишь объект проверки: в порядке выборочной кассации возможна проверка всех решений нижестоящих судов, а в порядке надзора проверяются исключительно решения Судебной коллегии по уголовным делам и Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ. Иными словами, согласно буквальному толкованию положений ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ, обжалование судебных решений судов первой инстанции; апелляционных определений (постановлений, приговоров) районных судов, областных судов, окружных (флотских) военных судов, апелляционных судов общей юрисдикции, Апелляционного военного суда; кассационных определений кассационных судов общей юрисдикции, Кассационного военного суда в надзорном порядке невозможно. Это позволяет сделать вывод, что основной задачей надзорного производства выступает проверка итоговых судебных решений судебных коллегий Верховного Суда РФ для обеспечения единства кассационной судебной практики Верховного Суда РФ,

¹ Кальницкий В.В. Кассационное производство: динамика нормативного развития, за которой не успевают учебники // Законодательство и практика. 2019. № 1 (42). С. 60.

² Кудрявцева А.В., Спиридонов М.С. Использование права на апелляцию как условие кассационного обжалования судебного решения по уголовному делу // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Право». 2020. Т. 20. № 2. С. 27.

и именно этим определяется место надзорного производства в системе

проверочных производств и его соотношение с выборочной кассацией.

Чистова Л.Е.,

DOI 10.51980/2021_1_172

кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Сущность следственного сопровождения оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых являются основой для возбуждения уголовных дел по наркопреступлениям

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, не только причиняют вред здоровью лиц, их употребляющих, что негативно влияет на генофонд нации, но и непосредственно угрожают устоям нашего общества. В связи с этим раскрывать и расследовать такие преступления возможно только при взаимодействии следователя с различными службами и подразделениями правоохранительных органов.

Особенно следует обратить внимание на взаимодействие при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории следователя с сотрудниками оперативных подразделений. И это закономерно, поскольку, согласно нашим исследованиям, основанием для возбуждения таких уголовных дел в 92% случаях являлись материалы оперативных проверок в отношении лиц, заподозренных в совершении незаконных действий с рассматриваемыми средствами. В связи с этим в криминалистической литературе преобладает мнение, что успех расследования уголовных дел по рассматриваемым видам преступлений зависит от надлежащего сотрудничества следователя с сотрудниками оперативных подразделений еще на стадии его возбуждения.

Как нам представляется, осуществлять такое взаимодействие следует не со стадии возбуждения уголовных дел, а еще на стадии сбора материала оперативными сотрудниками в отношении конкретного лица, а точнее – с того момента, когда им становится известно о том, что конкретное лицо или лица занимаются

незаконными действиями с наркотическими средствами.

Убедившись в существовании таких фактов, им необходимо проявить инициативу в обмене появившейся у них информации со следователем с тем, чтобы он после ознакомления с выявленными обстоятельствами смог проконсультировать их в тактическом плане относительно того, на что обращать внимание при выявлении, прежде всего, канала поступления наркотических средств к этому лицу, мест и способов их сбыта, а также соучастников и иных обстоятельств, которые могут иметь значение. В тех случаях, если такая информация поступила к оперативным сотрудникам от их осведомителей – даст совет в безопасной ее легализации. Кроме того, обратит внимание на наиболее целесообразный способ фиксации полученных сведений с тем, чтобы результаты проводимых ими мероприятий впоследствии могли стать как основанием для возбуждения уголовного дела, так и впоследствии доказательствами по уголовному делу. Иными словами, до возбуждения уголовного дела должно происходить следственное сопровождение материалов оперативной разработки.

При таких обстоятельствах, во-первых, оперативными сотрудниками будет собран качественный материал и в достаточном количестве не только в отношении конкретного лица, но и членов преступного формирования в целом, что пресечет их преступную деятельность в этой сфере, а во-вторых, позволит исключить всякие сомнения в правомер-

ности получения содержащихся в них сведений.

Именно на отсутствие достоверности получаемых доказательств ссылаются адвокаты при рассмотрении уголовных дел о наркопреступлениях в судах. Чаще всего они подвергают сомнению законность проведения оперативного мероприятия «проверочная закупка», ссылаясь на то, что в конкретном случае была провокация со стороны сотрудников правоохранительных органов¹.

Действительно, этот вопрос очень активно обсуждается не только в криминалистической литературе. Действия сотрудников оперативных подразделений в связи с неграмотным производством проверочной закупки были предметом рассмотрения судами высшей инстанции нашей страны и Европейским судом по правам человека. При этом практически каждая жалоба в ЕПЧ была удовлетворена².

Как нам представляется, причиной такого положения являются неумелые действия лиц, которые соглашаются помогать оперативным сотрудникам в выявлении лиц, занимающихся, в частности, сбытом наркотиков, состоящие в том, что именно они являются инициаторами в совершении такой «сделки», или иными словами, склоняют сбытчиков к продаже им наркотических средств. Их действия полностью подпадают под провокацию, о чем и заявляли жалобщики в Европейский суд по правам человека³. И Суд также отмечал, что, действительно, ранее осужденные за сбыт наркотиков лица, никогда не были замечены в преступных действиях с такими средствами, а намерение в совершении сбыта сформировалось у них под действием «покупателей».

Сказанное подтверждает наш вывод, что взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками должно осуществляться до передачи материалов

оперативных проверок в отношении конкретного лица для возбуждения уголовного дела в соответствующие подразделения.

Информационная база о занятии конкретным лицом деятельности с контролируемыми средствами может быть создана путем проведения следующих оперативно-розыскных мероприятий: опроса родственников заподозренного лица, жителей подъезда дома, где он проживает и др. о его знакомствах, занятиях и т.д.; наведения справок, в том числе о судимости, что, в положительном случае даст возможность выявить его соучастников, если ранее он был судим за такие преступления в группе; наблюдения, при котором возможно зафиксировать с помощью специальных технических средств его незаконные действия; обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических каналов связи. Последнее дает возможность перехватывать передаваемую или получаемую заподозренным лицом информацию со своих электронных средств связи в виде текста, схемы и т.д.; установить взаимодействующего с ним абонента и др. В отдельных случаях возможно проведение такого оперативно-розыскного мероприятия, как внедрение в преступные наркогруппировки.

Последовательность проведения таких мероприятий диктуется особенностями наркопреступлений, совершаемыми как преступниками единолично, так и на организованной основе. Главное состоит в том, что следователь может порекомендовать использовать те или иные тактические приемы, которые возможно использовать в зависимости от складывающейся ситуации на момент проведения конкретного оперативного мероприятия с тем, чтобы получить необходимую и

¹ Фомин М.А. Признаки провокации при проведении проверочной закупки наркотиков // Уголовный процесс. 2013. № 8. С. 41-46.

² ЕСПЧ снова признал провокацию по делам о сбыте наркотиков. URL: <http://europeancourt.ru/2014/04/24/15567/> (дата обращения: 10.01.2021).

³ ЕСПЧ раскритиковал процедуру проверочных закупок в России. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/espch-raskritikoval-protseduru-proverochnykh-zakupok-narkotikov-v-rossii/>. (дата обращения: 10.01.2021).

исчерпывающую информацию о интересующих их вопросах.

И только тогда, когда будет установлена причастность разрабатываемого лица к незаконным действиям с рассматриваемыми нами средствами и веществами, все этапы этой преступной деятельности или выявлены все члены преступного формирования, выяснены их функциональные обязанности, установлен канал поступления рассматриваемых средств в это формирование и иные обстоятельства его незаконной деятельности, только тогда следует планировать проведение контрольной закупки. Таким образом, результаты данного оперативно-розыскного мероприятия должны являться подтверждением того, что конкретное лицо или лица занимаются незаконной деятельностью с наркотическими средствами и ее прекращение возможно только благодаря вмешательству сотрудников правоохранительных органов.

В связи с этим на этапе подготовки к проведению этого оперативно-розыскного мероприятия также важна консультативная роль следователя. Именно он подскажет, не только как правильно в тактическом плане подготовиться к данному мероприятию и эффективно его провести, но и должным образом осуществить фиксацию его хода. Это тоже очень важный момент, поскольку результаты проведенного такого мероприятия в дальнейшем будут признаваться доказательством виновности определенного лица.

Например, по совету следователя при подготовке денежных средств, передаваемых за «покупку» наркотических средств, можно на купюре сделать малозаметную пометку: точку, галочку, черточку и др. в конкретном месте. Данный факт необходимо отразить в протоколе

осмотра таких денежных средств. Полезной также будет рекомендация о помещении этих денег в какую-либо упаковку: лист белой бумаги, газету и т.д. При этом можно оторвать часть этого упаковочного средства, о чем также отметить в протоколе.

Не лишним будет фотографирование не только отличительного знака, поставленного на купюре, но и упаковки в том виде, в каком предполагается передать ее сбытчику. Необходимо это для того, чтобы впоследствии, при изъятии у сбытчика денежных средств и их упаковки и последующего их осмотра, данные пометки и особенности упаковки, совпали. Это будет одним из доказательств виновности этого лица в незаконном обороте рассматриваемых нами средств.

Особое внимание должно быть уделено составлению текста беседы предполагаемого «покупателя» со сбытчиком. Их переговоры должны вестись таким образом, чтобы инициатива сбыта контролируемых средств исходила от самого сбытчика. Данный момент имеет первостепенное значение, поскольку будет свидетельствовать о правомерных действиях оперативных сотрудников и позволит исключить с их стороны провокацию.

Таким образом, следственное сопровождение оперативно-розыскных мероприятий позволит оперативным сотрудникам правоохранительных органов полно, качественно и грамотно собрать и зафиксировать необходимую информацию по фактам незаконного оборота наркотических средств, выяснить все обстоятельства такого оборота, что, впоследствии, будет способствовать эффективному расследованию преступлений рассматриваемых видов.

Гаврилов Б.Я.,

DOI 10.51980/2021_1_175

доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России (г. Москва)

Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью

В числе актуальных проблем современного российского законодательства как в научной среде¹, так и среди практикующих юристов² – институт возбуждения уголовного дела. Его наличие является, по мнению автора, одной из основных причин низкой эффективности борьбы с преступностью, поскольку, во-первых, в суд направляются не менее одной трети уголовных дел от числа возбужденных, а во-вторых, он влечет за собой многочисленные нарушения прав пострадавших от противоправных деяний граждан на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (ст. 52 Конституции РФ), поскольку допускает возможность принятия процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (в 2015-2020 гг. – ежегодно от 5,5 до 6,8 млн).

С другой стороны, сохранение института возбуждения уголовного дела обуславливается устоявшимся мнением ряда ученых и практиков о его существенной роли в предупреждении фактов

незаконного, необоснованного уголовного преследования³.

Одновременно ряд ученых (А.В. Федоров⁴, Н.А. Колоколов⁵, Е.В. Марковичева и В.Ф. Васюков⁶ и др.) высказываются за продолжение научной дискуссии с целью совершенствования данного института.

Изучение истории зарождения и становления института возбуждения уголовного дела свидетельствует, что в уголовном процессе досоветского периода данный институт отсутствовал. Так, И.Я. Фойницкий отмечал: «В последовательном развитии производства по делам уголовным мы можем различать следующие стадии: 1) предварительное исследование; 2) предание суду; 3) приготовительные к суду распоряжения; 4) окончательное производство; 5) особые порядки его; 6) пересмотр приговоров; 7) исполнение приговоров»⁷.

Непосредственно норму о возбуждении уголовного дела не содержал и УПК РСФСР 1922 г., хотя включал в себя такое понятие, как «возбуждение уголов-

¹ Вицин С.Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Володина Л.М. Уголовное судопроизводство: состояние и проблемы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 86-89; Дикарев И.С., Кругликов А.П. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография. М.: Юрлитинформ, 2014 и др.

² Гордиенко В.В. (до 2006 г. – начальник Департамента уголовного розыска МВД России). Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 3-5; Кожокар В.В. (в 2012-2017 гг. – помощник министра внутренних дел РФ). Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; Гаврилов Б.Я. (до 2007 г. – заместитель начальника Следственного комитета при МВД России). Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74-81; Гирько С.И. (бывший заместитель начальника ГУОП МВД России). О мерах по оптимизации досудебного производства в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 182-185 и др.

³ Шадрин В.С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 47-48; Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80-83 и др.

⁴ Федоров А.В. Нужна ли по делам о наркопреступлениях стадия возбуждения уголовного дела? // Наркоконтроль. 2017. № 1. С. 3-17.

⁵ Колоколов Н.А. Уголовное судопроизводство: стратегия и тактика // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 84.

⁶ Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе : монография / Е.В. Марковичева, В.Ф. Васюков. М., 2016. С. 19.

⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства (переиздан). Т. 2. СПб., 1996. С. 352.

ного дела». В соответствии с его ст. 94-96 органы дознания, следователь и прокурор были обязаны принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовящихся к совершению преступлений и без проведения каких бы то ни было проверочных действий принять решение о производстве дознания или предварительного следствия или об отказе в этом.

Это дало основание Н.Н. Полянскому сформулировать вывод о том, что возбуждению уголовного дела не придавалось значения самостоятельной стадии. О нем говорилось исключительно как о начальном моменте уголовного процесса¹. Аналогичной точки зрения придерживался и М.А. Чельцов, который первой стадией уголовного процесса назвал предварительное расследование, а возбуждение уголовного дела он считал начальным моментом процесса².

Появление в советском уголовном процессе и соответственно в уголовно-процессуальной науке самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела было вызвано репрессиями граждан в 1934-1937 гг., с целью минимизации которых Генеральным прокурором СССР были изданы ряд директивных указаний, включая циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26, п. 2 которого устанавливал, что возбуждение уголовного дела и начало расследования может иметь место по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором³.

В связи с включением в УПК РСФСР 1960 г. процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела научные исследования пошли по пути признания возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного процесса, сыгравшей на протяжении первых 30 лет своего действия определенную положительную роль в части предупреж-

дения фактов необоснованного уголовного преследования.

Однако, начиная с 90-х гг. XX века институт возбуждения уголовного дела превратился в непреодолимый для миллионов граждан, пострадавших от противоправных деяний, барьер в реализации их права на доступ к правосудию и породил исчисляемые миллионами нарушения законности в практике деятельности правоохранительных органов, поскольку ежегодно в 2013-2020 гг. 1,2-1,5 млн (без повторных) процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела признавались незаконными или необоснованными и отменялись и более 500 тыс. из них отменялись два и более раза. И еще не менее чем по 2,5 млн заявлений, сообщений о преступлениях, в том числе 1,2 млн заявлений о кражах и еще порядка 1,3 млн фактов причинения гражданам телесных повреждений при криминальных обстоятельствах в возбуждении уголовного дела было отказано⁴, однако лица, совершившие эти противоправные деяния, не были установлены и, соответственно, в силу положений ч. 1 ст. 148 УПК РФ законность и обоснованность данных процессуальных решений вызывает сомнения.

В числе негативных факторов сохранения института возбуждения уголовного дела:

- непроизводительные затраты труда порядка 20 тыс. сотрудников полиции, выразившихся в вынесении ими ежегодно 8-9 млн (с повторным) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, труда тысяч прокуроров по их отмене и ряд других негативных последствий;

- значительное сокращение (на 762 тыс.) количества раскрытых и расследованных преступлений (с 1,794 млн в 2006 г. до 1,032 млн преступлений в 2020 г.) и тем самым значительное (на 42%) снижение эффективности деятельности, в первую очередь, органов внутренних дел и других правоохрани-

¹ Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 123.

² Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М., 1962. С. 75, 231, 233.

³ Социалистическая законность. 1937. № 7.

⁴ Отчет по форме 2-Е, установленной приказом Генеральной прокуратуры России от 27.02.2017 № 89 «Об утверждении и введении в действие формы федеральной статистики наблюдения № 2-Е».

тельных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;

– фиксация ежегодно от 500 до 650 тыс. (по данным Генпрокуратуры России – 1,5 млн) нарушений только учетно-регистрационной дисциплины – и, соответственно, привлечение ежегодно более 50 тыс. должностных лиц органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности, а до 2007 г. – ещё порядка 3-3,5 тыс. сотрудников – к уголовной ответственности.

Влияние «отказных» материалов сказалось и на существенное снижение уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлениях, поскольку, несмотря на незначительное снижение последних (с 10,7 млн в 2006 г. до 9,25 млн в 2020 г.) количество возбужденных уголовных дел за этот период сократилось в два раза (с 3,3 млн до 1,7 млн).

Последствием снижения уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлениях является и ежегодное увеличение количества принимаемых органами предварительного расследования и органами дознания процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (с 4,5 млн в 2006 г. до 5,5-6,8 млн в 2016-2020 гг.). И особенно наглядно это видно из соотношения «отказных» материалов к возбужденным уголовным делом в сравнении с 1992 г., когда были возбуждены 2,8 млн уголовных дел, а количество «отказных» составило всего 1,3 млн.

Указанное нашло наглядное отражение в так называемом «тренде» преступности, согласно которому показатель преступности составил в 2020 г. 2,044 млн преступлений против 3 853 тыс. в 2006 г.

Сведения о состоянии преступности в 1980-2020 гг.

Временной период	1980	1991	1999	2006	2015	2016	2017	2019	2020
Количество зарегистрированных преступлений (млн)	1,028	2,168	3,002	3,853	2,388 (без КФО)	2,160	2,058	2,024	2,044

Изложенное выше потребовало выработки соответствующих предложений, изложенных в п. 4.5 Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации, суть которых заключается в принципиальном изменении процессуальных правил начала расследования, что означает исключение из УПК РФ процессуальных норм о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ) и об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ), что пока реализовать не удалось.

На необходимость изменения института возбуждения уголовного дела

указывает и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации профессор Т.Н. Москалькова, с непосредственным участием которой эта работа сегодня актуализирована.

Изложенное позволяет сформулировать вывод о необходимости реформирования института возбуждения уголовного дела, предполагающего, что основанием для начала расследования должно быть заявление, сообщение о преступлении и на необходимость чего было указано еще 30 лет назад в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, 1991 г.

Момент начала предварительного расследования

Являясь в целом сторонниками мнения о том, что Россия имеет свой собственный неповторимый путь развития уголовного судопроизводства, позитивно оценивая ряд изменений, вносимых законодателем в УПК РФ, тем не менее обратим внимание на ряд проблемных аспектов в действующем нормативном регулировании начального этапа предварительного расследования. Для этого проведем его сравнительный анализ с ретроспективными нормами.

Так, обратимся к отдельным положениям Устава уголовного судопроизводства 1864 г.¹, которыми расследование большей части преступлений отводилось к компетенции судебных следователей, при содействии полиции и при наблюдении прокурора. При этом к компетенции полиции относилось следующее:

- «о всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, незамедлительно, в течение 1 суток после получения о том сведений должна была сообщать судебному следователю и прокурору;

- когда ни судебного следователя, ни прокурора не было на месте, то была обязана сообщать им о происшествии, заключающем в себе признаки преступного деяния, вместе с тем производить надлежащее о нем дознание;

- материалы дознания передавала судебному следователю, которому впоследствии сообщала и все дополнительные сведения, собранные ею по тому же факту;

- до прибытия судебного следователя принимала меры, необходимые для того, чтобы предупредить уничтожение следов преступления и пресечь подозреваемому способы уклониться от следствия;

- в тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что

совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяла его во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов обвиняемых, свидетелей производила, кроме случаев, когда кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя».

Изложенное позволяет выделить главную особенность досудебного производства дореволюционного периода, состоящую в том, что дознание и предварительное следствие не являлись двумя альтернативными формами расследования, а представляли собой последовательно сменяющие друг друга этапы. Как первое, так и второе могли иметь факультативный характер, но при этом одна из этих форм после поступления сообщения о криминальном деянии должна была обязательно производиться. Представляется, что такой порядок деятельности позволял оперативно реагировать на информацию о преступлениях. Таким образом, дознание являло собой непродолжительный во времени первоначальный этап уголовного производства, начинающийся после получения информации о предполагаемом преступном деянии, в ходе которого полиция, обладая незначительной процессуальной самостоятельностью, собирала сведения о признаках преступления, на основе которых становилось возможным последующее открытие полноценного предварительного следствия, либо отказ в его открытии. Совершенно очевидно, что цели и задачи, временные рамки, средства, участники, итоговые решения полицейской деятельности и предварительного следст-

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL : <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 10.02.2021).

вия были чётко разграничены. Указанное не создавало почву для злоупотреблений со стороны полиции.

Обратимся к нормативным предписаниям, заключенным в ст. 144 УПК РФ. Во-первых, отметим положение о максимальном сроке проведения проверки сообщения о преступлении, который составляет до 30 суток. Во-вторых, набор следственных и иных (процессуальных, непроцессуальных) действий, разрешенных законодателем на этапе проверки, свидетельствует о схожем режиме деятельности в обеих стадиях досудебного производства. Очевидно, что установленные в действующем УПК РФ временные рамки и средства проверки заявлений (сообщений) о преступлениях позволяют проводить полноценное расследование. Такой возможностью активно воспользовался правоприменитель, в результате чего участились факты переноса части расследования в начальную стадию процесса. Ю.В. Деришев констатирует, что гипертрофическое внимание современной правоприменительной практики вопросам законности и обоснованности принятия решения о возбуждении уголовного дела приводит к раздуванию сроков и объема доследственного производства. Процессуалист отмечает, что материалы проверок, проводимых следователями по сообщениям о преступлении, сравнимы с томами расследованных уголовных дел¹. Не напрасно представители омской школы процессуалистов еще 30 лет назад предупреждали о складывающейся ситуации, считая неперспективным реформирование начального этапа уголовно-процессуальной деятельности за счет увеличения способов проверки заявления (сообщений) о преступлениях в случае, если законодательная концепция досудебного этапа останется прежней, со строгим разграничением его на две стадии². Такие опасения высказы-

вались еще В.М. Савицким, предостерегавшим о недопустимости расширения круга процессуальных действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела, поскольку возникает угроза «постепенной эрозии процесса в его досудебных стадиях»³.

Обозначенные учеными опасения в полной мере обнаруживаются на современном этапе развития уголовного процесса. Достаточно обратиться к ст. 162 УПК РФ, которая устанавливает срок предварительного следствия со дня возбуждения уголовного дела и до дня направления его прокурору с документом, отражающим итоговое решение. Исходя из анализа данной нормы, законодатель строго разграничивает срок проверки сообщения о преступлении и срок предварительного расследования. Такой подход, собственно, и обусловлен делением досудебного производства на две стадии – возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Но объективности ради отметим, что участились случаи направления жалоб участников процесса (преимущественно потерпевших) в Конституционный Суд РФ, при рассмотрении которых констатируется, что при определении разумного срока уголовного судопроизводства, необходимо учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента принятия итогового решения⁴. Приводя УПК РФ в соответствие с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, законодатель дополнил ст. 6.1 частями 3.1, 3.2, 3.3, в которых были закреплены отдельные правила для определения разумности сроков при принятии различных решений. Вместе с тем при таких кардинальных изменениях, фактически предполагающих объединение срока предварительной проверки сообщения о преступлении со сроком предварительного расследования, существ-

¹ Деришев Ю.В. Об аксиологии современного законотворчества в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Омской юридической академии. 2012. № 1 (18). С. 41.

² Николук В.В., Кальницкий В.В., Шаламов В.Г. Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела :: учебное пособие. Омск, 1990. С. 7.

³ Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 111.

⁴ Напр.: По делу о проверке конституционности части третьей статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова : постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П // СПС КонсультантПлюс.

вующая парадигма разграничения досудебной процессуальной деятельности на две стадии не поменялась.

Полагаем необходимым устранить такую рассогласованность норм. Решением проблемы могли бы служить изменения, в соответствии с которыми, срок предварительного следствия исчисляется с фактического начала уголовно-процес-

суальной деятельности, то есть с момента поступления сообщения о преступлении. При этом представляется наиболее удачной для использования в законе формулировка «досудебное уголовное производство», которая включает в себя и материалы по результатам проверки сообщения о преступлении, и материалы возбужденного дела.

Стойко Н.Г.,

DOI 10.51980/2021_1_180

доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Правовые последствия незаконности постановлений о возбуждении уголовного дела, приостановлении и возобновлении предварительного следствия

Постановление о возбуждении уголовного дела выносится в порядке ст. 146 РФ и относится к числу решений, правовым последствием принятия которого является производство по уголовному делу (следствие или дознание), что прямо вытекает из ст. 149 УПК РФ. В этом смысле юридически незаконность постановления о возбуждении уголовного дела означает незаконность производства по уголовному делу. Предварительное расследование по нему (в смысле ст. 156 УПК РФ) нельзя считать начатым, а течение срока (в смысле ст. 162 УПК РФ) – открытым. То есть данное постановление является юридическим основанием всего уголовного дела, отсутствие либо незаконность и (или) необоснованность которого (основания) является существенным нарушением закона и влечет за собой признание недействительными всех процессуальных действий, проведенных в рамках незаконно возбужденного дела.

Постановления о приостановлении и возобновлении предварительного следствия выносятся в порядке ст. 208, 211 УПК РФ и относятся к числу решений, регулирующих течение срока предварительного следствия. Соблюдение данного срока в силу ст. 123 УПК РФ относится к числу важнейших гарантий прав обвиняемого и других участников процесса на защиту, и ни одно должностное

лицо не вправе по своему усмотрению приостановить или продлить установленный законом срок предварительного расследования иначе, чем в случаях и в порядке, которые установлены законом (ч. 2 ст. 129 УПК РФ). В этом отношении незаконность названных постановлений означает незаконность дальнейшего производства по делу. Предварительное расследование по нему при его приостановлении нельзя считать прерванным, а при возобновлении – продолженным. Иначе говоря, незаконное приостановление дела не прекращает течение сроков по нему, а незаконное возобновление дела делает юридически ничтожным любое процессуальное действие, произведенное после него.

Как и любые иные процессуальные решения, постановления о возбуждении уголовного дела, приостановлении и возобновлении предварительного следствия должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

Указанное требование является частью содержания принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ). Следовательно, нарушение данного требования рассматривается законодателем как нарушение принципа законности.

Более того, в силу ч. 3 ст. 7 УПК РФ нарушение любых процессуальных норм в ходе уголовного судопроизводства, в том числе требований, определяющих законность постановления о возбуждении уголовного дела, приостановления и возобновления предварительного следствия, влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

Не случайно Конституционный Суд РФ еще в 1999 г.¹ подчеркнул, что положения закона, регулирующие течение срока предварительного расследования, исключают возможность его произвольного и неограниченного продления, а законность и обоснованность соответствующих решений подлежит судебной проверке с тем, чтобы гарантировать защиту прав и свобод граждан.

Верховный Суд РФ занимает аналогичную позицию: «Необходимость соблюдения процессуальных сроков в уголовном процессе — не самоцель. Значение этого требования заключается в охране прав личности...»². Поэтому судам при осуществлении правосудия необходимо исходить из того, что несоблюдение установленных законом сроков произ-

водства по уголовным делам существенно нарушает конституционные права граждан на судебную защиту, а также противоречит общепризнанным нормам международного права³. Верховный Суд РФ считает, что производство любого процессуального действия (составление обвинительного заключения, иного документа, или проведение другого следственного действия) в условиях нарушения установленного срока предварительного следствия, то есть не в соответствии с обязательным порядком, лишает такой документ или действие юридического значения, свидетельствует об их отсутствии в деле как таковых и не позволяет суду постановить законный приговор (определение № 66-099-129 по делу Соломатова и Миловца⁴; определение № 51кп098-73сп по делу Крюкова и др.⁵).

Иначе говоря, в силу принципа законности любое доказательство, полученное в условиях незаконно возбужденного уголовного дела и при несоблюдении сроков его расследования, должно быть признано недопустимым, а обвинение, основанное на таких доказательствах, незаконным.

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П // Ведомости Конституционного Суда РФ. 1999. № 4. URL: <http://www.alppr.ru/law/pravosudie/4/postanovlenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-23-03-1999--5-p.html>.

² Обзор судебной практики соблюдения процессуальных сроков рассмотрения уголовных дел и причин их нарушения (по данным судов за 1999 год и первое полугодие 2000 года): Обзор судебной практики Верховного Суда РФ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.02.2021).

³ О ходе выполнения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.1999 № 79 (ред. от 06.02.2007) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.02.2021).

⁴ Вопросы общей части УК РФ и квалификации преступлений: обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 1999 года (по уголовным делам). URL: <http://www.allpravo.ru/jurisprudence/doc1137p/instrum1566/>

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 1998 г. (по уголовным делам): утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 19.04.1999. URL: <http://www.allpravo.ru/jurisprudence/doc1137p1/instrum1574/>

Галимова М.А.,

DOI 10.51980/2021_1_182

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России,
Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Примирительные процедуры в уголовном процессе России: проблемные моменты реализации

Примирительные процедуры сегодня активно используются для разрешения споров в сфере семейных, жилищных, земельных, трудовых, обязательственных, наследственных отношений, имеют большой потенциал в сфере административных и уголовно-процессуальных отношений. Они могут быть реализованы во внесудебном, досудебном порядке либо в рамках судебной процедуры. Концептуальным ограничением примирительных процедур является то, что они не подлежат применению в случаях, когда в результате урегулирования спора могут быть затронуты интересы третьих лиц и общества в целом, в том числе путем ограничения их права на защиту.

В прошедшем десятилетии была сформирована нормативная база реализации примирительных процедур¹, тем самым созданы правовые условия для реализации альтернативных способов урегулирования правовых конфликтов при

участии посредников, в том числе судебных примирителей, в сфере как частных, так и публично-правовых отношений.

Применительно к уголовному судопроизводству в настоящее время основной формой выражения примирительных процедур является комплексный межотраслевой институт примирения сторон². Вопросы повышения эффективности рассматриваемого института как способа разрешения уголовно-правовых конфликтов, развитие и совершенствование примирительных процедур, направленных на его реализацию и широкое применение, в том числе с участием посредников, сегодня активно обсуждаются в юридической науке и практически получили статус государственного задания³. Разрабатываются, активно обсуждаются и апробируются⁴ различные проекты нормативных актов⁵, предусматривающих включение медиативных примирительных

¹ Федеральные законы от 27.06.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»; от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Этот институт существует в плоскости как материального (ст. 76 УК РФ), так и процессуального права (ст. 25, 212, 213, 214; ст. 318, 319 УПК РФ). Он представлен двумя самостоятельными видами примирительных процедур: производством по делам частного обвинения и прекращением уголовного дела в связи с примирением сторон, которые сходны по своей правовой природе, но занимают обособленное положение и обладают рядом различий.

³ Концепция развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность : утв. распоряжением Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р; Перечень поручений Президента Российской Федерации от 06.10.2017 № Пр-2042.

⁴ Научная конференция «Проблемы и перспективы развития института медиации в России» (организована Комитетом гражданских инициатив совместно с Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, г. Москва, 2016 г.); Круглый стол по теме «Реформа института медиации. Перегрузка альтернативного решения споров» (организована проектом «Комфортная правовая среда», г. Москва, 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Правосудие и примирение: кумулятивные эффекты (факультет права НИУ Высшей школы экономики, 2020 г.).

⁵ В 2016 г. в рамках деятельности межрегиональной общественной организацией «Центр «Судебно-правовая реформа» был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ по вопросу примирения сторон» (авторы С.А. Пашин, Р.Р. Максудов); в 2017 г. Правительством РФ был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации»; в 2019 МОО «Центр «Судебно-правовая реформа» разработан новый (с учетом замечаний, вынесенных в ходе общественного обсуждения) проект

тельных процедур в систему уголовного судопроизводства. Однако до настоящего времени на законодательном уровне этот вопрос не решен.

Не рассматривая подробно положительные и отрицательные стороны различных законопроектов, обратим внимание на два момента. Во-первых, остается открытым вопрос синхронизации предлагаемого института медиации и действующего института примирения сторон. Высказываются различные идеи, порой кардинально противоположные по смыслу: от расширения действия ст. 25 УПК РФ до ее полного упразднения¹.

С последней точкой зрения категорически нельзя согласиться, поскольку прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) исторически обусловлено для российского уголовного процесса. Эта форма института уголовно-процессуального примирения выступает проявлением гуманизации уголовного судопроизводства, является уже действующим элементом восстановительного правосудия и достаточно эффективно действует на практике. Кроме того, в настоящий момент это единственный институт уголовного судопроизводства, при использовании которого потерпевший в полной мере может реализовать свои процессуальные права относительно хода расследования и разрешения уголовного дела.

В новейшей истории российского права достаточно много случаев, когда отменяемый по различным причинам какой-либо правовой институт через некоторое время вновь возвращался законодателем в сферу правового регулирования. Так, например, с 2004 г. мера уголовного наказания — конфискация иму-

щества — была исключена из системы наказаний; через 2,5 года норма о конфискации имущества была возвращена в уголовное законодательство², но в урезанном и искаженном виде. В советской правовой системе около 40 лет действовал административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Выступая элементом сложившейся в советском законодательстве системы мер безопасности (В.И. Горобцов), данный институт эффективно использовался правоприменителем, в том числе в качестве средства предупреждения рецидива преступлений. Административный надзор являлся актуальной мерой, поскольку с ним связывали возможность усиления превентивных начал уголовной ответственности, особенно когда карательные меры не дали желаемого результата (В.И. Зубков, О.В. Филимонов, В.М. Хомич). Фактически институт административного надзора органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, перестал действовать в 1993 г., когда был отменен один из элементов правовой основы обеспечения правомерного поведения поднадзорных лиц (ст. 198.2 УК РСФСР), а формально этот институт утратил силу в 2009 г.³ Одной из причин отмены этого института стала «безоглядная демократизация» российского законодательства, когда под девизом недопустимости нарушения прав человека из сферы правовых средств борьбы с преступностью исключались «антидемократические», «карательные» институты, которые с этой преступностью, в том числе рецидивной, реально боролись, сдерживали ее. И вновь по прошествии двух лет в российскую правовую систему

федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому и обвиняемому возможности примирения» (авторы С.А. Пашин, Л.М. Карнозова, О.П. Киселева), и др.

¹ См.: Позиция Совета судей РФ по проекту федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» // Вестник «Прецеденты и позиции». 2016. № 5. С. 22.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федеральный закон от 27.06.2006 № 153-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452. С. 10.

³ Подр.: Астахова А.О. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: проблемы применения и пути решения: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 10-15.

был возвращен институт административного надзора¹, который был модернизирован в части названия, субъектов применения и процедуры назначения, однако его сущность, содержание и задачи остались прежними. И таких примеров можно привести достаточно большое количество.

Второй момент касается сферы распространения вновь вводимых примирительных процедур в части категории совершенных преступлений. Представляется вряд ли оправданной точка зрения, в соответствии с которой возможности медиации в уголовном процессе ограничены действующим институтом примирения.

В связи с этим следует четко продумать синхронизацию исследуемых примирительных процедур и существующего основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) с тем, чтобы потенциал этих правовых средств действовал в полной мере, согласованно, дополняя друг друга.

Для этих целей интересен подход (А.А. Давлетов, Д.А. Братчиков), согласно которому кроме дел, прекращаемых за примирением сторон, в уголовном процессе есть значительный круг дел, по которым обвиняемый и потерпевший вступают в переговоры с целью достижения определенного компромисса. Выделение этой категории дел обусловлено наличием такого смягчающего наказание обстоятельства, как «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему» (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Данное обстоятельство выступает в качестве ключевого для стороны защиты при соблюдении ряда условий: а) расследуемое преступление не относится к категориям небольшой или средней тяжести, т.е. дело не может быть прекращено за примирением сторон;

б) по делу имеется потерпевший (физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный ущерб или моральный вред); в) обвиняемый признает свою вину в совершении преступления. В такой ситуации адвокат-защитник ориентирует обвиняемого на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему преступлением, с целью смягчения позиции потерпевшего. Для этого стороны вступают в переговоры, фактически такие же, как и по «примиренческим» делам. Обвиняемый предлагает возместить причиненный ущерб при условии, что потерпевший не заявит гражданский иск и займет в судебном заседании благоприятную для подсудимого позицию, например будет просить суд о максимальном снижении наказания².

Еще одна возможность расширения сферы деятельности института примирения – дела, рассматриваемые в порядке гл. 40 УПК РФ при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Обязательным условием применения особого производства является согласие потерпевшего (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Такое волеизъявление потерпевший высказывает, как правило, в том случае, если ущерб, причиненный преступлением, ему возмещен.

Современный уголовно-процессуальный закон кроме сферы действия института примирения сторон допускает переговоры с целью сглаживания уголовно-правового конфликта по значительному количеству уголовных дел с целью, в том числе смягчения наказания виновному в связи с возмещением потерпевшему ущерба от преступления. Эти уголовные дела могут выступать той необходимой основой, на которой возможна регламентация процедуры медиации в уголовном судопроизводстве.

Возможность расширения сферы действия примирительного производства лежит еще в одной плоскости: согласно статистическим данным ежегодно около

¹ Об административном надзоре за лицами, освободившимися из мест лишения свободы : Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2037.

² См.: Давлетов А.А., Братчиков Д.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 168-179.

15% расследуемых преступлений совершаются по мотивам ревности, ссоры и других бытовых причин¹. А это, по нашему мнению, та область, где примирительные процедуры могут иметь максимальный эффект, в отличие от традиционной «карательной парадигмы».

Подводя итогу, следует отметить, что внедрение продуманных и детально разработанных примирительных проце-

дур не только в отношении несовершеннолетних, но и в целом в российский уголовный процесс будет способствовать восстановлению прав потерпевшего и послужит закономерной предпосылкой как быстрого разрешения уголовно-правового конфликта, так и обеспечения возмещения вреда, причиненного потерпевшему.

Дидык В.В.

DOI 10.51980/2021_1_185

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)

Развитие института компромисса при прекращении уголовного дела

В процессе становления общества человек реализует свои интересы, периодически сталкивается с различного рода конфликтами. Конфликт представляет собой столкновение противоречивых интересов отдельных субъектов, реализующих свои потребности. Устраняя конфликтные ситуации, общества прибегает к различным формам разрешения этих противоречий: принуждение, сотрудничество, компромисс, отзыв, сглаживание.

Широко распространенным способом мирного урегулирования конфликтов в современном обществе является компромисс. В 1718 г. русский язык заимствует понятие «компромисс»: данное слово является производным от новолатинского *compromissum*, которое пришло в наш язык непосредственно через польский — *kompromis*. Компромисс — это своего рода поиск комбинации идей, которые не только обеспечат высочайший уровень удовлетворения для всех без исключения групп, интересы которых находятся в конфликте, но также при необходимости получают поддержку большинства. При достижении компромисса важно, чтобы существовало чувство взаимности, когда каждая сторона отказывается от чего-то равного по ценности или важности. Чувство справедливости в процессе взаимных уступок сделает пе-

реговоры открытыми и конструктивными. Практические сбалансированные предложения, приближающие спор к завершению, повысят уровень сотрудничества для достижения компромиссного решения. Со временем компромисс становится основой стабильности общества, инструментом конструктивного социального взаимодействия и закладывается в политическую, экономическую и законодательную деятельность.

В русской философии, компромисс получил развитие при обращении к проблеме его использования в праве. В своих учениях В.С. Соловьев отражал стремление к созданию синтетического взаимодействия нравственности и права. При этом он считал, что право является своего рода промежуточным звеном, связывающим нормализованные интересы общества и отдельных личностей и моральные ориентиры, а также принципы свободы, которые могут иметь релятивное значение².

С начала XIX века интерес к данному понятию обрёл особую популярность, так как в результате демократизации развития гражданского общества назрели такие компромиссные черты, как толерантность, плюрализм, терпимость, искусство ведения переговоров и заключения взаимовыгодных соглашений, равен-

¹ См.: Сводный отчет по России. Ф. 455. Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие / ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России».

² Алтухов В. Компромисс — новое слово эпохи? // Свободная мысль. 1993. № 16. С. 16.

ство всех перед законом, защита прав личности. С введением в действие в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УСС) в российском уголовном процессе произошли существенные изменения. Так, в соответствии с УУС органы государственного обвинения не осуществляли уголовное преследование по делам частного обвинения; дела частного обвинения возбуждались только вследствие жалобы потерпевшего и прекращались примирением. При этом примирение не было обусловлено возмещением вреда¹.

Следующим серьезным этапом стало формирование отдельных процессуальных процедур, содержащих черты компромисса. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. в ст. 155 содержало также примирительную процедуру, примирение сторон. В процессе ее применения виновное лицо освобождалось от негативных уголовно-правовых последствий.

Становление уголовно-процессуального законодательства XX века опосредованно послереволюционным периодом и закреплением в законодательстве процедуры прекращения уголовного дела содержащей черты компромисса. Данная процедура также основана на примирении с потерпевшим. Так, ст. 4 УПК РСФСР 1922 г. устанавливала возможность прекращения дела, возбуждаемого не иначе как по жалобе потерпевшего, за примирением обвиняемого с потерпевшим до вступления приговора в законную силу². Общей чертой данных компромиссных процедур является то, что возможность их реализации зависит от наличия жалобы потерпевшего.

Значительные отличия приобретают компромиссные основания прекращения уголовного дела (примирение с потер-

певшим или деятельное раскаяние), закрепленные в УПК РСФСР 1960 г.³ Важной чертой развития данных процедур является право на прекращение уголовного дела не только при частном обвинении, которое возбуждается по заявлению (жалобе) потерпевшего, но и при публичном обвинении.

Одним из последних основополагающих этапов института компромисса стало проведение судебно-правовой реформы в 1996 г., в ходе которой был принят УК РФ. В связи с этим был введен ряд компромиссных процедур на стадии предварительного расследования, которые в дальнейшем стали основой для положений ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ. Характерной особенностью данных процедур стало закрепление обязательного условия прекращения уголовного дела: возмещение ущерба потерпевшему. Также примирение сторон (ранее примирение с потерпевшим), исходя из новой формулировки, приобрело дополнительные черты компромисса, которые реализуют как публичные, так и частные интересы.

Таким образом, в ходе исследования развития компромисса в российском уголовно-процессуальном законодательстве следует отметить длинную историю его становления от философских учений и особой социологической категории к формированию института компромисса, закрепления его в законодательстве. Можно утверждать, что на сегодняшний день во всех сферах общества компромисс является основой социального взаимодействия и наиболее эффективной формой разрешения социальных конфликтов, создающей баланс между частным и публичным началом, а также организующей связь между государством, обществом и личностью.

¹ Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1995. С. 158.

² Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. С. 35.

³ Салпагаров С.И. Прекращение уголовного дела (преследования) в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием как компромиссные процедуры в судопроизводстве (история становления и развития российского уголовно-процессуального законодательства) // Общество и право. 2014. № 1. С. 147.

К вопросу об участии адвоката в урегулировании уголовных конфликтов посредством медиации

В настоящее время одним из актуальных и все чаще обсуждаемых уголовно-процессуальных вопросов является целесообразность распространения и использования в России процедуры медиации. Это вполне объяснимо, поскольку медиация имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционной судебной системой. Во-первых, отсутствие жестких процессуальных форм, во-вторых, добровольное исполнение принятых решений, в-третьих, большая вероятность сохранения партнерских отношений после разрешения конфликта. В преимущества также следует добавить, непродолжительный характер данной процедуры, что является востребованным в условиях загруженности судебной системы.

Рассмотрение уголовного дела предусматривает участие множества лиц с той и другой стороны, основополагающим элементом в данной процедуре является независимый и беспристрастный посредник – медиатор.

Суть деятельности примирителя строится не на чувствах, которые стороны ощущают от прошедших событий, а на том, как построить конструктивный диалог и дать понимание участникам процедуры, к какому решению они хотят прийти в будущем. При этом медиаторы четко ориентированы на результат – соглашение о примирении сторон в рамках уголовного дела. От действий медиатора зависит примирение сторон и достижение ими взаимовыгодного или взаимоприемлемого соглашения. В связи с этим возникает вполне логичный вопрос: кто из современных юристов-профессионалов способен оказать подобного рода помощь?

Рассмотрим адвоката как участника уголовного судопроизводства. Выбор падает именно на адвокатов из-за универ-

сального характера их деятельности, а также наличия опыта в оказании правовой помощи и соответствующей квалификации. Но для начала обратимся к правовой составляющей вопроса. Насколько возможно в современных реалиях совместить два статуса – адвокат и медиатор – в одном лице?

Анализ Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 г. свидетельствует, что выполнение адвокатом полномочий медиатора при урегулировании им юридических разногласий не предусматривается, но и не противоречит. Из этого необходимо сделать вывод, что адвокат имеет право на осуществление медиативной практики. Однако теперь возникает второй вопрос: насколько подготовлен современный адвокат к осуществлению примирительной деятельности?

Начнем с того, что зарубежный опыт уже имеет исчерпывающее количество примеров участия адвокатов в восстановительных процедурах, включая осуществление адвокатами деятельности медиатора. В странах с развитой системой альтернативного решения споров инициатива с помощью в проведении медиации исходит от самих лиц отстаивающих законные интересы граждан, они активно осваивают эту новую сферу юридической практики. Впоследствии многие из них начинают специализироваться на проведении медиации и иных альтернативных процедурах примирения¹.

Ни в одной стране не существует прямого запрета для адвокатов работать в статусе медиатора. Мы считаем, что необходимо учесть мировой опыт и допустить адвокатов к медиативной практике. Ведь

¹ Ричбелл Д. В. Медиация в России // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2010. № 1. С. 17.

сама юридическая реальность «за» медиаторов адвокатов, так как они, действительно, профессионалы в юриспруденции, и зачастую в других смежных сферах. Стоит отметить и то, что адвокаты нередко сами инициируют медиацию.

В Республике Казахстан национальная палата медиаторов состоит из 26 человек, указанных в официальном реестре. Из них 18 человек юристы, 12 из которых адвокаты, остальные – это психологи, педагоги, инженеры. Можно сделать вывод о том, что 50% зарегистрированных медиаторов в стране это адвокаты¹.

В перспективе развития процедур примирения есть вероятность создания обязательного проведения медиации по уголовным делам. Как следствие, лицо должно получить помощь в любом уголке нашей страны. На территории всей страны есть только адвокатская организационная структура. Существует мнение, что профессия медиатора вообще не сможет состояться без адвокатов, а исключение их из субъектов медиации нанесет колоссальный ущерб всей правовой системе.

В.В. Лисицын отмечает, что по сравнению с государствами со сложившейся практикой применения процедуры медиации российские адвокаты вплоть до настоящего времени не принимают активного участия в развитии примирительных процедур и объективно не готовы к оказанию содействия в урегулировании юридических споров. Ученый также считает, что услуги в сфере альтернативного разрешения споров в нашей стране будут оказывать преимущественно не адвокаты, а лица, занимающиеся данной деятельностью на специализированной коммерческой основе².

Н.А. Федина имеет противоположную точку зрения. Медиация кардинально отличается от привычного для адвокатов судопроизводства. Деятельность

адвоката в качестве медиатора направлена не на применение права, предполагающее лишь один действительно правильный вариант, а на его использование, в рамках которого возможно нахождение разных вариантов решения проблемы, каждый из которых будет верным при согласии сторон на соответствующие условия³.

Как видим, однозначного подхода к решению данного вопроса нет, и придерживаемся той точки зрения, при которой адвокат не занимается не свойственной для него сферой деятельности (примирительной специализацией). Аналогичное мнение выразил и президент Федеральной палаты адвокатов Ю.С. Пилипенко в выступлении 13 февраля 2020 г. на «Ковалевских чтениях» в г. Екатеринбурге. По мнению автора, профессиональных адвокатов обучают защите одной стороны, они мотивированы больше на конфликт, чем на примирение. При этом автор подчеркивал, что на сегодняшний день адвокатура не имеет соответствующих знаний и навыков, способных удовлетворить обе конфликтующие стороны.

На данный момент законодатель пошел по другому пути, официально разрешив судьям в отставке оказывать помощь в примирительных процедурах, в частности проводить процедуру медиации по гражданским и административным делам. Такие лица наделены статусом судебных примирителей. Данное положение закреплено в Федеральном законе от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 1. и регламентировано постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

На данный момент в Уральском федеральном округе функционируют 5 официальных медиаторов, все они являются бывшими судьями. Согласно статистике,

¹ Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография. М.: Проспект, 2021. 264 с.

² Лисицын В.В. Медиация – универсальный способ урегулирования коммерческих споров в России: научный очерк: история и современность. М., 2009. С. 57.

³ Федина Н.А. Роль современного адвоката в процессе медиации// Социальные науки: social-economic sciences. 2017. № 1. С.16.

приводимой Председателем арбитражного суда Свердловской области С.А. Цветковой, по состоянию на февраль 2020 г. ими были заключены 11 медиативных соглашений¹. На наш взгляд, выбор законодателя вполне оправдан, ведь в таком случае опытный судья использует свои профессиональные навыки. Потенциально такие процедуры в больших масштабах могут снизить нагрузку на всю судебную систему

Как будет развиваться дальше институт уголовно-процессуальной медиации в России, покажет практика, но с уверенностью можно сказать, что данная процедура является перспективной новеллой российского законодательства. Успех ее развития будет зависеть от квалифи-

кации медиаторов, готовности участников правовых споров разрешать противоречия с помощью процедуры примирения, согласованности действий всех уровней власти.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что необходимость распространения в России практики урегулирования юридических споров требует научного осмысления многих вопросов, связанных с теми субъектами, на которых возложатся полномочия медиаторов. В любом случае адвокаты, будучи основной квалифицированной юридической поддержки граждан, осуществляющими свою деятельность в условиях юридических конфликтов (споров), должны поддерживать и развивать примирительные процедуры.

Шатрова А.В.

DOI 10.51980/2021_1_189

Норильский городской суд Красноярского края

Подсудность уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера

Хотя рассмотрение уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера регламентируется специальными нормами отдельной главы УПК РФ, подсудность по данной категории дел определяется общими нормами. Между тем защита лиц с психическими расстройствами в том числе подразумевает и их право на компетентный суд. К сожалению, необходимо согласиться с исследователями, указывающими на недостаточную адаптированность российского уголовного процесса к обеспечению прав таких лиц².

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе специальных норм, определяющих особенности подсудности по таким делам, затрудняет правоприменение и подпитывает научную дискуссию.

В настоящее время уголовные дела о применении принудительных мер медицинского характера подсудны мировому судье, районному суду и суду уровня субъекта, в том числе окружному (флотскому) военному суду. То есть по данной категории дел могут быть применены общие правила определения подсудности: предметной, территориальной, персональной и др. Практически единственным исключением из общих правил определения подсудности является сформулированный в ст. 352 УПК РФ запрет на рассмотрение такой категории дел судом коллегиально — с участием присяжных заседателей, на что обоснованно обращается внимание в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».³

¹ Статистические данные о работе «комнаты примирения» в арбитражном суде Свердловской области. URL: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/node/16042> (дата обращения: 15.01.2021).

² См.: Марковичева Е.В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 29.

³ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 // Российская газета. 2011. 20 апр.

Однако возникает вопрос: обоснованной ли является такая широкая подсудность по анализируемой категории уголовных дел? В первую очередь такие сомнения касаются отнесения уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера мировому судье. Многие исследователи высказывают обоснованные сомнения по этому поводу. Например, Л.Г. Татьяна в рамках диссертационного исследования сформулировала ряд возражений относительно такой широкой подсудности и среди прочих аргументов высказала обоснованные сомнения в соответствии уровня мировых судей, которые даже не специализируются на определенных делах, столь сложной категории уголовных дел¹.

Несмотря на произошедшие в последние годы изменения в подсудности уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1, 264.1, 157 УК РФ, позволившие рассматривать такие дела не мировым судьям, а районным (городским) судам, законодательные новеллы никак не коснулись дел о применении принудительных мер медицинского характера. На наш взгляд, если из подсудности мировых судей исключаются более простые уголовные дела, нелогично оставлять в подсудности мировых судей более сложную категорию дел – дела о применении принудительных мер медицинского характера.

К числу нерешенных следует отнести и проблемы подсудности рассматриваемой категории уголовных дел в стадии исполнения приговора. Как отмечает В.В. Качалов, «задачами производства по продлению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера являются защита прав лиц, в отношении которых исполняются принудительные меры медицинского характера, и других участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы затронуты применением данной меры»².

В соответствии с ч. 2 ст. 445 УПК РФ вопросы о прекращении, об изменении или о продлении применения принудительной меры медицинского характера рассматриваются судом, вынесшим постановление о ее применении или по месту применения этой меры. То есть законодатель допускает два варианта реализации территориальной подсудности в стадии исполнения приговора по таким делам. Отметим, что в существующей редакции применение анализируемой уголовно-процессуальной нормы нередко бывает затруднительным. В судебной практике встречается целый ряд проблем, связанных с определением подсудности при решении вопросов прекращения, изменения или продления принудительной меры медицинского характера по месту ее исполнения.

Поскольку судами не так часто назначаются принудительные меры медицинского характера, исполняемые по месту жительства лица (или по месту нахождения суда), на практике проблемы определения подсудности чаще всего связаны с решением вопросов, связанных с исполнением тех мер, которые применяются в условиях различных психиатрических стационаров, находящихся на территории иных субъектов. И здесь возникает вопрос: могут ли в стадии исполнения приговора по данной категории уголовных дел применяться общие правила подсудности? Уголовно-процессуальный закон не дает четкого и недвусмысленного ответа на данный вопрос. В результате уголовное дело о применении принудительных мер медицинского характера в стадии исполнения, по общим правилам подсудное областному (краевому) суду или мировому судье, рассматривается районным (городским) судом. При этом нарушаются общие правила определения родовой и территориальной подсудности.

Эти и другие проблемы ждут законодательного решения. В первую очередь,

¹ См.: Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 8-9.

² Качалов В.И. Производство по исполнению по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2017. С. 309.

необходимо ввести специальные правила определения подсудности уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера, а также исклю-

чить рассмотрение таких дел из подсудности мировых судей. Это позитивно скажется на качестве рассмотрения таких дел.

Галимов О.Х.,

DOI 10.51980/2021_1_191

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России,
Сибирский институт бизнеса, управления и психологии
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Три направления развития как три составные части ювенальных технологий в уголовном судопроизводстве

Проводимая в России на протяжении длительного времени судебно-правовая реформа вызывает не только интерес, но и тревогу как населения в целом, так и судейского сообщества в частности.

Курс законодателя на определенную либерализацию уголовного закона, с одной стороны, и внедрение (изменение) отдельных устоявшихся форм уголовного судопроизводства, с другой стороны, создает заметную напряженность в правоприменительном пространстве.

Вследствие изменения подсудности уголовных дел, распространения участия присяжных заседателей в судопроизводстве и необходимости пересмотра многочисленных решений в рамках стадии исполнения приговора существенно возросла нагрузка на суды основного звена судебной системы – районные суды. Кроме того, функционирование в рамках судебной системы новых апелляционных и кассационных судебных инстанций потребовало серьезного кадрового restructuring судейского корпуса.

При этом в принятой на последнем съезде судей резолюции 9 из 11 обращений к Правительству РФ и Федеральному Собранию РФ, касающихся принятия мер по совершенствованию деятельности органов правосудия¹, требуют значительного дополнительного финансирования.

В этих условиях как судейским сообществом, так и законодателем остаются

не воспринятыми ориентиры, заложенные в постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы», которая предусматривала не только специализацию судов первой инстанции путем выделения наряду с коллегиями по уголовным и гражданским делам коллегии по делам несовершеннолетних, но и создание новых судов, предпосылками для чего в настоящее время объективно являются наличие в УПК РФ отдельной главы, посвященной производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а также положения целого ряда международных правовых документов, закрепляющих технологии ювенального производства как комплекса мер, направленных на реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» особо подчеркнул, что при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних наряду с применением уголовного и уголовно-процессуального законодательства следует соблюдать нормы и принципы международного права, ко-

¹ Об основных итогах функционирования судебной системы РФ и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе : постановление IX Всероссийского съезда судей от 08.12.2016 № 1 // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2017. № 1.

торые, согласно ч. 3 ст. 1 УПК РФ, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью законодательства Российской Федерации, регламентирующего уголовное судопроизводство, и должны иметь для него приоритетное значение.

В связи с этим хотелось бы остановиться на трех моментах, которые, на наш взгляд, наглядно демонстрируют необходимость соответствующей корректировки действующего уголовно-процессуального закона в рассматриваемой части с учетом выработанных международным сообществом ювенальных технологий.

Так, исходя из приоритетов одного из основных международно-правовых документов в области судопроизводства по делам несовершеннолетних, Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил)¹, система правосудия в отношении несовершеннолетних прежде всего характеризуется следующим:

- ограничение уголовных репрессий и наказания путем повышения мер профилактического и воспитательного воздействия на несовершеннолетних;

- быстрота судопроизводства, т.е. любое дело в отношении несовершеннолетнего с самого начала следует вести скоро, не допуская каких-либо излишних задержек;

- конфиденциальность судопроизводства, позволяющая избежать причинения потерпевшему вреда из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации.

При анализе современного уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики у автора, как и у специалистов, которые занимаются рассматриваемой проблематикой, возникают обоснованные вопросы:

- 1) в связи с чем в уголовном судопроизводстве не получили распространение нормы о применении к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия?

- 2) почему при производстве по уголовным делам в отношении несовер-

шеннолетних не используется механизм его сокращенной формы?

- 3) из чего исходил законодатель, не ограничив рассмотрение всех уголовных дел с участием несовершеннолетних рамками закрытого судебного заседания?

Постараемся разобраться в этих вопросах.

Первое. Прямой запрет законодателя на производство дознания в сокращенной форме по делам несовершеннолетних (п. 1 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ) и подчеркнутая высшими судебными инстанциями (Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ) в своих постановлениях невозможность применения особого порядка судебного разбирательства по делам несовершеннолетних – с учетом вышеизложенных положений международного права – вызывает недоумение.

Так, допуская производство дознания в отношении несовершеннолетних по делам небольшой и средней тяжести в общем порядке (в отличие от УПК РСФСР, когда по делам несовершеннолетних была предусмотрена обязательность предварительного следствия), у законодателя отсутствуют объективные препятствия для ускоренного производства дознания в отношении несовершеннолетних.

Согласно ч. 2 ст. 420 УПК РФ «производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, осуществляется в общем порядке, установленном частями второй и третьей настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей главой». Глава 40 УПК РФ, регулирующая особый порядок судебного разбирательства, расположена в части 3 УПК РФ и каких-либо ограничений относительно несовершеннолетних не содержит, соответственно, отсутствуют какие-либо законодательные препятствия для такой процедуры по делам несовершеннолетних.

Необоснованное лишение несовершеннолетних права на особый порядок судебного разбирательства нарушает конституционный принцип равенства

¹ Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985 в г. Пекине.

всех перед законом и судом, лишает возможности снижения наказания несовершеннолетнему подсудимому.

Напротив, применение такой процедуры судопроизводства сокращает время и объем контактов несовершеннолетнего с органами предварительного расследования и судом, не снижая повышенного уровня их защищенности и не препятствуя установлению обстоятельств специализированного предмета доказывания (ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

Второе. Следуя той же логике законодателя о применении исключительно положений главы 50 УПК РФ по делам несовершеннолетних, необходимо вопреки указанию Верховного Суда РФ о возможности прекращения уголовного дела по любому основанию, предусмотренному ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ, определить преимущество для такого решения в рамках ст. 427, 431-432 УПК РФ. Применение принудительных мер воспитательного воздействия имеет гораздо больший восстановительный потенциал и непосредственно воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, нежели иные основания прекращения уголовного дела. Такое решение в полной мере соответствует целям ювенальной юсти-

ции. Более того, существует возможность в случае каких-либо нарушений вернуться к обычному порядку производства.

Третье. Ограничение гласности уголовного судопроизводства предусмотрено п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ – закрытое судебное разбирательство при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 16 лет. Но здесь следует обратить внимание, на то, что, во-первых, это право суда, а не его обязанность. Во-вторых, это правило определяется лишь такой (до 16 лет) возрастной категорией подсудимого и не распространяет свое действие на несовершеннолетних потерпевших. Целесообразно распространить исключительный порядок закрытого судебного заседания на все уголовные дела в отношении несовершеннолетних и с участием несовершеннолетних потерпевших.

Необходимо отметить, что данные меры уже в рамках действующего законодательства могут быть значимым примером имплементации новых технологий, т.е. фактической реализации международных обязательств в отечественном правосудии по делам несовершеннолетних.

Михайлов А.Н.

DOI 10.51980/2021_1_193

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу об основаниях постановления некоторых видов обвинительного приговора

Уголовно-процессуальная деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу осуществляется в строго определенной процессуальной форме, предусмотренной УПК РФ. Процессуальная форма образует собой своеобразный правовой режим, определяющий порядок производства по уголовным делам и основанный на совокупности юридических требований к уголовно-процессуальной деятельности участников процесса, связанных с последовательностью и правилами совершения предусмотренных законом действий, принятием решений и их

закреплением (отражением) в соответствующих процессуальных документах.

Еще одним важным проявлением уголовно-процессуального порядка является письменная форма отражения (фиксации) процессуальной деятельности с обязательным соблюдением установленных законом требований, предъявляемых к структуре и содержанию процессуальных документов, составляемых в ходе уголовного судопроизводства.

При этом следует отметить, что соблюдение процессуальной формы уголовного судопроизводства в некоторых случаях во многом зависит от правиль-

ного определения вида процессуального документа, составляемого при принятии решения по уголовному делу. В данном случае речь идет о судебном приговоре.

Приговор является основным процессуальным актом, посредством которого суд реализует свою деятельность по осуществлению правосудия по уголовным делам. В соответствии с ч. 1 ст. 302 УПК РФ приговор суда может быть оправдательным или обвинительным. Далее в ч. 5 ст. 302 УПК РФ законодатель определяет виды обвинительного приговора:

- 1) с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным;
- 2) с назначением наказания и освобождением от его отбывания
- 3) без назначения наказания.

Постановление оправдательного приговора или обвинительного приговора с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным, представляют собой стандартные варианты принятия решения о виновности или невиновности подсудимого в совершении преступления и назначении ему наказания, выбор которых в каждом конкретном случае для суда очевиден. Другие виды обвинительного приговора, предусмотренные ч. 5 ст. 302 УПК РФ, вызывают существенные затруднения в их толковании и применении.

Детальный анализ ст. 302 УПК РФ позволяет обнаружить несовершенство правовой регламентации обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания и обвинительного приговора без назначения наказания. В частности, данная норма не дает исчерпывающего ответа на вопрос: в каких случаях суд постановляет указанные виды приговоров.

В ч. 6 ст. 302 УПК РФ законодатель дает разъяснение, в каких случаях постановляется обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания: 1) если к моменту вынесения приговора издан акт амнистии, освобождающий от применения наказания, назначенного осужденному данным приговором; 2) если время нахождения подсудимого под стражей по данному уголовному делу с учетом правил зачета

наказания, установленных ст. 72 УК РФ, поглощает наказание, назначенное подсудимому судом.

Однако данный перечень не является исчерпывающим. К такому выводу приводит анализ некоторых уголовно-правовых норм, образующих институт освобождения от наказания. Так, ч. 2 ст. 81 УК РФ, предусматривает положение, согласно которому лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Вопрос об основаниях постановления обвинительного приговора без назначения наказания вовсе остается открытым. Закон таких оснований не называет. Каких-либо разъяснений в этой части мы не обнаружили и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

Анализ содержания главы 12 УК РФ «Освобождение от наказания» позволяет прийти к выводу о том, что одним из оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания является ст. 80.1 УК РФ, предусматривающая освобождение от наказания в связи с изменением обстановки.

Результаты исследования практики принятия судебных решений о применении ст. 80.1 УК РФ свидетельствуют о том, что указанный вид освобождения от наказания применяется достаточно широко. При этом следует отметить отсутствие единообразного подхода в формировании судебной практики по процессуальному оформлению данных решений.

Среди изученных нами судебных решений об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки наряду с обвинительными приговорами без назначения наказания присутствуют при-

говоры с назначением наказания и освобождением от его отбывания.

Кроме того, в практике применения ст. 80.1 УК РФ имеют место случаи оформления соответствующего решения постановлением суда. Так, судья районного суда г. Липецка по основаниям, предусмотренным ст. 80.1 УК РФ, освободил осужденного, отбывающего наказание в виде исправительных работ, от дальнейшего отбывания назначенного наказания оформив решение постановлением¹.

В некоторых случаях при вынесении постановления суды руководствовались ст. 239 УПК РФ (прекращение уголовного дела или уголовного преследования в ходе предварительного слушания) или ст. 254 УПК РФ (прекращение уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании). При этом в резолютивной части постановления речь шла именно о прекращении уголовного дела². Незаконность принятия данных решений в части определения их процессуальной формы очевидна, т.к. УПК РФ не предусматривает возможности прекращения уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 80.1 УК РФ.

Существование подобной практики обусловлено не только отсутствием подробной регламентации деятельности суда по постановлению рассматриваемых нами видов обвинительного приговора, но и неоднозначным решением данного вопроса в юридической литературе. Авторами высказываются различные, порой противоположные точки зрения относительно оснований постановления исследуемых видов приговоров. При этом в большинстве случаев занимаемая позиция по данному вопросу не аргументируется.

В связи с этим мы не можем согласиться с авторами, определяющими в

качестве процессуальной формы освобождения от наказания в связи с изменением обстановки обвинительный приговор с назначением наказания и последующим освобождением от его отбывания.

Во-первых, выделяя в качестве самостоятельных видов судебных актов приговоры с назначением наказания и освобождением от его отбывания и без назначения наказания, законодатель исходил из самой сущности института освобождения от наказания, которая заключается в том, что по основаниям, предусмотренным уголовным законом, лицо, совершившее преступление, может (а в некоторых случаях — должно) быть освобождено судом:

- а) от назначения наказания за совершенное преступление;
- б) от реального отбывания наказания, назначенного приговором суда;
- в) досрочно от дальнейшего отбывания частично отбытого осужденным к тому времени наказания, назначенного судом.

По мнению Л.В. Головки, обвинительный приговор без назначения наказания предполагает лишь констатацию виновности подсудимого в совершении преступления. В отличие от обвинительного приговора с освобождением от отбывания наказания суд здесь вовсе не переходит к вопросу о наказании, его виде, размере и т.д. В данном случае преступление остается не только без реального (в виде исполнения), но даже без формального наказания³.

Во-вторых, постановление приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания подразумевает наличие в материальном основании освобождения от наказания определенных правовых последствий ограничительного характера, наступающих для освобожденного лица. Статья 80.1 УК РФ является безусловным основанием освобождения

¹ Липецкий областной суд: материал №4.15-10/06.

² Октябрьский районный суд г. Красноярска: уголовное дело по обвинению гр-ки Белокрыловой С.В. и гр-ки Мельник Е.М.: постановление от 03.08.2010; Канский городской суд Красноярского края: постановление от 11.06.2014 № 1-283/2014; Мегино-Кангаласский районный суд Республики Саха (Якутия): постановление от 11.12.2013 № 1-130-13 1-130/2013.

³ Головки Л.В. Приговор и его постановление // Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 966.

от наказания и не содержит каких-либо последствий (например, установление испытательного срока, определение четкой линии правомерного поведения осужденного), не предполагает назначение наказания и возврат к этому вопросу, а также не предусматривает условий, при которых назначенное наказание подлежит исполнению. В противном случае содержание данной статьи было бы аналогично содержанию ч. 2 ст. 81 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от отбывания наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными» (*курсив наш. – А.М.*).

Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки не единственное основание постановления обвинительного приговора без назначения наказания. К такому выводу приводит анализ содержания ч. 1 ст. 92 УК РФ, и ч. 1 ст. 432 УПК РФ, регламентирующих основания и процессуальный порядок освобождения от наказания несовершеннолетнего подсудимого.

Исходя из вышесказанного, считаем необходимым внести в ст. 302 УПК РФ «Виды приговоров» соответствующие дополнения, которые в полной мере определяют основания постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания и обвинительного приговора без назначения наказания.

Непомнящих Л.А.

DOI 10.51980/2021_1_196

Адвокатская палата Иркутской области

К вопросу о проблемах обжалования промежуточных процессуальных решений (на примере решений об избрании мер пресечения) в условиях «новой» кассации

С принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ определения итогового и промежуточного решения были закреплены в уголовно-процессуальном законе. Согласно пп. 53.3. ст. 5 УПК РФ все определения и постановления суда, за исключением итоговых судебных решений, являются промежуточными.

Основанный на решениях Конституционного Суда РФ¹ и поддержанный Верховным Судом РФ подход законодателя к разграничению итоговых и промежуточных решений базируется на представлении (восприятии) уголовного судопроизводства как единого, целого и неделимого производства по уголовному делу, охватывающего всю уголовно-про-

цессуальную деятельность суда без остатка. В таком случае процессуальная деятельность уголовного суда сводится главным образом к рассмотрению и разрешению уголовного дела, а вся остальная деятельность суда воспринимается как побочная, второстепенная и подчиненная общей задаче – разрешению уголовно-правового конфликта. Как следствие – итоговые судебные решения связываются только с результатом рассмотрения по существу уголовного дела, а прочим решениям суда приписываются служебная роль и исключительно вспомогательное значение.

При этом в группу промежуточных решений законодателем включены абсолютно разноплановые по содержанию и

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каримова В.Ф. на нарушение его конституционных прав статьями 5, 125, 359, 391 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 286-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Е.А. на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 236, статьями 359, 391 и пунктом 9 части первой статьи 448 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 524-О // СПС КонсультантПлюс.

по функционально-целевому назначению виды судебных решений, причем из всех стадий уголовного процесса.

Вместе с тем, с чем соглашается автор, использование наименования «промежуточное» применительно к судебному решению некорректно, поскольку обозначенное этим термином решение воспринимается как неокончательное или неполное, в то время как уголовно-процессуальное право не знает института предварительных судебных решений и каждое решение, выносимое в ходе судебного производства, является окончательным в том смысле, что полностью разрешает тот или иной частный правовой вопрос на определенном этапе судебного рассмотрения дела¹. Все решения, которыми завершаются производства в судах, обладают всеми свойствами итоговых судебных решений наравне с итоговыми решениями суда первой инстанции по уголовному делу, существенно отличаясь от последних только содержанием разрешаемых ими правовых вопросов и сутью властных повелений суда, должны охватываться общим понятием².

Каждое финальное решение, которое разрешает по существу основной вопрос соответствующего судебного производства, может быть обжаловано в вышестоящие судебные инстанции независимо от состояния уголовного дела, вынесения и обжалования итогового решения по нему, поскольку по смыслу ч. 3 ст. 56 Конституции РФ право на судебную защиту относится к числу прав, которые не подлежат ограничению.

При решении вопроса о выделении из общей массы промежуточных решений, которые могут быть проверены вышестоящими судебными инстанциями до вынесения итогового решения по делу, т.е. подлежат безотлагательному обжа-

лованию, И.С. Дикарев отмечает следующее: «Сторонам уголовного судопроизводства должна обеспечиваться возможность безотлагательного обжалования тех определений и постановлений суда первой инстанции, последствия которых выходят за рамки уголовного процесса»³.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П признал, что отсроченный контроль за законностью и обоснованностью промежуточных судебных решений не является достаточной гарантией прав и свобод человека и гражданина и не может быть признан соответствующим положениям Конституции РФ в тех случаях, когда определения или постановления суда первой инстанции (в том числе об избрании или изменении меры пресечения) порождают последствия, выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности и причиняя им вред, восполнение которого в дальнейшем может оказаться неосуществимым. Судебная проверка таких определений и постановлений суда по жалобам участников судопроизводства, чьи права и свободы ими затрагиваются, должна обеспечиваться безотлагательно, до постановления приговора.

Исходя из позиции законодателя, отраженной в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26⁴, постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении срока ее действия отнесены к промежуточным решениям, подлежащим самостоятельному обжалованию.

Судебное решение о мере пресечения не может быть ошибочным и в силу принципа справедливости должно быть исправлено, поскольку право на обжа-

¹ Азаров В.А., Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. М., 2013. С. 73-75.

² Бурмагин С.В. Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 97-105.

³ Дикарев И.С. Особенности обжалования промежуточных судебных решений в уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 30-33.

⁴ О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

лование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) отнесено к принципам уголовного судопроизводства. Таким образом, в качестве гарантии конституционного права на свободу и личную неприкосновенность содержание лица под стражей осуществляется не просто на основании судебного решения, а при соблюдении условия о праве на безотлагательную проверку вышестоящим судом правомерности заключения под стражу и на освобождение, если содержание под стражей будет признано этим судом незаконным или необоснованным.

В условиях реформирования судебной системы и начала работы кассационных судов общей юрисдикции с 1 октября 2019 г. порядок рассмотрения вопросов о мере пресечения, относящихся к промежуточным решениям, не претерпел изменений и подлежит рассмотрению в порядке выборочной кассации. В то время как кассационное обжалование судебных решений по вопросу применения мер пресечения, принимаемых в ходе досудебного производства по уголовному делу, представляет собой одну из наиболее действенных гарантий охраны конституционных прав и свобод граждан. По сути, это продолжение защиты их прав и законных интересов, начатой в нижестоящих судах, однако в новых процессуальных условиях.

При этом на данной стадии обжалования судебных решений о мерах пресечения заинтересованные лица сталкиваются с рядом проблемных вопросов. Один из них связан со сроками кассационного производства при обжаловании промежуточных решений о мерах пресечения, поскольку на исправление судебных ошибок по вопросам мер пресечения может понадобиться достаточно продолжительный отрезок времени.

Помимо прочего, положительное рассмотрение вопроса о мере пресечения в суде кассационной инстанции может оказаться бесполезным и не достигнуть цели своевременного и эффективного восстановления нарушенного права ввиду того, что с истечением сроков досудебного производства решение о мере пресечения, являющееся промежуточ-

ным, может быть повторно рассмотрено только с итоговым решением суда. А его повторное обжалование в суде кассационной инстанции невозможно. Следовательно, решение суда кассационной инстанции становится неисполнимым и восстановление прав как цель обжалования не достигнуто.

Очевидно, что при кассационной проверке судебных решений о мере пресечения должны быть законодательно обеспечены сокращенные сроки рассмотрения данных вопросов, предусмотренные для всех судебных инстанций кроме кассационной. Право лица, в отношении которого применены меры уголовной репрессии, на разумные сроки должно быть закреплено законодательно. Также при законодательном закреплении изменений в процедуре подачи кассационной жалобы могут быть существенно сокращены сроки на изучение материалов дела по промежуточным судебным решениям. В качестве дополнительной гарантии соблюдения разумности сроков может быть законодательное предписание направления дела в суд кассационной инстанции в течение ограниченного времени с момента регистрации кассационной жалобы.

Еще одна проблема соблюдения прав лица, в отношении которого применяется мера пресечения, заключается в ограниченности прав кассационной инстанции на исследование доказательств и фактических обстоятельств дела, относящихся к вопросу о мере пресечения (ст. 401.13 УПК РФ). В таких условиях кассационный суд без непосредственного исследования материалов уголовного дела, относящихся к мере пресечения, учитывает только сведения о тяжести предъявленного обвинения, информацию о личности в узком смысле: анкетные данные и сведения о судимости, что наталкивает на мысль о том, что суд кассационной инстанции разрешает вопрос о мере пресечения лишь формально. Однако ревизионное начало на этом этапе проявляется в том, что деятельность судьи суда кассационной инстанции не должна исчерпываться проверкой исключительно доводов, содержащихся в кассационных жа-

лобе, представлении, а наряду с ними подлежат исследованию и материалы уголовного дела, которые при необходимости истребуют из соответствующего суда¹.

Таким образом, для суда кассационной инстанции необходимо предусмотреть полномочия при рассмотрении вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу, возможность выслушивания позиции лиц, участвующих в разбирательстве уголовного дела, иссле-

дования материалов уголовного дела, из которых следуют сведения об обстоятельствах, относящихся к мере пресечения.

На основании проведенного анализа становится очевидно, что останавливаться на достигнутом не следует, поскольку не все ресурсы ревизии в уголовном процессе исчерпаны, а значит, есть реальная возможность еще более повысить эффективность судебной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Баркалова Е.В.,

DOI 10.51980/2021_1_199

кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Актуальные вопросы заключения и исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве

Несмотря на 10-летнюю практику введения правового института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе, возникают определенные проблемы при его применении как на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, так и при рассмотрении судом уголовных дел в особом порядке. Следует разделить проблемные аспекты на 3 группы в зависимости от стадии уголовного судопроизводства и необходимости принятия определенного процессуального решения: 1) заключение так называемой «сделки с правосудием» при проведении расследования; 2) при принятии прокурором решения по поступившему уголовному делу перед его направлением в суд для рассмотрения; 3) при рассмотрении уголовного дела судом в особом порядке.

В первой ситуации при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурору необходимо оценивать значимость сотрудничества лица со следственными органами для расследования преступления, т.е. какие следственные и иные процессуальные действия будут проведены с его участием; какую информацию лицо сообщит следст-

венным органам, имеющую значение для уголовного дела, учитывая требования к содержанию соглашения, установленные ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, а также положения п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел». В соответствии с ч. 2 ст. 314 УПК РФ в случае, предусмотренном ч. 1 этой статьи суд вправе постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке, если удостоверится, что: 1) обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства; 2) ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником; 3) государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства. Соответственно, данные условия должны быть соблюдены и проверены прокурором и следователем при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Бланки необходимых процессуальных документов утверждены в приложениях к приказу Генерального прокурора РФ 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации

¹ Дикарев И.С. Ревизионное начало в суде кассационной инстанции // Законность. 2020. № 4. С. 53-55.

работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам».

Во второй ситуации при принятии решения прокурором по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением, помимо полноты пакета документов и соблюдения условий заключенного соглашения о сотрудничестве, необходимо обратить внимание на отсутствие оснований для перехода из особого порядка рассмотрения уголовного дела судом в общий, а также полноту и стабильность доказательственной базы по уголовному делу. К наиболее распространенным основаниям перехода из особого порядка рассмотрения уголовного дела судом в общий судебная практика относит:

1) непризнание или частичное признание обвиняемым своей вины в совершенном преступлении на любой стадии досудебного производства по уголовному делу. К данному основанию следует относить случаи первоначального отказа от дачи показаний при задержании подозреваемого или отрицание вины и выдвижение оправдательных версий относительно неправомерного характера совершенных действий, принадлежности орудий или предметов преступления (например, похищенного имущества в квартире у подозреваемого). В рассматриваемой ситуации первоначальные показания подозреваемого должны быть последовательно опровергнуты совокупностью собранных доказательств по уголовному делу, которые в дальнейшем будут исследованы судом;

2) отдельно следует выделить случаи согласия обвиняемого с предъявленным обвинением и отказа от дачи показаний, а также частичное забывание обстоятельств совершенного преступления, особенно ввиду употребления алкогольных напитков и по другим причинам. Например, обвиняемый при допросе сообщает, что помнит, что он наносил удары ножом потерпевшему, однако их количество и локализацию не помнит;

3) сложные правовые ситуации с точки зрения квалификации действий обвиняемого при отсутствии единства мнений следователя и прокурора, которые

могут как ухудшить, так и улучшить положение подсудимого. При этом необходимо обращать внимание на стабильность доказательств по уголовному делу, отсутствие оснований для признания их недопустимыми (ч. 3 ст. 88 УПК РФ);

4) сведения о наличии как у обвиняемого, так и потерпевшего психического расстройства, связанного в том числе с употреблением наркотических средств и психотропных веществ, вследствие чего могут появиться сомнения в добровольности и осознанности заявленного ходатайства и полученного согласия о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и рассмотрении уголовного дела в особом порядке;

5) неустранимые противоречия между доказательствами по уголовному делу на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, вследствие чего, несмотря на неисследование доказательств судом при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, появится такая необходимость ввиду невозможности установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. В частности, при наличии в материалах уголовного дела заключений экспертов, заключений специалистов, решений судов по рассматриваемой сумме ущерба, в которых различается его размер, и окончательную оценку невозможно сделать без проведения повторных или дополнительных экспертиз, суд обязан выйти из особого порядка рассмотрения уголовного дела в общий;

6) установление обстоятельств, на основании которых уголовное дело в отношении лица подлежит прекращению по ч. 2 ст. 28 УПК РФ и ч. 2 ст. 75 УК РФ.

В случае совершения лицом преступлений, предусмотренных ст. 222, 228 УК РФ, несмотря на соблюдение некоторых условий для решения вопроса о прекращении уголовного дела по указанному основанию, уголовное дело подлежит рассмотрению в общем порядке. Вопрос об освобождении таких лиц от уголовной ответственности решается, исходя из соблюдения требований примечаний к соответствующим статьям УК РФ.

Спрогнозировать возникновение одного из перечисленных оснований для перехода из особого порядка рассмо-

тения уголовного дела судом в общий необходимо прокурору еще до направления уголовного дела в суд во избежание неблагоприятной ситуации и предпринять меры к устранению возникшей проблемной ситуации, а не возлагать эту задачу на государственного обвинителя, возможности которого в большей степени ограничены, нежели при принятии процессуального решения прокурором по поступившему уголовному делу в порядке ст. 221 УПК РФ.

В третьей ситуации участникам процесса, и прежде всего государственному обвинителю, необходимо при изучении материалов уголовного дела при его поступлении в суд заявлять ходатайства о переходе в общий порядок рассмотрения уголовного дела, что предотвратит в дальнейшем отмену постановленного судом приговора в связи с нарушениями уголовно-процессуального законодательства. Согласно ч. 6 ст. 316 УК РФ при возражении подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного разбирательства либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

Вопрос о том, следует ли суду сначала рассматривать выделенное в отдельное производство, уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, или в

отношении других подсудимых, соучастников преступления, носит дискуссионный характер, но, как правило, решается в пользу второго варианта, поскольку в случае постановления приговора судом в отношении первого у лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, может отсутствовать в дальнейшем стимул изобличения других соучастников. На практике распространены ситуации, при которых такое лицо ссылается на забывчивость относительно обстоятельств преступного деяния, его показания носят противоречивый характер, в связи с чем возникают проблемы с постановлением приговора в отношении других подсудимых, особенно при наличии слабой доказательственной базой.

Прокурору необходимо оценивать как формально-юридические, так и содержательные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве на всех стадиях уголовного судопроизводства: наличие правовых оснований для заключения соглашения и рассмотрения в дальнейшем уголовного дела в особом порядке; надлежащее формулирование его условий, их значимость для расследования преступления и фактическое выполнение; отсутствие оснований для перехода к рассмотрению уголовного дела из особого в общий порядок; достаточность доказательственной базы для привлечения к уголовной ответственности всех соучастников, как по выделенному в отдельное производство уголовному делу, так и по остальным лицам.

Карлов А.Л.

DOI 10.51980/2021_1_201

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Математическая¹ и процессуальная конструкция досудебного соглашения о сотрудничестве

Авторы, рассматривающие досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе, по-разному определяют его природу и соотношение с

действующими правовыми институтами. Исследование данного вопроса привело нас к выводу, что большинство элементов конструкции досудебного соглаше-

¹ Выражаем благодарность доценту кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники СибЮИ МВД России к.т.н. П.В. Галушину за содействие в подготовке публикации.

ния существовали в уголовном процессе и ранее, по существу, законодатель механически «соединил» смягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «и» ч.1 ст. 61 УК РФ с особым порядком судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), причем, к сожалению, сделал это безальтернативно, без учета существенных негативных последствий такого решения. Разберем указанные элементы досудебного соглашения о сотрудничестве подробнее.

Первым из них является смягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, которое, на наш взгляд, является «телом» досудебного соглашения, именно в нем проявляется сущность рассматриваемого института. На это указывают:

во-первых, полностью совпадающие формулировки положений п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ и ст. 317.1, 317.5-317.7 УПК РФ в части содействия (активного содействия) следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления;

во-вторых – формулировка наименования ст. 62 УК – «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств», а в тексте данной статьи содержатся правила назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

в-третьих – прямое указание ч. 2 ст. 62 УК РФ, что при заключении досудебного соглашения снижение верхней границы санкции будет применено только при наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УПК РФ.

Вторым элементом досудебного соглашения выступает скрипто-конвенциональная форма¹ – предварительное письменное согласование, при котором сторона защиты заранее сообщает, каким образом готова активно способствовать рас-

крытию и расследованию преступления, а сторона обвинения подтверждает, что предложенный объем и качество содействия являются достаточными для применения данного смягчающего обстоятельства.

Именно этот элемент конструкции досудебного соглашения является новым для уголовно-процессуального закона. Через заключение соглашения сторона обвинения «направляет» содействие следствию, конкретизирует его качественные и количественные характеристики, за счет чего подозреваемый (обвиняемый) и его защитник понимают критерии оценки сотрудничества, а следователь и прокурор получают основания рассчитывать на таковое.

Третий элемент конструкции досудебного соглашения – особый порядок судебного разбирательства, однако его «присоединение» к институту досудебного соглашения нельзя признать оправданным решением.

В первую очередь стоит сказать, что особый порядок судебного заседания не обеспечивает должный уровень процессуальных гарантий справедливого правосудия, на что относительно недавно обратил внимание Верховный Суд РФ. В тексте пояснительной записки к законопроекту № 690652-7 говорится, что «обеспечить такие гарантии возможно только при рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства в условиях действия принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании»².

Рассмотрение дела с досудебным соглашением в особом порядке также делает необходимым его выделение в отдельное производство, что, в свою очередь, влечет проблемы, связанные с процессуальным статусом лица, заключившего соглашение, оценкой одних и тех же обстоятельств разными судьями и т.д. В этом ключе стоит поддержать утверждение А.В. Боярской об отсутствии

¹ Подр.: Карлов А.Л. Письменная (скрипто-конвенциональная) форма процессуального соглашения в уголовном процессе России: общие подходы и оригинальная интерпретация // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 4 (29). С. 98-102.

² Пояснительная записка к законопроекту №690652-7 : Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7> (дата обращения: 14.02.2021)

явной материально-правовой базы для применения особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве¹.

Конструкция досудебного соглашения о сотрудничестве, предполагающая «связку» смягчающего обстоятельства (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) подтверждается и математическими расчетами. Так, для активного способствования раскрытию и расследованию преступления как смягчающего обстоятельства и для особого порядка судебного разбирательства предусмотрены специальные правила назначения наказания, причем в обоих случаях — не более 2/3 от максимальной санкции, предусмотренной УК РФ. В ситуации, когда имеет место и признанное судом смягчающее обстоятельство (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и особый порядок разбирательства, Верховный Суд РФ указывает на необходимость применения совокупности указанных материально-правовой и процессуальной льгот, причем последовательно².

Таким образом, максимальное наказание за совершенное преступление в приведенной ситуации не может превышать 4/9 от первоначально установленного законом. Такая граница санкции практически точно соответствует правилам назначения наказания при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве (1/2 от максимального срока или размера наказания), что подтверждает обозначенные подходы. При заключении соглашения возможное наказание больше всего на 1/18, что, по нашему мнению, может быть обусловлено тяжестью совершенных преступлений либо просто необходимостью обеспечить удобство при проведении расчетов.

Вместе с тем практике известны случаи, когда особый порядок судебного

разбирательства, как чуждый элемент, препятствует реализации назначения досудебного соглашения, не позволяет обеспечить интересы доказывания, изблечить соучастников, препятствует установлению фактических обстоятельств дела. Например, обвиняемый готов оказать содействие следствию, выполнить все, что от него требуется, но на момент заключения соглашения (или после) не соглашается с предложенной следователем квалификацией его преступных действий или не признает некоторые эпизоды преступной деятельности. Перспектива особого порядка судебного разбирательства не позволяет в таком случае заключить досудебное соглашение и получить необходимое содействие.

Абсолютно очевидным видится предложение снять это «обременение», и если уж и допускать применение гл. 40 УПК РФ в рассматриваемых случаях, то позволить лицу самому определять — идти на особый порядок судебного разбирательства после сотрудничества или нет!?

Таким образом, мы получим несколько возможных вариантов:

1) активное способствование раскрытию и расследованию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) с оценкой содействия со стороны следствия по окончании расследования (не более 2/3 от максимально возможного наказания);

2) расширенный вариант активного способствования раскрытию и расследованию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) с предварительным согласованием его качественных и количественных характеристик (путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве) и правом обвиняемого после ознакомления с материалами уголовного дела ходатайствовать о его рассмотрении в особом порядке;

¹ Боярская А.В. Проблема материально-правовой обусловленности дифференциации уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 116.

² Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012) // СПС Консультант-Плюс.

2.1) в случае, если право на особый порядок судебного разбирательства реализовано – применяемое наказание не может превышать 1/2 от максимального наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ (как предусмотрено действующим законом);

2.2) в случае, если право на особый порядок не реализовано (имело место только предварительно согласованное активное содействие раскрытию и расследованию преступлений) – наказание не может превышать 7/12 от максимально возможного, что составляет

ровно середину между 2/3 и 1/2. Интересно отметить, что предложенную формулу расчета (7/12) очень удобно использовать при определении назначаемого наказания, так как в УК РФ сроки наказания в виде лишения свободы исчисляются преимущественно в годах (12 месяцев).

Признаем, что обозначенные подходы и предложения носят спорный характер, требуют дальнейшего научного анализа, в связи с чем рассчитываем на «обратную реакцию» и развитие дискуссии по обозначенным вопросам.

Комарова Е.А.,

DOI 10.51980/2021_1_204

кандидат юридических наук, доцент

Крымский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Симферополь)

Роль международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации в борьбе с преступностью

Появление новых глобальных угроз привело к объединению усилий всех государств для борьбы с ними. И это не только незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, оборот огнестрельного оружия, незаконный ввоз мигрантов, отмывание денег, но и многие другие общие проблемы. Укрепление институтов уголовного правосудия способствует укреплению сотрудничества между государствами, объединению усилий в борьбе с преступностью. Действенная система органов является эффективным инструментом в борьбе с преступностью.

В качестве одного из таких инструментов можно рассматривать сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью. Особое место в этой структуре отведено органам прокуратуры Российской Федерации.

В соответствии с федеральным законодательством органы прокуратуры Российской Федерации в пределах своей компетенции осуществляют прямые связи с соответствующими органами других государств и международными

организациями, сотрудничают с ними, заключают соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участвуют в разработке международных договоров Российской Федерации¹, все это является основными формами международного сотрудничества органов прокуратуры.

Основные направления международного сотрудничества и взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации с компетентными органами других стран в сферах обеспечения законности и правопорядка, прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступностью регламентируются международными договорами (как двусторонними, так и многосторонними), либо принципом взаимности, при отсутствии договорных отношений².

В качестве одного из основных многосторонних международных документов в сфере борьбы с преступностью можно указать Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. и протоколы, её

¹ О прокуратуре Российской Федерации Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020).

² Статья 469 УПК РФ.

дополняющие. Генеральная прокуратура Российской Федерации является центральным органом, ответственным за обеспечение реализации положений указанной Конвенции, касающихся взаимной правовой помощи по уголовно-правовым вопросам.

Кроме того, на практике эффективно применяются Европейская конвенция о выдаче 1957 г., Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., и Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.

Организационные основы и порядок международного сотрудничества органов прокуратуры с компетентными органами иностранных государств регламентируются правовыми актами Генерального прокурора Российской Федерации. Так, приказом от 3 июня 2020 г. № 297 «О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации» определено, что взаимодействие с органами, организациями и учреждениями иностранных государств и территорий (далее – компетентные органы иностранных государств), а также международными органами и организациями в качестве одного из приоритетных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации.

Помимо вышеназванного приказа в Генеральной прокуратуре Российской Федерации принят ряд организационно-распорядительных документов¹, имеющих непосредственное значение для деятельности прокуратуры в области взаимодействия с правоохранительными органами других государств. В данных документах регламентируется деятельность всей системы прокуратуры России по осуществлению сотрудничества, кон-

кретизируются положения международных договоров, определяются основные направления осуществления международного сотрудничества и необходимые мероприятия.

Генеральная прокуратура Российской Федерации принимает активное участие в мероприятиях по вопросам правового сотрудничества, проводимых по линии различных международных организаций и форумов, в частности Организации Объединенных Наций, СНГ, Совета Европы, «Группы восьми», Европейского союза, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Шанхайской организации сотрудничества, Совета государств Балтийского региона.

В рамках международных организаций происходит сотрудничество представителей органов прокуратуры различных государств путем обмена опытом, практикой проведения различных мероприятий. Контакты, установленные в рамках подобных встреч, способствуют более качественной подготовке конкретных запросов о выдаче и о правовой помощи по уголовным делам. Так, к 2020 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации было заключено 90 соглашений и иных договоренностей о сотрудничестве с зарубежными партнерами из 72 государств².

Кроме того, актуальность международного сотрудничества подтверждается включением в структуру УПК РФ самостоятельной части «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», нормы которой регулируют достаточно широкий круг отношений в указанной сфере, таких как оказание взаимной правовой помощи, осуществление уголовного преследования лица по просьбе иностранного государства, выдачу лица другому государству для привлечения к уголовной ответственности

¹ О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам : указание Генерального прокурора РФ от 16.01.2020 № 23/35; О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора : указание Генерального прокурора РФ от 05.03.2018 № 116/35; О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по передаче и принятию Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера : указание Генеральной прокуратуры РФ от 05.03.2018 г. № 120/35 // СПС Консультант Плюс.

² URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation>(дата обращения: 10.02.2021).

или исполнения приговора суда, передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, а также признание и принудительное исполнение приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем.

Таким образом, международное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации с соответствующими органами иностранных государств способствует пресечению роста преступности и способствует социально-экономическому, политическому и культурному развитию народов во всем мире.

Серова Е.Б.,

DOI 10.51980/2021_1_206

кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Некоторые вопросы оценки прокурором результатов оперативно-розыскной деятельности по делам о незаконном обороте наркотиков

Анализ статистических данных свидетельствует о стабильно высокой доле незаконного оборота наркотиков в структуре преступности. Так, в 2020 г. в стране были зарегистрированы 189,9 тыс. наркопреступлений, из них треть в крупном размере (64,0 тыс.), более половины (112,3 тыс.) составляет сбыт¹. При этом были выявлены 83,1 тыс. лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков, предварительно расследованы чуть менее 101 тыс. преступлений рассматриваемой группы. Более трети выявленных преступлений не раскрыты (79,8 тыс.)². Приведенные данные свидетельствуют, что проблема выявления, раскрытия и расследования незаконного оборота наркотиков требует постоянного внимания и изучения. В настоящее время в теории уже имеются многочисленные рекомендации, направленные на совершенствование предварительного расследования незаконного оборота наркотиков. Появляется все больше рекомендаций, адресованных надзирающему прокурору и государственному обвинителю. Вместе с тем нельзя не признать, что правоприменительная практика не всегда формируется однообразно, имеются различные

толкования правовых норм, правоприменителями допускаются разного рода ошибки и т.д. Одна из проблем доказывания по делам о преступлениях названной группы связана с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), без которых постановление обвинительного приговора представляется весьма иллюзорным.

Анализ судебно-следственной и прокурорско-надзорной практики, опрос следователей и прокуроров показывают, что использование в процессе доказывания сведений, полученных в ходе ОРД, является насущной потребностью практики. Как справедливо отмечает А.А. Ларинков, «в современных условиях ценность оперативно-розыскной информации возрастает в силу ее уникальности. Поскольку достаточно часто значимые для разрешения уголовного дела сведения могут быть получены только оперативным путем, именно законно полученная, надлежащим образом документированная и представленная оперативно-розыскная информация приобретает важное значение при формировании доказательств в ходе расследования и судебного рассмотрения

¹ URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 10.02.2021).

² URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.02.2021).

уголовных дел»¹. В полной мере данный тезис применим и к незаконному обороту наркотиков.

Формы использования результатов ОРД определены в ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, данная статья предусматривает, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. В то же время Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что они являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований указанного выше закона, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем².

Данные законоположения предполагают необходимость проверки прокурором, изучающим материалы уголовного дела, как соблюдения оперативными работниками требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственных нормативных актов, регламентирующих вопросы осуществления ОРД и представления ее результатов следователю (дознавателю), так и соблюдения следователем (дознавателем) требований УПК РФ в части придания полученным в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) сведений статуса доказательств.

Так, лица, осуществляющие предварительное расследование, не всегда надлежащим образом анализируют результаты ОРМ, не в полной мере учитывают их при планировании и проведении следственных действий, допускают нару-

шения требований закона в части формирования доказательств и др. Среди наиболее типичных ошибок оперативных работников можно назвать нарушение порядка проведения ОРМ (прежде всего проверочной закупки), проведение ОРМ с признаками провокации преступления, нарушения при предоставлении результатов ОРМ следователю (дознавателю) или в суд.

Названные ошибки являются типичными, а потому прокурор, изучающий уголовное дело, должен учитывать возможность их появления и стремиться выявить еще в ходе досудебного производства. В частности, он должен проверять, какое ОРМ было проведено, имелись ли для этого фактические и юридические основания, привлекались ли надлежащие лица, как были задокументированы полученные результаты, имеется ли постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД, о представлении результатов ОРД органу дознания или следователю и т.д.

При этом прокурор может столкнуться с определенными трудностями в оценке процедуры проведения ОРМ и оформления полученных результатов, обусловленными отсутствием единого нормативного регулирования всех вопросов, связанных с производством ОРМ. В качестве примера приведем документирование факта изъятия наркотических средств у лица, задержанного в связи с причастностью к незаконному обороту наркотиков. О данном факте составляется протокол личного досмотра субъекта (проведение личного обыска в данном случае, как правило, априори невозможно в связи с отсутствием надлежащих правовых оснований, в том числе в виде возбужденного уголовного дела). Возникает вопрос: какими нормативными актами должно руководствоваться лицо, осуществляющее личный досмотр.

¹ Ларинков А.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания государственным обвинителем : учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2007. С. 3.

² См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Непомнящего Александра Романовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью четвертой статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 № 2587-О // СПС КонсультантПлюс и др.

На наш взгляд, в случае выявления преступления и задержания лица с поличным в рамках ОРД необходимо руководствоваться в первую очередь Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, органы, осуществляющие ОРД, при производстве ОРМ вправе проводить изъятие документов, предметов, материалов и сообщений (ч. 1 ст. 15 закона). При производстве гласного ОРМ об изъятии предметов, документов и материалов должен быть составлен протокол, соответствующий требованиям уголовно-процессуального законодательства (ч. 2 ст. 15). Как отмечают отдельные авторы, форма протокола и порядок его составления должны быть такими же, как и при протоколировании следственного действия. Данная норма закрепляет в законе аналогию применения уголовно-процессуальных норм в оперативно-розыском праве¹.

Помимо этого необходимо руководствоваться требованиями Федерального закона от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах», п. 3 ст. 48 которого предусматривает право на производство досмотра граждан и условие допустимости такого досмотра – наличие достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пере-

сылка наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров².

Протокол, удостоверяющий факт проведения личного досмотра гражданина и изъятия наркотического средства, составляется в присутствии всех участвующих лиц, которые удостоверяют факт и результаты проводимого действия.

В то же время представляется ошибочной практика составления в данном случае протокола личного досмотра со ссылкой на ст. 27.7 КоАП РФ³. Названная норма регламентирует процедуру личного досмотра граждан в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения (ч. 1 ст. 27.7), а потому не подлежит применению в рассматриваемых нами случаях. На это неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ⁴. Доказательства, полученные в таком случае, прокурор должен признавать недопустимыми.

Предотвращению подобных разночтений и нарушения законодательства, на наш взгляд, будет способствовать изменение Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в части нормативного закрепления права и порядка проведения личного досмотра граждан в ходе ОРМ.

¹ Киселев А.П., Васильев О.А., Белянинова Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 11.02.2021).

² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахременко Петра Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и пунктом 3 статьи 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» : определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2192-О // СПС КонсультантПлюс.

³ На это обращает внимание, в частности, В.А. Гусев. См.: Гусев В.А. Проблемы осуществления личного досмотра граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 1. С. 21–24.

⁴ См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Порейчука Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и частью 3 статьи 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» : определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2782-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щипилина Виталия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и пунктом 3 статьи 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» : определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1516-О и др.

Чурикова А.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_209

кандидат юридических наук, доцент
Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Саратов)

Противодействие киберпреступности: роль прокурора (уголовно-процессуальный аспект)¹

Вопросы организации противодействия и профилактики киберпреступности являются в настоящее время одними из наиболее актуальных. Согласно только официальной статистике, приводимой Генеральной прокуратурой РФ, «массив преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, за последние 5 лет увеличился более чем в шесть раз с 43,8 тыс. преступлений в 2015 г. до 294,4 тыс. в 2019 г. По итогам первого полугодия 2020 г. их количество возросло почти на 92% (до 225,5 тыс.). Если годом ранее такими деяниями было каждое девятое регистрируемое преступление, то сегодня – это уже каждый пятый факт (22,3%)»². Рост киберпреступности сказывается на всех сферах жизнедеятельности общества и хозяйствующих субъектов по всему миру. Так, согласно данным международных исследований, ущерб от таких преступлений в мировом масштабе превысил 1 триллион долларов³.

Исследователи отмечают международный характер киберпреступности⁴, что обуславливает потребность активного международного сотрудничества при организации противодействия киберпреступлениям, а также при расследовании данных преступлений.

Согласно действующему законодательству, на Генеральную прокуратуру Российской Федерации возложены обязанности по осуществлению международного сотрудничества, в том числе и по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью (ст. 2 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

Кроме того, именно на прокуроров возложена координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). В вопросах борьбы с преступлениями, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий координация деятельности правоохранительных органов является особенно важным направлением, так как именно благодаря слаженной работе органов следствия, дознания и оперативных подразделений возможно своевременное выявление, пресечение, а также расследование и раскрытие данного вида преступлений.

С целью определения наиболее эффективных способов противодействия киберпреступлениям и роли в этом противодействии прокурора, считаем необходимым провести классификацию, имеющую значение для предотвращения данного вида преступлений. Анализируя

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887 «Правовая модель деятельности прокурора как основа стратегии реформы уголовного процесса».

² Состояние преступности в России за январь-июнь 2020 года / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. ГКДЖ https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf (дата обращения: 30.01.2021).

³ Глобальный ущерб от киберпреступности в 2020 году превысил 1 триллион долларов // Информационно-новостной портал. URL: https://evo-rus.com/avto/exluzive/globalnyj-ushherb-ot-kiberprestupnosti-v-2020-godu-prevysil-1-trillion-dollarov.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.01.2021).

⁴ См.: Желудков М.А., Попов А.М., Дубровина М.М. Особенности противодействия киберпреступности в России и зарубежных странах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (46). С. 97-102; Булай Ю.Г., Булай Р.И. Профилактика и противодействие киберпреступности, а также международным киберугрозам // Академическая мысль. 2017. № 1. С. 31-35 и т.д.

правоприменительную практику и научную литературу, мы приходим к выводу, что преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий можно разделить на две большие группы:

1) преступления, совершаемые лицами, обладающими специальными познаниями в области вычислительных технологий и программирования (кибератаки, преднамеренный вывод из строя информационной инфраструктуры и уничтожение баз данных путем использования специальных вредоносных программ и т.д.);

2) преступления, не требующие для их совершения специальных познаний в области информационных технологий и рассчитанные, как правило, на низкий уровень информированности и информационной грамотности населения (мошенничество, подлог, саботаж и т.д.).

Предлагаемая нами классификация имеет ключевое значение для выработки стратегии противодействия киберпреступности. Если для первой группы принципиально важным является проведение оперативных мероприятий с участием лиц, обладающих специальными познаниями в сфере ИТ-технологий, то для второй группы в противодействии на первое место выступает профилактическая работа с населением.

То есть для первой группы основным направлением деятельности прокурора в организации противодействия будет выступать координация деятельности правоохранительных органов. Для второй группы прокуроры должны организовать, в первую очередь, высокоэффективные профилактические мероприятия, направленные на повышение уровня информированности и информационной грамотности населения.

Кроме того, в организации противодействия киберпреступности немаловажным является своевременное и неукоснительное привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших данные преступления, что будет невозможным без организации должного уровня уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса.

Таким образом, роль прокурора в противодействии киберпреступности в первую очередь заключается в следующем:

1) координация деятельности правоохранительных органов по выявлению и расследованию киберпреступлений;

2) международное сотрудничество по расследованию киберпреступлений и организация взаимодействия на межгосударственном уровне по борьбе с киберпреступлениями;

3) организация мероприятий, направленных на профилактику киберпреступности и повышение уровня информированности и информационной грамотности населения;

4) организация и поддержание законного и обоснованного уголовного преследования лиц, совершивших киберпреступления.

Однако реализация данных направлений противодействия киберпреступности затруднена целым рядом несовершенств действующего уголовно-процессуального законодательства и нестабильностью правового положения прокурора в уголовном процессе.

С одной стороны, прокурор вытесняется из сферы досудебного производства: его лишили многих полномочий, позволявших ему вмешиваться в ход расследования, непосредственно направлять его, а также обеспечивать законность уголовного преследования, осуществляя надзорные полномочия. С другой – прокурор даже законодательно по-прежнему ключевая фигура досудебного производства: Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» возлагает на него координацию деятельности правоохранительных органов, уголовно-процессуальный закон по-прежнему выделяет его как основного субъекта осуществления уголовного преследования (ч. 1 ст. 21 УПК РФ), именно на прокурора возложено международное сотрудничество в уголовном процессе.

Такое правовое положение прокурора является противоречивым, нелогичным, а порою даже абсурдным. Разве возможно координировать деятельность правоохранительных органов по борьбе с

преступностью, не контролируя и не направляя ход расследования по уголовным делам? Разве возможно возглавлять уголовное преследование и нести за него ответственность, не осуществляя полноценного надзора за его законностью и обоснованностью не только в ходе дознания, но и в ходе предварительного следствия?

Такая законодательная непоследовательность и противоречивость породила удивительный факт: нормативное закрепление полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве и их фактическая реализация прокурором, выражающаяся в организации взаимодействия с иными компетентными участниками уголовного процесса, существенно различаются. Получается, что прокуроры, проводя координационные совещания, фактически дают указания о направлении хода расследования, что уголовно-процессуальным законом в отношении следствия сейчас не предусмотрено.

Ситуация с ограничением уголовно-процессуальных полномочий прокурора в отношении следствия при отсутствии существенной разницы между следствием и дознанием как формами расследования способствует тому, что деятельность прокурора в уголовном процессе и

его взаимодействие с органами следствия начинают осуществляться вне рамок правового поля, что, в свою очередь, существенно снижает эффективность организации противодействия киберпреступности, так как данные преступления в большинстве случаев расследуются в форме следствия.

Таким образом, мы видим, что прокурор играет значительную роль в противодействии киберпреступности, однако реализация им полномочий, направленных на организацию противодействия и профилактику данного вида преступлений, затруднена в силу существенных недостатков действующего уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим считаем необходимым изменить подход к нормативному закреплению модели деятельности прокурора в уголовном процессе. Правовая модель, закрепленная в законодательстве, должна быть построена с учетом правоприменительной практики и потребностей современного общества, то есть необходимо последовательное и логичное закрепление положения прокурора как организатора, руководителя и координатора уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса.

Секция
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Филатова В.А.,

DOI 10.51980/2021_1_212

кандидат юридических наук
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**Некоторые особенности выявления лабораторий по производству
наркотических средств и психотропных веществ**

В настоящее время отмечается общая тенденция – производители и переработчики наркотиков стремятся использовать последние достижения прогресса, применять новые технологии для того, чтобы минимизировать накладные расходы и таким образом снизить цену «готового продукта», чтобы сделать его еще доступнее более широкому кругу покупателей.

Созданию подпольных лабораторий по изготовлению наркотических средств или психотропных веществ способствуют определённые факторы:

- стремление преступников к созданию новых наркотических средств, которые бы оказывали на организм человека более сильное воздействие по сравнению с ранее известными и не были бы включены в списки наркотических средств и психотропных веществ, подвергающихся государственному контролю;

- большая безопасность при изготовлении наркотических средств в закрытом помещении;

- большая доступность приобретения химических веществ, которые необходимы при синтезе наркотических средств;

- конкуренция между изготовителями в попытках создания эффективных и недорогих наркотических средств и психотропных веществ;

- функционирование в крупных населенных учебных заведений химического профиля, в которых осуществляется подготовка химиков, фармакологов; а также научно-исследовательских институтов,

осуществляющих химическую деятельность¹.

Эти соображения, наряду со стремлением производителей наркотиков снизить риск потери «товара» во время его транспортировки наркокурьерами либо утраты места производства вследствие выявления органами внутренних дел², привели к тому, что вместо нескольких крупных подпольных лабораторий по производству либо переработке наркотических средств или психотропных веществ стали создаваться множество мелких, «разбросанных» по разным населенным пунктам.

Следует отметить, что какого-либо единого универсального критерия, однозначно свидетельствующего о том, что на территории начала функционировать подпольная нарколаборатория, практически нет. Так, лишь отдельные места изготовления требуют поддержания постоянной температуры и давления, поскольку при синтезе только некоторые вещества способны к детонации, разложению со взрывом, чувствительны к термическому или механическому воздействию при повышенных температуре и давлении. Кроме того, подпольная лаборатория может и не иметь постоянного источника электроснабжения и чистой воды. Электричеством (посредством временного проведения съемных проводов) и водой (по шлангам или трубам) подпольная лаборатория может снабжаться только во время прохождения процесса изготовления наркотического средства, а

¹ Карнаухов С. С. Анализ элементов современного наркобизнеса как угрозы безопасности Российского государства // Наркоконтроль. 2010. № 1.

² Далее – ОВД.

основной источник электроэнергии и воды может находиться за ее пределами.

Местоположение их тоже может быть самым разнообразным – подпольные лаборатории могут размещаться в фермерских хозяйствах, в городских жилых домах, в помещениях коммерческих предприятий, в гаражах, сараях и т.п.

Оборудование подпольных лабораторий также может быть разным: от примитивного до самого совершенного. Работать в них могут специалисты разного уровня – от высококвалифицированных химиков и биохимиков до непрофессионалов.

Кроме технического и кадрового оснащения, мощность лаборатории, производящей наркотические средства, может также различаться в зависимости от определённых факторов:

- вид наркотического средства и методики его синтеза;
- чистота и объёмы производимого наркотического средства;
- своевременность обеспечения и количественный состав используемых химических веществ;
- современность и надёжность оборудования, предназначенного для проведения химических реакций;
- продолжительность функционирования и затраты воды, электроэнергии¹.

Поэтому к однозначному выводу ОВД о создании и функционировании на территории их юрисдикции нелегальной нарколаборатории может привести лишь оценка совокупности признаков.

Первым из них, безусловно, следует признать появление на местном наркомаркете нового наркотического вещества или психотропного средства, принципиально отличающегося от ранее встречавшихся химическим составом или способом упаковки.

Это обстоятельство, разумеется, не следует воспринимать в качестве фактора, однозначно свидетельствующего о возникновении нелегальной лаборатории, поскольку объяснение может быть более простым – местные наркоторговцы могли закупить «новый товар» в другом

регионе. Однако регулярность появления «новинки» уже может быть воспринята в качестве весьма тревожного обстоятельства, обуславливающего необходимость выявления и ликвидации новой «точки производства».

Поисковую деятельность в данном случае оптимально производить по двум направлениям, которые обусловлены имевшей место ранее подготовительной деятельностью преступников по созданию такой лаборатории – ее интеллектуальное и техническое оснащение.

В первую очередь необходимо проверить по возможности все случаи приобретения реактивов и специального химического оборудования, обычно применяющихся для синтеза наркотических средств и психотропных веществ. Химические вещества преступники могут приобретать на складах химреактивов, в коммерческих структурах города, в специализированных магазинах, на предприятиях, производящих и использующих химреактивы, в учебных заведениях, аптеках и по месту работы.

Особое внимание нужно обратить на случаи:

- приобретения химических веществ или спецоборудования якобы для производственных целей учреждения, организации новыми закупщиками;
- приобретения исходных веществ, необходимых для синтеза наркотических средств, и прекурсоров по подложным документам;
- объяснения приобретения специализированных химических веществ бытовыми нуждами.

При кажущейся масштабности, трудоемкости и бесперспективности таких поисков они могут достаточно быстро дать результат. Объясняется это тем, что такие приборы и вещества являются узкоспециализированным товаром, что обуславливает незначительное количество распространителей подобной продукции, имеющих к тому же устоявшуюся клиентуру; поэтому любой новый покупатель, особенно приобретающий в значительных объемах, сразу заметен.

¹ Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика : учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2009.

Не следует сбрасывать со счетов и случаи выявления недостатков химических средств при инвентаризации на складе химических производств, аптечных складах, аптеках, химических лабораториях научно-исследовательских и других учреждений, химических факультетах учебных заведений.

Получение сведений о закупках химреактивов и специального оборудования ранее не знакомыми продавцам покупателями, имевших место незадолго до появления на наркорынке нового «продукта», является, по нашему мнению, достаточным основанием предположить, что в зоне юрисдикции начала функционировать подпольная лаборатория по производству наркотических средств или психотропных веществ.

В процессе поиска и обнаружения самого места размещения подпольной лаборатории сотрудникам ОВД необходимо заострять внимание на следующих случаях:

1) подведение водопровода, канализации в нежилые помещения и хозяйственные постройки, обустройство в них вентиляции;

2) неоднократное обнаружение на мусорках и свалках осколков битой посуды, содержащих следы химических веществ – основных и побочных продуктов стадии синтеза и очистки наркотических;

3) обнаружение там же обрывков записей с описанием методики синтеза наркотического средства, химическими формулами стадий процесса изготовления, с указанием количеств выхода наркотического средства и точного веса химических реактивов, и иных записей, по которым можно судить о фактах изготовления и сбыта наркотических средств;

4) периодическое появление в жилых и производственных районах не

свойственного специфического запаха, едких испарений.

В случае найма квартиры или другого помещения для размещения там подпольной лаборатории, отыскать ее поможет выяснение следующих обстоятельств:

– представление преступников в качестве профессионалов-химиков и объяснение причины завоза химического оборудования потребностями сверхурочной исследовательской работы с ненаркотическими веществами на дому; при этом использование ими нанимаемых квартир не для проживания, а только для синтеза наркотиков с целью избежать собственного отравления;

– острый химический запах, исходящий от этих «квартирантов»;

– хранение ими химреактива (его полупродукта), обычно используемого для производства наркотического средства или психотропного вещества, в емкостях, которые снабжаются этикетками иных веществ, растворов;

– лишение возможности для собственников жилья появляться в арендуемом преступниками жилье;

– периодическое перемещение химического оборудования из одного помещения в другое;

– незамедлительное освобождение арендуемых помещений (нередко до истечения оговоренного срока найма), используемых в качестве подпольной лаборатории, после изготовления наркотического средства или его полупродукта.

Таковы, на наш взгляд, основные положения методики выявления типичных следов функционирования подпольных лабораторий по производству либо переработке наркотических средств и психотропных веществ.

Особенности криминалистической характеристики незаконного лабораторного наркопроизводства

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России «О результатах деятельности МВД России за 2018 год» 28 февраля 2019 г., Президент РФ В.В. Путин отметил, что принимаемых в борьбе с противоправным распространением наркотических средств и психотропных веществ мер явно не достаточно для эффективной работы, в связи с чем необходимо предпринимать дополнительные меры. Так, необходимо активно выявлять организованные преступные группы, осуществляющие ввоз наркотиков из-за границы и их производство внутри нашей страны, пресекать деятельность лиц, распространяющих наркотики.¹

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации² деятельность организованных преступных групп, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ указана в числе основных угроз государственной и общественной безопасности России. Данная проблематика находит отражение и в утвержденной Президентом России Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года³. Среди угроз национальной безопасности в сфере оборота наркотиков в среднесрочной и долгосрочной перспективе этим программным документом определены деятельность организованных преступных групп (в том числе транснациональных), связанная с незаконным оборотом наркотиков, и расширение глобального рынка вследствие появления их новых видов, увеличения объемов неза-

конного наркопроизводства на территории Российской Федерации.

Так, удельный вес мест изготовления наркотиков амфетаминовой группы в общем числе выявленных мест наркопроизводства имеет тенденцию роста (2016 г. – 1,8%; 2017 г. – 2,7%; 2018 г. – 2,1%; 2019 г. – 6,2%; 6 мес. 2020 г. – 7,0%); увеличивается и масса изымаемых из лабораторий психоактивных веществ (2016 г. – 723,7 кг; 2017 г. – 2295,96 кг; 2018 г. – 2082,66 кг; 2019 г. – 2134,6 кг; 6 мес. 2020 г. – 4809,62 кг). Именно по этим причинам рост числа нарколабораторий на территории нашей страны в долгосрочной перспективе оценивается как угроза национальной безопасности. Для транснациональной организованной преступности, получающей огромные прибыли от незаконного производства наркотиков, а годовой оборот наркобизнеса в нашей стране, по экспертным оценкам, превышает 3 млрд долларов, Россия – выгодная территория для осуществления противоправных замыслов⁴.

Следовательно, с учетом высказанных Президентом России замечаний, противодействие деятельности организованных преступных групп (сообществ), создающих нарколаборатории, является одной из приоритетных задач органов внутренних дел. Повышение эффективности правоохранительной деятельности на этом направлении возможно путем разработки и применения криминалистических технологий, позволяющих на основе современных научных знаний осуществлять комплекс мер, направленных

¹ Путин призвал к дополнительным мерам для противодействия обороту наркотиков // РИА Новости. URL <https://ria.ru/20190228/1551444685.html> / (дата обращения: 02.02.2021).

² Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. : Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

³ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года : Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

⁴ См.: Наркомания и незаконный оборот наркотиков. Вопросы теории и практики противодействия : учебное пособие / под ред. Ю.М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана. 2006. С.7.

на профилактику лабораторного наркопроизводства, пресечение и расследование преступлений, розыск и задержание их соучастников¹.

Во многом этому может способствовать создание научной криминалистической базовой «модели» незаконной нарколаборатории на основе её криминалистической характеристики. Отличительными чертами подобной лаборатории является сложность её устройства: оснащение комплексом специального оборудования, построение химико-технологических цепей и подбор разнообразных специфических реактивов, предназначенных для целенаправленного производства психоактивных веществ и их прекурсоров. В зависимости от её типа участниками незаконного синтеза осуществляется больший или меньший объем работ по её обустройству и оснащению. Для создания лаборатории в помещениях могут быть проведены ремонтные работы, оборудована вытяжная вентиляция, установлена специальная техника и приборы, лабораторная посуда. Кроме предметов специфического назначения в лаборатории могут быть приспособлены обычные предметы бытового обихода. Так, химические воронки могут быть заменены пластиковыми бутылками, некоторые реакторы – скороварками с газоотводом, приборы для разделения кипящих жидкостей и отгонки, вата и марля могут быть изготовлены самодельно. Продукты промежуточных реакций и лабораторные отбросы могут сливаться в единую емкость и утилизироваться. Продукты промежуточных реакций в зависимости от сложности химической технологии и квалификации соучастников могут быть использованы в дальнейшем синтезе или выбрасываться. Удаление образующихся газов может осуществляться через вентиляцию, сбрасываться в атмосферу.

Автор считает с научной точки зрения корректным определить незаконную нарколабораторию как специально обу-

строенное законспирированное помещение, его часть, участок местности, где с использованием промышленных или самодельных посуды, реактивов и оборудования осуществляется неправомерный химико-технологический процесс, включающий одно- или многостадийное проведение химических реакций, перегонку, очистку от примесей, переработку, экстрагирование либо иное повышение концентрации действующих веществ, направленный на изготовление (синтез, получение) из химических соединений (либо из природного сырья или материалов) психоактивных веществ либо их прекурсоров².

На основе фактических данных, полученных в результате анализа материалов уголовных дел, возбужденных ФСКН России и МВД России в период с 2003 г. по настоящее время, может быть выведена классификация лабораторий, в которых изготавливаются и производятся психоактивные вещества, по основанию сложности их обустройства. Совокупность классификационных криминалистических характеристик (элементов) представляется следующей:

- 1) условное наименование, отражающее её классификационный тип;
- 2) круг синтезируемых наркотиков и иных психоактивных веществ;
- 3) тип помещения (участка местности), где создана лаборатория;
- 4) объем работ, произведенных для создания лаборатории;
- 5) возможность ведения в лаборатории сложного и многостадийного синтеза (в том числе по технологии «one pot»);
- 6) сведения о снабжении лаборатории прекурсорами, реактивами, посудой и расходными материалами, в том числе необходимыми для упаковки и фасовки продукции;
- 7) сведения о лабораторной посуде, технологических приборах и вспомогательном оборудовании промышленного либо самодельного изготовления;
- 8) сведения о способах и путях утилизации органических сливов;

¹ Подр.: Кузовлев В.Ю. К вопросу об установлении экспертным путем обстоятельств изготовления и производства психоактивных веществ // Эксперт-криминалист. 2020. № 3. С. 8-10.

² Подр.: Кузовлев В.Ю. Незаконная нарколаборатория как уголовно-правовая категория // Вестник ВИПК МВД России. 2020. № 4(56). С. 26-37.

9) степень чистоты изготовленной наркопродукции;

10) использование технологических этапов переработки наркотиков и их прекурсоров;

11) сведения о фасовке продукции;

12) наличие факторов демаскировки нарколаборатории;

13) сведения об уровне профессиональных химических знаний непосредственных участников синтеза;

14) сведения об организаторах нарколаборатории;

15) сведения о других соучастниках функционирования нарколаборатории (охранниках, водителях, IT-специалистах и т.п.);

16) направления поставок готовой продукции (дальнейший оборот);

17) сведения о покупателях наркопродукции;

18) сведения о легальном прикрытии и финансово-хозяйственной деятельности;

19) сведения о коррупционных связях организаторов лаборатории;

20) сведения о степени экологической и техногенной опасности нарколаборатории.

Исходя из категорий криминалистической характеристики выявляемых нарколабораторий, их систематическая классификация представляется следующей: «конструкторские», «кухонные», «дизайнерских наркотиков», «производ-

ственные», «научно-исследовательские» (расположены по степени увеличения опасности). Подобное таксонометрическое деление (типизация) позволяет определить степень общественной опасности такого места производства (изготовления) наркотиков в каждом конкретном случае.

Некоторыми авторами¹ выделяются в отдельную категорию мобильные (передвижные) нарколаборатории, обустроенные на автомобильных либо водных транспортных средствах. Подобные лаборатории монтируются на базе передвижной техники из доступных преступникам лабораторных компонентов и оборудования. На наш взгляд, данный тип может быть реализован как разновидность лабораторий низкого уровня — «конструкторских» или «кухонных».

Знание типа нарколаборатории позволяет повысить уровень безопасности при проведении мероприятий по документированию деятельности её организаторов и соучастников, раскрытию наркопреступления и захвату места производства наркотиков, а также проведению неотложных и первоначальных следственных действий. Поэтому каждое подобное мероприятие должно быть тщательно спланировано, а тактика его проведения должна предполагать использование современных научных криминалистических технологий.

Мельников Е.Б.,

DOI 10.51980/2021_1_217

кандидат химических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Экспертные ситуации в идентификационных исследованиях наркотических средств и психотропных веществ

Идентификационные исследования наркотических средств имеют большое практическое значение при расследовании преступлений, связанных с изготовлением, производством, переработкой и

сбытом наркотических средств (НС) и психотропных веществ (ПВ).

Экспертные ситуации, складывающиеся в рамках расследования конкретного уголовного дела, обычно сводятся к нескольким группам задач. Ранее, они

¹ См.: Репин А.В., Попельницкий Е.В. Некоторые аспекты тактики и технологии осмотра, фиксации и изъятия объектов в нарколабораториях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 67-74.

были выделены В.С. Митричевым и В.Н. Хрусталевым¹ в качестве основных вариантов решения задач материаловедческой идентификации в зависимости от природы возникающего комплекса признаков. Одной из них является отождествление конкретного элемента вещной обстановки с индивидуально образованной материальной субстанцией, идентификационные признаки которой неразрывно связаны с обстоятельствами ее возникновения. В этом случае объектами исследования в рамках рассматриваемого вида экспертного исследования может становиться широкий круг объектов, отображающих субстанциональные свойства конкретной массы наркотического средства или психотропного вещества. Такими объектами могут выступать пустые упаковки, технологические емкости и тара, части одежды, находившиеся в контактном взаимодействии с НС и ПВ и прочее. Определяющим фактором в данном случае становится отображение субстанциональных признаков конкретной массы вещества на объекте-носителе, связанных с конкретными обстоятельствами возникновения этого объекта как элемента вещной обстановки. В отдельных случаях это может проявляться в необходимости отождествления массы НС и ПВ, возникшей в результате изготовления определенного количества гашиша или героина, разового создания массы синтетического наркотического средства в конкретном месте и условиях, связанных с применением конкретных количеств прекурсоров, вспомогательных веществ или оборудования.

Другая разновидность решения идентификационной задачи – по признакам, связанными с условиями существования отдельной массы НС и ПВ как некоего целого. В данном случае формирование комплекса идентификационных признаков происходит под влиянием взаимосвязанных внешних и внутренних факторов. Примером формирования такого комплекса признаков может служить иссле-

дование разделенных масс героина, когда каждая из частей хранилась в различных условиях. Одна, например, в обычных условиях, при комнатной температуре, а другая – за радиатором отопления при повышенной. Изменения субстанциональных свойств объекта во втором случае будут настолько значительными, что рассматривать их как части разделенной массы не приходится, несмотря на общность источника происхождения. При этом каждую из этих масс необходимо рассматривать как отдельный элемент вещной обстановки с уникальным комплексом идентификационных признаков.

Третьей разновидностью решения идентификационных задач, которая в настоящее время наиболее часто встречается в экспертной практике, является задача отождествления разделенных масс НС и ПВ в ситуации неопределения объекта идентификации как элемента вещной обстановки, то есть неизвестности суммативного целого. Особая актуальность этой задачи связана с тем, что значительную долю в структуре современной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, занимает их незаконный сбыт с использованием интернет-магазинов. В последнее годы зафиксированы многочисленные случаи сбыта на территории России наркотических средств синтетических наркотических средств N-метилэфедринового ряда и синтетических каннабиноидов с использованием мобильных приложений. В данном случае способ совершения преступления накладывает специфику на природу объектов идентификации. Большое количество изымаемых в ходе осмотров мест происшествий «закладок» НС и ПВ, представляющих собой в контексте решения экспертной задачи части неопределенного суммативного целого, обладают комплексом индивидуализирующих его признаков. Вместе с тем решение задачи отождествления в данном случае сопряжено с решением ряда проблем, о которых нами сообщалось ранее.² Было показано, что решение

¹ Митричев В.С., Хрусталев В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них. СПб.: Питер, 2003. С. 69-76.

² Подр.: Мельников Е.Б., Фоменко Е.Ю. Вопросы производства идентификационных исследований по отождествлению разделенных масс или установлению общего источника происхождения наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 71-78.

вопросов отождествления для современных синтетических НС и ПВ, составляющих значительную долю в незаконном обороте, решение задач идентификации не представляется возможным, а процесс их исследования завершается решением диагностических вопросов и в редких случаях — определением общего источника происхождения.

Таким образом, природа возникающего комплекса признаков объектов

идентификации в экспертизе НС и ПВ играет определяющую роль в успешности отождествления объектов исследования. При этом установление комплекса признаков осложняется специфическими свойствами объектов, которым характерна многоуровневость свойств, выражающаяся во фракционном, молекулярном и микроэлементном составе и полном или частичном отсутствии морфологических признаков.

Карпенко Ю.А.

DOI 10.51980/2021_1_219

ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю

Роль специалиста при назначении судебной экспертизы наркотических средств

Незаконный оборот наркотических средств, как правило, характеризуется высокой динамичностью осуществления преступных операций и конспиративностью. Правоохранительным органам для оперативного и качественного раскрытия и расследования незаконного оборота наркотических средств необходимо не только соответствовать уровню развития преступной деятельности, но и опережать его, используя последние достижения науки и техники, которые также невозможны без применения института судебно-экспертной деятельности.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» для определения вида наркотического средства, его размеров, названия и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, требуются специальные знания, поэтому суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов. Таким образом, при раскрытии и расследовании незаконного оборота наркотических средств значение имеет заключение эксперта, которое является «отправной

точкой» как для возбуждения уголовного дела, так и для отказа в таковом.

Экспертиза наркотических средств производится в срок, установленный руководителем государственного судебно-экспертного учреждения, который может быть продлен, исходя из количества исследуемых объектов, цели исследования, комплекса применяемых методик и их сложности, возможностей аналитического оборудования, а также от количества имеющихся в производстве у эксперта других экспертиз. Также стоит отметить, что срок производства экспертизы может быть приостановлен при несоответствии представленных объектов их перечню, при недостаточности предоставленных материалов для решения поставленных вопросов, а также при отсутствии разрешения на применение разрушающих методов при проведении экспертизы¹.

Возможность проведения судебной экспертизы наркотических средств и исключение случаев ее приостановления могут быть определены уже на этапе назначения экспертизы с помощью специальных знаний в данной области, что важно, когда сроки раскрытия и расследования преступления ограничены, например при проверке сообщения о преступлении.

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29.06.2005 № 511.

Специальными знаниями являются знания, которые приобретаются в результате практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системе теоретических знаний в соответствующей области¹.

Субъектами использования специальных знаний являются следователь, дознаватель, оперативный сотрудник, прокурор, судья, эксперт, специалист, а также иные лица, обладающие специальными знаниями, но не наделенные процессуальными правами специалиста или эксперта.

Следователь, дознаватель, оперативный сотрудник, как правило, не имеют полного представления о возможностях судебных экспертиз, поэтому так важно консультироваться со специалистом, которой может помочь в определении вида экспертизы, кандидатуры эксперта, места проведения, а также правильно сформулировать вопросы, выносимые на разрешение экспертизы, и указать на вопросы, которые невозможно разрешить с помощью проведения экспертизы².

Остановимся на роли специалиста при назначении судебной экспертизы наркотических средств, когда в соответствии со ст. 58 УПК РФ, его привлекают для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Рассмотрим роль специалиста при наиболее важных вопросах, возникающих при назначении экспертизы наркотических средств.

1. Определение рода (вида) назначаемой судебной экспертизы. При назначении экспертизы в экспертно-криминалистические подразделения МВД России (далее – ЭКП МВД России) чаще всего в постановлении о назначении экспертизы неправильно определен род (вид) судебной экспертизы (например, указывается химическая судебная экспертиза). Приказами МВД России от 9 января 2013 г. № 2 «Вопросы определения уровня про-

фессиональной подготовки экспертов в системе МВД России» и от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» установлен перечень родов (видов) судебных экспертиз, в соответствии с которыми экспертиза наркотических средств имеет название «Экспертиза материалов, веществ и изделий (физико-химическая): исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ».

Также стоит отметить роль специалиста при назначении экспертизы в отношении исследования растений, содержащих наркотические средства, или их частей. Специалист окажет помощь при правильном установлении рода (вида) экспертизы (например, ботанической или экспертизы наркотических средств), а также постановке вопросов на разрешение эксперта при расследовании незаконного культивирования или хранения растений, содержащих наркотические средства (при хранении необходимо ставить дополнительный вопрос о массе).

2. Отсутствие в постановлении о назначении экспертизы разрешения на частичное либо полное уничтожение объекта исследования, а также на изменение его основных свойств. Без данного разрешения, в соответствии с п.4 ст. 57 УПК РФ эксперт не имеет права проводить исследования, которые могут повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств. Это также необходимо для возможности проведения экспертизы, поскольку для установления состава вещества необходимо его частичное или полное уничтожение в процессе исследования, а также видоизменение. Так, при исследовании наркотического средства каннабис (марижуана) невозможно его установить, не израсходовав часть вещества на применение

¹ Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 383.

² Лазарева Л.В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: идеи и новые законодательные реалии // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1. С. 208.

мые методы исследования, а при определении массы вещества путем высушивания происходит изменение его внешнего вида и свойств.

3. Правильно поставленные вопросы на разрешение экспертизы. Стандартные вопросы при назначении судебной экспертизы наркотических средств: «Является ли представленное на исследование вещество наркотическим средством? Если да, то, каким именно и какова его масса?». Однако, исходя из экспертной практики, эксперты ЭКП МВД России отвечают на данный вопрос только в отношении наркотических средств растительного происхождения, признавая их наркотическими средствами (например, каннабис (марижуана), маковая солома, масло каннабиса (гашишное масло) и др.). При исследовании синтетических наркотических средств, входящих в список I Перечня наркотических средств, эксперты в соответствии с рекомендациями ЭКЦ МВД России дают вывод только о содержании в нем наркотического средства: «исследуемое вещество содержит в своем составе наркотическое средство..., включенное в список I Перечня наркотических средств...», тем самым не отвечая четко на поставленный вопрос. Для исключения практики неточного ответа эксперта на поставленный вопрос, исходя из установленных экспертных рекомендаций, инициатору необходимо ставить вопрос, соответствующий назначаемым объектам, привлекая для этого специалиста.

В соответствии с п. 3 ст. 57 УПК РФ эксперт имеет право дать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования. Однако в практической деятельности эксперт чаще всего не использует экспертную инициативу и отвечает только на поставленные вопросы по принципу «какой вопрос, такой ответ», оставляя без внимания или исключая иные объекты из исследования, которые могут иметь значение для дела и по которым не были поставлены вопросы. Для исключения данной проблемы также необходима кон-

сультация со специалистом для постановки правильных вопросов, касающихся всех объектов.

Также стоит отметить, что специалист укажет на неправильно поставленный вопрос относительно установления первоначальной массы вещества, исходя из того, что эксперт определяет массу вещества на момент исследования, а также что установление первоначальной массы не требует специальных знаний в области исследования наркотических средств.

4. Возможность проведения сравнительной экспертизы. При назначении сравнительной судебной экспертизы возникает вопрос о возможности сравнения данных наркотических средств, а также достаточности массы для проведения экспертизы. Для оперативного решения данного вопроса необходима помощь специалиста (консультация, допрос), в результате которой будет установлена возможность проведения экспертизы, так как не все наркотические средства можно сравнить, а если и можно, то есть ограничения по массе вещества. Специалист поможет правильно поставить вопросы, а допрос специалиста позволит существенно сократить сроки расследования преступления, исключив назначение судебной экспертизы, которую невозможно будет провести.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что роль специалиста имеет значение при назначении судебной экспертизы, начиная от сокращения сроков производства экспертизы и заканчивая возможностью, необходимостью и результатами экспертизы наркотических средств. Таким образом, при назначении судебной экспертизы следователю или органу дознания необходимо обращаться к специалисту, в качестве которого может выступать сотрудник ЭКП МВД России, специализирующийся на проведении исследований наркотических средств, как в виде устных консультаций для правильной постановке вопросов, разъяснения возможности проведения экспертизы и ее необходимости, так и в виде допроса, что позволит оперативно, качественно и полно раскрывать и расследовать незаконный оборот наркотических средств.

Горбунова Е.Ю.

DOI 10.51980/2021_1_222

ЭКЦ УМВД России по Мурманской области

Экспертное сопровождение раскрытия и расследования сбыта наркотических средств бесконтактным способом

Интернет стал удобным, благоприятным и доступным местом коммуникации, где можно легко обмениваться информацией, в том числе в целях совершения преступлений, в связи с чем количество преступлений, так или иначе связанных с использованием СВТ¹ и информационных технологий растет год от года, они становятся все более изощренными и масштабными. Так, около десяти лет назад стали формировать новые криминальные способы совершения преступлений, в частности появился бесконтактный сбыт подконтрольных веществ, его используют как организованные группы, так и отдельные преступные элементы. Такой способ сбыта характерен как для России, так и для многих стран международного сообщества, зачастую носит групповой характер.

Анализ данных правового портала статистики Генеральной прокуратуры РФ свидетельствует о том, что на протяжении 2016-2020 гг. преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков², в общем количестве зарегистрированных преступлений занимают около 10%, при этом в этот же период остались не раскрытыми около 40% зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом подконтрольных веществ. Так, в 2016 г. не расследованы 41,74%, в 2017 г. – 38,69%, в 2018 г. – 39,84%, в 2019 г. – 42,62%, за 11 месяцев 2020 г. – 37,91% зарегистрированных преступлений. В связи с чем актуальной проблемой общественно-экономической и политической жизни современной России является борьба с незаконным оборотом подконтрольных веществ.

Проблемой при выявлении, расследовании преступлений, связанных с рас-

пространением наркотических средств бесконтактным способом, является то, что схемы сбыта постоянно совершенствуются как за счет использования мобильных устройств (планшеты, смартфоны, компьютеры), так и использования информационно-телекоммуникационных (социальные сети, мессенджеры) и финансовых технологий (платежные системы, в том числе пиринговые).

Одним из видов доказательств по данной группе преступлений является информация, которая хранится в специальном, цифровом формате (виде) на компьютерах, в памяти мобильных устройств, в удаленных компьютерных сетях и системах. Такую информацию (специфический формат представления) невозможно в полном объеме воспринимать в доказывании, ее нужно извлечь, интерпретировать, поэтому к расследованию преступлений, связанных с бесконтактным распространением наркотических средств все больше и больше привлекаются специальные знания, а именно знания специалистов в области цифровой криминалистики³.

Компьютерная криминалистика исследует любые компьютерные средства, мобильные устройства, а также иные устройства, которые фиксируют информацию в цифровом виде (цифровой след). Она включает в себя обнаружение, сбор электронных доказательств (с возможностью восстановления ранее удаленных), сохранение, криминалистический анализ, представление в доступном виде, и прежде всего направлена на раскрытие и расследование преступлений.

Поэтому стоит согласиться с Е.Р. Россинской и И.А. Рядовским в том, что «для определения свойств цифровых

¹ СВТ – средства вычислительной техники.

² Наркотики – наркотические средства, психоактивные и психотропные вещества.

³ Цифровая криминалистика («электронная криминалистика», «компьютерная криминалистика» – это отрасль криминалистики, изучающая цифровые следы в раскрытии и расследовании преступлений.

следов требуется использование специальных методов, процедур и способов, с помощью которых можно выявить, зафиксировать и обеспечить сохранность использования таких следов»¹.

В методике раскрытия и расследования преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, обязательно содержатся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, к участию в которых привлекаются лица, обладающие специальными знаниями в области компьютерной техники, информационных технологий. Возможность извлечения информации из мобильных устройств и ее анализ может быть реализована как рамках осмотра предметов (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), экспертного исследования (ст. 195 УПК РФ), так и в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

В качестве специалистов привлекаются сотрудники экспертно-криминалистических подразделений МВД России, в частности эксперты компьютерной экспертизы.

Исследуются мобильные устройства с использованием следующих аппаратно-программных комплексов: «Мобильный Криминалист Детектив» («Мобильный Криминалист Эксперт»), «Cellebrite UFED», «Belkasoft Evidence Center», «MOBILedit» и др. Разработчики аппаратно-программных комплексов и специализированного программного обеспечения регулярно его обновляют, улучшая функционал и технические возможности по извлечению информации.

К информации, которую можно извлекать непосредственно из мобильного устройства, можно отнести голосовую коммуникацию, SMS/MMS-переписку, данные об учетных записях, адреса электронной почты, список контактов с заметками и фотографиями, сохраненные и доступные для извлечения сообщения систем мгновенного обмена сообщениями («Viber», «WhatsApp», «Telegram», «Skype» и др.), сохраненные в устройстве сообщения социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники» и др.) и «пись-

ма» электронной почты, геоданные, медиафайлы и данные различных приложений (навигатора, шагомера, пульсометра, компаса, анализатора точек доступа WI-FI, сервисов по заказу такси, номера электронных кошельков (QIWI)) и пр. Хранение информации, пересылаемой в интернет-мессенджерах, в удаленных компьютерных сетях и системах прежде всего связано с ограничением памяти устройств, а также с необходимостью «синхронизации» данных при использовании нескольких электронных устройств. Мобильный гаджет фактически является «ключом» для доступа к этим данным, которые находятся за пределами мобильного устройства и представляют оперативный и следственный интерес.

Вместе с этим имеющийся в распоряжении экспертов инструментарий не позволяет получить доступ к информации, хранящейся в мобильных устройствах, полностью ее извлекать и восстанавливать удаленную, причины этого различны. Каждое устройство уникально и требует от специалиста частной методики исследования для осуществления доступа к данным и их извлечения, основанной прежде всего на общих принципах типовой методики СКТЭ², профессиональных компетенций, опыта исследований, а также достаточного количества времени.

В ходе исследования мобильных устройств и их осмотра, которые выполняются с участием специалиста (без судебного решения), подразумевается осмотр и извлечение информации, которая содержится непосредственно в устройстве, в том числе удаленной.

Извлеченная из мобильного устройства информация может быть проанализирована, например, с использованием функциональных возможностей программного обеспечения «Мобильный Криминалист Эксперт», которое предоставляет удобные инструменты для анализа. Так, по успешно извлеченным данным можно установить социальные связи владельца мобильного телефона, спосо-

¹ Семикаленова А.И. Особенности определения объекта судебной программно-компьютерной экспертизы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 71.

² СКТЭ—судебная компьютерно-техническая экспертиза.

бы коммуникации: мессенджеры, звонки, смс-сообщения, что, безусловно, способствует анализу больших массивов данных в целях скорейшего раскрытия и расследования сбыта наркотических средств.

Также необходимо отметить, что в рассматриваемых процессуальных действиях (экспертиза, осмотр предметов и документов) не предусмотрено подключение исследуемого устройства к сети Интернет с целью получения информации с удаленных компьютерных сетей и систем (интернет-мессенджеры, социальные сети, почтовые программы и др.).

В ст.164.1 УПК РФ («Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий»), как и в других статьях УПК РФ, нет информации о возможности получения цифровых данных с удаленных серверов, удаленных компьютерных сетей и систем, в частности интернет-мессенджеров. Как справедливо отмечает Е.Р. Россинская, «в отношении обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов из сайтов в сети Интернет, в частности со страниц социальных сетей пользователей, в УПК РФ имеет место «правовая лакуна»¹. Также имеют место ограничения, установленные ст. 23 Конституции РФ: «Каждый имеет право на тайну переписки,

телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения»².

Получить криминалистически значимую информацию с хостинг-провайдеров – иностранных компаний, предоставляющих услуги пользования интернет-мессенджерами, путем направления запроса на практике затруднительно.

Это, конечно, препятствует раскрытию и расследований преступлений, связанных со сбытом наркотических средств. В этом случае возможно обратить внимание на непроцессуальные формы использования специальных знаний, в частности ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи», «Получение компьютерной информации».

Таким образом, в практической деятельности лиц, вовлеченных в раскрытие и расследование сбыта наркотических средств, могут использоваться приемы, способы, еще не закрепившиеся в практике, но отвечающие критериям уголовно-процессуальной допустимости. Чем совершеннее схемы сбыта наркотических средств – тем выше потребность в новых способах борьбы с ними. Совершенствование мер по эффективному противодействию распространению наркотических средств – приоритетное направление деятельности МВД России.

Попельницкий Е.В.,

DOI 10.51980/2021_1_224

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Некоторые аспекты назначения и производства фоноскопических экспертиз по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков

В настоящее время все большее распространение приобретает сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов бесконтактным способом³.

Преступная деятельность такого рода осуществляется, как правило, организованными преступными группами либо сообществами, соблюдающими строжайшую

¹ Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. №3(15). С.110.

² Статья № 13. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года).

³ Земцова С.И. О некоторых элементах криминалистической характеристики сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемого с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 1. С. 245-252.

конспирацию. Личные контакты между «верхушкой» и рядовыми исполнителями исключены, общение осуществляется исключительно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Злоумышленники уделяют большое внимание соблюдению конспирации, уничтожению либо минимизации материальных и цифровых следов. В такой ситуации одним из важнейших средств доказывания становится фоноскопическая (фонографическая) экспертиза.

Предметом фоноскопической экспертизы считается установление фактических данных, имеющих отношение к зафиксированной на томили ином носителе фонограмме. Согласно Методическим рекомендациям по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов», утвержденным ФССП России 15 сентября 2014 г. № 0004/22, объектами исследования судебной фоноскопической экспертизы являются:

- материалы уголовного дела (протоколы допросов участников уголовного процесса, протоколы выемки и осмотра фонограмм);

- цифровые и аналоговые записи звука — фонограммы, зафиксированные на разнообразных носителях информации: оптических дисках, в памяти диктофонов, сотовых телефонов, в звуковых файлах с накопителями на жестких магнитных дисках и т.д.;

- устройства звукозаписи;
- носители звукозаписи.

Судебные фоноскопические экспертизы проводятся, как правило, комиссией экспертов с различным базовым высшим образованием (техническим и лингвистическим), но имеющих одну экспертную специализацию. Так, для решения задач диагностики и идентификации диктора, установления дословного содержания разговора в комиссию включаются эксперты, имеющие свидетельство на право самостоятельного производства экспер-

тиз по экспертной специализации «Идентификация лиц по голосу и речи»¹. В ходе экспертизы могут быть разрешены всевозможные вопросы, имеющие отношение к определенной звукозаписи (сколько человек принимают участие в беседе, зафиксированной на носителе информации, каково оглавление разговора, каковы обликовые свойства говорящих и т.д.).

Основными целями фоноскопической экспертизы являются:

- установление личности говорящего по признакам речи и голоса, отраженным на фонограмме;

- выявление признаков монтажа и других изменений у самой фонограммы;

- определение по фонограммам условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также других факторов, имеющих доказательственное значение при раскрытии и расследований преступлений.

- установление дословного содержания разговора

- копирование фонограммы на представленный носитель.

Весь спектр целей и решаемых задач, подготовки, назначения и производства фоноскопических экспертиз определяется спецификой объектов исследования. В первую очередь имеет значение качество предоставляемых фонограмм, особое значение имеют образцы для сравнительного исследования

Во многих случаях получение таких образцов для сравнительного исследования в порядке, предусмотренном ст. 202 УПК РФ сталкивается с рядом сложностей. Трудность заключается в отказе лица добровольно предоставить такие образцы. В этом случае могут использоваться имеющиеся в материалах уголовного дела свободные или условно-свободные образцы голоса.

В качестве свободных образцов могут быть использованы аудио-, видеозаписи фиксации голоса и речи лица, записи публичных выступлений, видеозаписи с места работы (учебы), материалы семейного

¹ Баранов Ю.Н. Теоретические основы применения лингвистических знаний в криминалистике при производстве фоноскопических и автороведческих экспертиз : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 202.

архива и т.д. Образцы такого рода, как правило, оказываются ограниченно пригодными для производства экспертизы (низкое качество записи, посторонние шумы, отличающаяся лексика и интонация).

Условно-свободные образцы, как правило, лишены большей части подобных недостатков. Они могут быть получены при проведении следственных действий, фиксирувавшихся с помощью аудио-, видеозаписи. Вместе с тем получение условно-свободных образцов заметно осложняется в случае, когда фигуранты отказываются от дачи показаний. Одним из эффективных приемов преодоления противодействия такого рода является получение образцов оперативным путем.

На стадии получения образцов возникает наибольшее количество проблем технического характера. Во многом это связано с аппаратурой для записи. Подбор соответствующей аппаратуры является неотъемлемой частью результативного проведения фоноскопической экспертизы. Эксперт должен произвести тщательный анализ самой звукозаписи и ее носителей. Это необходимо для определения возможности воспроизведения фонограммы без ее искажения и изменения параметров речевых сигналов, которые отражены в ней. В распоряжении эксперта должна быть полная информация об устройстве, на котором велась запись.

При возникновении сомнений в подлинности записи эксперт должен запросить предоставить ему звукозаписывающее устройство.

Наиболее распространенные ошибки при получении образцов голоса:

- использование звукозаписывающей аппаратуры, не соответствующей предъявляемым требованиям (низкое качество записи);
- использование звукозаписывающей аппаратуры, предоставление которой на экспертизу невозможно или затруднено;
- неудачный выбор места записи (посторонние шумы, отражение звуковых колебаний от стен);

- неудачное расположение микрофонов (рядом с источниками шума, работающими электроприборами, механическими часами, далеко от записываемого лица);

- недостаточная продолжительность записи;

- несоответствие тематики беседы, (слов и выражений), а также используемой лексики и роли в разговоре записываемого лица;

- использование записи, на которой подозреваемый зачитывает текст либо декламирует его по памяти.

Одним из значимых вопросов при проведении фоноскопических экспертиз является значительное время, необходимое на проведение исследования. На исследование фрагмента записи около 10 минут (в зависимости от качества записи) может быть потрачено до 3-х дней. С учетом этого особенно важной становится работа следователя по назначению экспертизы. Зачастую следователи, не ознакомившись с доказательствами, назначают значительный объем записи (до нескольких часов разговоров), когда доказательственное значение имеет отрезок продолжительностью до 10 минут. Предоставляются образцы, происхождение которых однозначно не установлено. Не используется весь спектр возможностей фоноскопической экспертизы.¹

В заключение следует отметить, что большая часть проблемных вопросов при назначении и производстве фоноскопических экспертиз связаны с недостаточной подготовленностью следователей и оперативных сотрудников, что проявляется в предоставлении не пригодных для исследования образцов. Также следует выделить практику «сплошного» назначения фонограмм, когда на исследование назначается не непосредственно участок, связанный с предметом доказывания, а запись разговора целиком либо записи нескольких разговоров, что существенно увеличивает время производства таких экспертиз.

¹ Галяшина Е.И. Современные проблемы экспертного исследования звуковых следов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 38.

кандидат юридических наук, доцент
Омская академия МВД России

Ермаков М.Г.,

кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

Возможности судебной компьютерной экспертизы при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков

Последние несколько лет экспертные подразделения МВД России активно используют различные аппаратно-программные комплексы для криминалистических исследований, дающие возможность извлекать, декодировать и анализировать доказательные данные, полученные из различных моделей мобильных устройств.

Одним из самых распространенных комплексов подобного рода является UFED (Universal forensic extraction device – «универсальный прибор для извлечения криминалистических данных»). С его помощью из электронных устройств можно извлечь важные данные, например текстовые сообщения, журналы вызовов, данные IMEI, фотографии, видеозаписи, а затем собрать данные в отчеты для проведения исследований и сбора доказательств. Комплекс поддерживает работу примерно с 2500 моделями устройств, что составляет 95% всех телефонов, включая смартфоны, планшеты и сотовые телефоны. UFED позволяет проводить извлечение данных на логическом уровне, имеет возможность получать данные приложений, пароли, данные о переписках в мессенджерах, электронную почту, календарь, мультимедиа, список контактов, журналы вызовов, техническую информацию телефона¹. Кроме того, комплекс «UFED» облегчает поиск данных в мобильных устройствах и, тем самым, позволяет проверить наличие искомой информации.

Также успешно прошел апробацию и применяется экспертными подразделениями территориальных органов МВД

России программно-аппаратный комплекс для судебно-криминалистической экспертизы мобильных телефонов и устройств MSAB Office (MSAB, Швеция). Он укомплектован всеми необходимыми аппаратными средствами для криминалистически безопасного извлечения данных из мобильных устройств. Комплекс может создать комбинированный отчет, содержащий как существующие, так и удаленные данные из исследуемого мобильного телефона. Комплекс MSAB, как и UFED, популярен в правоохранительных органах во всем мире.

Широким кругом функциональных возможностей обладает отечественный программный комплекс «Мобильный криминалист». Применение данного комплекса также позволяет извлекать и исследовать данные мобильных устройств (телефоны и планшеты). Имеется возможность обходить пароль блокировки экрана, восстанавливать удаленную информацию: любой тип переписки, контакты, звонки, файлы, видео, фото, заметки и многое другое, а также извлекать данные даже из защищенных и зашифрованных приложений, получать данные из облачных хранилищ по логину/паролю или токenu, находить общие связи между несколькими пользователями, а также в один клик открывать их переписку в любом мессенджере или соцсети.

Программное обеспечение для проведения компьютерных экспертиз Belkasoft Evidence Center разработано специально для правоохранительных органов и используется полицией многих стран. Belkasoft Evidence Center облег-

¹ Комплексное решение для мобильной криминалистики «UFED TOUCH ULTIMATE». URL: <http://www.bnti.ru/des.asp?itm=6495&tbl=01.02.01.01>. (дата обращения: 13.01.2021).

чает получение, поиск, анализ, хранение и передачу цифровых улик, находящихся внутри компьютеров и мобильных устройств. Программа быстро извлекает цифровые данные из различных источников путем анализа жёстких дисков, образов, облачных приложений, содержимого рабочей памяти, резервных копий iOS, Blackberry и Android. Evidence Center автоматически анализирует источник данных и представляет наиболее значимую информацию для обзора, подробного изучения или включения в отчёт. Комплекс позволяет обнаружить более 1000 типов информации: все основные форматы документов, браузеры, почтовые клиенты, десятки графических и видеоформатов, программы обмена мгновенными сообщениями, социальные сети, системные файлы, файлы реестра, приложения для обмена файлами и т.д. Извлекает данные из всех основных операционных систем, как компьютерных, так и мобильных: Windows, Linux, macOS, iOS, Android, Windows Phone, Blackberry¹.

Использование программных и технических комплексов получения информации иллюстрирует широкий спектр возможностей компьютерной экспертизы.

Обращаясь к судебной практике, можно проиллюстрировать возможности судебно-компьютерной экспертизы по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков. Так, согласно материалам уголовного дела № 1-262/2018 в марте 2018 г. П.Е.Е. посредством переписки в программе Telegram в сети Интернет вступила с неустановленным лицом под ником «Pzh24Jekabiz» в предварительный сговор на незаконный сбыт наркотического средства – производного N-метилэфедрона. Согласно достигнутой договоренности неустановленное лицо приобретало наркотическое средство, фасовало в удобную для сбыта упаковку, помещало его крупной партией в тай-

ники, расположенные на территории г. Омска и через программу Telegram сообщало П.Е.Е. их адреса. Проведение судебно-компьютерной экспертизы позволило выявить в памяти сотового телефона «Meizu», изъятого у П.Е.Е., графические файлы, содержащие изображения упаковок веществ, снимков экрана мобильного телефона, гражданских паспортов².

По уголовному делу № 10-10592/15 о привлечении к уголовной ответственности за приготовление к незаконному сбыту наркотических средств и психотропных веществ, легализацию (отмывание) денежных средств были проведены сразу несколько компьютерно-технических экспертиз (по числу устройств электронно-вычислительной техники, используемых для размещения сообщений о продаже наркотических средств) – экспертизы ноутбука, планшетного компьютера, системного блока компьютера. В ходе судебно-компьютерной экспертизы ноутбука проведено исследование внутренней памяти устройства и извлечена информация о сбыте наркотических средств, соответствующая текстовым сообщениям, полученным/отправленным с данного ноутбука. В результате судебно-компьютерной экспертизы планшетного компьютера также была извлечена информация о получении и отправлении с данного устройства СМС-сообщений о сбыте наркотических средств³.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы. Современные возможности судебно-компьютерной экспертизы свидетельствуют о том, что она является эффективным средством получения доказательств при расследовании уголовных дел. В силу специфики преступлений и нарастания количества незаконного оборота наркотиков с использованием сети Интернет и необходимости привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в области информацион-

¹ Муравьев К.В. Ермаков М.Г. Современные возможности судебно-компьютерной экспертизы и меры по совершенствованию практики её назначения при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств «дистанционным» способом // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3. С. 182-192.

² Приговор Ленинского районного суда г. Пензы по уголовному делу № 1-262/2018. Архив Ленинского районного суда г. Пензы за 2018 г.

³ Приговор Первомайского районного суда г. Омску по уголовному делу № 10-10592/15. Архив Первомайского районного суда г. Омска за 2015 г.

но-вычислительных технологий и информационно-вычислительной техники, назначение по делу судебно-компьютерной экспертизы является очень актуальным и востребованным. Развитие системы экспертных учреждений, проводящих компьютерные исследования, позволит решить

нарастающую проблему использования компьютерных технологий в сфере незаконного оборота наркотиков. Совершенствование методов и форм производства рассматриваемых экспертиз расширит возможности выявления, доказывания и пресечения наркопреступности.

Лонцакова А.Р.,

DOI 10.51980/2021_1_229

кандидат юридических наук, доцент
Уфимский юридический институт МВД России

Специальные психофизиологические инструменты при выявлении и проверке значимой информации по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ

Неудовлетворительная раскрываемость преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ существенно осложняет деятельность правоохранительных органов. Претерпели изменения способы совершения преступлений в сфере наркотических средств и психотропных веществ, превалирует их бесконтактный сбыт, зачастую не удается выявить значимую информацию относительно внешности и личной информации о сбытчике, о членах организованной преступной группы, а также о вовлечении лиц в противозаконную деятельность, преимущественно используются ресурсы Интернета для подготовки и совершения преступления, сокрытия следовой информации, осуществления взаимных расчетов.

Оперативные сотрудники часто сталкиваются с проблемой оценки полученной значимой информации. Наиболее сложная часть их работы связана с определением их достоверности. Инструментов для решения этого вопроса достаточно: от использования традиционных оперативных методов и средств до бесконтактных методов оценки информации, графологического анализа почерка, проверки на полиграфе и др. В этой связи применение совокупности психофизиологических средств в деятельности оперуполномоченных представляют собой один из важных и результативных путей повышения эффективности выявления

значимой информации по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ.

Повествование необходимо начать с полиграфа, прикладные и методологические основы, оценка возможности его использования в рамках правил и требований действующего уголовного судопроизводства освещены достаточно подробно, однако спорным является вопрос о значении результатов, полученных с его помощью. Целый ряд теоретических и практических аспектов полиграфных исследований нуждаются в доработке, по результатам нашего исследования имеют место методические и процессуальные нарушения в его использовании, например, нарушения в формулировках заключения специалиста: категоричные выводы о том, что испытуемый располагает информацией о деталях случившегося; выход полиграфологом за пределы своей компетенции.

В этой связи нами было проведено исследование заключений экспертов-специалистов-полиграфологов, в результате которого классифицированы их выводы: в категоричной форме – реакции, свидетельствующие о том, что испытуемый располагает информацией о деталях случившегося, касающихся места и обстоятельств совершения преступления – обстоятельств сбыта наркотических средств); не располагает (например, в ходе проведенного исследования по

уголовному делу не было выявлено реакций, свидетельствующих о том, что испытуемый располагает информацией о деталях случившегося, которые могли стать ему известны в момент сбыта наркотических средств) информацией о деталях случившегося. Тем не менее на поставленные вопросы заказчиком исследований специалистами (экспертами) были даны полные и аргументированные ответы, выводы данных экспертиз соотносились с материалами уголовных дел.

Необходимо отметить, что при подготовке специалиста-полиграфолога совместно с оперуполномоченным к составлению тестовых заданий (например, при работе с задержанным) необходимы обработка, проверка, анализ получаемой информации, включающей получение проверки следующей информации: работу с IP-адресами, с мессенджерами (перепиской), с телефонными номерами, с платежными системами. В случае проверки локализации места закладки при подготовке тестовых материалов необходимо использовать материалы осмотра места происшествия с приложениями к протоколу (фототаблица, видеоприложения), материалы опроса и результаты экспертных исследований. Подготовка и проведение оперативно-разыскного мероприятия оперуполномоченным и специалистом-полиграфологом способствует повышению эффективности приемов оперативной тактики, преодолению различных форм противодействия подэкспертными в ходе тестирования на полиграфе и после-тестового проверочного опроса.

Также мы отмечаем, что проведение исследования на полиграфе с соблюдением методических требований способствует не только значительному сокращению затрат на раскрытие преступлений, но и защите граждан от необоснованных подозрений в совершении преступлений по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Важно отметить, что данный тезис подтвердили более половины опрошенных нами адвокатов-защитников по уголовным делам.

В отдельном изучении нуждается вопрос об процессуальных, организацион-

ных и иных ошибках по делам в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Данная проблема выявлена в ходе изучения эмпирического материала, нуждается в детальном освещении (практика изучения материалов уголовных дел по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ выявила многочисленные процессуальные и иные ошибки). Так, по отдельным материалам уголовных дел диски с видеофиксацией изъятия вещества в деле были испорчены (не читаемы), при первоначальном исследовании изъятых веществ в соответствии со справкой об исследовании в свертке – одно вещество, а при экспертном исследовании того же объекта – другое вещество. Описание упаковки экспертами не совпадало (цвет, материал, фамилии, подписи, дата). Исследованные вещества следователи хранили у себя в кабинете в течение нескольких месяцев и другие нарушения.

Практика применения полиграфа и графологического анализа личности убедительно свидетельствует: именно с их помощью можно успешно выявлять лжесвидетельство, повысить эффективность следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, обеспечить решение многих тактических задач.

В завершение необходимо отметить, анализ релевантных событий – очень сложный, трудоемкий, многокомпонентный процесс. Поэтому наряду с полиграфными исследованиями возможно использовать специальный психофизиологический инструмент «графологический анализ личности». Этот инструмент эффективен и надежен, он объединяет опыт почерковедов и полиграфологов. Анализу подвергаются рукописи подэкспертных. В ходе исследования рукописи изучается ее внешний вид и все признаки письма: прорабатываются более тридцати информативных признаков (маркеров) параметров. Обучение оперуполномоченных использованию графологического анализа рукописей предоставит эффективный инструмент выявления и проверки значимой информации в короткие сроки, позволит скорректировать алгоритмы раскрытия преступления в дина-

мике, предупредит негативные последствия и противодействие всех заинтересованных лиц.

Таким образом, потенциальные возможности использования полиграфа и графологического анализа личности в расследовании и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ необходимо реализовывать более эффек-

тивно. Перспективным представляется использование специальных психофизиологических инструментов в форме инструментального интервью в качестве ориентирующей информации при подготовке, проведении, анализе результатов получения значимой информации в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Черных А.А.,

DOI 10.51980/2021_1_231

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Мобильные средства для поиска и идентификации наркотиков

Сотрудники подразделений по контролю за оборотом наркотиков часто сталкиваются с ситуацией, когда необходимо обнаружить спрятанные наркотические средства и психотропные вещества (далее – НС и ПВ) и осуществить их предварительную идентификацию на месте проведения оперативно-розыскных мероприятий. В таких случаях они могут использовать только те средства поиска, которые рассчитаны на работу во внелабораторных условиях и не требуют длительного обучения для их эксплуатации. Указанные средства относятся к категории мобильных, поскольку их можно носить в руках и возить на транспорте. Как правило, мобильные средства предназначены для выявления НС и ПВ, наиболее часто встречающихся в незаконном обороте, таких как гашиш, мефедрон, соцветия каннабиса («шишки»), альфа-ПВП (α -PVP), амфетамин, кокаин и прочих.

С помощью мобильных средств решаются задачи, связанные с обнаружением НС и ПВ:

- при личном досмотре людей и находящихся при них предметов;
- на местности, в помещениях и транспортных средствах;
- на пунктах контроля при обеспечении безопасности публичных и массовых мероприятий, а также охраняемых объектов;

– в пересылаемых почтовых отправлениях.

Для выявления НС и ПВ широко используются приборы, работающие на основе принципа спектрометрии ионной подвижности. Основное преимущество дрейф-спектрометров по сравнению с газохроматографическими и масс-спектрометрическими анализаторами – малое время анализа, простота обращения, портативность, возможность работы в полевых условиях.

Портативный ионно-дрейфовый детектор «Кербер-Т» обнаруживает НС и ПВ в воздухе контролируемых объектов, на поверхности различных предметов, на пальцах и одежде людей. Он способен идентифицировать амфетамин, левамфетамин, декстроамфетамин, метамфетамин, кокаин, героин (диацетилморфин), тетрагидроканнабинол (гашиш, марихуана), метилendiоксиамфетамин (МДА, тенамфетамин), метилendiоксиметамфетамин (МДМА, «экстази»), морфин, кодеин, 6-ацетилморфин, фентанил, опий. Также этот детектор может выявлять взрывчатые, аварийно химически опасные и боевые отравляющие вещества. Список обнаруживаемых веществ может быть дополнен в соответствии с пожеланиями заказчика¹.

Портативный экспресс-обнаружитель «ГРИФ-2» – прибор следующего поколе-

¹ Портативный спектрометр ионной подвижности «Кербер-Т»: сайт. URL : <https://kerber-t.ru> (дата обращения: 21.12.2020).

ния спектрометров ионной подвижности. Он выгодно отличается от предшественников и аналогов простотой эксплуатации и повышенной чувствительностью ($10^{-7} - 10^{-11}$ грамм) за счёт оригинальной конструкции пробоотборной части. Детектор «ГРИФ-2» обнаруживает и идентифицирует амфетамин, метамфетамин, кокаин, героин, метадон, метилendioксиамфетамин, метилendioксиметамфетамин («экстази»), тетрагидроканнабинол (гашиш, марихуана). Кроме того, прибор определяет взрывчатые, ядовитые и отравляющие вещества. Он позволяет контролировать обнаружение новых подозрительных веществ и самостоятельно вносить их в базу данных¹.

Прибор «СЛЕД-Н» сочетает газовую хроматографию со спектрометрией ионной подвижности. Он позволяет выявить наличие следов наркотического вещества (до 10^{-9} грамма) на теле, одежде, вещах подозреваемого, в помещениях, автотранспорте и иных местах. Прибор «СЛЕД-Н» определяет амфетамины (амфетамин, метамфетамин, МДА, МДМА), кокаин, героин, каннабис (гашиш, марихуану, анашу, гашишное масло), метадон, морфин, кодеин, метаквалон, а также современные синтетические наркотики (PB-22, 2C-B, PVP, PVT, MDPV, AB-PINACA, AB-PINACA-F, ACBM(N), MDMB(N)-CHM) и спайсы на их основе².

Для оперативной идентификации НС и ПВ применяются химические тесты, рамановские спектрометры и другие приборы.

Наиболее распространёнными средствами для предварительной идентификации НС и ПВ являются тесты, основанные на цветных химических реакциях растворов химических реактивов с исследуемыми объектами. В результате химической реакции возникает характерное окрашивание смеси, которое с высокой степенью вероятности позволяет

осуществить идентификацию отдельных наркотиков или групп наркотических веществ. Принадлежность исследуемых веществ к наркотическим определяется путём сопоставления цвета реакционной смеси с цветовой меткой³.

Комплект аналитических тестов «НАРКО-КАСПЕР» обеспечивает идентификацию (с точностью 99%) твёрдых и жидких наркотических веществ, а также следов наркотических веществ, находящихся на различных поверхностях, в том числе на поверхности рук. Комплект выпускается в двух модификациях: тесты для начальной проверки (НК-9000) и тесты для идентификации (НК-1000, НК-2000, НК-3000 и т.п.). При помощи данных химических тестов выявляются кокаин/крэк, белый и коричневый героин, марихуана/гашиш, синтетические каннабиноиды (AM, CP, JWH, «спайсы»), амфетамин/метамфетамин, экстази/МДМА («соль для ванн», MDA, MDEA, MBDB), ЛСД (DMT, 5-MeO-DMT, индолсодержащие галлюциногены), метадон, кетамин, прекурсоры экстази/МДМА (PMK, Piperonal, Safrole и BMK), фенциклидин, мефедрон, катинон, меткатинон, метилон, буфедрон, диметилтриптамин, метиопропамин, МДПВ, ПМА, ПММА, ДМТ, мХПП, МПА, МДПБФ. В случаях, когда необходимо обследовать труднодоступные места или большие зоны, тестовые модули могут применяться совместно с устройствами для воздушного забора проб «КРОН-НВ»⁴.

Портативный рамановский спектрометр «ХимЭксперт-Т» представляет собой многофункциональный аналитический прибор, обеспечивающий идентификацию около 15000 различных химических веществ в жидком, твёрдом или порошкообразном состоянии. Данный спектрометр способен быстро распознать 57 наименований наркотических средств, психотропных веществ и их прекур-

¹ Портативный экспресс-обнаружитель «ГРИФ-2». URL : <https://mspex.ru/grif-2> (дата обращения: 21.12.2020).

² Детектор обнаружения наркотических веществ «СЛЕД-Н». URL : <https://www.himpribor-1.ru/products/pribor-obnaruzheniya-narkoticheskikh-veshchestv> (дата обращения: 22.12.2020).

³ Симонов, Е.А. Сорокин В.И., Ковалев А.В. Средства экспресс обнаружения наркотиков. URL : <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=621&lvl=03.05.03> (дата обращения: 23.12.2020).

⁴ Аналитические средства : каталог НПЦ «СПЕКТР-АТ». URL : <https://www.spektr-at.ru> (дата обращения: 23.12.2020).

соров, 102 наименования взрывчатых веществ, 98 наименований опасных химических агентов, более 10000 наименований продукции химической и фармацевтической промышленности, 30 наименований горючих и легковоспламеняющихся веществ, а также иные вещества. Возможно проведение анализа через прозрачное и цветное стекло, полупрозрачную пластиковую упаковку. Это позволяет идентифицировать как отдельные НС и ПВ, так и их соединения без отбора проб и нарушения упаковки¹.

С помощью детектора «Сокол» можно выявить наличие следов наркотических, взрывчатых и других веществ на пальцах рук, документах, поверхностях, в жидкостях, а также в образцах, которые предположительно являются опасными веществами. Идентификация осуществляется при простом контакте исследуемого предмета с чувствительной призмой прибора. В случае обнаружения подозрительных следов, прибор подаёт тревожный сигнал или визуальное предупреждение, что является основанием для проведения более тщательного досмотра. Детектор не имеет аналогов в России и за рубежом и обладает такими уникальными характеристиками, как быстрота анализа и способность распознавать широкий спектр веществ без специальной пробоподготовки и дополнительной перенастройки прибора. Данное устройство может работать в условиях сильного ветра и в широком температурном диапазоне².

Таким образом, при выборе мобильных средств для обнаружения и идентификации НС и ПВ должны учитываться:

- стоимость устройства, его обслуживания и расходных материалов;
- возможность быстрого ремонта и получения расходных материалов;
- наличие и оперативность технической поддержки;
- масса и габариты прибора;

– условия, при которых устройство способно выявлять НС и ПВ;

– простота и удобство работы с прибором;

– время идентификации НС и ПВ;

– вероятность ложного срабатывания;

– возможность обнаружения и идентификации новых видов НС и ПВ;

– время выхода на рабочий режим и переключения между режимами работы;

– время очистки после взятия пробы;

– время непрерывной автономной работы от одного аккумулятора и возможность его быстрой смены;

– возможность проводить детальное исследование отдельных областей проверяемых объектов;

– пропускная способность прибора.

Кроме того, на выбор мобильных средств может повлиять наличие опыта работы с конкретными изделиями.

Дополнительно отметим, что в некоторых ситуациях для поиска спрятанных НС и ПВ могут потребоваться досмотровые зеркала, эндоскопы, щупы, комплекты инструментов, фонари, радары и переносные рентгеновские установки.

Анализ мобильных средств для поиска и идентификации НС и ПВ, разработанных российскими производителями, показал, что наиболее существенными недостатками указанных средств являются их стоимость, зависимость от источника питания и температуры окружающей среды, идентификация только известных наркотиков, способность дистанционно обнаруживать искомые объекты в реальных условиях. Для успешного решения задач, стоящих перед подразделениями по контролю за оборотом наркотиков, требуются менее дорогие и более эффективные приборы. Пока же приходится констатировать, что в ближайшем будущем поисковая техника не сможет полностью заменить служебных собак.

¹ Портативный рамановский спектрометр «ХимЭксперт-Т». URL : <https://chemexpert.ru> (дата обращения: 23.12.2020).

² Детектор следов взрывчатых и опасных веществ «Сокол». URL : <https://www.arms-expo.ru/armament/samples/1770/88467> (дата обращения: 25.12.2020).

Анализ некоторых ошибок, допускаемых в процессе фотосъемки следов папиллярных узоров, предметов со следами и их упаковки

На протяжении многих десятилетий дактилоскопическая информация, изымаемая в ходе производства следственных действий, является одним из элементов, формирующих доказательственную базу по уголовным делам. Следы папиллярных узоров подлежат как проверке по криминалистическим учетам, так и исследованию в рамках судебно-дактилоскопической экспертизы. Однако постановка следов на учет, а также решение идентификационных экспертных задач возможно только при условии, что предоставляемые следы являются следами надлежащего качества, т.е. содержат индивидуальную совокупность признаков и пригодны для исследования¹. Аналогичное требование по надлежащему качеству предъявляется и к предоставляемым вместе со следами образцам для сравнительного исследования².

На каждом этапе работы со следовой информацией (обнаружение, фиксация, изъятие, сохранение, исследование) возможно допущение ошибок, которые могут либо существенно повредить имеющиеся следы, либо вообще привести к их уничтожению. Поэтому очень важно соблюдать криминалистические требования по работе со следовой информацией и ее носителями на всех этапах.

В настоящей статье мы рассмотрим и проанализируем типичные ошибки, допускаемые при фотосъемке следов па-

пиллярных узоров, фотосъемке предметов со следами папиллярных узоров, а также фотосъемке упаковки объектов со следами папиллярных узоров в ходе проведения судебно-дактилоскопической экспертизы.

Одно из основных предназначений фотосъемки при проведении судебной экспертизы – обеспечение наглядности признаков поступивших на экспертизу объектов, а также хода и результатов проводимых исследований, что, в свою очередь, способствует реализации принципов объективности, всесторонности и полноты исследований, закрепленных в ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Результаты фотосъемки оформляются в виде приложения к заключению эксперта (фототаблицы) и, естественно, должны полностью согласовываться с текстом самого заключения. Однако, как показывает практика, нередко фототаблицы к заключению эксперта выполняются недостаточно качественно, причем ненадлежащее качество обусловлено именно ошибками, допущенными еще на этапе фотосъемки³.

Следы папиллярных узоров, особенно следы пальцев рук – это, как правило, относительно небольшие по размеру следы (максимальная величина следа в длину или ширину редко превышает 20-25 мм), которые поступают на экспертизу пере-

¹ Яковлева А.С. Современные информационные технологии в дактилоскопической регистрации : автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2019. С. 23.

² Ошибки, допускаемые в процессе дактилоскопирования и снижающие качество образцов для сравнительного исследования, мы рассматривали ранее в настоящей статье останавливаться на них не будем. См. Репин А.В. Анализ ошибок, допускаемых в процессе дактилоскопирования живых лиц // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 ч.: Ч. 2 / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. С.261-263. Репин А.В. Анализ причин ошибок, допускаемых в процессе дактилоскопирования ладоней живых лиц красковым методом // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции: в 2 ч.: Ч. 2 / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 229-232.

³ Мы не рассматриваем ситуации, когда низкое качество фототаблиц обусловлено слабыми техническими возможностями копировально-множительной техники, имеющейся в распоряжении того или иного экспертно-криминалистического подразделения.

копированными на дактилоскопическую пленку или липкую ленту, либо перекопируются на указанные носители после выявления в процессе производства экспертизы. Следовательно, для их фотофиксации необходимо применять в комплексе методы измерительной масштабной и макрофото съемки¹.

Одними из типичных ошибок, допускаемых при фотосъемке следов папиллярных узоров, являются либо кадрирование с частичной обрезкой боковых или верхней частей следа, либо размещение масштабной линейки на папиллярных линиях в нижней части следа. В обоих случаях происходит неполное отражение папиллярскопической информации (признаков). На снимках должны быть четко видны границы следа. Кроме того, при съемке следов необходимо выбирать настройки освещения в зависимости от характера поверхности (прозрачная или непрозрачная). При фотосъемке следов на таких носителях, как бумага, дактилопленка, как правило, проблем не возникает и фотографирование производится без каких-либо ошибок. Однако по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, нередко объектами дактилоскопической экспертизы становятся фрагменты фольги, которая служила упаковкой изъятого наркотического средства. Поверхность такой упаковки имеет множественные изгибы и изломы, что в совокупности с зеркальной поверхностью самой фольги не позволяет выбрать оптимальный вариант освещения и приводит к появлению множественных бликов на изображении. Одним из оптимальных вариантов получения изображения следа папиллярного узора на фольге (с минимальным количеством бликов либо вообще без них) является не фотосъемка, а сканирование фрагмента фольги со следом. Разрешение при этом должно быть не менее 600 dpi, а сохранение файла в формат JPEG с минимальной компрессией (сжатием).

При фотосъемке предметов со следами папиллярных узоров ошибки допускаются редко. В основном ошибки связаны с выбором фона, на котором фотогра-

фируется предмет со следами (например, прозрачная бутылка или стакан на поверхности которого при помощи темного дактилоскопического порошка выявлен след папиллярного узора, фотографируется на фоне предметного стола серого цвета репродукционной фотоустановки). Встречаются ошибки, связанные с неправильной композицией (построением) кадра (например, как слишком мелкий, так и слишком крупный масштаб препятствуют восприятию локализации следов папиллярных узоров на исследуемом предмете). Особенную значимость приобретает необходимость восприятия следов на объекте, если в своем заключении эксперт не стал делать привязку следов на этом объекте, а указал, что «локализация следов на объекте указана на фото», т.е. сделал отсылку на иллюстрацию в фототаблице, где положение следов на самом объекте, а также взаиморасположение следов должны быть отчетливо видны.

Проведенный анализ показал, что наибольшее количество ошибок допускается в ходе проведения судебно-дактилоскопической экспертизы при съемке упаковки объектов со следами папиллярных узоров. В основном ошибки при съемке упаковки заключаются в следующем.

1. Неправильная передача геометрических характеристик снимаемого объекта по причине:

– отсутствия параллельности задней стенки фотоаппарата плоскости снимаемого объекта (упаковки, дактилокарты и т.д.), что приводит к искажению формы объекта (например, в заключении эксперт указывает, что следы поступили на исследование в конверте *прямоугольной* формы, однако из-за отсутствия параллельности при съемке конверт отобразился в виде *трапеции*);

– неправильно выбранного фокусного расстояния, а также расстояния от поверхности снимаемого объекта до фотоаппарата. В большинстве экспертных подразделений используются компактные цифровые фотоаппараты с изменяемым фокусным расстоянием. При фотосъемке на минимально возможном

¹ Если следы выявлены флуоресцирующими дактилоскопическими порошками или жидкостями, то помимо перечисленных применяется метод фотосъемки в невидимой зоне спектра (УФ-лучи).

фокусном расстоянии объектив фотоаппарата имеет максимальный угол поля изображения, т.е. выполняет функцию широкоугольного объектива. Совокупность минимально возможного фокусного расстояния и минимального расстояния до снимаемого объекта приводит к дисторсии¹. В этом случае объективно прямоугольный объект (например, почтовый конверт, используемый в качестве упаковки и т.д.), на иллюстрации будет иметь уже не прямоугольную, а бочкообразную форму, что, в свою очередь, будет противоречить описанию формы этого объекта в заключении эксперта.

2. Неправильная цветопередача снимаемого объекта по причине:

- ошибки в настройке баланса белого, т.е. настройки, компенсирующей разницу цветовой температуры в окружающем свете. Если температура в настройках камеры существенно выше, чем температура, которую излучает источник света, то фотографируемый объект белого цвета получается на иллюстрации желтого цвета. Если же температура ниже – синего цвета. В обоих случаях иллюстрация не передает объективную информацию о цвете снимаемого объекта;

- появления полос в кадре от мерцания источника света. Как правило, такое мерцание связано с использованием флуоресцентных (люминесцентных) ламп в качестве осветителей. Основная проблема использования бюджетных

флуоресцентных (люминесцентных) ламп, которыми комплектуются большинство репродукционных фотоустановок – пульсация интенсивности светового потока, совпадающая с частотой полупериода электрической сети. Человеческому глазу такая пульсация может быть не заметна, однако в процессе фотосъемки при несовпадении частоты мерцания (в среднем 50 Hz (Гц)) кратности установленного значения выдержки в настройках фотоаппарата (1/50, 1/100, 1/150 и т.д.) неизбежно происходит появление полос по всей площади кадра, а также искажение баланса белого в сторону желто-зеленого спектра.

Подводя итог, отметим, что иллюстрации на фототаблице должны обеспечивать наглядность признаков исследуемых объектов. По своему процессуальному статусу, фототаблица – это приложение к заключению эксперта. Поэтому никаких технических или смысловых ошибок, приводящих к расхождению иллюстративного материала с текстом заключения эксперта, быть не должно. Причины отмеченных в статье ошибок – исключительно субъективные, допускаемые либо по невнимательности, либо ввиду недостаточной профессиональной подготовки экспертов. Для решения указанной проблемы необходимо на постоянной основе осуществлять повышение квалификации сотрудников экспертно-криминалистических подразделений.

Зиненко Ю.В.,

DOI 10.51980/2021_1_236

кандидат медицинских наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Некоторые проблемы производства комиссионных судебно-медицинских экспертиз в Красноярском краевом бюро судебно-медицинской экспертизы

В структуре КГБУЗ Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (далее – ККБСМЭ) отдел сложных экспертиз является одним из самых важных, поскольку здесь решаются наиболее сложные и спорные вопросы

судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ), пристальное внимание уделяется экспертизам, связанным с оценкой ненадлежащего оказания медицинской помощи («врачебные дела»).

¹ Дисторсия – искривление прямых линий на краях изображения возникающее вследствие изменения масштаба изображения по мере удаления от центра поля к краям. Подробнее см. Бунимович, Д.З. Курс фотографии / Д.З. Бунимович. М.: Легкая индустрия, 1968. С. 52.

На сегодняшний день одной из серьезных проблем, с которой сталкиваются экспертные комиссии в своей повсе-

дневной работе в ККБСМЭ, – это огромное количество производства комиссионных СМЭ (таблица 1.)

Таблица 1

Соотношение общего количества проведенных СМЭ в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ и количества проведенных СМЭ по вопросам, связанным с оценкой ненадлежащего оказания медицинской помощи, за 2016-2020 гг.

Показатели	Годы				
	2016	2017	2018	2019	2020
Всего экспертиз и обследований	970	1050	1070	975	855
Экспертизы по врачебным делам	114	443	464	463	363
Повторные экспертизы	64	51	50	52	50

Данная проблема была озвучена начальником ККБСМЭ в 2019 г. в ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава России»¹. Сравним объемы производства комиссионных СМЭ в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ с объемами производства комиссионных СМЭ в Бюро по Сибирскому федеральному округу за 2018 г. Так, в 2018 г. в Красноярске проведены 1070 комиссионных СМЭ, в Иркутске – 295, в Тыве – 207, в Омске 355, в Алтайском крае – 553, в Томске – 291, в Бурятии – 142, в Кемерово – 484, в Новосибирске – 220, в Хакасии – 286. Подчеркнем, что подобная проблема наблюдается только в Красноярском крае². Разрыв общего количества проведенных комиссионных СМЭ в ККБСМЭ с остальными регио-

нами Сибирского федерального округа чрезвычайно высок, и это с учетом того, что остальные территории по количественному показателю населения значительно превышают Красноярский край. В отделе сложных экспертиз ККБСМЭ работают 9 врачей судебно-медицинских экспертов (вместе с заведующим отделом). Среднее количество экспертиз, производимых одним экспертом, при ориентировочной нагрузке 20 экспертиз в год³, представлено в таблице 2.

Отметим, загруженность отдела сложных экспертиз существенно осложняет работу экспертных комиссий. Экспертные комиссии отдела сложных экспертиз ККБСМЭ просто физически не могут своевременно проводить такое огромное количество экспертных иссле-

Таблица 2

Среднее количество комиссионных СМЭ, производимых одним экспертом в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ за год и за месяц.

	Годы				
	2016	2017	2018	2019	2020
За год	108	116	119	108	95
За месяц	12	13	13	12	10
Всего экспертиз и обследований	970	1050	1070	975	855

¹ Из доклада начальника КГБУЗ ККБСМЭ А.В. Донского в 2019 году на заседании профильной комиссии Экспертного совета в сфере здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации по специальности «Судебно-медицинская экспертиза» в ФГБУ Российском центре судебно-медицинской экспертизы Минздрава России.

² Там же.

³ Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации : приказ Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н, п. 4 // СПС КонсультантПлюс.

дований. Увеличение количества экспертиз влечет за собой увеличение сроков их исполнения и в конечном счете постоянные нарекания со стороны должностных лиц, назначающих комиссионные СМЭ. Срок производства СМЭ имеет огромное значение как для возможности производства данной экспертизы, так и для ее качества.

Так, в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ комиссионные экспертизы чаще проводят в срок свыше 30 дней – 50-54% случаев, от 15-30 дней включительно – 27-35%, до 14 дней включительно – 11-23% случаев, данные представлены в таблице 3.

Таблица 3

Сроки проведения экспертиз (исследований) отдела сложных экспертиз КГБУЗ
ККБСМЭ за 2016-2020 гг.

Сроки проведения экспертиз	Годы				
	2016	2017	2018	2019	2020
До 14 дней включительно	190	182	183	150	148
15-30 дней включительно	258	289	292	311	230
Свыше 30 дней	522	579	595	514	477
Всего экспертиз и обследований	970	1050	1070	975	855

Таким образом, в настоящее время необходимо принять организационные меры по уменьшению общего количества производства комиссионных экспертиз в ККБСМЭ до цифр, положенных по нормам, что позволит уменьшить сроки их производства и повысить качество работы экспертных комиссий.

Законодатель не определяет, когда именно должна назначаться комиссионная судебная экспертиза. Этот вопрос решается органом или лицом, ее назначившим, либо руководителем судебно-экспертного учреждения.

Наиболее подробно комиссионная судебная экспертиза регламентирована в ст. 200 УПК РФ и в ст. 21, 22 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ ГСЭД).

Комиссионная СМЭ имеет следующие особенности:

- производится несколькими, но не менее чем двумя экспертами одной специальности (ст. 200 УПК, ст. 21 ФЗ ГСЭД);
- при производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами одной специальности каждый из них проводит исследования в полном объеме и они совместно анализируют полученные результаты (ст. 22 ФЗ ГСЭД).

Отметим, что в ст. 200 УПК РФ не конкретизирован порядок производства комиссионной судебной экспертизы. Так, в ч. 1 ст. 200 УПК РФ не указано ни одного основания назначения комиссионной судебной экспертизы, это может приводить к необоснованному назначению этого вида судебной экспертизы.

По закону в основном комиссионная экспертиза назначается, если результаты проведенного ранее исследования вызывают сомнения (в рамках ч. 2. ст. 207 УПК РФ).

Так в ч. 2. ст. 207 УПК РФ отмечено следующее: «в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту».

Мы провели анализ постановлений следственных органов и судов Красноярского края за 2016-2020 гг. для выявления оснований, по которым назначались повторные экспертизы в КГБУЗ ККБСМЭ, и разделили наиболее часто встречающиеся на две группы:

1 группа – основания, предусмотренные действующим законодательством;

2 группа – основания, не предусмотренные действующим законодательством.

В первую группу вошли:

- наличие противоречий в выводах и исследовательской части экспертизы;
- недостаточная обоснованность или отсутствие обоснования выводов (касается установления тяжести вреда, причиненного здоровью, давности и механизма повреждений).

Во вторую группу вошли:

- требование надзорных органов (прокуратура);
- указание руководителей следственного органа;
- мнение специалиста, отрицающее выводы эксперта;
- несогласие одной из сторон с выводами эксперта;
- невозможность дать ответы на все поставленные вопросы при первичной экспертизе без привлечения узких специалистов;
- случаи, когда не установлена причина смерти (например, труп гнилой);
- установление соответствия обстоятельств причинения повреждений и механизма их образования при дорожно-транспортном происшествии.

Проанализировав комиссионные СМЭ, проведенные в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ за 2016-2020 гг., мы отмечаем, что количество СМЭ, назначаемых МВД России, сохраняется примерно на одном уровне, отмечается некоторое снижение количества СМЭ, назначенных судами. Повторные СМЭ назначались в случаях сомнений следственных органов и судов в правильности определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека и причины смерти и по Красноярскому краю и сохраняются примерно на одном уровне. В настоящее время наибольшее количество комиссионных СМЭ назначается в случаях, когда необходимо решить вопросы правильности оказания медицинской помощи («врачебные дела»). Количество комиссионных СМЭ по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи составляет за анализируемый период около 42–

47% от общего количества производства комиссионных СМЭ.

Отметим, что достаточно часто назначаются комиссионные СМЭ, связанные с вопросами о правильности, качестве оказания медицинской помощи, исполнении нормативных документов лечащими врачами, возможностях лечебно-профилактических учреждений, что является зачастую компетенцией Росздравнадзора и страховых компаний, а не врачей судебно-медицинских экспертов. Кроме этого в ряде случаев вопросы, которые сформулированы следователями в постановлениях о назначении комиссионных СМЭ по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи, не входят в компетенцию судебно-медицинской экспертизы, на них возможно дать ответ после дополнительного допроса лечащего врача.

Таким образом, до 2018 г. наблюдался стабильный рост общего производства комиссионных СМЭ в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ. В 2019-2020 гг. удалось уменьшить общее количество производства экспертиз, так как от должностных лиц, назначающих комиссионные СМЭ в отдел сложных экспертиз ККБСМЭ, в постановлении о назначении комиссионных СМЭ стали требовать указывать основания назначения повторных экспертиз. В итоге должностным лицам было отказано в производстве комиссионных СМЭ при отсутствии оснований, предусмотренных действующим законодательством (например, комиссионная СМЭ назначена для подтверждения ранее сделанных выводов по требованию прокурора при отсутствии противоречий в первичной экспертизе). Кроме этого часть назначаемых комиссионных СМЭ в отдел сложных экспертиз ККБСМЭ были направлены для их исполнения в районные подразделения ККБСМЭ (г. Ачинска и г. Лесосибирска), так как их производство не требовало привлечения узких специалистов, состоящих в штате ККБСМЭ, и экспертиза могла быть проведена комиссионно не менее чем двумя экспертами районного отделения.

Несмотря на то, что в 2019-2020 гг. уже виден незначительный спад общего

производства комиссионных СМЭ в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ, но на общей картине для г. Красноярска это по-прежнему огромные цифры, что требует принятия организационных решений по дальнейшему уменьшению общего количества производства комиссионных СМЭ.

Отдел сложных экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ – это не просто одно из подразделений КГБУЗ ККБСМЭ, а своеобразная «конечная инстанция», поскольку здесь

производится особый вид экспертиз как по организации (участвуют несколько экспертов, проводятся несколько видов исследований), так и по сложности решаемых вопросов. Поэтому как должностным лицам, назначающим комиссионные СМЭ, так и врачам судебно-медицинским экспертам необходимо помнить, что и экспертизы в этот отдел должны назначаться те, которые требуют привлечения максимальных ресурсов Бюро.

Лисихина Н.В.,

DOI 10.51980/2021_1_240

кандидат медицинских наук

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Состояние и динамика смертельных отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами в контексте гендерного признака

Употребление наркотических средств и психотропных веществ влечет за собой экономические и демографические кризисы среди работоспособного населения, влияя на развитие будущего поколения. Темпы распространения наркомании не снижаются, ставя на особый контроль здоровье и моральные особенности молодого поколения и его наследие, что обуславливает социальные нормы и благополучие настоящего и будущего человечества. Потеря профессиональной трудоспособности, высокая преступность, беспризорность, заболеваемость различными патологиями, снижение качества и продолжительности жизни, а также большое число смертельных отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами в результате их передозировки – все это результат употребления запрещенных веществ.

По данным ежегодного токсикологического мониторинга органов Роспотребнадзора, острые отравления от различных психоактивных веществ остаются актуальной проблемой населения, ведущей к социальной дезадаптации.

Анализ научных работ, посвященных изучению действия различных психоактивных веществ на организм человека и

их последствий, в частности смертельных отравлений, свидетельствует о том, что за последнее время число употребления наркотических средств и психотропных веществ и, как следствие, отравления психоактивными веществами имеет волнообразный характер с выраженной тенденцией снижения.

В настоящее время в Российской Федерации число умерших от потребления наркотических веществ имеет тенденцию к постепенному снижению, но пока еще незначительно, и превышает 4,6 тыс. человек в 2019 г. (2019 г. – 4,4 тыс. человек, 2017 г. – 4,83 тыс. человек, 2011 г. – 3,75 тыс. человек). Ожидаемыми результатами реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года являются сокращение количества случаев отравления людей и снижение уровня смертности населения в результате незаконного потребления наркотиков с 3 случаев до 2,4 случая.¹

По мнению ряда авторов, в судебно-медицинской экспертизе важным является сведения социального и эпидемиологического характера при смертельных отравлениях.

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 23.11.2020. № 733 // СПС КонсультантПлюс.

Спецификой российской демографической ситуации является так называемая сверхвысокая смертность мужчин трудоспособного возраста. Серьезным фактором снижения продолжительности жизни мужчин является наркотизация. Согласно исследованиям наркотизации в Татарстане, среди мужчин примерно в четыре раза больше по сравнению с женщинами не только случайных, но и активных пользователей наркотиков (21,9% опрошенных мужчин и 4,9% женщин сообщали о том или ином опыте наркопотребления). При этом у молодых мужчин в возрасте до 30 лет общий уровень наркотизации достигает 37%, у женщин – 13,1%. Молодые мужчины достаточно активны и в пробах наркотических веществ (27,3%), и в регулярном их применении (7,3%)¹.

А.А. Бабанин с соавт. в результате анализа случаев смертельных отравлений алкоголем и наркотиками лиц мужского пола в Республике Крым получил эпидемиологическую характеристику смертельных отравлений лиц мужского пола некоторыми психоактивными веществами и предложил выявленные количественные показатели использовать при разработке и выборе мер социальной и медицинской профилактики употребления наркотиков².

Проведенный анализ случаев отравлений другим психоактивным веществом – этиловым алкоголем – по г. Красноярску за 2015-2016 гг. подтвердил, что преобладающую долю умерших от отравлений алкоголем составляют мужчины. В 2015 г. из общего количества умерших от этилового алкоголя 119 случаев составили лица мужского пола, 33 – лица женского пола. В 2016 г. от случайного отравления этиловым алкоголем умерли 82 лица мужского пола и 35 лиц женского пола³.

Учитывая актуальность данной темы, мы изучили распределение умерших на основании медицинских исследований трупов, в крови которых были обнаружены различные наркотические средства и психотропные вещества, с учетом гендерного признака как одного из важнейших аспектов социального мониторинга.

Всего проанализированы 717 актов судебно-медицинского исследования трупа по архивным материалам экспертизы трупов КГБУЗ Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы, где причиной смерти установлено отравление различными наркотическими средствами и психотропными веществами.

Анализ структуры смертельных отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами за 2012-2018 гг. показал волнообразный характер динамики абсолютного числа отравлений от психоактивных веществ с четко выраженной тенденцией к снижению, по сравнению с 2012 г. Число установленных отравлений сократилось практически в 1,6 раз. Вероятно, запрет свободного оборота кодеинсодержащих препаратов и слаженная деятельность правоохранительных органов в 2012 г. привели к значительному сокращению потребления дезоморфина и, как следствие, резкому снижению показателя смертности от данного наркотического средства.

Однако заметно увеличение частоты смертельных отравлений с 2016 г. (рис. 1), предположительно это связано с изменением структуры наркопотребления: снижение смертности от потребления традиционных наркотических средств (опиатов) и рост смертности от новых синтетических наркотических средств, а значит, изменение и расширение структуры наркопотребления (наркорынка) с постепен-

¹ Калашникова Г.В. Гендерные различия практик употребления наркотических веществ и алкогольных напитков // Проблемы современной экономики : материалы I Международной научной конференции (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 168-172.

² Бабанин А.А., Беловицкий О.В., Скребкова О.Ю. Анализ случаев смертельных отравлений алкоголем и наркотиками лиц мужского пола в АР Крым // Таврический медико-биологический вестник. 2012. № 2. С. 19-21.

³ Зиненко Ю.В. Анализ преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, и данных об обнаружении этилового алкоголя и его суррогатов у трупов лиц, умерших от различных причин, по городу Красноярску за 2015–2016 годы // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. С. 54-56.

ным вытеснением растительных и полусинтетических опиоидов и значительным преобладанием синтетических наркотических средств и их аналогов, адаптацией к современным методам противодействия, т.е. реструктуризация наркорынка.

При анализе по гендерному признаку данных статистического материала за исследуемый период (рис. 1,2), обнаружено, что большинство погибших от отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами составляют лица мужского пола, общее количество мужчин, умерших за период 2012-

2018 гг., почти в 6 раз больше, чем женщин (86,3% мужчин и 13,7% женщин). Поэтому можно предположить, что в регионе проявляется общая для России тенденция к маскунизации наркопотребления, что объясняется психологическими особенностями личности мужчин. Причем количество умерших мужчин в разные года данного периода находится на одинаковом уровне, у женщин видны небольшие колебания показателя, что также связано с биологическими и личностными различиями.

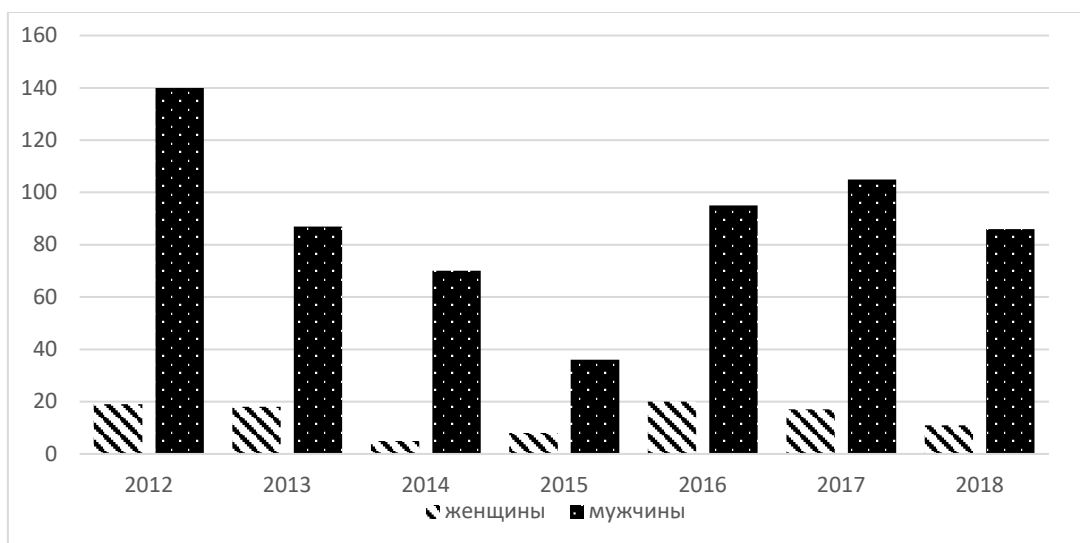

Рис. 1. Абсолютное количество мужчин и женщин, умерших от отравления различными видами наркотических средств и психотропных веществ за 2012–2018 гг.

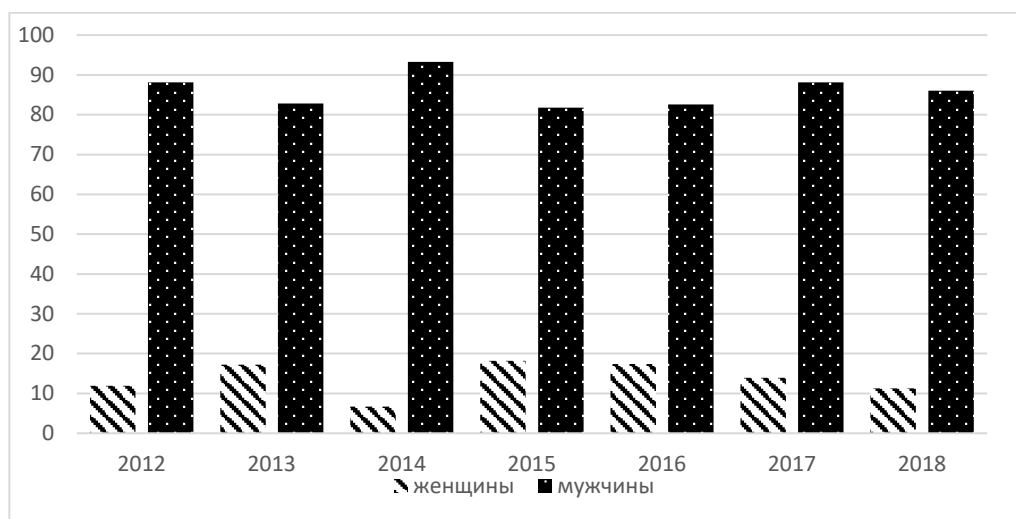

Рис. 2. Процентное соотношение количества мужчин и женщин, умерших от различных видов наркотических средств и психотропных веществ за 2012–2018 гг.

В связи с вышеуказанным, учитывая состояние и динамику смертей от отравлений психоактивными веществами в контексте сравнительного анализа по половому разделению, рассмотренные нами данные целесообразно применять при

разработке профилактических мер в медицинской и социальной сферах, а также в совершенствовании лечебных и реабилитационных мероприятий при токсикологической помощи у больных наркоманией.

Баркова Т.В.

DOI 10.51980/2021_1_243

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О состоянии технико-криминалистического исследования документов (по материалам экспертной практики Красноярского края)

Технико-криминалистическое исследование документов способствует изобличению преступника, установлению личности потерпевшего, ущерба, причиненного преступниками, выяснению способа совершения преступления, уточнению отдельных обстоятельств преступления. И чрезвычайно востребовано при рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел.

Под технико-криминалистическим исследованием документов понимается совокупность специальных технических способов и приемов в целях установления закономерностей возникновения и движения информации в целом документе или в его элементах (реквизитах). Область криминалистического изучения документов характеризуется большим разнообразием, что обусловлено способами их изготовления и подделки, а также возможностями их использования для совершения преступлений.

Большое распространение в последние годы получило мошенничество, связанное с сертификатами на право приобретения жилища путем подделки документов, как в России в целом, так и на территории Сибирского федерального округа. Вред, причиненный общественным отношениям в сфере недвижимости, имеет исключительный характер в силу особой значимости для граждан предмета собственности. У одиноких граждан появляются «фальшивые» родственники,

предъявляющие поддельные документы о своем родстве для оформления имущества в собственность на правах наследства. В результате использования поддельных документов, свидетельствующих об отсутствии обременений, совершаются ничтожные сделки. По данным ЭКЦ ГУВД Красноярского края, в 2020 г. по 153 преступлениям объектами выступали документы. В 174 случаях исследовались материалы по изготовлению сбыту поддельных денег. В 2019 г. по технико-криминалистическому исследованию документов выполнены 2236 экспертиз и исследований, в 2020 г. – 2319.

По словам Н.Г. Осадчей, «по неофициальной статистике каждая 10-12 сделка с жилыми объектами имеет признаки противоправного деяния с использованием обмана второго субъекта»¹. Анализ законодательства свидетельствует о том, что государство адекватно реагирует на эти угрозы и идет по пути усиления ответственности лиц за подделку, оборот поддельных документов (в 2019 г. и в 2020 г. вносились изменения в ст. 327 УК РФ).

Все вышеуказанное свидетельствует об актуальности рассмотрения вопросов технико-криминалистического исследования документов как учеными, так и практиками.

По данным экспертно-криминалистической службы по Красноярскому краю, зарегистрированы в 2019 г. 46530

¹ Осадчая Н.Г. Уголовная политика в сфере мошенничества в жилищной сфере // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сборник материалов седьмой Международной научно-практической конференции / под ред. А.В. Бриллиантова, С.В. Склярова. М.: РГУП, 2020. С. 42-44.

преступления, в 2020 г. – 48152. Доля осмотров места происшествия, проводимых с участием специалистов-криминалистов, по которым в дальнейшем возбуждено уголовное дело, от общего количества ОМП с участием специалиста-криминалиста – 94,4% и 95,9% соответственно. Таковы показатели работы сотрудников экспертно-криминалистических подразделений Красноярского края.

При изучении данной тематики на страницах научных изданий последних лет находим фундаментальные исследования, посвященные технико-криминалистическому исследованию документов, изданные в 2019, 2020 гг., многочисленные статьи ученых, опубликованные в материалах конференций. Однако остается проблема единого толкования основных понятий, включая понятие «документ» и виды документов. Нет единой практики правоприменения; остаются вопросы по правильной квалификации деяний для расследования преступлений, где объектами выступают документы.

Для определения документов важное значение имеют свойства подлинности и оригинальности. Например, М.П. Илюшенко, Т.В. Кузнецова, Я.З. Лившиц считают, что отношения подлинности (оригинальности) и копияности относятся к признакам документов. Согласно философскому словарю, свойство – сторона предмета, обуславливающая его различие или сходство с другими предметами и проявляющаяся во взаимодействии с ними. Данные явления не столько отражают внешнюю сторону, используемую для отличия объекта от других объектов и последующей классификации, сколько представляют собой внутреннюю природу объекта и, соответственно, могут быть определены как свойства определенных объектов. Наделение документов этими свойствами обусловлено условиям функционирования документных систем и задачами реализации функций, документации.

Документы, обладающие свойством подлинности, являются подлинными, не обладающие – фальшивыми и подложными. Подложные документы лишаются

своих оперативных функций социального управления. Одновременно государство берет под правовую защиту подлинные документы, пресекая изготовление подложных. Однако изучение статистики показывает неуклонный рост противоправных посягательств, где документы выступают в качестве средств совершения преступлений. На практике встречаются неквалифицированные подделки документов, квалифицированные и так называемые суперподделки, количество последних, к сожалению, неуклонно растет. Цифровые технологии используются для имитации защитных элементов в документах. Динамичное развитие науки техники последнего десятилетия позволило получить преступникам подделки очень высокого качества, что вызывает трудности с их выявлением. В настоящее время комплекс мер защиты документов от подделки значительно расширился. Он включает: правовую защиту – уголовное преследование лиц, занимающихся подделкой документов; разработаны технические средства, обеспечивающие защиту от подделки; специальные институты – нотариат, занимается вопросами законного тиражирования документов, и т.д.

Для адекватного противодействия преступникам используются полиграфические, голографические и информационные технологии при изготовлении документов. По определению В.М. Маресина, «защищенную полиграфию можно определить как область полиграфии, которая производит полиграфическую продукцию с защитными признаками (элементами) – защищенную полиграфическую продукцию – путем использования специального оборудования, материалов и технологических приемов»¹.

Поскольку для изготовления поддельной подписи, преступниками используется компьютерная техника в сочетании со сканерами и электрофотографическими аппаратами, то своевременно выявить, распознать подделку в условиях современных реалий возможно лишь специалистам. Сотрудники экспертно-крими-

¹ Маресин В.М. Защищенная полиграфия : справочник. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 11.

налистических подразделений МВД России и других ведомств применяют весь спектр современных средств и методов при проведении исследований предметов (веществ) и документов в целях выявления преступлений. Для предварительного исследования документов применяются неразрушающие методы исследования. Кроме подписей, на исследуемых документах, оттиск печати и штампа является вторым по значимости и количеству подделок реквизитом документа; одним из наиболее распространенных объектом технико-криминалистической экспертизы документа, его доля составляет около 30% от общего числа поступающих документов для исследования.

Для успешного раскрытия преступлений рассматриваемого рода и сокращении сроков расследования целесообразно обращаться к системе криминалистической регистрации, которая в автоматическом режиме позволяет дистанционно соби-

рать, обрабатывать и выдавать справочную информацию заинтересованным правоохранительным органам (следственным, оперативным и судебным работникам). Данная система весьма эффективна, поскольку формируется специалистами в области производства и исследования документов, обладающими знаниями в полиграфии, материаловедении, химических и технологических процессах производства документов, а также криминалистическом исследовании документов.

Результативность экспертно-криминалистических учетов в 2018 г. составила 47%, в 2019 г. — 53,3%, в 2020 г. — 59%. Как видим, идет рост показателей результативности экспертно-криминалистических учетов на территории Красноярского края. Однако и это не предел, задачей остается максимально использовать все имеющиеся кадровые, информационные и технические и технологические ресурсы в борьбе с преступностью.

Литвинов Р.В.

DOI 10.51980/2021_1_245

Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск)

Особенности осмотра места пожара

Пожары, независимо от причин их возникновения, причиняют людям и государству в целом крупнейший ущерб, причем независимо от того, повреждена ли социальная инфраструктура, строения или природные ресурсы.

Каждый год в России регистрируются множество пожаров. В частности, в 2019 г. в Российской Федерации зарегистрированы 471 357 пожаров, в которых погибли 8 567 человек и 9 477 человек были травмированы¹. Основными причинами возникновения пожаров являлись: неосторожное обращение с огнем — 339 433 случаев (72% от общего количества пожаров в стране), нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования — 49 638 (10,5%), нару-

шение правил устройства и эксплуатации печей и дымовых труб — 27 122 (5,8%), поджоги — 14 688 (3,1%).

Помимо причинения материального ущерба ежегодно пожары уносят десятки жизней, в том числе детей и лиц, не способных, в силу своих физических или психических качеств самостоятельно заботиться о себе. Встречаются случаи инсценировки пожара с целью сокрытия иного преступления, например убийства, причинения смерти по неосторожности, хищения, растраты имущества и др.

Большая часть всех пожаров случается в условиях неочевидности, обнаруживаясь как результат деятельности конкретных лиц, в том числе неосторожных действий, преступной халатности или

¹ О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 году / Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/4602>.

поджога с целью умышленного уничтожения имущества или создания угрозы для жизни людей.

Сами по себе пожары крайне редко происходят в результате воздействия природных сил, таких как прямые солнечные лучи, разряды молнии и др. Однако в этих случаях по факту возгорания и его последствий могут быть установлены уклонившиеся от исполнения своих обязанностей и соблюдения профилактических мер виновные лица, которые, в соответствии с действующим законодательством должны нести за это ответственность.

После ликвидации пожара либо во время его тушения специалист приступает к установлению его причин, обстоятельств возникновения, причастных лиц и последствий. Данная работа осуществляется дознавателем ГПН МЧС РФ, при наличии признаков поджога в работу включается дознаватель или следователь МВД России, а при наличии погибших работу проводит должностное лицо следственного отдела СК РФ.

Одним из важнейших этапов проверки по факту пожара относится осмотр места происшествия (пожара), особенности проведения которого следует рассмотреть подробнее.

Осмотр места пожара отличается от осмотра других мест происшествий большей трудоемкостью, опасными условиями работы, сопряжен с разборкой и расчисткой остатков конструкций, с тщательным просмотром пожарного мусора, с загазованностью места осмотра раздражающими и токсическими веществами¹.

Протокол осмотра места пожара в ряде случаев может быть составлен в отсутствие понятых при условии фотовидеофиксации процедуры осмотра с соблюдением процессуальных требований. Он является «информационной базой», на основе которой в дальнейшем представляется возможным установить причину пожара, а также виновного в его возникновении. Информационная ценность протокола осмотра места проис-

шествия по делам о пожарах состоит в том, что он составляется во время или сразу после его ликвидации. То есть в тот относительно небольшой период, когда ещё имеется возможность обнаружить и зафиксировать имеющиеся в месте пожара следы и предметы.

Осмотр места происшествия (пожара) позволяет в большинстве случаев установить локализацию очага возгорания, а также количество очагов. Отыскание следов, их фиксация и изъятие на месте пожара требуют высокой квалификации специалиста. В их качестве могут привлекаться, сведущие лица в различных областях знаний, такие как сотрудники ИПЛ МЧС РФ, сотрудники экспертно-криминалистических подразделений МВД РФ, судмедэксперты и др.

Вместе с тем представляется необходимым указать ряд субъективных обстоятельств, затрудняющих качественное проведение осмотра. К ним следует причислить низкую подготовку специалистов, осуществляющих осмотр места пожара, неиспользование специалистом при осмотре места пожара криминалистической техники и отсутствие навыков её использования, ошибки при упаковке изъятых объектов, приводящие к их изменению, утрате или образованию новых, посторонних следов.

В качестве объективных обстоятельств, затрудняющих проведение осмотра места пожара, следует отметить сложность традиционных криминалистических следов, поскольку все поверхности покрыты слоем сажи, воздух не прозрачен вследствие образования взвеси пыли, золы, пара и дыма. Следует учитывать, что сохраняется потенциальная опасность жизни и здоровью находящихся на месте пожара лиц из-за наличия перегретых водопроводных и газопроводных труб, газового оборудования, малозаметных оголенных электрических проводов, прогорания деревянных перекрытий и потери прочности бетонных, грозящих обрушением, и т.д. Кроме того, действия по тушению пожара значительно видо-

¹ Выявление экспертных знаний (процедуры и реализации) / под ред. С.В. Емельянова. М.: Наука, 1989. С. 128.

изменяют первоначальную обстановку на месте происшествия и приводят к уничтожению большого объема криминалистической значимой информации.

Помимо этого от криминалиста требуется необходимый объем знаний для обнаружения среди пожарного мусора, пыли и различных обломков следов ног человека (босых ног либо следов обуви), как отдельного следа, так и дорожки следов, а также следов биологического происхождения (выделения организма человека), которые с течением времени значительно изменяются и утрачиваются. Помимо указанных биологических следов специалист должен обнаружить и изъять следы жидкостей (ЛВЖ, ГЖ), частицы веществ (порох, бикфордов шнур, ВВ и др.), для дальнейшего направления на исследование с целью определения их природы и причастности к возникновению горения. Детальное исследование пожарного мусора позволит лицу, осуществляющему осмотр, обнаружить объекты, касающиеся возникновения пожа-

ра. Также необходимо осматривать электрооборудование и электропроводку на наличие следов аварийных режимов работы, обнаруживать снаружи помещения, в котором произошел пожар, и внутри него самого предметы, не свойственные для типовой обстановки. Рекомендуется обследовать прилегающую территорию и расположенные на ней строения (баня, сарай, гараж, хранилища и др.) с целью обнаружения дополнительных следов, предметов – вещественных доказательств.

Из вышесказанного следует, что только при постоянном повышении квалификации лиц, осуществляющих осмотр, знании особенностей осмотра мест пожара, неукоснительном соблюдении процессуальных требований, при наличии профессионального опыта специалиста может повыситься количество установления причин пожаров и, как следствие, раскрываемость преступлений, связанных с пожарами.

Слепов А.Н.

DOI 10.51980/2021_1_247

Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск)

Иванов П.С.

Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск)

Перспективы применения 3D-моделирования в целях пожарно-технической экспертизы

Использование 3D-моделирования нашло широкое применение во многих областях нашей повседневной и профессиональной деятельности. Большой толчок к его такому распространению послужило развитие технологии, в частности технологии применения моделирования в индустрии развлечения, а также появление доступных способов обработки информации данного типа и возможности использования её почти любым пользователем персонального компьютера, после небольшого обучения.

Проектирование трехмерной модели предмета по заранее разработанному чертежу или эскизу с использованием специальных программных продуктов визуализации и аппаратных устройств в виде компьютеров, планшетов и оргтехники – с помощью этих устройств и программ можно создать и точную копию конкретного предмета или разработать новый, несуществующий объект¹.

Создание трехмерных моделей требует наличие специальных программных и аппаратных средств. К программным

¹ Зими́на Л.В. Трехмерное моделирование: сферы применения, подходы к описанию 3D-моделей, методы компьютерной 3D-анимации // Образование и наука без границ. Фундаментальные и прикладные исследования. Орел. С. 65.

относят приложения 3D-визуализации. К аппаратным принадлежит то, с помощью чего создается и отображается модель (компьютер, 3D-мониторы, 3D-принтеры, 3D сканеры).

Возможность применения 3D-технологии в наше время закрепилось во многих сферах деятельности.

А. Индустрия развлечений. В современном мире почти не встретить какой-либо фильм или сериал без использования 3D-анимации и рендеринга. Это касается как исправления небольших ошибок актеров, так и огромных 3D-симуляций и сцен, где в некоторых из них даже может не быть самого актера. Данные технологии открывают обширные возможности для режиссеров в 21 веке¹.

В. Медицина. В медицине 3D-моделирование может использоваться при проведении хирургических вмешательств, имплантации зубов в стоматологических клиниках, а также при проведении пластической операции, для того чтобы наглядно продемонстрировать пациенту, как будет проходить процедура, и каким будет результат.

С. Архитектура и дизайн. Для архитекторов и дизайнеров освоение современного компьютера и программного графического комплекса позволяет создавать любые трехмерные проекты. Такие инструменты дают почти безграничное пространство для творчества. Производство дизайнерских украшений с помощью специализированных компьютерных программ позволяет воплотить авторам оригинальную и неповторимую эскиз-идею с эффектом фотореализма. Инструменты архитектурного моделирования помогают специалисту визуализировать пространство и исследовать его в интерактивном режиме, при этом обеспечивая интерактивные среды как на уровне городов, так и на уровне определенных зданий. Также компьютерные

изображения могут использоваться для «реинжиниринга» исторических зданий².

Д. Онлайн-сервисы. Мебельные компании для размещения продукции в электронных каталогах, презентации перед инвесторами, а также воплощения своих идей в жизнь конечно же используют разработку создания трехмерных моделей своей продукции³.

Также тюнинг автомобиля – затратное дело, и так же еще и не быстрое. Если проект был неудачен или с какими-то ошибками, то скорее всего получится неудовлетворительный результат и тут потратится немалое количество денег и времени. Но тут 3D-сканирование может неплохо помочь.

Получив качественную модель кузова, дизайнер может смоделировать любой элемент тюнинга и предоставить клиенту визуализацию того, как это будет выглядеть уже на самом автомобиле заказчика, что позволит оценить возможный внешний вид и увидеть разные вариации для работы уже с реальным транспортным средством, не переживая о том, что будут какие-либо потери⁴.

Моделирование для туристических организаций. Практически каждый человек, периодически отдыхающий в разных точках мира, пользуется услугами туристических агентств. Агентства тем временем должны как-то показать места куда предлагают отправиться своим клиентам и привлечь их внимание. 3D-моделирование различных туристических зон может очень сильно помочь таким организациям завлечь дополнительных людей, а также продемонстрировать те самые апартаменты или местность в которые предлагается отправиться. Это может быть модель отеля, пляжа, определенной территории и даже вида из окна. Такие модели гораздо лучше передают атмосферу того отдыха, который ожидает своих временных постояльцев.

¹ Зими́на Л.В. Указ. соч. С. 65.

² Там же.

³ Белякова Т.Е. 3D-моделирование как востребованный навык в современном мире // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности : сборник научных трудов XIV Международной конференции и XII Международного конкурса научных и научно-методических работ. М., 2019. С. 10.

⁴ Top3dshop. URL: <https://top3dshop.ru/blog/3d-skanirovanie-avtomobilej-v-tjuninge-i-remonte.html/>

Е. Применение в криминалистике. 3D-сканер может позволить с высокой точностью проводить баллистическую экспертизу. Желобки и бороздки, остающиеся на пуле после выстрела, являются так называемыми отпечатками пальцев, по которым эксперты могут идентифицировать используемое оружие.

Подход обычного фотографирования пули с разных ракурсов не совсем надежный, потому что даже самое незначительное смещение камеры могло отразиться на точности анализа. Приведем пример: эксперт-криминалист мог принять две различные бороздки с различных сторон пули за одну. Решить данную проблему смогли благодаря новой технологии. Теперь эксперты смогут изучать не плоское изображение пули, а ее полноценную 3D-модель.

Разработка позволяет проецировать лучи белого света через специальный микроскоп на пулю, связанную с уголовным делом. По интенсивности отражаемого света система может определить глубину отметин. Далее компьютер генерирует пригодную для изучения трехмерную модель боеприпаса.

Точность получаемых моделей объектов варьируется от десятков до сотен микрометров. Также есть возможность сканирования с передачей цвета или только формы поверхности. Такие устройства не только упрощают процесс создания трехмерных моделей — они печатают с максимальной точностью по отношению к исходному оригиналу¹.

Ф. Исследования в области тушения пожаров. При планировании действий по тушению пожаров, создание 3D-модели определенного объекта упрощает его изучение. Благодаря этому можно менять точки очагов пожара и заранее

планировать действия по тушению и расстановки сил и средств, даже не приходя на объект или находясь далеко от него. Ведь в модели возможно воспроизвести все возможные сценарии развития горения и даже заранее предупредить об этом и предотвратить возгорание, спасая при этом не только материальные ценности, но и бесценные человеческие жизни.

Также в этой сфере есть возможность создания определенной трехмерной комнаты и объектов с последствиями пожара (обгоревшие стены, сгоревшие электрические приборы и даже пострадавшие или жертвы пожара и его последствий). Так можно, оказавшись там, понять и найти причину возгорания, причину гибели пострадавшего и стадии развития пожара. И данное действие возможно не только профессионалу или специалисту, но и обучающимся в целях более качественного получения знаний в данной области, а после их применения.

В значительной мере, с нашей точки зрения, 3D-моделирование поможет в фиксации объектов, изъятых с места пожара. Данные объекты, для установления причины, как правило, подвергаются разрушающим методам исследования. После исследования сам предмет, как правило, остается в разрушенном состоянии и уже не представляется возможности увидеть его в момент начала изучения экспертом. Для этого и предлагается создавать его 3D-модель посредством сканирования. Это позволит при необходимости заинтересованным сторонам увидеть прибор в состоянии на момент изъятия с места пожара. Таким образом создается база данных разрушаемых объектов, которая может помочь специалистам расследовании пожаров.

¹ Вестник Разахско-русского международного университета. 2015.

Богданов А.А.

DOI 10.51980/2021_1_250

Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск)

Трояк Е.Ю.,

кандидат педагогических наук

Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск)

Перспективы применения МНПВО при ИК-спектроскопии многокомпонентных инициаторов горения

При выполнении судебных пожарно-технических экспертиз часто возникает необходимость проводить анализ образцов, изъятых с места пожара, на предмет наличия зажигательных составов и инициаторов горения, применяемых при поджогах. Для этой цели широко применяются различные инструментальные методы анализа, в зависимости от выбранных аналитических схем исследования¹. Каждый из методов обладает своими достоинствами и недостатками.

ИК-спектроскопия позволяет установить функциональный состав вещества, содержащегося в образце². Поскольку каждое вещество характеризуется своим набором связей, спектр каждого вещества индивидуален. Это позволило в судебной экспертизе широко внедрить метод обработки результатов известный как «метод отпечатков пальцев», поскольку спектральный профиль специфичен для каждого вещества³. Исследование ИК-спектра вещества на предмет его идентификации и структурного анализа проводится путем сопоставления с библиотечными спектрами и/или сравнения со справочными данными, широко представленными в литературе⁴. По чувствительности метод ИК-спектроскопии уступает методам ГЖХ и ФС, однако комплексное использование инструментальных методов анализа позволит получить наиболее достоверную информацию о составе предполагаемого средства поджога.

Исходя из наиболее типичного оснащения судебно-экспертных учреждений «Испытательная пожарная лаборатория» (СЭУ ИПЛ) инструментальными приборами для физико-химического анализа была выбрана следующая аналитическая схема исследования образцов на предмет наличия зажигательных составов и инициаторов горения (рис. 1).

Целью работы являлись:

- изучение возможности исследования методом ИК-спектроскопии образцов грунта, содержащих многокомпонентные органические инициаторы горения и зажигательные средства;
- отработка выбранной аналитической схемы исследования образцов на предмет наличия средств поджога и разработка методики исследования.

Исследование возможности использования приставок многократного нарушенного полного внутреннего отражения (МНПВО) в анализе объектов пожарно-технической экспертизы на содержание ГЖ методом ИК-спектроскопии позволит значительно упростить процедуру пробоподготовки и выполнения измерения.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Использовали ИК-Фурье-спектрометр «ИНФРАЛЮМ® ФТ-08», приставку МНПВО компании «Pike Technologies», кристаллы селенид цинка (ZnSe)-диапазон пропускания 20000-650 см⁻¹, германий (Ge) диапазон пропускания 5500-675 см⁻¹. Для имитации инициа-

¹ Обнаружение и исследование зажигательных составов применяемых при поджогах : методическое пособие / И.Д. Чешко и др. М.:ВНИИПО, 2012. 90 с.

² Андреева Е.Д., Чешко И.Д. Применение ИК-спектроскопии при исследовании объектов изъятых с места пожара : методическое пособие. М.: ВНИИПО, 2010. 91 с.

³ Пожарно-техническая экспертиза : учебное пособие / под общ. ред. О.М. Латышева. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2013. 108 с.

⁴ Напр.: Тарасевич Б.Н. ИК спектры основных классов органических соединений. Справочные материалы. М.: МГУ, 2012. 54 с.

торов горения использовались многокомпонентные смеси доступных (легко приобретаемых в специализированных магазинах) легковоспламеняющихся и горючих жидкостей: (ацетон, уайт-спирит, керосин, бензин, растворители, ксилол, минеральное и синтетическое машинное масло, этиловый спирт) соответствующей (технической) чистоты. Для идентификации использовались соответствующие реактивы марок х.ч. (химически чистый), толуол и ксилол ч.д.а. (чистый для анализа). Отбор проб и пробоподготовка осуществлялись в соответствии с рекомендациями¹. Экстракция осуществлялась тетрахлорметаном (ЧХУ) и эти-

ловым спиртом при температуре 60°C при перемешивании в течение 20 мин. Жидкие пробы помещались на поверхность кристалла микропипеткой в количестве 200 мкг. Накрывались специальной крышкой для жидких проб. Сухие пробы и суспензии растирались в агатовой ступке и помещались на кристалл под специальную прижимную крышку для осуществления плотного прилегания к поверхности кристалла. Программное обеспечение: программа «СпектраЛЮМ» – программа для управления ИК Фурье-спектрометрами типа «ИнфраЛЮМ» и обработки спектральной информации версия 2.0.1.237.

Рис.1. Схема исследования образцов на предмет наличия зажигательных составов и инципаторов горения

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ.

Удовлетворительная и однозначная идентификация по спектру получена только для чистых индивидуальных веществ. Для многокомпонентных смесей близкого молекулярного строения идентификация затруднена вследствие адди-

тивности, в результате чего спектр смеси представляет собой наложение спектров компонентов, что показано на примере смеси уайт-спирита, керосина, и минерального машинного масла (рис. 2).

В данном случае метод ИК-спектроскопии не позволяет уверенно

¹ Обнаружение и исследование зажигательных составов применяемых при поджогах : методическое пособие; Чешко И.Д., Принцева М.Ю., Яценко Л.А. Обнаружение и установление состава легковоспламеняющихся и горючих жидкостей при поджогах : методическое пособие. М.:ВНИИПО, 2010. 90 с.

классифицировать и идентифицировать анализируемый образец. Но предположение о строении компонентов вещества и наличии определенных функциональных групп значительно облегчает выбор методики последующего ГЖХ анализа.

Измерение смесей после экстракции из почвы с использованием этилового спирта и непосредственным снятием спектра грунта на кристалле приставки МНПВО:

смесь № 1: уайт-спирит, бензин «Галоша», скипидар (рис. 3.) Эталонным графиком считаем спектр грунта, снятый на кристалле приставки МНПВО без промежуточных операций. Из спектрограммы видно, что смесь № 1 (график фиолетового цвета) полученная после экстракции совпадает только в двух местах с эталоном (графиком зеленого цвета);

смесь № 2: растворитель Р4, масло полусинтетическое «Лукойл», керосин

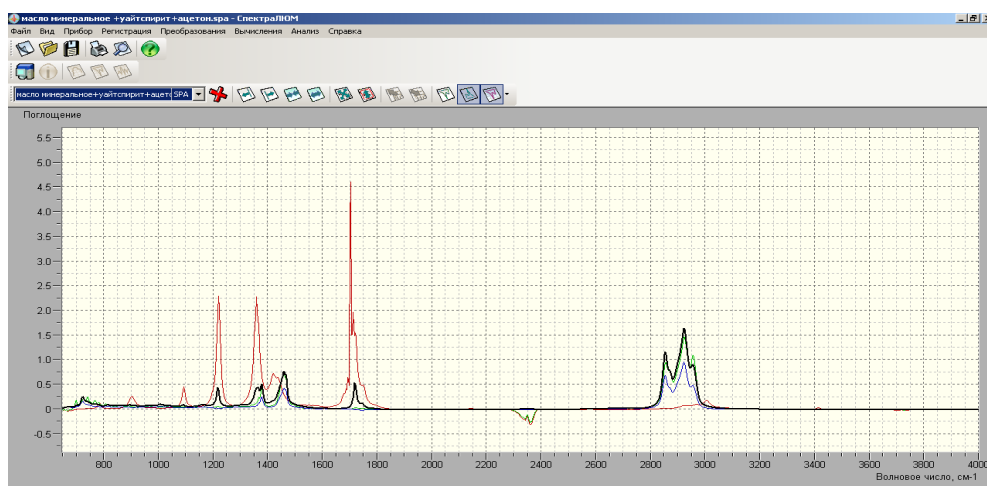

Рис. 2. Спектр поглощения смеси минеральное масло+керосин+ацетон

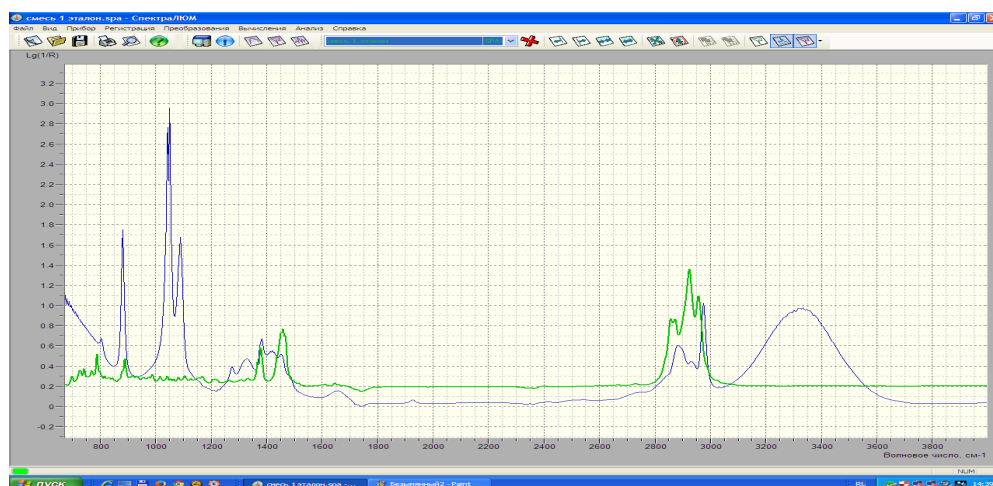

Рис. 3. ИК-спектр смесь № 1, грунт песчаный

Из спектрограммы видно, что смеси № 2 (график голубого цвета) полученной после экстракции, совпадает с эталоном в диапазоне от 1350 до 1500 и в диапазоне от 2800 до 3000 (графиком розового цвета). Также имеются совпадения по высоте пиков, что говорит о сохранении концентрации вещества после экстракции.

В работе доказана возможность применения приставки МНПВО в ИК-спектроскопии для формирования методики идентификации сложных смесей в целях пожарно-технической экспертизы. Предложенный алгоритм методики позволит определять индивидуальные вещества и многокомпонентные смеси с

применением метода ИК-спектromетрии с использованием приставок многократного нарушенного полного внутреннего отражения (МНПВО) на кристаллах селе-

нида цинка и германия, что значительно облегчит пробоподготовку, ускорит проведение анализа и переход к дальнейшим методам исследования.

Сезонова Т.В.,

DOI 10.51980/2021_1_253

кандидат педагогических наук,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании незаконного сбыта наркотических средств через интернет-магазин

Развитие компьютерных технологий, информационно-коммуникационных сетей, в том числе и сети Интернет, повлияло на появление новых способов совершения преступлений, в том числе незаконного сбыта наркотических средств. Для сотрудников органов внутренних дел это создало дополнительные трудности в борьбе с незаконным сбытом наркотических средств бесконтактным способом.

Результаты раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного посредством сети Интернет, напрямую зависят от правильного установления события совершенного преступления, а также от грамотного проведения процессуальных и следственных действий, таких как осмотр места происшествия, обыск, выемка, допрос подозреваемого, от их организации и тактики проведения.

В качестве места совершаемого преступления выступают компьютеры, подключенные к информационной сети, мобильный телефон или любое другое устройство, который имеет доступ к Интернету. При проведении осмотра места происшествия осмотру подлежит диалоговое окно программы, где фиксируются папки компьютера или иного устройства, подключенного к сети Интернет. Необходимым является установить IP-адрес компьютера или иного устройства, подключённого к сети Интернет, с помощью которого осуществлялся незаконный сбыт наркотических средств. В практической деятельности IP-адрес устанавливается путем первоначального установле-

ния владельца интернет-сайта и направления ему соответствующего запроса. После установления IP-адреса появляется возможность установления физического адреса, с которого осуществлялось создание интернет-магазина для сбыта наркотических средств.

Подготовка к проведению осмотра места происшествия также сопряжена с определенными тактическими проблемами, что обусловлено спецификой расследования рассматриваемого состава преступления и связано с нецелесообразностью, а в ряде случаев и незаконностью производства названного следственного действия без осуществления соответствующих подготовительных мероприятий.

Для более качественного проведения осмотра места происшествия при расследовании совершения преступлений указанной категории необходимо привлечение специалистов в области компьютерной техники. Таковыми могут являться инженеры по сетевому обслуживанию, программисты. Следовательно на подготовительном этапе осмотра места происшествия должен не только обеспечить участие специалиста в процессе проведения данного следственного действия, но и убедиться в его компетенции, что является несколько затруднительным. Решение сложившейся проблемы возможно путем привлечения штатных экспертов, в компетенции которых не возникает сомнений. Вместе с тем в настоящее время во многих территориальных подразделениях МВД России такие эксперты отсутствуют, что

говорит о невозможности их привлечения к проведению следственных действий.

В соответствии ч. 9.1. ст. 182 УПК РФ при производстве обыска электронные носители информации могут быть изъяты только с участием специалиста, представляется, что аналогичные требования предъявляются и к их изъятию при проведении осмотра места происшествия. Это порождает необходимость отыскания и привлечения соответствующего специалиста в кратчайшие сроки, так как задержка с копированием информации может повлечь ее утрату и невозможность использования в качестве вещественных доказательств.

На этапе осмотра места происшествия в целях сохранения необходимых сведений на электронном носителе, а также исключения возможности ее копирования, изменения или удаления является целесообразным изъятие электронных носителей. Если в качестве объекта осмотра выступает стационарный компьютер, то изъятию для последующего исследования подлежит его системный блок. Решение об изъятии обнаруженных предметов в ходе осмотра места происшествия следователь принимает самостоятельно на основе сложившейся следственной ситуации.

Тактические проблемы связаны также и с самим процессом изъятия компьютерных носителей информации в процессе проведения выемки, их упаковки и последующего хранения. Изъятие и упаковка компьютерных носителей информации должны обеспечить возможность проведения в последующем компьютерно-технической экспертизы. Хранение данных объектов должно быть сопряжено с принятием всех мер, направленных на их сохранность (например, должно быть исключено расположение технических средств вблизи тепловых приборов).

Немаловажное значение при расследовании уголовных дел по факту незаконного сбыта наркотических средств, совершенного посредством интернет-магазинов, имеет проведения такого следственного действия, как допрос подозреваемого. Допрос относится к категории сложных следственных действий, так как

требует глубоких знаний в области психологии, криминологии, криминалистики. В полной мере это касается допроса лица, подозреваемого в совершении незаконного сбыта наркотических средств бесконтактным способом. При допросе вышеуказанного лица целесообразным является выяснение следующих вопросов:

1) с какой техники осуществлялись создание и использование интернет-магазина, основной целью которого является совершение незаконного сбыта наркотических средств;

2) каковы уровень знаний в области информационных технологии и навыки в использовании компьютерной техники;

3) имели ли доступ посторонние лица к технике, с которой осуществлялись создание и использование интернет-магазина, основной целью которого является совершение незаконного сбыта наркотических средств;

4) какая компания-провайдер предоставила услуги Интернета;

5) каков мотив совершения рассматриваемого нами преступного деяния;

6) на протяжении какого периода совершались преступные действия посредством сети Интернет.

Как показывает практика, наиболее частым является такой случай, когда отношения между следователем и допрашиваемым лицом, подозреваемым в совершении незаконного сбыта наркотических средств бесконтактным способом, носят конфликтный характер. Учитывая это, следователю необходимо в целях получения информации, значимой для расследования уголовных дел, использовать тактические комбинации допроса.

Таким образом, при расследовании незаконного сбыта наркотических средств через интернет-магазин проведение отдельных следственных и процессуальных действий является необходимым. На первоначальном этапе расследования преступления большое внимание уделяется установлению события совершенного деяния путем установления компьютера или иного источника, с которого производились создание и использование интернет-магазина; адреса местонахождения данного технического средства; IP-

адреса лица, подключенного к сети Интернет; времени совершенного преступления. Также необходимо провести осмотр места происшествия с обнаружением, изъятием и последующим осмотром технических средств. Кроме того, большое значение в ходе расследования неза-

конного сбыта наркотических средств бесконтактным способом имеет допрос подозреваемого, целью которого является установление фактических обстоятельств совершенного преступного деяния.

Русанов Н.Ю.

DOI 10.51980/2021_1_255

Барнаульский юридический институт МВД России

Некоторые аспекты допроса лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами

В Российской Федерации в 2020 г. зарегистрированы 189 905 преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, что составляет достаточно большую долю (9,2%) в структуре всей преступности¹. Такое число подобных преступлений обоснованно демонстрирует существенную наркотизацию населения Российской Федерации и убеждает в необходимости совершенствования предварительного расследования таких преступлений.

Не вызывает сомнений, что одним из ключевых доказательств по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств (далее НОНС) являются допросы свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, которыми зачастую являются наркозависимые, и такие негативные свойства личности необходимо учитывать для получения полных и достоверных данных во время данного следственного действия. Злоупотребляющие наркотическими средствами выявляются и допрашиваются как во время первоначального этапа расследования (задержание, обыск и др.), так и после, в ходе планомерного расследования

(осмотр мобильных устройств, документов, телефонных соединений и др.)².

Интервьюирование сотрудников, осуществляющих предварительное расследование на территории Алтайского края, Кемеровской области и Красноярского края, продемонстрировало, что при расследовании преступлений, совершаемых в сфере НОНС, в 92% по таким делам осуществлялись допросы лиц, которые допускали немедицинское потребление наркотических средств³. Кроме того, респонденты обратили внимание, что длительная наркотизация сказывается на психоэмоциональном состоянии личности потребителя, которое в том числе влияет на возникновение устойчивых особенностей поведения таких лиц, и эти особенности зависят от рода потребляемых наркотических средств.

Проведенный анализ побуждает к систематизации и оценки устойчивых признаков личности наркозависимых в зависимости от потребляемого наркотика, с целью рекомендации выбора наиболее рациональной стратегии допроса таких лиц.

Необходимо отметить, что респонденты, производившие допросы наркозависимых, а также лица, занимающиеся

¹ Статистические данные министерства внутренних дел России за 2020 год. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 06.02.2021).

² Ким Д.В., Климачков А.В., Шебакин А.В. Раскрытие и расследование незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети «Интернет»: учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 15-16.

³ Респонденты отметили, что от общего числа потребителей наркотических средств, регулярно употребляли 44% так называемые синтетические наркотики (спайс, скорость, соли и т.д.), 41% – производные из растения опийный мак (опий, героин и т.д.), 12% – каннабис и его производные, 3% – другие наркотические средства (псилоцибин, кокаин и т.д.).

изучением потребителей наркотических средств в области медицины и криминалистики, выделяют три степени наркотизации личности:

– к первой группе отнесены лица, которые употребили наркотики разово или несколько раз либо употребляли наркотические средства от случая к случаю, так называемые начинающие потребители, изменения психики и интеллекта у таких людей незначительны и практические работники самостоятельно диагностировать таких лиц как субъектов употребляющих наркотические средства не могли, выявляли только при наличии иных сведений.

– вторую группу лиц составили потребляющие наркотические средства на постоянной основе, но непродолжительный период времени, что хотя и вызвало психические и эмоциональные изменения личности, но эти изменения не стали носить видимый для неспециалиста характер, указанные лица выявлялись с учетом дополнительных сведений и предположений сотрудников;

– к третьей группе отнесены лица, у которых потребление наркотических средств привело к изменению их личности, такие лица стали обладать характерными, бросающимися в глаза признаками, которые и позволили диагностировать их как лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами без проведения специальных исследований¹.

В ходе исследования следователи и дознаватели отметили, что около 25% из числа опрошенных ими наркозависимых имели такие физические и психоэмоциональные изменения, которые позволили им самостоятельно, без участия врача нарколога определить, что допрашиваемое лицо длительное время употребляет наркотическое средство определенной группы. Сведения о наркотизации остальных допрашиваемых они смогли выявить, только при изучении и

анализе других данных (допросы, результаты экспертиз, акты медицинских освидетельствований, материалы оперативно-розыскных мероприятий и др.) В настоящей статье хотелось бы остановиться именно на тех признаках, изменения личности, на которые следователи и дознаватели обратили внимание и диагностировали их как признаки длительного злоупотребления наркотическими средствами определенной группы; указанные свойства личности подтверждаются и врачами, психиатрами и наркологами.

Следует отметить, что лица, злоупотребляющие наркотическими средствами каннабисной группы (марихуанна, гашишное масло, гашиш), характеризуются зрительными и слуховыми галлюцинациями, тревожностью, аффективными расстройствами, отрывочными бредовыми переживаниями. При абстинентном синдроме указанные признаки дополняются отвлеченностью внимания, тремором конечностей и век, раздражительностью, неусидчивостью, одна из отличительных свойств личности – такие лица не считают себя зависимыми. Внешние признаки при употреблении наркотических средств каннабисной группы проявляются в виде частого дыхания, бледности кожных покровов, бессвязности и торопливости речи, исходящего от наркозависимого специфического запаха².

Лица, злоупотребляющие наркотическими средствами опийной группы, имеют другие общие признаки отклонения психики и физиологии. Такие лица страдают снижением концентрации восприятия, уменьшением памяти, быстрой утомляемостью, общим снижением умственной трудоспособности. Во время наркотической абстиненции имеют подавленное раздраженное настроение, наличие страха, страдают общим ухудшением сна, склонны обвинять посторонних в их болезненном состоянии, невнимательны к своим близким, неряш-

¹ Буркин М.М., Горанская С.В. Основы наркологии : учебное пособие. Петрозаводск: Карелия, 2002; Гейслер, Е.В., Дроздов А.А. Психиатрия : учебное пособие. 2-е изд. Саратов: Научная книга, 2019; Психиатрия и наркология : учебник / Н.Н. Иванец, Ю.Г. Тюльпин, В.В. Чирко и др. М.: ГЭОТАР Медиа, 2012.

² Дудин И.И. Зависимость от каннабиноидов в структуре сочетанной психической патологии по данным отдаленного катамнеза: клинический, клинко-эпидемиологический и социо-демографический аспекты : автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 2009.

ливы. Внешние признаки проявляются в виде сухости и бледности кожных покровов, сужения и неравномерности зрачков, неуверенности походки, частой зевоте, чихании, слезотечении и повышенном слюноотделении, в некоторых случаях появляются судороги и тремор конечностей, такие наркозависимые также источают специфический запах¹.

Уже в ходе беседы и наблюдения за допрашиваемым следователю (дознавателю) с учетом совокупности имеющейся информации и сведений, полученных при непосредственном контакте с допрашиваемым, необходимо установить продолжительность и вид наркотических средств, который он потребляет, с целью использования этой информации для выбора наиболее оптимальной тактики допроса. В связи с этим, получив до допроса или во время его проведения сведения, анализ которых может с уверенностью убедить следователя (дознавателя) в том, что допрашиваемое лицо страдает зависимостью от определенного наркотика, можно выбрать необходимый комплекс тактических приемов, которые позволят выявить необходимую информацию.

В качестве примера хотелось бы остановиться на особенностях применения такого тактического приема, как беседа, который используется как для снятия напряжения, так и для его создания. В том случае, если основной задачей применения данного приема является снятие напряжения у лица, которое предстоит допрашивать, в зависимости от вида потребляемых наркотиков следует выбирать темп беседы, регулируя его для снятия напряжения. К примеру, для лиц, злоупотребляющих каннабисом, которые склонны к

тревожному состоянию и резким движениям, не следует во время беседы повышать тон, не задавать резких вопросов, попытаться убедить человека, что ему ничего не нужно бояться. Лицам, злоупотребляющим наркотическими средствами опийной группы, в ходе беседы следует предоставить инициативу в выборе объяснений причины их пристрастия, так как данным лицам свойственно переносить ответственность на жизненную ситуацию и прочие, якобы объективные, факторы.

При беседе, целью которой является создание напряжения, в зависимости от вида потребляемых наркотических средств возможно использовать знания для создания некомфортного состояния для допрашиваемого. Допустимо сообщить о наличии у него нестандартных объемов зрачков, наличие тремора, специфического запаха и др., продемонстрировав осведомленность о нестандартных свойствах личности наркопотребителя, в том числе в зависимости от наркотического средства, которое потребляет такое лицо, тем самым создать ему психологически некомфортное состояние.

Подводя итог, следует обратить внимание, что при умелом использовании сведений о степени наркотической зависимости допрашиваемого и знаний о видах наркотических средств, которым злоупотребляет допрашиваемый, лицо, осуществляющее допрос, может применить верно, тактические приемы производства допроса, что позволит получить правдивую и полную информацию.

¹ Василевский Л.М. Дурманы : (наркотики) / под ред. В. Броннера. М.: Новая Москва, 1924.

Платонов Л.А.

DOI 10.51980/2021_1_258

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Хрущев А.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Действия следователя при тождественном расследовании незаконной банковской деятельности и наркопреступлений

Сущность незаконной банковской деятельности состоит в перечислении клиентами безналичных денежных средств с расчетных счетов подконтрольных им организаций на расчетные счета фирм-однодневок, контролируемых преступниками, для их последующего получения в наличной форме и вывода в теневую экономику, то есть из под финансового и налогового контроля со стороны государства. Данные денежные средства зачастую появляются у клиентов в результате совершения иной преступной деятельности, особенно связанной с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Своевременное выявление, раскрытие и расследование незаконной банковской деятельности становится наиболее важной задачей для сотрудников органов внутренних дел, поскольку способствует расследованию наркопреступлений.

Успешное расследование незаконной банковской деятельности зависит от правильно сформированных у следователя исходных следственных ситуаций, которые можно подразделить на несколько групп.

1. Оперативные сотрудники при проведении оперативно-розыскной деятельности сами обнаруживают организацию, занимающуюся незаконной банковской деятельностью. В данном случае необходимо решить следующие тактические задачи: установление организаторов преступления, установление периода занятия незаконной банковской деятельностью, установление незаконно полу-

ченного дохода от незаконной банковской деятельности.

2. Проведение проверок, ревизий контрольно-надзорными органами, посредством которых выявляются факты осуществления банковских операций, на осуществление которых необходима лицензия. В данной ситуации необходимо решить такие тактические задачи, как документирование фактов преступной деятельности, установление периода занятия незаконной банковской деятельностью, определение незаконно полученного дохода. По мнению Н.А. Даниловой, определение данных обстоятельств также предполагает установление не только самого факта причинения ущерба, но и причинной связи между незаконным выполнением банковских операций и наступлением последствий; также необходимо установить, в чем выразился ущерб, кому он был причинен и в каком размере¹.

3. Третья исходная ситуация: при осуществлении оперативно-розыскной деятельности или при проведении проверок обнаруживается факт незаконной банковской деятельности в организациях, действующих на законных основаниях. Система тактических задач такая же, как и в первой исходной ситуации. Частым случаем является установление фактов оказания содействия другими организациями, в большинстве случаев реализующими свою деятельность законными путями. Содействие может выражаться через предоставление помещений, оборудования, технических средств.

Способ обнаружения незаконной банковской деятельности в дальнейшем и определяет, к какой исходной следст-

¹ Данилова Н.А. Общая типовая программа исследования события с признаками незаконной банковской деятельности //Криминалистика. 2008. № 2. С. 62.

венной ситуации следует отнести совершенное деяние. Для установления события преступления необходимо выяснить все места, где мог выполняться любой из элементов способа, использованного преступниками. В данном случае место преступления включает в себя все те места, где осуществлялся прием заказчиков «обналички», заключались различного рода документы, выполнялись незаконные финансовые операции, осуществлялись прием и выдача денежных средств, возможно, рекламировалась данная деятельность путем размещения баннеров, плакатов, объявлений и т.д. Выяснение вышеперечисленных обстоятельств возможно посредством проведения таких следственных действий, как обыск, допрос подозреваемых лиц, а также свидетелей, заказчиков «обналички», путем экспертиз используемых преступниками технических средств.

Программу действий следователя при расследовании незаконной банковской деятельности можно представить пошагово, в виде алгоритма:

1. При получении информации о совершении преступления следователю, прежде всего, необходимо определить способ осуществления незаконной банковской деятельности посредством допроса сотрудников налоговых органов,

банковских сотрудников по вопросам открытия и обслуживания банковских счетов, используемых в преступной деятельности, по средствам проведения обысков в помещениях, где осуществлялась незаконная банковская деятельность, посредством выемки документов, содержащих информацию о движении денежных средств, а также путем назначения судебных экспертиз.

2. Установить факты осуществления незаконных банковских операций, путем проведения обысков в помещениях, назначения различных экспертиз.

3. Определить суммы, полученные от незаконной деятельности, а также наступивших последствий.

Таким образом, для полного и всестороннего расследования незаконной банковской деятельности следователю, согласно перечню судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД¹ необходимо назначить ряд экспертиз: судебно-бухгалтерскую, компьютерную, технико-криминалистическую экспертизу документов, финансово-аналитическую. Пособием проведения таких экспертиз возможно установить способ совершения преступления, круг лиц, задействованных в этом, а также сумму полученного преступным путем дохода.

Мезинов Д.А.,

DOI 10.51980/2021_1_259

кандидат юридических наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Об использовании в тактике допроса сведений о мотивационной сфере личности допрашиваемого

В криминалистической тактике достаточно традиционна разработка тактических приемов и рекомендаций проведения такого следственного действия, как допрос, с опорой на использование сведений о психологических свойствах и структурных элементах личности допра-

шиваемого. Среди таких свойств и элементов личности любого человека особо важную роль выполняют свойства, элементы её мотивационной сферы, что, вслед за психологами², применительно к личности преступника, обвиняемого (подозреваемого) признается в работах

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29.06.2005 № 511. URL: <http://www.consultant.ru>.

² См., напр.: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. С. 182-183, 344.

ученых наук уголовно-правового цикла¹, включая криминалистику.

Обобщая даваемые в этих работах понятия, в наиболее общей форме можно определить понятие мотивационной сферы личности обвиняемого² следующим образом: это относительно устойчивая, иерархически организованная система мотивов (мотивационных образований), которая является побуждающей и направляющей определенную деятельность и поведение обвиняемого подсистемой его личности. Составляют мотивационную сферу личности обвиняемого такие её элементы, являющиеся устойчивыми и носящими личностный смысл мотивационными образованиями, как потребности, ценностные ориентации, влечения (желания), интересы, увлечения, привычки, мотивационные установки, иные побуждения, которые могут при взаимодействии с определенной ситуацией выступать в качестве мотивов различных проявлений поведения и деятельности обвиняемого. Относительно мотивационной сферы личности любого допрашиваемого, независимо от его процессуального статуса (кроме обвиняемого, подозреваемого у него может быть статус потерпевшего или свидетеля) можно утверждать то же самое.

Одним из известных тактических приемов, предполагающих использование сведений о мотивационной сфере личности лица в тактике его допроса, является прием «стимулирования положительных (отрицательных) качеств личности». Этот прием в варианте стимулирования положительных качеств личности включает в себя психологическое воздействие допрашивающего на содержащиеся (и ведущие, доминирующие) в мотивационной сфере личности допрашиваемого чувства (отношения), влечения к определенным лицам, мотивационные установки, привычки, склонности к опреде-

ленным деятельности, поведению, образу жизни, имеющим положительную социальную оценку и обеспечивающим удовлетворение его потребности в самоуважении (удовлетворение его чувства собственной значительности).

Так, может использоваться воздействие на особое отношение допрашиваемого к социальному институту семьи вообще и к своей семье в частности («отличный семьянин»), склонность к социально полезной деятельности по месту жительства (например, по благоустройству микрорайона, общего имущества и окружающей территории многоквартирного дома), к проявлению активной гражданской позиции в решении вопросов государственного, местного и общественного значения (реализуемой, например, в депутатской деятельности того или иного уровня, в организации и участии в деятельности общественных организаций) и др.

Стимулирование отрицательных качеств личности допрашиваемого также возможно в тактических целях допроса, т.е. это тоже психологическое воздействие на элементы мотивационной сферы личности допрашиваемого, вызывающие деятельность, поведение и образ жизни, однако имеющие уже отрицательную социальную оценку, но при этом все-таки обеспечивающие удовлетворение его потребности в самоуважении (удовлетворение его чувства собственной значительности). Например, может использоваться воздействие на чувства солидарности с другими участниками преступной группы и особого уважения к наиболее авторитетным её членам, в случаях ранее начавшегося сотрудничества таких членов преступной группы с органами уголовного преследования.

Сведения о мотивационной сфере личности допрашиваемого также могут использоваться для создания у него

¹ Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж, 1975. С. 6-7, 11, 25; Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 6; Криминальная мотивация. М.: Наука, 1986. С. 23; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. С. 29-30, 35-41, 108; Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 14, 26, 53-70, 87-99.

² Этим понятием в данном случае обозначается любое фактически подвергаемое уголовному преследованию лицо, независимо от наличия или отсутствия у него в конкретный момент времени процессуального статуса обвиняемого (в том числе осужденного, которого после вступления приговора в законную силу можно считать преступником в юридическом смысле).

понимания (можно сказать, чувства) общности определенных интересов, увлечений, склонностей, привычек, мотивационных установок и т.п. с допрашивающим. В конфликтной ситуации допроса это может обеспечить преодоление у допрашиваемого неконструктивной внутренней оценки ситуации допроса как противопоставления, с одной стороны, социальной общности «они» (допрашивающий, иные представители правоохранительных органов, а иногда здесь подразумеваются вообще все законопослушные граждане), с другой стороны, социальной общности, включающей «я» (допрашиваемый со своими особыми интересами, склонностями и представлениями о законе, отличающимися от таковых

у «они»). В результате создаются условия для конструктивной оценки ситуации допроса как принадлежности допрашиваемого и допрашивающего к единой социальной общности «мы» (мы — спортсмены, мы — знатоки той или иной техники, мы — ценители определенных направлений культуры (литературы, музыки, живописи, искусства) и др.).

Описанные тактические возможности использования сведений о мотивационной сфере личности допрашиваемого могут как способствовать установлению конструктивного психологического контакта с ним, так и стимулировать у него установку на сотрудничество и положительное поведение — дачу правдивых показаний.

Лебедев Н.Ю.,

DOI 10.51980/2021_1_261

доктор юридических наук, доцент
Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

К дискуссии о возможности проведения предъявления для опознания живых лиц по голосу и речи

Следственное действие «предъявление для опознания» достаточно широко применяется при расследовании преступлений самых различных категорий.

Проблемы, касающиеся как правового регулирования, так и тактики производства данного следственного действия, широко освещаются в научных работах процессуалистов и криминалистов.

Высказываются аргументированные мнения о возможности проведения опо-

знания по посмертной маске умершего¹, по функциональным признакам², поднимаются проблемные вопросы участия в опознании несовершеннолетних и особенно малолетних³, возможности проведения опознания с участием слепых⁴, рассматриваются особенности проведения опознания по видеоизображениям⁵ или «по общему образу»⁶, и другие аспекты.

В работах учёных особое внимание уделяется подготовительному этапу дан-

¹ Мисник И.В. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (6). С. 110-114.

² Дроздов А.В. Признаки атаксической походки, используемые при проведении опознания // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2011. № 14. С. 208-211.

³ Сажаев А.М. Личностные особенности несовершеннолетних и их влияние на организацию и тактику предъявления для опознания // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 4 (4). С. 223-230.

⁴ Пятицкая Н.Р., Королева Д.В. Особенности производства предъявления для опознания с участием слепых и слабовидящих потерпевших при расследовании мошенничеств // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 5 (72). С. 46-51.

⁵ Ильин Н.Н. Предъявление лица для опознания по видеоизображениям: тактические особенности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2. С. 75-81.

⁶ Князьков А.С. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 81-86.

ного следственного действия, в которых раскрывается его значимость для качественного производства опознания, особенно в связи невозможности повторности его проведения¹.

Нам хотелось бы затронуть ещё один из проблемных аспектов «предъявления для опознания» и присоединиться к дискуссии о возможности проведения опознания живых лиц по голосу и речи. И несмотря на то, что дебаты по данному вопросу уже длятся не одно десятилетие, имеющиеся научные исследования, а также анализ судебной практики позволяют сделать вывод, что в настоящее время ни в теории, ни в судебной практике нет единого взгляда по данному вопросу.

Проанализировав представленные в научной литературе точки зрения, я условно всех участников дискуссии позволил себе разделить на три группы учёных.

К первой группе я отнёс учёных, которые категорично отвергают возможность проведения опознания живых лиц по голосу и речи. Во вторую группу мною были включены учёные, которые не только поддерживают такую возможность, но и активно разрабатывают тактические приёмы проведения опознания в таком формате. В третью группу мною были отнесены учёные, которые допускают возможность проведения опознания по голосу, но при условии серьёзного внесения корректировок в ст. 193 УПК РФ.

Конечно, рассмотреть все описываемые учёными аргументы в защиту той или иной позиции не представляется возможным, поэтому позволим себе представить только некоторые из них.

Многие авторы, невозможность проведения опознания по голосу аргументируют тем, что в УПК РФ делается акцент на визуальное восприятие опознающего объектов подлежащих идентификации, и поэтому особенности речи и голоса

могут учитываться только как дополнительные признаки².

Интересные выводы по данному аспекту делает А.А. Отаров, он пишет, что опознание по голосу в настоящее время трудно реализуемо по причине высокой степени признания результатов недопустимыми ввиду отсутствия нормативного закрепления в УПК РФ, но при этом предлагает реализовывать возможность «голосовой» идентификации живых лиц через следственный эксперимент³.

Группа исследователей из Нижегородской Академии МВД РФ и РУДН, наоборот, говорит о некорректности проводить отождествление живых лиц, по голосу в ходе следственного эксперимента и поднимают вопрос о необходимости, по аналогии с УПК Республики Казахстана, внесения в УПК РФ соответствующих дополнений, которые позволят проведение идентификации человека по походке и голосу⁴.

Н.А. Андроник не только поддерживает мнение о возможности проведения опознания живых лиц по голосу, но и представляет достаточно развёрнутый вариант тактики его подготовки и проведения, в то же время автор отмечает проблемные аспекты, связанные с подбором статистов, необходимостью подбора участников с похожей высотой, силой, тембром и другими возможными особенностями голоса и речи⁵.

Вызывает интерес исследование Е.В. Егоровой, в котором автор не просто поддерживает мнение о возможности опознания по голосу, но и предлагает авторскую классификацию признаков голоса, по которым возможно идентифицировать личность, разделяя их на общие (мужчина или женщина; национальность; лексические; грамматические;

¹ Чуприна Е.П. Особенности предъявления для опознания живых лиц // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2014. № 7. С. 150-158.

² Светочев В.А. К вопросу о допустимости опознания лица по голосу // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (31). С. 19-22.

³ Отаров А.А. Отдельные виды предъявления для опознания и перспективы их совершенствования // Юристы-Правоведы. 2020. № 1 (92). С. 125-129.

⁴ Виды предъявления для опознания. Нужны ли изменения в УПК РФ? / В.М. Баранов, И.И. Белозерова, С.Б. Зинковский и др. // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 125-131.

⁵ Андроник Н.А. Тактические особенности предъявления для опознания по функциональным признакам // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 89-92.

географические) и частные (заикание; хрипота; картавость; косноязычность)¹.

Профессор Н.Т. Ведерников, в целом поддерживая позицию Е.В. Егоровой, призывает не забывать, что признаки речи воспринимаются и в последующем описываются опознающим с учётом их субъективного восприятия — «доступности понимания; возможности объяснения бытовым языком; формализация описываемых признаков»².

В противовес представленным позициям наш белорусский коллега Ю.А. Матвейчев из Могилевского института МВД Республики Беларусь достаточно категорично относится к возможности проведения опознания по голосу и считает, что невозможно проведения опознания не только по голосу, но и опознание участков местности и помещений³.

В ходе личной беседы с профессором Л.В. Бертовским по данному вопросу он также высказывал мнение о не возможности проведения опознания по голосу в виду того, что опознаваемый просто напросто в момент проведения следственного действия будет умышленно искажать голос и речь, может изображать заикание или акцент представителей кавказских национальностей.

Как можно видеть, каждая из сторон приводит достаточно обоснованные аргументы своей позиции.

Анализ эмпирического материала свидетельствует о неоднозначности позиции судей о возможности проведения опознания по голосу. В большинстве случаев суды стараются не принимать во внимание результаты опознания лица по голосу и не обосновывать на таком доказательстве выводы суда в приговоре, но в то же время судебная практика Верховного Суда РФ знает примеры, когда результаты такого предъявления для опознания признавались законными и ложились в основу обвинения (кассационные определения Верховного Суда РФ от 07.04.2006 № 43-006-4 СП, от 26.02.2008

№ 4-008-8 СП, апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.08.2016 № 31-АПУ16-4сп).

Представленные результаты анализа доктринальных позиций учёных и судебной практики позволяют нам сделать вывод, что опознание лица по голосу и речи в ходе предварительного расследования преступления возможно, но с соблюдением целого ряда правил и требований. Например, можно предложить порядок предъявления для опознания лица по голосу и речи, состоящий из пяти взаимосвязанных «требований», которые по содержанию будут соответствовать и предписаниям закона (УПК РФ), и разумной логике с точки зрения достоверности.

Во-первых, соблюдая процессуальное требование, опознающий должен быть допрошен на предмет фиксации признаков речи и голоса, по которым он опознает предъявляемое лицо. При этом это должен быть не один признак, а определённая совокупность.

Во-вторых, опознающему предлагается опознать лицо не по «живому» произношению слов человеком, а по записи его «естественного» голоса, которая сделана в условиях, исключающих возможность его умышленного искажения, например используется запись голоса, полученная при фиксации показаний в ходе допроса или проверки показаний на месте. Количество записей со схожими признаками голоса и речи предъявляется в количестве не менее трёх (похожие записи голоса статистов).

В-третьих, процедура предъявления для опознания лица по голосу должна повторяться не менее трёх раз, при этом каждый раз должна заменяться запись текста, произносимого лицом, которое предполагается опознать, а также должны заменяться записи голосов статистов.

В-четвёртых, если опознающий в ходе всех трёх раз безошибочно опознал голос одного и того же лица (опозна-

¹ Егорова Е.В. Правовые и тактические особенности предъявления лиц для опознания по голосу и речи // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 2. С. 46-49.

² Ведерников Н.Т. Анализ речи опознаваемого при производстве предъявления для опознания: процессуальные и тактические аспекты // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 148-151.

³ Матвейчев Ю.А. Объекты и цель предъявления для опознания: дискуссионные вопросы в уголовном процессе и криминалистике // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2017. № 14. С. 164-166.

ваемого), то мы можем говорить о высокой степени достоверности полученной информации и возможности её использования в качестве доказательств.

В-пятых, если опознающих ошибся хотя бы раз, то результаты такого опознания не могут быть признаны доказательствами и, скорее всего, мы можем говорить об ориентирующем характере данной информации.

Безусловно, предложенный порядок предъявления для опознания лица по голосу и речи является условным и

предполагает необходимость более глубокой проработки как с точки зрения внесения корректировок в ст. 193 УПК РФ, так и проработки тактико-криминалистического сопровождения данного следственного действия в рассматриваемом формате. Но в любом случае указанные обстоятельства свидетельствуют, что разрешение описываемой в статье дискуссии – это не дань моде, а назревшая необходимость, требующая законодательного урегулирования.

Лебедева Ю.В.,

DOI 10.51980/2021_1_264

кандидат психологических наук

Сибирский институт управления филиал РАНХиГС (г. Новосибирск)

Некоторые проблемы понимания сущности психологического контакта при производстве следственных действий

Довольно часто в криминалистической и психологической литературе мы встречаем понятие «психологический контакт», авторами данное понятие характеризуется существенно по-разному. Существующая разность мнений, позиций, взглядов раскрывает масштабность и актуальность изучаемого феномена «психологический контакт» и его значение для криминалистики.

Примерно в 1970-х гг. впервые данное понятие нашло отражение в работах известных криминалистов (Н.И. Порунов, А.В. Дулов, А.Б. Соловьев, В.Л. Васильев, Г.Г. Доспулов, А.А. Закатов и др.) и на сегодняшний день интерес к понятию и его сущности не утихает.

При устойчивом интересе психологии, психологии управления, юридической психологии, криминалистики на сегодняшний день нет единого понимания, что подразумевается под «психологическим контактом» и по каким параметрам мы можем определить, что он состоялся.

На наш взгляд необходимо представить разницу мнений, позиций, взглядов на понимание «психологический контакт». Сравнительный анализ понятия «психологический контакт» представленный в таблице, позволит отразить всю актуальность дальнейшего формирования более полной «картины» изучаемого феномена.

Таблица

Сравнительный анализ мнений и взглядов на понятие «психологический контакт»
в криминалистике

Авторы	Раскрываемое понятие «психологический контакт»
Г.А. Зорин	«как универсальное понятие, которое представляет собой профессиональную коммуникацию с обратной связью» ¹
С.А. Тишков	«психологический контакт не является взаимодействием в точном значении этого термина ... а только создает соответствующую деловую атмосферу допроса, необходимую для дальнейшего взаимодействия» ²

¹ Зорин Г.А. Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты : учебное пособие. Гродно, 2003. 109 с.

² Тишков С. А., Тишков Д. С. Установление психологического контакта или вовлечение в беседу. Проблема терминологии или различные подходы к тактике допроса // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9 (46). С. 2004-2007.

Продолжение таблицы

Авторы	Раскрываемое понятие «психологический контакт»
Г.А. Вартанян	«своеобразная оболочка, выступающая предпосылкой для взаимодействия и взаимовлияния следователя и допрашиваемого и являющаяся необходимым условием для их успешного общения» ¹
Ю.П. Михальчук	«умение следователя создать такое состояние собеседника, при котором у несовершеннолетнего обвиняемого возникнет ощущение спокойствия, справедливости и доверия к следователю» ²
Е.В. Стрельцова	«как доброжелательные, доверительные отношения путем создания следователем благоприятных условий и применение специальных приемов для активизации желания, и стремления несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого дать правдивые показания и поддерживать процесс общения с сотрудником правоохранительных органов» ³
М.Ю. Флоровский, А.А. Синюгина	«является обязательным атрибутом успешного межличностного общения взаимодействующих сторон и представляет собой результат прочно установившегося состояния взаимопонимания, доверия и деловой активности» ⁴
Ю.В. Чуфаровский	«процесс установления и поддержания взаимного тяготения общающихся лиц. Если люди проникаются интересом или доверием друг к другу, можно говорить, что между ними установился психологический контакт» ⁵
В.К. Бабаева	«отношения, которые характеризуются желанием и готовностью собеседников участвовать в общении друг с другом. Установить психологический контакт – значит, вызвать у собеседника симпатию по отношению к себе, или, по меньшей мере, не вызвать у него антипатию. Психологический контакт – это предпосылка для развития дальнейших отношений» ⁶
А.В. Дулов	«целенаправленная, планируемая деятельность по созданию условий, обеспечивающих развитие общения в нужном направлении и достижение его целей» ⁷
Н.И. Порубов	«система взаимодействия людей между собой в процессе их общения, основанного на доверии: информационный процесс, при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга» ⁸
А.Б. Соловьев	способ коммуникативных связей, как возникновение своего рода «эмоционального доверия» к следователю. в известном смысле психологический контакт «носит односторонний характер: следователь стремится получить как можно больше информации от допрашиваемого и сам не заинтересован в обнародовании имеющихся в его распоряжении данных по делу» ⁹

¹ Вартанян Г.А. Психологический контакт: терминологические проблемы использования феномена в научном обиходе и практической деятельности следователя // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 2. С. 12-18.

² Михальчук Ю.П. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 94.

³ Стрельцова Е.В. Тактические и психологические основы допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 124.

⁴ Флоровский М.Ю., Синюгина А.А. Тактика допроса: особенности установления психологического контакта. URL: <http://www.znat.ru/data/news/127-taktika-doprosa-sobennosti-uhtml> (дата обращения: 10.02.2021).

⁵ Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной деятельности. 2001. URL: <http://ci-razvedka.ru/htm> (дата обращения: 09.02.2021).

⁶ Бабаева В.К. Налоговая полиция. 2000. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/babaev_nalogovaja (дата обращения: 08.02.2021).

⁷ Дулов А. В. Судебная психология. Минск., 1973. С. 107.

⁸ Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе. Минск., 1973. С.73.

⁹ Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего. М., 1974. С. 42.

Продолжение таблицы

Авторы	Раскрываемое понятие «психологический контакт»
В.Л. Васильев	«стадия, на которой «оба собеседника окончательно вырабатывают в отношении друг друга общую линию поведения, а также определяют такие параметры, как ее темп, ритм, основные состояния собеседника, приемы устной речи, позы, мимика» ¹
Г.Г. Доспулов	«согласованное деловое взаимоотношение следователя со свидетелем, потерпевшим, подозреваемым и обвиняемым, которое возникает на основе правильной позиции следователя и поведения допрашиваемого» ²
А.А. Закатов	«прочно установившееся состояние деловой обстановки и доверия...к допрашиваемому, включающее готовность допрашиваемого сообщать все известное ему по делу, и готовность следователя эффективно использовать в рамках уголовно-процессуального закона тактические методы и приемы получения и фиксации показаний» ³
О.В. Полстовалов	«такое состояние общения, при котором коммуникатор и реципиент проявляют готовность к обмену и восприятию информации, исходящей друг от друга» ⁴

Приведенный анализ понятия «психологический контакт» позволяет нам увидеть разницу в понимании его содержания, момента наступления, длительности и цели установления, одни авторы называют его способом, вторые приемом, третьи атрибутом, четвертые этапом, пятые условием для организации взаимодействия участников предварительного следствия.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что на современном этапе развития криминалистики, которая органично адаптирует психологические знания при разработке тактических приемов проведения следственных действий, носящих вербальный характер (допрос, предъявление для опознания, проверка показаний на месте и т.п.), а также в ходе организации взаимодействия между всеми участниками уголовного судопроизводства, назрела острая необходимость в формировании более точного понимания изучаемого явления.

Необходимо определить и сформулировать: границы исследуемого феномена; выработать оценочные показатели его состоятельности; сформировать эта-

пы установления психологического контакта и пределы их развития; требуется уточнить и конкретизировать следующие понятия: «контакт», «психологический контакт», «установление психологического контакта»; разработать четкие критерии, которые позволят сформировать понимание в каком случае «психологический контакт» – это процесс⁵, в каком случае – деятельность⁶, а в каком случае – способ⁷ или прием для осуществления этой деятельности.

Также требуется более детально подойти к разработке рекомендаций по установлению психологического контакта с участниками при производстве следственных действий, с учетом более детальной проработки целей, задач, этапов, результатов, способов и приемов, направленных не только на установление, но и на поддержание психологического контакта в процессе всего взаимодействия, так как на практике возникают вопросы, связанные с тем, что, например, если следователь на допросе ранее сформировал стабильный психологический контакт, то есть ли необходимость при

¹ Васильев В.Л. Юридическая психология. Л., 1974. с.43.

² Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976. С. 12.

³ Закатов А.А. Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии : автореф дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1971. С. 22-23.

⁴ Полстовалов О.В. Основы профессионального общения следователя : учебное пособие. Уфа, 2005. С. 34.

⁵ Чуфаровский Ю.В. Указ. соч.

⁶ Дулов А. В. Указ. соч. С.107.

⁷ Соловьев А.Б. Указ. соч. С. 42.

проведении последующих следственных действий вербального характера с тем же участником, вновь устанавливая контакт с «нуля» либо необходимо говорить о восстановлении контакта с определённого «уровня», а может быть, имеет место продолжение контакта и необходимы только приёмы его поддержания.

Безусловно, нам удалось представить только часть проблемных вопросов, которые возникают и требуют разрешения при рассмотрении такого феномена, как «психологический контакт» при производстве следственных действий.

Курбатова С.М.,

DOI 10.51980/2021_1_267

кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

Процессуально-когнитивные аспекты участия в производстве по уголовному делу свидетеля из числа наркозависимых лиц

Показания свидетелей по делам о незаконном обороте наркотических средств – один из наиболее распространенных источников сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Соответственно, процессуальный статус свидетеля по таким уголовным делам заслуживает особого интереса, хотя в литературе данному участнику уголовного судопроизводства, как правило, уделяется немного внимания, что, в принципе, обуславливается значимостью центрального с точки зрения уголовного процесса участника – подозреваемого, обвиняемого по такой категории уголовных дел, изучению процессуальных, криминалистических и иных аспектов которого посвящено немало научных работ¹.

Что касается свидетелей, то благодаря сведениям, получаемым от них, лицу, ведущему производство по уголовному делу, становится известно как об обстоятельствах, отражающих объективную и субъективную стороны данного конкретного состава преступления о незаконном обороте наркотических

средств, так и характеризующих личность подозреваемого, обвиняемого, раскрывающих иную его противоправную деятельность, образ жизни, круг его общения, источники средств к существованию и т.д. Также по большинству подобных уголовных дел в качестве свидетелей допрашиваются понятия.

Учитывая же специфику предмета преступного посягательства в уголовных делах о незаконном обороте наркотических средств, неудивительно, что в качестве свидетелей могут выступать наркозависимые лица – наркоманы. Это обуславливает необходимость особого подхода в выработке тактики выстраивания взаимодействия с ними, и поднятия вопроса об их способности быть полноценным участником уголовного судопроизводства, учитывая те негативные воздействия, которые наркотические средства оказывают на когнитивные способности лиц, их употребляющих.

А.В. Репин выделяет три группы таких свидетелей, характеризуя их следующим образом:

¹ Гавло В.К., Курчеев В.С., Удовиченко В.С. Ситуационный подход в разрешении следственных ситуаций, возникающих при допросе подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-2 (22). С. 121-124, Удовиченко В.С. Тактико-ситуационное обеспечение допроса подозреваемого в сбыте наркотических средств посредством глобальной сети Интернет // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2 (86). С. 55-58, Сысенко А.А. Особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2 (26), Кравец П.Н. К вопросу о тактике допроса подозреваемого (обвиняемого) по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Бюллетень инновационных технологий. 2018. Т. 2 (26). С. 36-38.

1) лица, осознающие свою наркозависимость и желающие от нее избавиться. К ним следует проявить внимания, проявить сочувствие, поддержать их в стремлении вылечиться;

2) эпизодические потребители. Они еще не стали наркоманами, поэтому при получении от них нужных сведений необходимо проводить профилактическую работу по недопущению развития этого процесса, в том числе посредством соответствующих бесед (при условии установления контакта с этим лицом), привлечения медицинских сотрудников, специалистов и т.д.;

3) хронические наркоманы, которые и не думают об излечении. Как правило, у них уже явно выражена деградация личности, что отражается на правдивости получаемых от них сведений¹.

Характерная черта наркомании – это то, что, разрушая физически человеческий организм, она приводит к расстройству психики и всех когнитивных процессов, так как каждое последствие приема психоактивных средств оказывает отрицательное воздействие на головной мозг. «К общим проявлениям зависимости, кроме патологической тяги к наркотическому веществу, можно отнести следующие проявления: ухудшение памяти; снижение когнитивных функций, человеку сложно сконцентрировать свое внимание; проблемы с мелкой моторикой, усиливающийся тремор; нарушения психического здоровья, которые могут проявляться как бред, фобии, навязчивые мысли². У боль-

ных наркоманией за небольшой срок происходит деградация личности, развивается и физическая и интеллектуальная беспомощность, вплоть до слабоумия³».

В результате у лица наблюдаются выраженные нарушения:

- мышления (оно приобретает навязчивый характер, становится заикленным);

- восприятия (иллюзии; тематические ассоциации, когда все события связывается с наркотиками);

- внимания (оно рассеянно, присутствует затрудненность сосредоточения на чем-то одном длительное время, наблюдается повышенная переключаемость внимания, при том, что присутствует постоянная концентрация мыслей на предмете зависимости – наркотике)⁴.

Следует принимать во внимание и специфику воздействия того или иного наркотического средства, например, употребление опия приводит к деградации воображения, опустошению мыслительных процессов, непониманию невербального поведения других людей⁵ героина – к серьезным нарушениям психосоматики, неустойчивости психики, постоянной тревожности, а при достаточно длительном его употреблении – агрессивности⁶.

Общий итог воздействия наркотиков на человека – разрушение его мозга, а значит, нарушение нормальных процессов управления, восприятия, осознания, понимания и реагирования на происходящее⁷. Все это оказывает отрицательное влияние на сам факт возможности такого

¹ Репин А.В. Тактика преодоления противодействия в ходе допроса по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1 (26). С. 90-97.

² Справочник заболеваний. URL: <https://nasrf.ru/baza-znaniy/spravochnik-zabolevaniy/vozdeystvie-psikhotropnykh-narkotikov-na-mozg> (дата обращения: 31.01.2020).

³ Медико-психологические и социальные последствия употребления наркотических и других психотропных веществ / Л.К. Хохлов и др. // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 3 (15). С. 119.

⁴ Афанасенко Е.С. Психологический анализ особенностей эмоциональной сферы выздоравливающих наркоманов. URL: <http://www.knigi.konflib.ru/8psihologiya/18218-3-kafedra-vozrastnoy-psihologii-diplomnaya-rabota-temu-psihologicheskiiy-analiz-osobennostey-emocionalnoy-sferi.php>.

⁵ Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и созависимости : монография. М.: МПА, 2001. URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/psihologiya/291753/fulltext.htm (дата обращения: 03.11.2021).

⁶ См.: Соловьева С.Л., Ерофеева М.Г. Личностные особенности наркозависимых с разным стажем употребления героина с учетом гендерных различий // Медицинская психология. 2006. № 2 (7). С. 179; Ерофеева М. Г. Личностные особенности наркозависимых с разным стажем употребления героина с учетом гендерных различий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб, 2006. 22 с.

⁷ Что такое когнитивность и когнитивные навыки. URL: <https://www.psyportal.net/18273/chto-takoe-kognitivnost-i-kognitivnyie-navyiki/> (дата обращения: 03.11.2021).

лица быть участником каких-либо (в том числе — и уголовно-процессуальных) правоотношений. Поэтому применительно к сфере уголовного судопроизводства возникает резонный вопрос об уголовно-процессуальной дееспособности такого лица.

И хотя в настоящее время данный институт как таковой отсутствует в нормах российского уголовно-процессуального законодательства¹, считаем, что его наличие, равно как и факт закрепления оснований и порядка признания участников уголовного судопроизводства ограниченно уголовно-процессуально дееспособными были бы направлены на обеспечение реализации таких принципов уголовного процесса, как равноправие, законность и др., а также выравнивали бы процессуальное положение техуго участников, которые в силу физических и (или) психических заболеваний, физиологических процессов не способен самостоятельно в полной мере реализовывать свои права и обязанности. К числу таковых, безусловно, следовало бы отнести и наркозависимых лиц. Ведь допрос или очная ставка таких свидетелей, учитывая то, что данные следственные действия относятся «к числу вербальных, т.е. устных, словесных, осуществляемых в форме беседы (общения), порядок, условия проведения и оформление результатов которой определяются про-

цессуальным законом»², основанных на работе внимания и собирания информации, ее сохранности и обработки, формулирования своих мыслей и их выражения во вне с помощью языка³, на описанных выше когнитивных процессах, неизбежно порождает вопрос о качестве данных форм, а значит, в контексте требований норм уголовно-процессуального права — о допустимости сведений, полученных от таких лиц.

И хотя, безусловно, сам по себе факт наркозависимости у конкретного свидетеля по уголовному делу не должен быть автоматическим признанием его ограниченной уголовно-процессуальной дееспособности, следует исходить из того, что данные лица попадают в группу риска, требуя тем самым к себе особого внимания, и прежде всего от законодателя, который бы наделил их специальным процессуальным статусом при наличии к тому оснований, и в том числе предоставил бы ряд дополнительных гарантий, применимых при производстве процессуальных действий с их участием, привлечением соответствующих специалистов из медико-психологической области знаний и иных, обеспечивающих возможность полноценного участия в качестве свидетелей, не умаляя свои права и не нарушая права (или не создавая угрозу этого) других участников уголовного судопроизводства.

Картавский П.А.

DOI 10.51980/2021_1_269

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О некоторых организационно-тактических приемах профилактики противодействия расследованию преступлений

Профилактические меры по преодолению законного и незаконного противодействия расследованию актуальны и применимы к проведению любых следст-

венных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, поскольку любое действие субъектов уголовного преследования объективно мо-

¹ Подр.: Курбатова С.М. Уголовно-процессуальная дееспособность: юридические и фактические аспекты проявления когнитивных особенностей личности // Право и законность: вопросы теории и практики : сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции. Абакан, 2019. С. 28-29.

² Тактика допроса на предварительном следствии и в суде / С.К. Питерцев и др. СПб.: Питер, 2001. С. 8.

³ Бертовский Л.В. Допрос: тактика и технологии. М.: Экзамен, 2015. С. 237; Бертовский Л.В., Билян В.Н. Технология получения уголовно-релевантной информации от малолетних и несовершеннолетних // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 2 (35). С. 174-179.

жет вызвать противодействие со стороны других участников уголовного судопроизводства. Под профилактикой противодействия расследованию необходимо понимать применение превентивных тактических приемов (средств).

Цель профилактики заключается в создании субъектом расследования условий, при которых у любых участников уголовного судопроизводства не будет интеллектуальной и материально-технической возможности оказать противодействие расследованию и изменить следственную ситуацию до такой степени, что установление объективной истины по уголовному делу будет невозможно.

Можно выделить следующие стадии противодействия, имеющие значение для выбора времени и средств для проведения профилактических мероприятий: готовность оказать противодействие, не имея ни какой информации о личных качествах следователя и имеющихся в распоряжении следствия доказательственной информации, интеллектуальных и технико-криминалистических средств, которые могут обеспечить преодоление противодействия; и готовность оказать противодействие после сбора информации о вышеуказанных ресурсах следствия.

В связи с этим следователь заблаговременно обязан готовить план конкретного следственного действия в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ. Выбор и применение тактических приемов по профилактике противодействия расследованию жестко обусловлены конкретной следственной или оперативной ситуацией по конкретному делу.

Прежде чем выбрать тактический прием для профилактики противодействия, следователь должен: первое – обладать достаточными знаниями о различных видах и способах противодействия и максимально полной информацией о сложившейся ситуации и факторах, которые на нее могут повлиять, второе – уметь прогнозировать возможное развитие следственной ситуации и ее изменение в неблагоприятную.

Признаки, свидетельствующие о возможности изменения следственной ситуации на неблагоприятную, могут быть

объективные: недостаточная материально-техническая обеспеченность органов следствия и дознания; превосходство противодействующей стороны в материальных и административных ресурсах, «пробелы» в законодательстве. А также субъективные: непрофессионализм следователя и превосходящие профессиональные и интеллектуальные ресурсы стороны, которая может в любой, неожиданный для следователя момент, оказать противодействие расследованию. Перечень данных признаков не является исчерпывающим и обусловлен многими факторами: криминалистическими характеристиками, свойствами личности участников судопроизводства и лиц из числа их связей, которые заинтересованы в результатах расследования; видом и тяжестью совершенного преступления.

Следователь (дознатель), как участник судопроизводства, который несет всю полноту ответственности за результаты расследования, должен быть готов в любой момент организовать и обеспечить оперативное сопровождение расследуемого им дела, как на стадии предварительного расследования, так и на стадии рассмотрения уголовного дела судом, вплоть до вступления приговора в законную силу, а по делам, представляющим особую сложность, например о групповых преступлениях, по которым один или несколько обвиняемых объявлены в федеральный или международный розыск, – вплоть до отбытия наказания осужденными и задержания разыскиваемых лиц. Для этого следователь должен организовать надлежащее постоянное взаимодействие с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, представителями государственного обвинения, ФСИН России и иных учреждений и организаций, которые могут оказать содействие следствию в обеспечении полноты, объективности и всесторонности расследования уголовных дел.

Действующий УПК РФ дает следователю законную возможность и некоторые средства для профилактики противодействия расследованию, вопрос лишь в том, как следователь организует их использование. В частности, эти средства указаны

в чч. 5-7 ст. 164 УПК РФ. «Следователь, привлекая к участию в следственных действиях участников уголовного судопроизводства, указанных в главах 6-8 настоящего Кодекса, удостоверяется в их личности, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. При производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств. Следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность».

Рассмотрим некоторые из этих средств. Для профилактики противодействия расследованию целесообразно применять видеозапись и привлекать к участию в проведении следственных действий дополнительных участников судопроизводства, задачей которых будет наблюдение за ходом следственного действия «со стороны», — с целью своевременного выявления и исправления ошибок, которые может допустить следователь, производящий следственное действие. Видеозапись и привлечение дополнительного участника следственного действия позволит предупредить заведомо незаконное противодействие расследованию, а в случае его оказания — надлежащим образом и более наглядно зафиксировать.

Критерии выбора дополнительного участника для привлечения к участию в производстве следственного действия должны быть следующие: 1) наличие необходимых прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ; 2) отсутствие оснований для отвода, предусмотренных УПК РФ; 3) профессиональная компетентность участника и знание им деталей и характера следственной ситуации, сложившейся на момент проведения конкретного следственного действия.

Наиболее рационально и целесообразно этим критериям соответствуют следователь, дознаватель, оперативные работники, специалист (в области видеозаписи), эксперт, в некоторых ситуациях — переводчик, понятой. Например, специалист-бухгалтер при допросе подозреваемого в совершении преступления в сфере экономики не позволит последнему ввести в заблуждение следователя, который не обладает всей полнотой знаний в области бухгалтерии. А своевременно включенная видеозапись при проведении очной ставки позволит зафиксировать обстановку, предшествующую началу следственного действия, и лишит недобросовестного участника судопроизводства возможности невербального давления на добросовестного участника.

Перечисленные участники судопроизводства в соответствии с УПК РФ обладают необходимыми правами и обязанностями. «Следователь и дознаватель уполномочены: самостоятельно направлять ход расследования; давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, а также получать содействие при их осуществлении. Эксперт и специалист вправе: участвовать в процессуальных действиях и задавать вопросы, участникам следственного действия, относящиеся к предмету судебной экспертизы. Переводчик вправе: задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода. Понятой вправе: делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол».

Привлеченным к участию в следственных действиях лицам следователь должен разъяснить задачи следственного действия, вытекающие из требований ст. 73 УПК РФ, и вышеназванные цели профилактики. Фактически такие лица могут быть включены в состав совместной следственно-оперативной группы для расследования уголовных дел, представляющих особую сложность.

Смолин А.В.

DOI 10.51980/2021_1_272

Нижегородская академия МВД России

Зайцев А.А.

Нижегородская академия МВД России

Тактические особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования хищений транспортных средств

Процесс раскрытия и расследования хищений транспортного средства начинается с ситуации получения сообщения от заявителя или очевидца о хищении автомобиля. Если кража или неправомерное завладение произошло непосредственно перед сообщением в правоохранительные органы, то целесообразно принимать меры, направленные на раскрытие данного преступления по горячим следам. Важнейшую роль в данном случае выполняют наружные службы правоохранительных органов, которым незамедлительно должны быть переданы сведения о марке, модели похищенного транспортного средства и его регистрационных данных. Помощь в отслеживании передвижения автомобиля могут оказать аппаратно-программный комплекс «Поток» и информационно-аналитическая система «Безопасный город».

Если первоначально принятые меры не принесли положительного результата, поиск похищенного транспортного средства и виновных лиц осуществляется следственным путем.

Первоначальным неотложным следственным действием является осмотр места происшествия. Его целями являются: установление непосредственного места совершения преступления, изменений, которые на нем произошли в результате совершенного деяния; обнаружение, фиксация и изъятие следов, потенциально содержащих информацию о лице, совершившем преступление и механизме его противоправных действий; анализ полученной информации и дальнейшее планирование расследования.

Место происшествия всегда содержит изменения окружающего материального мира, произошедшие вследствие совершенного преступления. Их особенность – то, что они отражают действия, совершенные в прошлом. Задача субъекта расследования – провести ретроспективный анализ всех изменений и опосредованно установить механизм совершенного деяния. Важно помнить, что место происшествия – это не только фрагмент территории, на котором был припаркован похищенный автомобиль, но и близлежащая территория.

Непосредственному осмотру будут предшествовать определение границ осматриваемой территории, общий осмотр места происшествия с целью уяснения характера совершенного события, изменения обстановки; визуальное определение местонахождения различных следов, предметов, объектов и веществ, по возможности принятие мер к их сохранности; осуществление ориентирующей и обзорной фотосъемки; определение последовательности применения технико-криминалистических средств, приемов и методов для последующего детального осмотра места происшествия¹.

Задачи непосредственного осмотра при расследовании хищений автомобилей не отличаются от большинства других общеуголовных преступлений. Основное – это выявление следов преступника и его противоправных действий. Это могут быть следы человека: следы пальцев рук, обуви и т.п., следы транспортного средства: следы шин, горючесмазочных материалов и т.п., а также следы применения орудий преступления.

¹ Виноградов А.А. Криминалистическое обеспечение расследования угонов автомобилей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С.204.

Помимо указанных групп для производства дальнейших исследований целесообразно изъять с места стоянки автомобиля образцы грунта или асфальта.

Если местом хищения является гаражный бокс, то его осмотр должен проводиться с участием его владельца (в данном случае собственника похищенного автомобиля). Данное лицо может пояснить об изменениях, произошедших в обстановке. Кроме того, в данном случае добавляется и необходимость установления способа проникновения в гараж и изъятие следов взлома для их последующего анализа.

Следующее безотлагательное следственное действие, подлежащее проведению, – допрос потерпевшего. Допрос заключается в получении от лица правдивых и объективных показаний (сведений). Сущность допроса заключается в процессуальных, тактических и психологических основах его производства и состоит из познавательно-удостоверительных операций, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, выполняемых следователем (дознавателем) с целью получения сведений об обстоятельствах, имеющих значение для расследования преступления определенного вида¹.

Допрос потерпевшего должен проводиться в кратчайшие сроки после первого контакта с ним субъекта расследования. Перед допросом следователь убеждается в наличии права собственности у лица на похищенный автомобиль, проверяя наличие паспорта транспортного средства и свидетельства о регистрации транспортного средства. Данные документы впоследствии изымаются у потерпевшего, осматриваются и приобщаются к материалам уголовного дела.

В ходе допроса потерпевшего изначально выясняются обстоятельства приобретения им транспортного средства (дата и место приобретения, стоимость) и его подробное описание (марка, модель, год изготовления, цвет, комплектация, регистрационные данные). После этого под-

робно описываются обстоятельства, связанные с эксплуатацией автомобиля: наличие противоугонной системы, индивидуальные признаки автомобиля и вследствие чего они получены (повреждения, рисунки, декали, пробег). Далее необходимо выяснить о потенциальных подозреваемых в хищении транспортного средства: кто имел доступ к его управлению, проходил ли автомобиль плановое техническое обслуживание или ремонт в автосервисах в ближайшее время, терялись ли собственником ключи от него. Важной частью допроса потерпевшего является получение от него сведений о нахождении в транспортном средстве его личных вещей, особенно тех, что имеют индивидуальные признаки.

Зачастую субъекты расследования игнорируют перечисление данных предметов, считая, что из-за своей малозначительности они не могут иметь значение для расследования. Однако, как показывает практика, во многих случаях уголовные дела указанной категории раскрывались только благодаря тому, что в жилище или иных помещениях, принадлежащих подозреваемым, изымались личные вещи потерпевших. Незначительные, с одной стороны: карта памяти, нож, набор инструмента, сувениры и т.п. – могут сыграть решающую роль в доказывании по уголовному делу, поэтому субъекту расследования необходимо уделить время их подробному описанию в протоколе следственного действия. Особое внимание стоит уделять выяснению наличия в похищенном автомобиле сотового телефона или иных технических устройств, местонахождение которых можно установить дистанционно. Нередки случаи, когда забытые потерпевшим или иными лицами средства связи помогали установить местонахождение украденного автомобиля. Так, например, при расследовании уголовного дела № 11701220036000689², в ходе допроса потерпевшего выяснилось, что им был забыт в похищенном автомобиле его сотовый телефон. После производства

¹ Шлегель О.В. Методика расследования преступлений против личности, совершаемых по мотиву национальной ненависти или вражды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С.134.

² Уголовное дело № 1-14/2019 (1-218/2018) // Архив Советского районного суда г. Н. Новгорода. 2019 г.

комплекса оперативно-розыскных мероприятий удалось установить место работы данного телефона. На данном месте располагался одиноко стоящий гараж, в котором и находился похищенный автомобиль. После организации наблюдения за гаражом удалось установить преступную группу, которая в течение нескольких лет занималась хищениями автомобилей на территории Нижегородской области.

Важно помнить, что, если допрос потерпевшего происходит непосредственно после момента совершения преступления, он может находиться в состоянии серьезного эмоционального потрясения, и не вспомнить какие-либо сведения, имеющие значение для расследования. Необходимо через некоторое время после производства первоначального допроса связаться с ним, и выяснить, не вспомнил ли он какую-либо значимую информации, и при получении положительного ответа дополнительно допросить его.

Если в ходе первоначальных мероприятий выясняется, что были очевидцы совершенного преступления, необходимо незамедлительно допросить их в качестве свидетелей. Однако необходимо учитывать, что далеко не все лица готовы добровольно дать показания сотрудникам правоохранительных органов об обстоятельствах, ставших им известными, или которые они лично восприняли. В данном случае необходимо установить причину такого поведения свидетеля и проверить его причастность к совершенному противоправному деянию.

Следующим шагом в расследовании является изъятие и осмотр предметов и документов, имеющих значение для расследования. В основном ими являются регистрационные документы на похищенный автомобиль, подтверждающие право собственности на него потерпевшего. Оригиналы данных документов изымаются у потерпевшего в ходе выемки, осматриваются и признаются вещественными доказательствами. В ходе осмотра необходимо снимать с них светокопии,

поскольку хранение оригиналов документов в уголовном деле нецелесообразно, и они подлежат возвращению потерпевшему на ответственное хранение.

Помимо подтверждения права собственности, данные документы необходимы для определения стоимостной характеристики похищенного автомобиля. Для этого назначается автотехническая судебная экспертиза. Перед экспертом ставится вопрос о рыночной стоимости автомобиля с учетом износа на дату хищения. В распоряжение эксперта должны быть предоставлены регистрационные документы и показания потерпевшего, где он описывает эксплуатационные особенности автомобиля. После получения заключения эксперта с ним необходимо ознакомить потерпевшего и дополнительно допросить его о согласии с экспертной оценочной стоимостью. При наличии изъятых следов с места происшествия назначаются иные виды судебных экспертиз в зависимости от необходимости применения специальных знаний.

В период производства вышеуказанных следственных и иных процессуальных действий следователем направляется отдельное поручение в орган дознания о производстве мероприятий, направленных на установление местонахождения похищенного транспортного средства и лица, совершившего данное преступление¹. Комплекс мероприятий должен включать в себя поиск и изъятие записей с камер видеонаблюдения, на которых потенциально должен был быть запечатлен похищенный автомобиль, в зависимости от направления его движения; обследовании территории, на которой он может находиться (гаражные массивы, пустыри, безлюдные дворы домов и т.п.); мониторинг сайтов, специализирующихся на продаже автомобилей и запасных частей к ним; проверка лиц, ранее судимых за совершение аналогичных преступлений и в отношении которых имеется оперативная информация и т.д.

Таким образом, только при выполнении комплекса слаженных действий,

¹ Зайцев А.А., Смолин А.В. Проблемы взаимодействия следователя с органом дознания при раскрытии, расследовании преступлений экономической направленности и доказывании по уголовным делам // Тактико-методические особенности расследования экономических и иных преступлений. Казань, 2018. С. 148.

совершенных следователем и оперативным сотрудником, возможно в кратчайшие сроки установить местонахождение

похищенного имущества и лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности.

Смирнова Л.О.

DOI 10.51980/2021_1_275

Центр кинологической службы МВД России по Республике Ингушетия (г. Карабулак)

Палиева О.Н.,

кандидат юридических наук, доцент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Использование служебных собак при проведении осмотра места происшествия

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что раскрываемость и доказанность преступлений зависит от эффективной деятельности следственно-оперативной группы в ходе проведения осмотра места происшествия.

Приказ МВД России от 26 апреля 2015 г. № 495 «О взаимодействии служб в раскрытии преступлений» четко регламентирует, права и обязанности следственно-оперативной группы и указывает, что руководителем следственно-оперативной группы при выезде на место происшествия является следователь.

Именно следователь принимает решение о выезде на данное следственное действие кинолога со служебной собакой. Порядок применения служебной собаки определен приказом МВД России от 25 августа 2017 г. № 676 дсп и соответствующим наставлением по организации деятельности кинологических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, который устанавливает правовые основы и порядок применения служебных собак в ходе раскрытия и расследования уголовного дела.

Собака обладает качествами непревзойденного анализатора запахов. Характеризуя свойства собаки, Л. Жерарден пишет: «Человек узнает своих друзей по чертам лица, а собака узнает хозяев по комплексу запахов... Главное в ее мире — запахи». Первым, кто в конце прошлого века указал на возможность исполь-

зования собак для розыскных целей, был Ганс Гросс. В своем капитальном руководстве для следователей он отмечал, что с помощью собаки можно быстрее напасть на след преступника¹. С конца XIX в. и ведет свою историю служебное собаководство.

До приезда специалиста-кинолога, следователь обязан организовать сохранение запаховых следов на месте происшествия (предметов, вещей и иных поверхностей, сохраняющих запаховые следы). Все действия специалиста-кинолога на месте происшествия регулируются Наставлением по организации деятельности кинологических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 676.

По приезде на место происшествия следователь совместно со специалистом-кинологом:

- изучают обстоятельства и характер совершения преступления, приметы преступников и направление поиска;
- определяют границы осмотра места происшествия и порядок его проведения с целью отыскания следов преступления и лица, совершившего преступление;
- устанавливают, какие предметы могли быть оставлены или брошены преступниками;
- принимают решение о способе использования служебной собаки;
- применяют служебную собаку по следу или на обследование местности.

¹ Салтаевский М.В. Криминалистическая одорология. Киев, 1976.

Анализируя правоприменительную практику использования служебных собак в ходе осмотра места происшествия, хотелось бы выделить некоторые тактические ошибки

В правоприменительной практике имеют место быть случаи, когда члены следственно-оперативной группы (далее – СОГ) не согласуют свои действия между собой. Это приводит к утрате доказательств и образованию ложных следов. Распространены случаи, когда следователь или член СОГ перед применением собаки оставляют свои следы на месте происшествия, таким образом, собака берет их след. Например, когда специалист-кинолог работает со служебной собакой в частном домовладении, а следователь, не согласовывая действия с ним, начинает осматривать придомовые постройки (при краже), где оставляет ряд своих следов. Такие действия недопустимы. Со своей стороны специалист-кинолог также не должен вносить изменения в материальную обстановку места происшествия, поэтому обо всех изменениях необходимо информировать руководителя СОГ.

Во время осмотра места происшествия рекомендуется членам следственно-оперативной группы находиться на расстоянии от специалиста-кинолога, чтобы не отвлекать своими действиями и разговорами розыскную собаку. В процессе работы служебной собаки по следу сотрудник СОГ, определяемый ее руководителем, следует за специалистом-кинологом на расстоянии 15-20 шагов с целью обнаружения и изъятия следов, орудий преступления и других предметов, которые могут служить вещественными доказательствами, а также с целью предотвращения внезапного нападения на специалиста-кинолога и служебную собаку, оказания вооруженного сопротивления.

Если на месте происшествия обнаружены следы нескольких лиц, причастных к совершению преступления, служебная собака применяется поочередно по каждому следу или одновременно применяются несколько служебных собак.

Ошибочно мнение некоторых специалистов о том, что нецелесообразно применение служебной собаки на осмотре места происшествия, так как прошло достаточно много времени или изменились погодные условия. Наоборот, некоторые природные изменения положительно отражаются на запаховых следах. Влажная погода, небольшой туман удерживают запаховый коридор, и следы могут удерживаться до 20 часов.

Наука кинология указывает на то, что при влажной погоде (даже тогда, когда прошел дождь) запахи сохраняются гораздо устойчивее, чем при сухой погоде, поэтому применение розыскной собаки не только возможно, но и желательно. И наоборот, если стоит жаркая погода и дует ветер, запаховый след (коридор) смещается с истинного места в сторону. Профессиональный специалист-кинолог знает эти тонкости и всегда сможет сориентироваться на месте сам и направить работу служебной собаки в нужном направлении.

Иногда с целью затруднения применения служебной собаки преступники обрабатывают место преступления бензином, керосином, табаком и т.п. В таких случаях необходимо попытаться определить, где стоял человек, разливающий бензин, и, отойдя на 2-3 метра применить собаку на отыскание запахового следа, пустив её на пересечение пути наиболее вероятного отхода преступника. Если в ходе осмотра места происшествия кинолог обнаружил дорожку из рассыпанного табака или чего-либо, то применять собаку следует в конце этой дорожки, учитывая, что преступник, обрабатывая след своего отхода с места преступления, рассыпал табак в этом направлении¹.

Служебная собака способна работать на месте происшествия в присутствии других животных, но все-таки перед ее использованием целесообразно устранить животное, так как оно является отвлекающим фактором. Если устранение невозможно, то наличие посторонних

¹ Журавленко Н.И. Обучение специалистов-кинологов и подготовка служебных собак : учебное пособие. Уфа: РИО УЮИ МВД РФ, 2014. С. 24.

животных не является препятствием для использования служебной собаки.

Согласно п. 21 Наставления по организации деятельности кинологовических подразделений ОВД РФ при проведении процессуальных действий специалистом-кинологом в каждом случае применения служебной собаки составляется Акт о применении служебной собаки, который составляется в двух экземплярах. Первый экземпляр приобщается к материалам соответствующего уголовного дела или проверки сообщения о происшествии (преступлении) либо к контрольно-наблюдательному делу о проведении профилактического мероприятия, второй – представляется специалистом-кинологом своему непосредственному начальнику (руководителю) для проверки и далее хранится в кинологовическом подразделении.

Следователь составляет протокол осмотра места происшествия в соответствии со ст. 180 УПК РФ.

Акт применения служебно-розыскной собаки не является процессуальным

документом и не имеет доказательственного значения в суде. Он служит вспомогательным документом, который помогает направить ход расследования в нужное направление.

Осмотр места происшествия – самое сложное и ответственное мероприятие по сбору информации, требующее от специалиста-кинолога специальных знаний и предельной собранности и кропотливости в работе.

Хотелось бы отметить, что в правоприменительной практике не всегда применяются служебные собаки при осмотре места происшествия, и это отражается на эффективности раскрытия и расследования преступлений.

Думается, что в целях повышения качества раскрываемости преступлений с сотрудниками, несущими службу в составе следственно-оперативной группы, необходимо проводить занятия, в ходе которых разъяснять тактику применения служебной собаки в ходе осмотра места происшествия и поведение членов следственно-оперативной группы.

Гончарова С.В.

DOI 10.51980/2021_1_277

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России

Прудникова Л.Б.,

кандидат юридических наук, доцент

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России

Основные задачи осмотра места происшествия по преступлениям о незаконной рубке лесных насаждений

Жизнь человека на планете во многом зависит от состояния ее водных и лесных ресурсов. Но любые ресурсы нуждаются в охране. Одной из актуальных проблем охраны окружающей среды является борьба с преступлениями в сфере незаконного оборота леса. Лесоматериалы издревле были необходимы человеку, и сферы жизнедеятельности, в которых они применяются, достаточно велики. В связи с этим велика и ценность древесины. Несмотря на это, лес в настоящее время является легкой добычей «черных лесорубов». Масштабы неза-

конной рубки леса начинаются от единичных растений и достигают промышленных масштабов. Это связано с весьма сложной задачей по охране лесных насаждений с современных условиях.

Кроме определенных сложностей в обеспечении охраны лесных массивов, имеется определенная сложность в установлении и изобличении лиц, причастных к совершению преступлений данной категории. К числу наиболее часто совершаемых экологических преступлений в сфере незаконной добычи древесины относятся деяния, предусмотренные ст. 260 УК РФ.

Необходимо отметить особую значимость как сбора первичных материалов на стадии возбуждения уголовного дела по фактам незаконной добычи лесных насаждений, так и комплекса неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в дальнейшем служащих фундаментом в расследовании уголовных дел о незаконной добыче леса.

Приступая к работе по каждому отдельному факту незаконной рубки лесных насаждений, необходимо установить сведения о категории лесов, где она была произведена, целевое назначение обследуемого лесного массива. Следует отметить, что первичным и необходимым для определения перспективы установления личностей преступников и в дальнейшем их уголовного преследования является тщательное производство осмотра места происшествия. Для качественного осмотра крайне необходимо привлечение специалиста в области лесного хозяйства. Основной его задачей при участии в осмотре места совершения незаконной рубки является определение видов орудий совершения преступления, его способ (спиливание, срубывание, срезание), а также установление породы дерева и его жизнеспособности.

Одним из основных направлений проведения осмотра места происшествия является установление места произрастания незаконно вырубленных деревьев. Этот момент имеет особую важность для исчисления размера причиненного незаконной рубкой ущерба. Необходимо помнить, что в зонах искусственно высаженных деревьев могут также находиться и деревья-самосевы, привлечение к уголовной ответственности за рубку которых не осуществляется.

Должностное лицо, производящее осмотр места происшествия, с помощью специалиста обследует пни и оставшиеся части срубленных деревьев. Специалист устанавливает также возможность их дальнейшего произрастания, ввиду того, что расчет стоимости незаконно вырубленных деревьев осуществляется в зависимости от степени повреждения сырастающего дерева согласно постано-

влению Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства». Определение жизнеспособности дерева на момент его рубки может также осуществляться по фрагментам стволов деревьев, мелким веткам, листве, а также семенам растений. Кроме этого жизнеспособность дерева определяется путем осмотра находящихся на месте рубки древесных опилок по их структуре, цвету и запаху.

В невегетативный период, когда деревья находятся в состоянии зимнего сна, установление их жизнеспособности достаточно затруднено и в каждом случае выявления фактов незаконной рубки деревьев необходимо получать спилы с пней деревьев, подвергшихся преступному посягательству. Данные образцы необходимы для проведения дендрохронологической экспертизы, а также могут послужить предметами трасологических исследований как для установления причастности средств для рубки и выпилки деревьев к конкретному преступлению, так и для определения принадлежности частей дерева к единому целому.

Спилы с пней деревьев являются далеко не единственным видом образцов, подлежащих изъятию с места данной категории преступлений. Также могут подлежать изъятию и образцы почвы, образцы следов горюче-смазочных материалов, следов обуви, мото- и автотранспорта. К работе по изъятию таких следов преступления целесообразно привлечение экспертов-криминалистов. При наличии свежих следов преступников, необходимо рассмотреть вопрос о привлечении к работе следственно-оперативной группы кинолога с служебно-розыскной собакой, что может позволить обнаружить направление пути следования участников преступления, а также места возможного хранения незаконно добытой древесины, средств и орудий преступления.

Преступления в сфере незаконной добычи лесных насаждений относятся к числу преступлений, установление лиц, совершивших которые, прямо зависит от

своевременности и полноты осмотра места происшествия, объема добытых в ходе него образцов, в дальнейшем используемых для назначения, проведения дендрологических, ботанических, трасологических, почвоведческих экспертиз и формирования доказательственной базы.

Принимая во внимание практику расследования преступлений в сфере незаконной добычи лесных насаждений, лица, которые в большей своей массе раскрываются «по горячим следам»,

можно сделать обоснованный вывод о значимости качества сбора материала проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела для данной категории дел.

Таким образом качественный и полный осмотр места преступления рассматриваемой категории, проведенный с привлечением надлежащих специалистов, позволяет установить немалое количество обстоятельств совершения преступления на первоначальном этапе его раскрытия.

Земцова С.И.,

DOI 10.51980/2021_1_279

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Программные продукты, используемые для деанонимизации фактов совершения наркопреступлений с использованием цифровой валюты

Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года в качестве одной из угроз национальной безопасности в сфере контроля за оборотом наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту в среднесрочной и долгосрочной перспективе названо «появление новых форм противоправной деятельности организаций и группировок, обеспечивающих усиление конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков, использование в этих целях инновационных коммуникационных и других высоких технологий».

Включение данной угрозы в Стратегию обусловлено «лавинообразным» увеличением количества наркопреступлений, совершаемых с использованием высоких технологий. В 2020 г. были зарегистрированы 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 73,4% больше, чем в 2019 г., каждое одиннадцатое (9,2%) —

совершается с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств с использованием сети Интернет, средств сотовой связи¹. Значительную часть из них составляют преступления, совершаемые с использованием цифровой валюты, которая применяется в качестве средства: оплаты за приобретаемые наркотические средства или психотропные вещества в крупных виртуальных магазинах, начисления заработной платы «сотрудникам» указанных магазинов, легализации (отмывания) наркодоходов.

В процессе документирования преступлений в связи децентрализацией фактов сделок с криптовалютой значительную сложность представляет установление личности лиц, причастных к незаконной деятельности. На это неоднократно указывалось в криминалистической литературе². Вместе с тем до настоящего времени проблема так и не решена. Полагаем, в отдельных случаях эффективными могут быть разработки как

¹ Портал правовой статистики ГП РФ. URL: http://www.mstat.ru/offenses_table (дата обращения: 10.02.2021).

² Перов В.А. Проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2020. № 7. С. 20-22; Леонов А.И., Беденко А.В., Волокитина Ю.О. Некоторые проблемы расследования преступлений, связанных с легализацией денежных средств, приобретенных в результате незаконного сбыта наркотических средств // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 248-254.

отечественных, так и зарубежных ученых («Прозрачный блокчейн», Crystal, Elliptic, Chainalysis «Know Your Transaction» и другие) за период с 2018 г. по настоящее время.

Программный продукт от сервиса Crystal от поставщика блокчейн-решений Bitfury Group был создан в январе 2018 г. Он позволил сотрудникам правоохранительных органов и частным экспертам проследить пути перемещения подозрительных транзакций до конечного получателя или точки сбыта криптовалюты.

Основными критериями назначения степени риска являются подтвержденная публичная информация о нелегальной деятельности конкретных участников блокчейна биткойна и наличие транзакций с ними прочих участников, которые формируют так называемый Darknet .

Например, если участник А. взаимодействовал с известным высокорисковым участником В., то участник А. также «попадает под подозрение», то есть алгоритм присваивает ему некий повышенный уровень риска. Наличие или отсутствие риска отображается в интерфейсе приложения с помощью красных и зеленых меток соответственно. При этом Crystal является аналитическим инструментом и не дает оценок законности транзакций. Считать ту или иную транзакцию сомнительной или незаконной – прерогатива правоохранительных органов.

Отслеживать информацию о транзакциях может либо сам пользователь Crystal, либо сторонняя программа: Crystal содержит API для интеграции с аналитическим программным обеспечением пользователя. Сбор персональных данных Crystal не производит.

Разработчики отмечают, что лежащие в основе анализа данных эвристические алгоритмы по своей природе не дают стопроцентно достоверного результата. Поэтому решения, выносимые сервисом Crystal, не являются категоричными – все остается в зоне ответственности пользователя. Кроме того, команда проекта обращает внимание на случаи сбоев и постоянно работает над их устранением, улучшая алгоритмы.

Интерес к данному инструменту с момента создания был проявлен со стороны финансового сектора (банков, консалтинговых компаний, финансовых регуляторов), а также киберподразделений силовых структур.

Кроме этого в конце 2018 г. компания Chainalysis, занимающаяся валютными расследованиями, выпустила продукт под названием Know Your Transaction (KYT). Он поможет отслеживать людей, которые участвуют в незаконной деятельности, связанной с криптовалютами. Среди постоянных клиентов Chainalysis – Федеральное бюро расследований США (ФБР), Администрация по борьбе с наркотиками (DEA) и Европол.

Продукт от KYT от Chainalysis предоставляет обратную связь по транзакциям в реальном времени и отправляет соответствующую информацию на биржу в «движок обработки транзакций». Таким образом, руководители площадок видят «рискованных» пользователей и получают возможность отслеживать их подозрительные действия.

Лондонская Elliptic, которая также проводит расследования, связанные с цифровыми валютами, недавно привлекла \$7 млн от таких компаний, как Banco Santander и Octopus Ventures, для дальнейшего расширения своей деятельности и разработки продуктов.

Отечественным аналогом рассмотренных программных продуктов является система анализа криптовалютных транзакций с помощью искусственного интеллекта. Проект, получивший название «Прозрачный блокчейн», служба Росфинмониторинга предложила включить в федеральный проект «Искусственный интеллект». К настоящему времени совместно с Физическим институтом им. Лебедева уже разработан прототип системы (на основе данных платежной системы Bitcoin) и опробован в сфере противодействия наркобизнесу. Интерес к системе проявили и финансовые разведки ряда стран. Ранее проект развивался за счет внебюджетных средств, но в дальнейшем потребуются дополнительное финансирование.

Система позволит:

– мониторить и анализировать движение цифровых финансовых активов, выявлять провайдеров услуг;

– проводить расследования, связанные с незаконным оборотом цифровых финансовых активов;

– частично снимать анонимность транзакций с криптовалютами в системах Bitcoin, Ethereum, Omni, Dash и Monero (две последние системы повышенной анонимности) путем их классификации по набору наиболее распространенных профилей поведения криптотранзакций;

– сканировать Интернет для обнаружения изображений с реквизитами сбора средств при признаках финансирования террористической деятельности, а также для выявления сообщений, связанных с

отмыванием денег и финансированием терроризма.

Подобный сервис может быть эффективным после накопления большого объема нормальных транзакций по финансовым операциям, чтобы с его помощью обучить алгоритмы выделения аномальных транзакций.

Подводя итог, отметим, что перечисленные программные продукты в большей степени ориентированы на анализ сделок с криптовалютой Bitcoin, вместе с тем, учитывая востребованность в последние годы цифровых валют с более высокими конспиративными функциями (Dash, Monero, ZCash), предстоит разработка как новых программных продуктов, так и адаптация имеющихся к вызовам и угрозам наркопреступности.

Нугаева Э.Д.,

DOI 10.51980/2021_1_281

кандидат юридических наук
Уфимский юридический институт МВД России

Об особенностях сбыта бесконтактным способом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ

Анализ результатов правоохранительной деятельности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации показывает, что высокий уровень наркотизации общества продолжает представлять прямую угрозу национальной безопасности страны.

Удельный вес преступлений рассматриваемой категории, по официальным данным МВД России, в общей структуре преступности по итогам 2019 г. составил 9,4%. Доля тяжких и особо тяжких наркопреступлений с учетом категории содеянного по сравнению с 2018 г. осталась практически на том же уровне и составила 75,3%. Возросло число наркопреступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору (12322; +6,86%), а также организован-

ными группами (4806; +7,95%)¹. В 2020 г. ситуация с пандемией повлекла сокращение рабочих мест, дистанционная форма обучения позволила наркоторговцам привлечь молодежь к незаконному сбыту наркотиков. Если сравнивать с 2012 г., то за 8 лет объем изъятых из оборота наркотиков в России вырос более чем на 3 тонны. В 2020 г. он составил 35600 кг. Для сравнения: это составляет примерно 20% от общемировых данных по изъятию психоактивных веществ².

За последние годы наркоторговля плавно переместилась в киберпространство. Из анализа эмпирических материалов следует, что сеть Интернет используется чаще преступными группами для сбыта бесконтактным способом наркотических средств, психотропных веществ и

¹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития: аналитический обзор: ВНИИ МВД России. М., 2020. С. 17.

² Статистика наркомании в России 2020-2021 годы. URL: <https://narcorehab.com/articles/statistika-narkomanii-v-rossii-2020-2021>.

их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее – НПОПВ). Данный способ позволяет фигурантам: соблюдать меры конспирации при совершении преступлений; приобретать партии наркотических средств бесконтактным способом с целью их дальнейшего сбыта; осуществлять бесконтактный расчет денежными средствами на приобретаемые и сбываемые партии наркотиков; увеличивать рынок незаконного сбыта наркотиков, поиск новых потребителей наркотиков, рассылку с «прайсами» и рекламой наркотических средств потребителям, а также новым участникам организованной группы (ОПГ) или преступного сообщества; использовать мобильность участников преступной группы при совершении преступлений, а именно возможность общаться через сеть Интернет, выход в которую возможен в любых местах без ограничения в пространстве, возможность бесконтактным способом сбывать большее количество наркотических средств, чем при контактном способе.

Глобальные информационные сети характеризуются трансрегиональностью и трансграничностью, позволяют быстро передавать информацию, обеспечивают простоту сбора информации при небольших финансовых издержках. В сети Интернет созданы специальные форумы, где лица, употребляющие наркотики переписываются друг с другом, делятся впечатлениями об эффекте после употребления определенного вида наркотического или психотропного вещества, советуют места по их приобретению. Кроме того, активно действуют сайты, реализующие наркотики, подробно разъясняющие вопросы организации незаконного бизнеса и осуществления приема на «работу».

По территории и масштабу распространения преступной деятельности преступные формирования возможно подразделить на:

а) межрегиональные, т.е. (действующие одновременно на территории нескольких субъектов Российской Феде-

рации. Примером может послужить действовавший на российском наркорынке в 2015-2016 гг. интернет-магазин «Химпром» с годовым доходом 2,3 миллиарда рублей. С целью сбыта наркотиков преступники организовали структурные подразделения в 14 регионах, наладили логистическую цепочку, включающую в себя доставку особо крупных партий наркотических средств в специально оборудованных тайниках автомашинах. Расчеты осуществлялись с использованием различных криптовалют и электронных платежных систем. В результате проведенных мероприятий были задержаны 67 участников наркогруппировки. Из незаконного оборота изъято свыше 4 тонн синтетических наркотиков, 3,5 тонны прекурсоров, 250 единиц лабораторного оборудования, 2,5 миллиона рублей, 18 общегражданских паспортов РФ с признаками подделки, девять автомашин, оборудованных тайниками»¹.

б) региональные, т.е. в пределах одного субъекта Российской Федерации;

в) международные. Так, в России продолжает функционировать торговая площадка «HYDRA» («ГИДРА»), зарегистрированная в США, где представлены более 400 магазинов, осуществляющих сбыт различных видов наркотиков. Число активных пользователей самого популярного маркетплейса по торговле наркотиками в даркнете «HYDRA» составляет 800 тысяч человек. Через «HYDRA» ежедневно прячется 13,6 тысячи тайников-закладок с запрещенными веществами на сумму 227 миллионов рублей. С учетом динамики спроса на наркотики – это 5,9 миллиарда рублей в месяц и 64,9 миллиарда рублей в год².

Изучение судебно-следственной практики наглядно демонстрирует, что преступники совершают противозаконные действия с четко разработанными схемами преступной деятельности, что усложняет процесс проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Зачастую уголов-

¹ Морозов А. В. Особенности борьбы с наркопреступностью в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Профессионал: научно-практический альманах МВД России. 2018. № 3. С. 12.

² Сотрудники ФСБ задержали наркодилеров с торговой площадки Hudra в даркнете. URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/17/hydra/>.

ной ответственности подвергаются только рядовые субъекты преступной деятельности – курьеры и закладчики. Выявить организаторов преступления сложнее, поскольку ими соблюдаются высокие меры конспирации, а закладчики и курьеры не владеют информацией о том, кто является их «работодателем».

При подготовке к совершению преступления между участниками ОПГ осуществляется распределение ролей: функции по приобретению, производству, фасовке и сбыту координирует организатор. Прием заказов занимается диспетчер. Техническая сторона деятельности сетевых ресурсов ложится на плечи специалиста (хакера). Вербовщик занимается отысканием и вовлечением в преступную деятельность будущих субъектов преступления. Транспортировкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов занимается курьер, а уже созданием тайников и изготовлением «закладки» занимается закладчик.

С целью поиска клиентов преступники размещают объявления в сеть «Интернет». Для оплаты товара клиентом, преступники используют такие платежные системы, как «Яндекс-деньги», «Web-money», «QIWI Кошелек» и др.

Как правило, получение товара происходит бесконтактным способом через тайники, месторасположения которых отправляют покупателю через SMS или на электронную почту. При сбыте наркотиков для обмена информацией с покупателем используют такие интернет-сервисы, как Viber, WhatsApp, Telegram, Jabber и т.д.

Разработчики мобильных приложений всего мира используют современные тенденции защиты информации, сохраняя приватность и невозможность попадания информации в публичный доступ. У правоохранительных органов отсутствует возможность отслеживания указаний организаторов, что и затрудняет получение первичной информации, которая на стадии предварительного расследования служила доказательством того, что лицо причастно к преступлению. Так,

разработчики мессенджера WhatsApp широко применяют технологию сквозного шифрования, которая никому не позволяет читать пересланные сообщения, даже компании Whatsapp. В очередной раз подтверждается, что информация, которую передают сбытчики, покупатели наркотических средств, находится под надежной защитой, являясь недоступной для правоохранительных органов.

К способу сокрытия следует отнести факт использования краденых реквизитов доступа и представление заведомо ложных регистрационных данных, которые могут принадлежать представленным лицам. Суть сокрытия заключается в том, что любые сделки, как правило, осуществляются бесконтактным способом.

Действия по оборудованию тайников следует отнести к способу сокрытия преступления, поскольку сбытчик делает все возможное, чтобы его действия не были обнаружены. С целью скрыть свое преступление сбытчик зачастую предоставляет ложную информацию о составе таблеток и веществ, которые он реализует¹.

Для обмена информацией с покупателем, преступные субъекты используют неконтролируемые средства электронной связи, такой как мобильный телефон; смартфоны; планшеты; различные электронные терминалы, которые предназначены для перевода денежных средств; факс, компьютер, чат-комнаты в Интернете с ограниченным доступом.

С целью сокрытия электронной информации сбытчики осуществляют кодирование электронных посланий. Для этого они используют компьютеры и записные книжки, которые предназначены для хранения ценной информации, касающейся банковских номеров, баз данных об активах и финансовой деятельности, данные связи с сообщниками и др.

Весь процесс расследования должен осуществляться во взаимодействии не только следователя с органами дознания, но и с операторами сотовой связи, со службами безопасности банков и другими организациями и учреждениями.

¹ Агафонов В.В., Чистова Л.Ю. Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием Интернета и электронных средств связи // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 116-121.

Только согласованность действий может обеспечить эффективность раскрытия и расследования преступлений, пресечение возможности совершения новых

преступлений в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Литвин И.И.,

DOI 10.51980/2021_1_284

кандидат юридических наук

Уральский юридический институт МВД России (г. Екатеринбург),

Перспективы использования мобильных телефонов при расследовании уголовных дел, связанных со сбытом наркотических средств

Многофункциональность и распространенность мобильных устройств с доступом к сети Интернет обуславливает тенденцию расширения сферы их применения. Современные мобильные средства связи все чаще выступают в качестве интерактивных средств получения услуг, в том числе и незаконных. Проанализировав уголовную статистику МВД России за 2020 г., можно сделать вывод об увеличении доли преступлений, совершаемых с помощью мобильных устройств и сети Интернет¹.

В этой связи многие авторы указывают на распространенность преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров с использованием сети Интернет². Наиболее остро данный вопрос касается несовершеннолетних и молодых людей, осуществляющих доступ к сети Интернет при помощи электронных устройств³.

В настоящее время организация сбыта наркотических веществ, как правило, осуществляется дистанционно через взаимодействие «координатора», «закладчика», «диспетчера» и «кассира» в «виртуальном пространстве», что су-

щественно снижает риск быть задержанными в момент сбыта⁴.

Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в УК РФ был добавлен квалифицированный состав сбыта наркотических средств, объективная сторона которого выполняется с использованием электронных и иных сетей (в том числе с использованием Интернета). При этом судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что использование сотовой телефонной связи в переговорах, связанных со сбытом наркотического средства, как между сбытчиком и приобретателем, так и между самими соучастниками по сбыту по существу не отличается от использования данными лицами телефонной кабельной связи при осуществлении таких переговоров⁵. В таком случае у осужденного есть возможность оспорить правильность квалификации его действий по квалифицирующему признаку «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»⁶.

¹ Статистика и анализ. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 10.02.2021).

² Губарева Е.К., Калентьева Т.А. Особенности фиксации информации, содержащейся в сети Интернет // Вестник ВУиТ. 2019. №2. С. 164.

³ Павлов В.В., Золотов М.А., Калентьева Т.А. Проблема получения и фиксации информации, содержащейся на электронных устройствах лиц, задержанных по делам о незаконном обороте наркотических средств с использованием ресурсов сети Интернет // Вестник ВУиТ. 2019. №2. С. 117.

⁴ Овчинникова О.В. Особенности расследования сбыта наркотических средств, совершенных с использованием сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. №1 (16). С. 95.

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.12.2015 № 48-АПУ15-45 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.09.2019 № 18-УД19-79 // СПС КонсультантПлюс.

Особенностью указанного преступления является место его совершения, в качестве которого выступает не участок местности, а страница в сети Интернет¹. Другими словами, преступление совершено в «виртуальном пространстве», а значит, и следы совершенного преступления можно обнаружить не только в сознании людей и на материальных объектах, но и в виртуальной среде. В этой связи представление об отсутствии следов при совершении преступления через Интернет являются заблуждением. Виртуальное пространство Интернета состоит из электронных носителей информации, размещенных внутри компьютеров и подключенных в единую сеть. Следовательно, вся информация, побывавшая в электронном обороте, хранится на соответствующих электронных носителях информации. Таким образом, наличие технических средств и сети Интернет наоборот предоставляет дополнительные возможности для сохранения следов совершенного преступления.

Мобильные устройства также являются техническими средствами с электронными носителями информации для хранения информации. Именно поэтому при расследовании уголовного дела мобильный телефон является объектом изъятия и дальнейшего исследования на предмет наличия необходимой электронной информации об обстоятельствах совершенного преступления. Тем не менее необходимо подчеркнуть процессуальную разницу между мобильным телефоном и электронным носителем информации. Представляется, что электронный носитель информации является составной частью электронного устройства и в большинстве случаев может быть отделен от устройства². Изъятие мобильного устройства должно осуществляться в обычном порядке, тогда как изъятие

электронного носителя информации — только с участием специалиста.

В случае отсутствия доступа к мобильному телефону часть информации может быть получена посредством контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, а также в результате осмотра и выемки электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. При этом необходимо иметь в виду, что нередко встречаются случаи, когда текстовые сообщения с инструкцией приобретения наркотических веществ размещаются на изображении и направляются в виде единого электронного файла³.

Отдельно необходимо рассмотреть возможность использования мобильного устройства не только как источника электронных следов, но и как средство фиксации хода и результатов следственного действия.

Специфика начальной стадии расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств связана с задержанием лица, осуществляющего «закладку» наркотических средств либо их изъятие. В большинстве случаев задержание происходит в рамках оперативно-розыскных мероприятий, реже — в результате осуществления охраны общественного порядка. Субъектами, осуществляющими задержание, в указанных случаях являются оперуполномоченные сотрудники полиции либо сотрудники патрульно-постовой службы полиции.

Вместе с тем необходимо учитывать, как и каким образом происходило задержание лица, было ли оно законным и обоснованным, когда именно проводился личный обыск или досмотр задержанного лица⁴. Также в некоторых случаях возникает необходимость зафиксировать попытку задержанного избавиться от

¹ Химичева О.В., Андреев А.В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №3. С. 23.

² Балакшин В.С., Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 25.

³ Приговор джанкойского районного суда Республики Крым от 30.07.2020 по уголовному делу № 1-313/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.02.2021).

⁴ Содиков Ш.Д., Руднев В.И. Некоторые проблемы, возникающие при задержании лиц, подозреваемых в совершении незаконного оборота наркотических веществ // Евразийская адвокатура. 2019. № 3 (40). С. 27.

наркотических средств либо наоборот опровергнуть доводы о подбрасывании ему запрещенных веществ. Наилучшим образом для фиксации хода и результатов задержания и дальнейшего личного обыска подходит видеозапись. Так, видеофиксация является важным условием подтверждения законности проведения как негласных, так и гласных оперативно-розыскных мероприятий. Обычно для этих целей привлекается специалист с соответствующим оборудованием. Однако не всегда имеется возможность привлечения специалиста, тем более в случаях пресечения незаконной деятельности лица во время патрулирования по маршруту следования. В этой связи в судебной практике довольно часто встречаются случаи использования видеокамеры, встроенной в личный мобильный телефон¹.

Данное средство осуществляет фиксацию наравне с другими техническими средствами, а в некоторых случаях технические возможности отдельных экземпляров мобильных телефонов превышают возможности цифровых фотоаппаратов. В связи с чем, несмотря на первоначально кажущуюся неприемлемость подобного подхода, представляется, что подобная практика на сегодняшний день является вполне допустимой, так как мобильный телефон соответствует заложенным в уголовно-процессуальном законе функциям технических средств и предстает в виде средства фиксации следов².

Однако следует учитывать ряд особенностей при применении мобильного телефона в качестве технического средства фиксации. Во-первых, необходимо отразить в протоколе камеру, встроенную в мобильный телефон, в качестве технического средства фиксации. Во-вторых, осуществить перенос видеозаписи на электронный носитель информации в присутствие понятых. В-третьих, удалить информацию с телефона после надлежащего процессуального закрепления.

Тем не менее остается вопрос о возможности использования полученной видеозаписи в качестве доказательства по уголовному делу. На практике подобные видеозаписи как правило приобретают статус вещественного доказательства³. Однако данный вопрос требует дополнительного исследования.

Таким образом, при расследовании уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств посредством сети Интернет, необходимо отметить использование мобильного телефона в качестве объекта исследования на предмет наличия сведений, относящихся к делу, а также в качестве технического средства фиксации следов преступления посредством осуществления видеозаписи и фотосъемки.

¹ Подр.: Литвин И.И. Мобильный телефон как средство фиксации при производстве следственных действий: процессуальные проблемы оформления и оценки полученных материалов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 98.

² Балакшин В.С., Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 65.

³ Приговор Кировского районного суда г. Омска по уголовному делу № 1-359/2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.02.2021).

Герасимова Е.В.

DOI 10.51980/2021_1_287

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России

Хавдок А.М.

Краснодарский университет МВД России

Актуальные проблемы противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков

В статье «Наша стратегическая задача – подрыв экономических основ наркопреступности» министр МВД России генерал-лейтенант полиции Владимир Александрович Колокольников определил, что одной из ключевых угроз национальной безопасности страны является распространение и потребление наркотиков. После реализации поставленных задач, обозначенных прежней антинаркотической Стратегией, за прошедшие 10 лет удалось остановить рост наркомании в стране. Указом Президента России от 23 ноября 2020 г. № 733, утверждена новая антинаркотическая Стратегия до 2030 года. Одной из основных приоритетных задач, направленных на борьбу с наркоманией, является экономический подрыв основ наркобизнеса¹.

В криминальном бизнесе наркотики составляют наиболее высокую прибыль, по оценки специалистов прибыль от наркобизнеса составляет в отдельных странах Южной Америки до 300 000%. В этой связи следует констатировать высокую жизнеспособность наркокартелей, несмотря на применяемые силовые операции со стороны правоохранительных органов и общественных организаций. Главная задача, которая стоит перед мировым сообществом, состоит в том, чтобы выработать единый механизм противодействию легализации наркодоходов. Противопоставить действенные меры данной ситуации чрезвычайно сложно по причине того, что они оперируют многомиллиардными денежными средствами, что позволяет им исполь-

зовать новые достижения в научно-техническом прогрессе (Интернет, анонимайзеры, электронные кошельки, криптовалюту) для легализации наркодоходов от преступной деятельности.

Необходимо отметить, что в современных условиях ведения борьбы с организованной преступностью эффективной мерой является противодействие легализации получаемых доходов от незаконных операций с наркотическими веществами. Существующая сегодня система отмывания «грязных» денег содействует развитию транснациональных преступных сообществ, которые связаны с терроризмом, и специализирующихся на незаконной торговле оружия².

Наркоотрасль формирует одну из главных угроз государственной и общественной безопасности государства, причиняет своей преступной деятельностью колоссальный экономический урон, имея огромные денежные средства, создает транснациональные преступные наркокартели, развивает наркорынок, который приносит сверхприбыли в преступную казну, формирует ядро теневой экономики.

Быстрое развитие в современных условиях возможностей информационно-телекоммуникационной сети Интернет приводит к активному ее использованию в целях конспирации и последующей легализации доходов от наркопреступлений, при осуществлении проведения оплаты за запрещенный товар, все чаще применяя для таких финансовых операций криптовалюту. Этому способствует существующая неурегулированность криптова-

¹ Выступление В.А. Колокольцева, министра МВД РФ / Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 6-10.

² Садков Е.В. Международный аспект проблемы противодействия отмыванию доходов от преступной деятельности, полученных преступным путем // Правовые и организационные меры борьбы с легализацией (отмыванием) доходов от преступной деятельности : материалы Международной научно-практической конференции. М. : МосУ МВД России, изд-во «Щит-М», 2009. С. 3-4.

лютных отношений в гражданском законодательстве России, что позволяет преступникам уходить от ответственности за легализацию преступных доходов от преступной деятельности. Подписанный Президентом РФ в 2020 г. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вступил в силу на территории России с 1 января 2021 г., позволяет надеяться, что он станет «рабочим» законодательным актом.

Обнаружение и последующее документирование наркопреступлений данного характера, когда используется криптовалюта, всегда представляют для правоохранительных органов определенные затруднения, связанные с проводимыми различными запросами и проведением глубокого анализа данной информации. Направляемые запросы в Федеральную службу по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг) позволяют получить информацию о совершенных подозрительных финансовых операциях, таким образом, это позволяет в короткие сроки провести проверку информации из российских и зарубежных финансовых учреждений и организаций. Одной из основных функций Росфинмониторинга является противодействие «отмыванию» доходов полученных от наркобизнеса¹. Как результат совместной деятельности – устанавливаются механизмы наркопреступлений, а также виновные лица и легализация ими полученных финансовых средств от наркобизнеса.

В последнее время задокументированы ряд фактов применения преступниками финансовых операций, полученных от сбыта наркотиков, с использованием пластиковых карт на десятки миллионов рублей. Сбыт наркотиков осуществляется бесконтактно, с указанием места закладки наркотика, а расчет производится, используя банковские карты, платежные электронные системы, денежные

переводы через банки по системам «Быстрая почта» или «Блиц-перевод».

Наиболее трудно доказываемым способом легализации наркодоходов является схема, при которой денежные средства собираются по принципу «пирамиды», т.е. на низшем уровне собираются денежные средства уличными продавцами, вырученные от продажи разовых доз, затем они переводятся на корреспондентские счета дилеров, стоящих над уличными продавцами. В конечном итоге организаторы наркобизнеса, эти деньги снимают с использованием почтовых переводов (электронных кошельков), а затем вкладывают в легальный или преступный бизнес.

Складывающаяся обстановка с пандемией Covid-19, безусловно, окажет влияние на легализацию наркодоходов, так, экономический спад, возможно, позволит крупным преступным сообществам взять под личный финансовый контроль отдельные государственные либо законные частные предприятия².

В процессе организации документирования факта «отмывания» денег оперативные сотрудники правоохранительных органов осуществляют негласно документирование передвижения денежных средств по банковским счетам фигурантов, а также устанавливается «цепочка» лиц, осуществляющих данные переводы. Параллельно этому проводится оперативная работа по обеспечению контроля телефонных переговоров фигурантов оперативной разработки. Таким образом, выявляются телефонные номера «мобильных кошельков», расчётных счетов, номера телефонов диспетчеров, которые для осуществления конспирации имеют порядка десяти телефонов и несколько десятков SIM-карт. Устанавливаются терминалы оплаты, через которые перечисляются деньги за наркотики потребителями, за которыми осуществляют наружное наблюдение, а затем при получении

¹ Выступление Ю.И. Чиханчина, директора Федеральной службы по финансовому мониторингу // Финансовая безопасность. 2016. № 14. С. 24.

² Выступление руководителя Российской секции Международной полицейской ассоциации генерал-лейтенант, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России Ю.Н. Жданова // Российская газета – Федеральный выпуск. 2020. № 139(8193).

наркотиков производится их задержание и возбуждение уголовного дела.

В УК РФ существуют три статьи (174; 174.1; 175), которые и составляют механизм правового контроля легализации «грязных» денег». Практика показывает, что если такие уголовные дела доходят до судебного разбирательства, то в большинстве случаев по ним выносятся оправдательные приговоры. Причина таких результатов заключается в диспозиции самой статьи, т.е. виновное лицо обязано иметь прямой умысел на легализацию полученных преступным путем денежных средств или иного имущества.

Законодатель, определяя основную цель легализации, пытался четко разграничить возможность разделения преступного и легального доходов конкретного лица. В этой связи собрать доказательства по конкретному виду преступления практически невозможно, а значит, преступник, продав наркотические вещества, может на эти деньги приобрести материальные ценности, не показывая источник их получения, исключение составляют лица из числа госслужащих. Итогом такой уголовной политики государства является необходимость изменения регулирования норм законодательства в части легализации получения денежных средств посредством совершения наркопреступлений.

Сегодня активно обсуждается необходимость, как среди ученых-процессуалистов, так и практических работников, введения тотальной конфискации имущества, денежных средств и ценностей, которые

фактически принадлежат наркодельцам. Это мера, пожалуй, станет эффективна, в случае внесения изменения в ст. 104.1 УК РФ, которые позволят разрушить финансовую базу лица, занимающегося наркобизнесом, а после отбывания наказания не позволит ему повторно влиться в данный вид преступной деятельности.

Начальник ГУНК МВД России генерал-лейтенант полиции Андрей Иванович Храпов отметил, что в настоящее время требуется своевременное изменение и дополнение нормативно-правовой базы, межведомственного взаимодействия по вопросам принятия исчерпывающих мер в борьбе с наркопреступностью и легализацией наркодоходов¹.

На наш взгляд, сегодня признать существование в России наркоиндустрии невозможно по причине того, что отсутствует полный цикл от производства наркотиков до их реализации на индустриальной основе, как в странах, исторически занимающихся наркоиндустрией Азиатского региона (Афганистан, Мьянма), Латинской Америки (Колумбия, Боливия, Перу). Российская Федерация, является рынком сбыта наркотических веществ, который поделен между собой наркосиндикатами и наркокартелями, а также используется для обеспечения канала контрабанды наркотиков в страны Европы. В стране существуют отдельные преступные группировки и организации, занимающиеся наркоторговлей, однако если сегодня не предпринять действенных мер борьбы с ними, то они имеют все возможности в ближайшем будущем вырасти до уровня наркоиндустрии.

Поляков Н.В.

DOI 10.51980/2021_1_289

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О некоторых преступлениях, сопутствующих незаконному обналичиванию и транзитированию денежных средств

В доктрине криминалистики профессор В.Е. Корноухов выделяет три межродовые методики по расследованию

преступлений в экономической сфере: по расследованию банкротства, легализации денежных средств или иного иму-

¹ Выступление А.И. Храпова, начальника Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С.14-17.

щества и лжепредпринимательства¹. В связи с тем, что в 2010 г. ст. 173 УК РФ декриминализована, действия лиц, причастных к незаконному обналичиванию и транзитированию денежных средств, в судебно-следственной практике стали квалифицироваться по ст. 172 УК РФ.

Мы солидарны с Д.Н. Лозовским, что сама по себе схема совершения подобных видов преступлений достаточно проста, но использование в ней большого количества фиктивных организаций осложняет выявление преступников и получение доказательств их виновности².

В 2011 г. ввиду необходимости борьбы с преступниками, использующими фирмы-однодневки для незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств, в УК РФ появились ст. 173.1 и 173.2.

Отметим, что криминалистическая характеристика анализируемых преступлений включает в себя следующие элементы: данные об обстановке (место и время), предмете преступного посягательства, способах, следовой картине и типичной личности преступника.

Анализ судебно-следственной практики по ст. 173.1, 173.2 УК РФ за последние пять лет³ показывает, что они совершаются в дневное время, что обусловлено графиком работы нотариусов, ФНС России и МФЦ. Местом совершения преступления чаще всего является помещение территориального налогового органа, в котором сотрудник принимает пакет документов организации от преступника, подставного лица либо лица, заведомо не подозревающего преступность своих намерений.

Обратим внимание на тщательную подготовку преступников к совершению данных преступлений, что обусловлено необходимостью составления фиктивных документов и подысканием подставных лиц.

Следы рассматриваемых преступлений, как правило, остаются в документах

или в черновых записях, на электронных носителях информации.

На основе изучения судебно-следственной практики можно выделить определенные источники информации, в которых отражается образование (создание, реорганизация) юридического лица:

- 1) Устав юридического лица;
- 2) решение о создании юридического лица и возложении обязанностей генерального директора на физическое лицо;
- 3) заявление о государственной регистрации юридического лица для осуществления предпринимательской деятельности и получения прибыли;
- 4) заявление о назначении на должность генерального директора с целью управления юридическим лицом;
- 5) заявление об утверждении устава и формирования уставного капитала юридического лица.

Как правило, данный пакет документов подается для регистрации в территориальный налоговый орган в соответствии с требованиями законодательства, что исключает реальную возможность проверки истинности целей и намерений учредителей юридического лица об осуществлении предпринимательской деятельности и управлении юридическим лицом в момент создания.

Зачастую фирмы-однодневки исполняют роль сторон или посредников в различных финансовых и хозяйственных операциях, многие из которых имеют криминальный характер (например, используются для незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств).

Согласно действующему законодательству приобретение прав управления юридическим лицом, осуществленное с использованием подставных лиц, влечет уголовную ответственность по ст. 173.1 УК РФ по признакам представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных,

¹ Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 2. / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юрист, 2004. С. 367.

² Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере незаконной банковской деятельности, совершенных в составе организованной группы // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 2. С. 62.

³ В ходе исследования автором изучены более (100) уголовных дел, возбужденных по ст. 173.1, 173.2 УК РФ.

повлекших внесение в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах¹.

Подставными лицами принято считать лиц, являющихся учредителями (участниками) организации или органами управления организации, данные о которых были внесены в ЕГРЮЛ путем введения в их заблуждение либо без их ведома либо лиц, которые являются органами управления организации, у которых отсутствует цель управления организацией. Подставным может стать лицо, которое потеряло документ, удостоверяющий личность, либо подписало документ о государственной регистрации, заведомо не зная об этом. В случае выявления этих обстоятельств ФНС России вправе внести в ЕГРЮЛ информацию о недостоверности сведений об организации, а правоохранительные органы, в свою очередь, могут возбудить уголовное дело. У подставного лица могут возникнуть проблемы с возможностью в будущем стать учредителем или руководителем какой-либо фирмы. Дело в том, что с 2016 г. введен запрет на государственную регистрацию организаций на лиц, ранее задействованных в деятельности организаций, нарушивших законодательство.

Объектами для назначения экспертиз при расследовании указанной категории уголовных дел чаще всего становятся документы, составленные лицом для незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, документы, характеризующие деятельность организации (чековые книжки для получения наличных денег, договоры поставок и т.д.), а также материалы (печати, чернила и т.д.) – для решения вопроса о применении их преступником при составлении документа.

В заключение обратим внимание, что криминалистическая характеристика незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица выступает информационной моделью совершения анализируемых преступлений и является основой в их расследовании.

Как верно отмечено В.Д. Зеленским и А.К. Безбогиным, знание следователем содержания криминалистической характеристики конкретного вида или группы преступлений и ее практическое использование позволяют ему в условиях дефицита информации на первоначальном этапе расследования минимизировать риск в принятии неверных решений и совершении ошибочных действий².

Демидов Н.Н.,

DOI 10.51980/2021_1_291

кандидат юридических наук
Волгоградская академия МВД России

К вопросу о личности преступников, создающих фирмы-однодневки для незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств

При расследовании любого преступления всегда исследуется личность обвиняемого, потому что полученные доказательственные факты имеют уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое значение³. В доктрине криминалистики имеются попытки установить общую формулу для исследования

личности и выделить несколько групп обстоятельств, подлежащих исследованию. Так, профессор В.Е. Корноухов предлагает следующую классификацию обстоятельств: персонографические, уголовно-правовые, мировоззренческие и поведенческие. При рассмотрении типичного субъекта преступления по ст. 172, 173.1

¹ Ильяшенко А.Н., Петухов Е.В. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере создания и реорганизации юридических лиц. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 102.

² Зеленский В.Д., Безбогин А.К. Криминалистическая характеристика хищений в сфере строительства // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 2 (38). С. 38.

³ Курс криминалистики. Особенная часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юрист, 2001. С. 380.

УК РФ, как правило, имеют значение признаки персонуграфические (демографические, биографические), так как по данной группе преступлений у субъектов обычно отсутствуют психические расстройства, они достигли возраста уголовной ответственности, и их поведение ничем не отличается от нормального человека.

Анализ судебной практики показал, что субъектами преступления в качестве организаторов чаще всего выступают мужчины возрастной группы от 25 до 45 лет, однако нередки случаи, когда в качестве организатора и исполнителя преступления выступают женщины. Так, В., действуя умышленно, находясь на должности главного бухгалтера, с целью придания видимости законности принимаемых решений по обеспечению деятельности (функционирования) общества, произвела ряд операций, установленных законодательством Российской Федерации, влекущих вступление на должность директора подставного лица в лице гр., уголовное преследование в отношении которого прекращено, фактическое руководство со стороны которого не планировалось¹.

Место рождения, национальность и язык особого значения для криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений не играют. Социальное и семейное положение преступников, как правило, положительное; состоят в браке, имеют семью и детей. В большинстве из изученных приговоров по уголовным делам данной категории отмечается, что обвиняемый находится в браке. Так, Ю., состоящая в браке, имеющая на иждивении двух малолетних детей, совершила преступление, предусмотренное ст. 173.1 УК РФ².

Материальное положение организаторов преступления удовлетворительное, чаще всего преступники имеют высшее

либо неоконченное высшее образование по специальности, связанной с экономической деятельностью. Так, К. совместно с братом совершил незаконное образование (создание) юридического лица, то есть образование (создание) юридического лица через подставных лиц, а также представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах. Его роль заключалась в подготовке учредительных документов, так как он имел высшее юридическое образование и опыт работы по специальности³.

В отличие от организаторов преступления подставные лица, которые являются учредителями незаконного юридического лица, находятся в трудном материальном положении и не имеют профильного образования. Так, В., имеющий неполное среднее образование, холостой, не судимый, был приговорен Кировским районным судом г. Хабаровска к применению по отношению к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 15 000 рублей⁴. Еще одним примером может послужить приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 18 июля 2018 г. в отношении А., который совершил два незаконных образования (создания) юридического лица через подставных лиц, а также предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекших внесение в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах, совершенные группой лиц по предварительному сговору⁵. В качестве смягчающих вину обстоятельств суд указал на наличие мало-

¹ Приговор Сухоложского городского суда Свердловской области от 25.05.2017 по делу № 1-65/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 10.02.2021).

² Приговор Городищенского районного суда Пензенской области от 18.04.2013 по делу № 1-45-2013. URL: <https://org.ru/articles/sudebnaya-praktika-prigovor-po-st-173-1-uk-rf> (дата обращения: 10.02.2021).

³ Постановление Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15.02.2018 по делу № 1-85/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 10.02.2021).

⁴ Постановление Кировского районного суда г. Хабаровска от 31.08.2018 по делу № 1-151 /2018. URL: <http://судебныерешения.рф/36009315/extended> (дата обращения 10.02.2021).

⁵ Приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 18.07.2018 по делу № 1-363/2018 в отношении Атанова С.С. URL: <http://судебныерешения.рф/35286826/extended> (дата обращения: 09.01.2020).

летних детей на иждивении у виновного, молодой возраст и состояние здоровья подсудимого, состояние здоровья и возраст его близких родственников.

Зачастую злоумышленники занимают руководящие должности в организациях (главный бухгалтер, генеральный директор), которые впоследствии незаконно создают либо реорганизуют юридическое лицо, так как им известен механизм возможного ухода от ответственности, правила составления учредительных документов и доверительные отношения с территориальными органами налогового контроля.

Судимость как один из признаков группы персонеграфических обстоятельств имеет значение при установлении лица, совершившего преступление. Судебная практика показывает, что чаще всего в качестве организатора преступления выступают лица, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности, либо были судимы ранее за преступления в сфере экономики (ст. 159, 172 УК РФ) и судимость была снята в порядке, установленном законом.

Таким образом, типичным преступником совершения анализируемых преступлений является мужчина возрастной группы от 25 до 45 лет, находящийся в браке, получивший высшее образование, связанное с юридической либо экономической специа-

лизацией, обладающий способностями грамотно составлять документы отчетности; как правило, судимости не имеет либо был ранее судим за преступление в сфере экономики. Чаще всего субъект преступления действует исходя из целей дальнейшего незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств.

В заключение согласимся с мнением Н.В. Полякова о том, что «в настоящий момент в Российской Федерации достаточно широко развита целая индустрия по обналичиванию и транзитированию денежных средств, позволяющая заинтересованным лицам уклониться от уплаты налогов, вывести активы за границу, легализовать денежные средства, полученные преступным путем. Во главе этой незаконной деятельности стоят лица, поставившие осуществление незаконной банковской деятельности на широкий и бесконтрольный поток, что в первую очередь является причиной нахождения страны в состоянии глубокого финансового кризиса. Бороться с данными проявлениями можно только коренными изменениями действующего законодательства и путем тщательной и скоординированной работы правоохранительных органов, что позволит резко сократить число совершаемых экономических преступлений, в т.ч. и по ст. 172 УК РФ»¹.

Алескеров В.И.,

DOI 10.51980/2021_1_293

кандидат юридических наук, доцент

Всероссийский институт повышения квалификации МВД России (г. Домодедово)

Колокольчикова О.Н.

Всероссийский институт повышения квалификации МВД России (г. Домодедово)

Некоторые способы хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания

Предлагаем рассмотреть некоторые способы преступлений, совершаемых в системе дистанционного банковского

обслуживания²: использование вредоносных программ скрытого управления; использование программ считывания

¹ Поляков Н.В. К вопросу о необходимости совершенствования современного российского законодательства для борьбы с незаконной банковской деятельностью // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 100.

² Данный перечень не является исчерпывающим, так как возможно появление новых способов хищений денежных средств, а также в какой-то части измененных.

пароля; применение программ удаленного доступа; создание «зеркального сайта».

Использование вредоносных программ скрытого управления. В данном случае преступниками используется вредоносная программа, которая проникает и устанавливается в мобильный телефон потерпевшего. Далее она самостоятельно (без непосредственных команд преступников) рассылает с него SMS-сообщения, управляя его банковским счетом через услугу «Мобильный банк».

Данная программа проникает и устанавливается на телефон при открытии в сети Интернет страниц различных сайтов, адреса которых потерпевшие чаще всего получают в SMS- или MMS-сообщениях. Кроме того, потерпевшие сами неосознанно могут устанавливать на мобильные устройства вредоносные программы, замаскированные под игры и другие программные продукты.

Одним из признаков (необязательным) наличия вредоносной программы на мобильном телефоне является направление «пустых» SMS или MMS-сообщений на телефоны, имеющиеся в контактах устройства. При открытии адресатом такого SMS или MMS происходит дальнейшее заражение вирусом телефонов, получивших данное сообщение.

Возможно получение потерпевшим в виде SMS с номера 900 или других сервисных номеров различной информации, которую он не запрашивал. Это связано с тем, что направление информации с сервисных номеров вызвано действиями вредоносных программ.

Одним из способов первичного средства выявления вредоносных программ на телефоне является использование антивирусных программ, получение детализации телефонных звонков и SMS. При наличии вредоносной программы в разделе детализации «исходящие SMS» будут сообщения, которые владелец

телефона не направлял на сервисный номер 900 либо номера, используемые преступниками для списания средств потерпевшего через поступившие SMS.

Предлагаем рассмотреть некоторые примеры рассматриваемого вида преступлений. Сотрудниками Управления «К» в рамках оперативного сопровождения уголовного дела, возбужденного СЧ ГУ МВД России по СКФО по ч. 2 ст. 273 УК РФ, установлены и задержаны участники организованной преступной группы, действовавшей под руководством жителя г. Владикавказа, который разработал уникальное вредоносное программное обеспечение для хищения конфиденциальной информации и скрытой генерации криптовалюты на «зараженных» технических устройствах.

Следственные действия в отношении участников группы по множеству фактов противоправной деятельности производились одновременно на территории девяти субъектов Российской Федерации.

В результате сопровождения уголовного дела, возбужденного по ч. 4 ст. 159 УК РФ, сотрудниками Управления «К» на территории г. Москвы установлен и задержан злоумышленник, которым разработано уникальное программное обеспечение, позволяющее эксплуатировать уязвимости терминалов системы «UPOS» и получать одобрение платежных операций без подтверждения банком. Указанной уязвимости на текущий момент оказались подвержены более 1,7 млн платежных терминалов ПАО «Сбербанк России».

В ходе раскрытия преступления было установлено, что мошенники расклеивали QR-коды на прокат автомобилей и велосипедов, в местах, где продавцы отсутствовали. Клиент, ничего не подозревая, сканировал QR-код, после чего оплачивал услуги по прокату. Денежные средства поступали напрямую мошенникам на их лицевые счета, а клиент оставался без денежных средств и услуг проката (схема).

Схема. Мошенничество с использованием QR-кода

Использование программ считывания пароля. В этом случае в индивидуальное электронное устройство потерпевшего проникает и устанавливается вредоносная программа, которая фиксирует вводимый пользователем логин и пароль в момент доступа к удаленному банковскому сервису (например, «Сбербанк Онлайн»). Преступники позже, используя этот логин и пароль, входят в личный кабинет пользователя с другого компьютера и совершают хищение.

Применение программ удаленного доступа. Преступниками используется программа, которая предварительно устанавливается на электронное устройство потерпевшего лица. Она позволяет в режиме реального времени отправлять на него команды управления через сеть Интернет (действие аналогично программе «Android» и др.). Отличие от способа, рассмотренного выше, заключается в непосредственном управлении преступниками перечислением похищаемых денежных средств путем удаленного направления команд мобильному устройству (данный способ встречается сравнительно реже иных).

Создание «зеркального» сайта. Данный способ возможен, когда потерпевший пользуется «личным кабинетом» на сайте банка. Преступниками создается и используется фейковый (поддельный)

сайт, адрес которого и внешнее оформление страниц трудноотличимы от официального сайта банка, интернет-магазинов, страницы в социальных сетях. Если потерпевший при входе на сайт банка не использует сохраненную ссылку, а просто набирает название банка в поисковой системе, то ему обычно предлагается несколько вариантов. Если потерпевшим будет осуществлен вход на «зеркальный» сайт, то вводимыми данными для входа в кабинет банка (логин и пароль) могут воспользоваться злоумышленники и войти на настоящем сайте от имени потерпевшего в его личный кабинет. Далее возможен перевод денег со счета потерпевшего из личного кабинета или подключение к его счету услуги «мобильный банк» на любом абонентском номере.

Основным признаком посещения клиентом «зеркального» сайта банка является то, что после ввода логина и пароля на странице пользователя появляется надпись о техническом обслуживании сайта или любая иная информация. В данном случае информационное SMS-сообщение от банка о входе в личный кабинет может отсутствовать или поступит информация, в которой будет указано: «Обратиться на сайт позднее».

Преступления в сфере компьютерной информации совершаются преимущественно молодыми людьми, ранее не

привлекавшимися к уголовной ответственности. Наибольшую криминальную активность проявляют лица от 14 до 35 лет. Значительная их часть имеет специальное образование, связанное со сферой компьютерных технологий, но встречаются и те, кто получил знания и навыки, способствующие совершению преступлений, самостоятельно.

Преступления в сфере компьютерной информации могут совершаться высококвалифицированными специалистами, владеющими полной информацией и пониманием принципа работы компьютерных вредоносных программ. Одним из главных признаков преступлений в сфере информационных технологий является то, что совершать преступления могут все лица, вне зависимости от возраста.

Их положение в обществе может варьироваться от школьника и студента до ответственного сотрудника учреждения, компании (фирмы). Отдельные члены преступной группы в некоторых случаях могут проживать в различных регионах и до момента задержания и доставления в органы внутренних дел лично не встречаться с другими соучастниками. Для знакомства и координации своих действий они используют сайты и специальные сетевые ресурсы, где обсуждают способы совершения преступлений и маскировки следов.

Наиболее актуальные вопросы, касающиеся данной проблематики, мы постараемся детализированно рассматривать в своих дальнейших публикациях.

Дубынин Е.А.,

DOI 10.51980/2021_1_296

кандидат юридических наук, доцент
судья Уярского районного суда Красноярского края в почетной отставке,
Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Космодемьянская Е.Е.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России,
Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Проблемные аспекты доказывания виновности лица при расследовании причинения вреда здоровью человека

Жизнь и здоровье человека являются высшей ценностью общества, что непосредственно закреплено в ст. 2 Конституции РФ.

Несмотря на то, что в настоящее время наблюдается некоторое снижение преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью человека, все же количество подобных преступлений является значительным. По стране в 2020 г. количество лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред, уменьшилось на 3,2% (3150). По сравнению с 2019 г. число лиц, погибших в результате преступных посягательств, сократилось на 1,1% (2350). Красноярский край на протяжении ряда последних лет уверенно

находится на 3 месте по количеству совершенных преступлений данной категории¹. Процент раскрытия преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, является высоким в силу их очевидности, вместе с тем и количество оправдательных приговоров достаточно большое и имеет тенденцию к увеличению. Так в 2017 г. были оправданы 47 человек, в 2018 г. – 73, в 2019 г. – 118. Не сокращается и количество прекращенных дел по реабилитирующим основаниям².

Рассмотрим некоторые аспекты, связанные с формированием доказательственной базы при расследовании данных преступлений, и ошибками, допускаемыми при производстве отдельных

¹ URL: [www.http://crimestat.ru/](http://crimestat.ru/) (дата обращения: 03.02.2021).

² URL: [www.http://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/11/s/1](http://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/11/s/1) (дата обращения: 03.02.2021).

следственных действий как средств ее формирования. Как показывает анализ судебно-следственной практики, доказательственная база по делам указанной категории, как правило, формируется из показаний потерпевших, свидетелей, следственных осмотров (осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, освидетельствование), выемок, обысков, допросов подозреваемого, обвиняемого и проверок их показаний на месте, судебных экспертиз, среди которых первоочередными являются судебно-медицинские и криминалистические.

Как показывает анализ уголовных дел, информативность проводимых следственных действий, таких как осмотр мест происшествия, осмотр предметов, оставляет желать лучшего. Чаще всего в ходе осмотров мест происшествий фиксируется в общих чертах, вещная обстановка на месте события. Полученные в ходе осмотров сведения практически не используются в последующем в процессе доказывания по уголовному делу, а в приговорах судов формально отмечается факт их проведения. Повторные и дополнительные осмотры мест происшествий в целях восполнения пробелов первоначальных осмотров, как правило, не проводятся. Некачественно собранная информация на месте происшествия о событии и механизме преступления, лицах, его совершивших, и возможных действиях потерпевшего существенным образом влияет на результаты проводимых в последующем следственных и процессуальных действий: допросов подозреваемых, обвиняемых, судебных экспертиз и т.д., что приводит к необоснованному привлечению лиц к уголовной ответственности либо к их освобождению от этой ответственности.

В настоящее время «царицами доказательств» в ряде подразделений правоохранительных органов являются явка с повинной и проверка показаний на месте с участием подозреваемого лица. Так, явка с повинной порой оформляется уже после задержания и доставления подозреваемого лица в правоохранительные органы и даже после получения от них письменных объяснений по факту

совершения преступления, что является процессуально недопустимым.

Вместо принятия мер по обнаружению, изъятию и исследованию доказательств органы предварительного расследования идут по пути наименьшего сопротивления и в основу доказательственной базы по делу помещают результаты проверки показаний на месте подозреваемого и обвиняемого, даже когда оснований для проведения этого следственного действия не имеется.

Подобная следственная практика основывается на признательных показаниях лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и является порочной в силу того, что подозреваемый, обвиняемый и в дальнейшем подсудимый не обязаны доказывать свою невиновность, а данные ими показания являются способом защиты, от которых они с легкостью отказываются в суде.

На наш взгляд, причинами критикуемой нами следственной практики являются отсутствие надлежащего планирования расследования преступлений; ошибки, допускаемые при производстве отдельных следственных действий, как средств формирования доказательственной базы; недостаточная компетентность отдельных сотрудников правоохранительных органов, вовлеченных в процесс расследования.

По результатам проведенного анализа судебно-следственной практики и исходя из личного многолетнего практического опыта следственной и судебной деятельности одного из соавторов полагаем необходимым отметить следующее.

На стадии предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлении лицами, проводящими проверку, не осуществляется должным образом планирование как самой проверки в целом, так и отдельных следственных действий, оперативных и иных мероприятий, направленных на сбор доказательств и установление лиц, причастных к совершению преступления, свидетелей и очевидцев, что приводит к затягиванию процесса предварительной проверки и образованию пробелов (иногда невоспол-

нимых) в формировании доказательственной базы.

На качество проводимых следственных действий, по нашему мнению, влияют три аспекта. С одной стороны, это нарушение процессуальной процедуры проведения следственных действий и иных мероприятий, с другой – низкая техническая обеспеченность процесса обнаружения, сбора и оценки доказательств, а также отсутствие навыков применения технических средств, и, с третьей стороны, это проблемы тактического характера при проведении следственных действий.

Остановимся более подробно на проблемах тактического характера.

Первая из них – это формальный подход и неполнота проводимого следственного действия. В основном, это характерно для следственных осмотров и допросов. Что касается осмотра, то его неполнота проявляется в недостаточном комплексе мер, направленных на отыскание следов преступления, в том числе таких, которые бы свидетельствовали о факте контактного взаимодействия преступника и жертвы. В рамках допроса неполнота связана с установлением в усеченном объеме обстоятельств, подлежащих доказыванию, и производных из них сведений относительно события преступления, возможных свидетелей, развития событий до и после совершения преступления. По нашему мнению, с одной стороны, это обусловлено слабой мотивацией и низким творческим мышлением субъекта расследования, а с другой – сложившейся судебной практикой, принимающей представленный объем доказательственной базы как достаточный.

Вторая проблема – непоследовательность проведения следственного действия, что определяется неумением субъекта расследования проанализировать исходную ситуацию, определить цели и задачи проводимого следственного действия и спланировать его проведение. В результате образуются «белые пятна» в обстоятельствах, подлежащих установлению, которые в последующем сложно восполнить.

Третья проблема – ненадлежащая фиксация и описание хода и результатов следственного действия. Чаще всего это проявляется в небрежном отношении к изымаемым объектам, особенно биологического происхождения, ненадлежащее качество фиксации их на месте обнаружения и взаиморасположения с другими объектами материального мира, могущими иметь значение для дела. Небрежная упаковка изымаемых объектов нередко влечет за собой их утрату, а в ряде случаев – недостоверные результаты экспертных исследований и, как результат, исключение их из объема доказательственной базы по делу.

Еще одной из причин, обуславливающей низкое качество расследования, является недостаточная компетентность лиц, вовлеченных в процесс расследования, которая проявляется в слабом знании ими положений процессуального и материального права, а также научно-технических возможностей по исследованию тех или иных доказательств. В частности, в результате незнания экспертных возможностей меры к обнаружению и изъятию объектов материального мира, могущих иметь доказательственное значение по делу, не принимаются, и зачастую они утрачиваются безвозвратно. Это касается таких следственных действий, как следственный осмотр, обыск и освидетельствование.

Некомпетентность, на наш взгляд, проявляется и в слабой прогностической способности субъекта расследования по предвидению направлений развития процесса расследования в целом и рисков утраты доказательств в частности.

Следует также отметить, что ограниченные знания о квалифицирующих признаках смежных составов преступлений не позволяют следователю правильно определить систему правовых и тактических задач в конкретной следственной ситуации, что напрямую обуславливает неверную стратегию выбора следственных действий и тактических особенностей их проведения.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что решение рассматриваемых проблем возможно только при комп-

лексном подходе. Первое – это повышение профессионального уровня следователя и лиц, вовлеченных в процесс расследования (специализация), их персональной ответственности за принятие решений. Второе – повышение контроля за

качеством расследования со стороны руководства следственных подразделений и прокуратуры. Третье – изменение отношения к формированию доказательственной базы, носящее, к сожалению, нередко обвинительный уклон.

Сучков А.И.

DOI 10.51980/2021_1_299

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Отдельные вопросы проведения доследственной проверки по экономическим преступлениям

Расследование преступлений экономической направленности требует наличия у следователя большого количества специальных знаний как в экономике, так и, в частности, в предпринимательской деятельности. Известно, что экономическая сфера деятельности регулируется большим количеством нормативных актов, поэтому каждое действие или бездействие лица оценивается положениями не только УК РФ, но и ГК РФ, локальными нормативными актами или уставами организации, предприятия, в котором совершается преступление.

На стадии предварительной проверки основная задача следователя – принять процессуальное решение в соответствии со ст. 144-145 УПК РФ. Соответственно, органами предварительного следствия осуществляется изучение материала проверки, которое обуславливается поиском признаков состава преступления в действиях лица, совершившего противоправное деяние. При совершении экономических преступлений проведение предварительной проверки осложняется правовой сложностью, совершаемого деяния. Так, выявление сотрудниками оперативно-розыскной деятельности нарушений в области предпринимательской деятельности не всегда доказывает вину индивидуального предпринимателя или руководителя организации. Данное обстоятельство связано с тем, что количество собранной документации и

проведение судебных экспертиз может наоборот оправдать действия того или иного лица, которое осуществляет предпринимательскую деятельность. Например, мы не можем признать преступными действия ИП С.А.¹, который будучи владельцем подстанции ТС – 1000, признанной аварийной в результате проверки, разрушил ее и начал строительство новой. Однако к подстанции ТС – 1000 были подключены по договору технологического присоединения несколько индивидуальных предпринимателей, которым периодически на собраниях сообщалось о признании подстанции аварийной и строительстве ИП С.А. нового энергетического оборудования, для подключения к новой подстанции все желающие могли внести взнос на ее строительство и аренду, так как ИП С.А. осуществлял строительство за собственные средства и, являясь индивидуальным предпринимателем определил условия присоединения к его новой подстанции. Лица, которым было озвучено предложение ИП С.А., обратились в правоохранительные органы с целью проверки законности проведения таких собраний и выдвижения условий со стороны ИП С.А. В связи с этим обстоятельством, исходя из собранных материалов, следователь должен принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 145 УПК РФ. Однако не всегда органы предварительного следствия и органы, осу-

¹ Архив СУ УМВД России по Орловской области, материал проверки по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 215.1 УК РФ, по которому вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

шествующие оперативно-розыскную деятельность, приходят к единому мнению, что является актуальной проблемой взаимодействия оперативного блока со следственными подразделениями. Связано с тем, что не всегда в материалах доследственной проверки содержится исчерпывающая информация, полученная оперативным путем, относительно всех обстоятельств совершенного противоправного деяния, соответственно, принять решение о возбуждении уголовного дела не представляется возможным.

В.А. Волгушев обращает внимание на то, что «изучение уголовных дел показало, что без развернутого фактического подтверждения наличия состава экономического преступления, прокурор отказывал в согласии на возбуждение уголовного дела и направлял материалы на дополнительную проверку»¹. С данным фактом следует согласиться, так как принятие любого процессуального решения требует законного обоснования в соответствии с нормативно-правовыми актами.

Немаловажной проблемой является соблюдение сроков доследственной проверки. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ проверка сообщения о совершенном преступлении не должна превышать трех суток со дня его поступления. Однако в большинстве случаев проверка продлевается до 10 суток или 30 суток по постановлению следователя о возбуждении ходатайства перед руководителем следственного органа о продлении срока доследственной проверки. При этом обоснованным решение можно признать тогда, когда проводятся ревизии или судебные экспертизы.

Установление размера имущественного вреда, размера крупного дохода, является немаловажной задачей, которая должна выполняться уже на стадии доследственной проверки. Проблема возникает в случаях, когда в материалах проверки отсутствуют сведения о при-

чиненном ущербе потерпевшим лицам². Данные сведения необходимы в любых случаях, так как иногда может решаться вопрос о направлении материала проверки по подследственности. Для его установления требуется полная дополнительная проверка, начиная с повторного получения объяснений и заканчивая проведением экспертиз с использованием специальных экономических знаний. Соответственно, проведение судебно-экономических экспертиз также необходимо на стадии доследственной проверки, так как при расследовании уголовного дела могут возникнуть ситуации, когда при получении заключения эксперта установление ущерба не представляется возможным, например полученный доход в крупном размере ходе незаконной предпринимательской деятельности не нашел своего подтверждения.

Ограничение гражданско-правовых отношений от преступного деяния, на наш взгляд, является самой распространенной проблемой. Экономические отношения являются многогранными, и иногда определение границы совершенного деяния, в котором содержатся признаки состава преступления, вызываются трудностями³. Относительно некоторых составов преступлений, например мошенничество, уже существуют разъяснения суда о разграничении правовых отношений. Однако в следственной практике возникают трудности с применением законодательства относительно спорных отношений, возникающих в сфере электроэнергетики и предпринимательской деятельности. В связи с чем можно сделать вывод, что возможно необоснованное возбуждение уголовных дел при отсутствии признаков уголовного преступления.

Резюмируя вышесказанное, необходимо прийти к выводу, что при проведении доследственной проверки по экономическим преступлениям, при решении вопроса в порядке ст. 144-145 УПК РФ

¹ Волгушев А.В. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам экономических преступлений : дис. ... канд.юрид.наук. М., 2007.

² Лубин А.Ф., Лубин С.А. Доказывание и принятие решений на стадии возбуждения уголовных дел об экономических преступлениях // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 1. С. 69-76.

³ Попова Л.В. Некоторые особенности возбуждения уголовного дела по «предпринимательским» преступлениям // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 12-16.

возникает большое количество проблем. Некоторые мероприятия, которые необходимы на стадии доследственной проверки, не урегулированы на законодательном уровне, отсутствуют юридические источники, которые конкретно разъясняли бы и отграничивали некоторые гражданско-правовые отношения от преступлений в сфере экономической деятельности. При этом нельзя не отметить тот факт, что экономические престу-

пления по своей природе являются очень скрытными и порой сложными в уголовно-правовой квалификации, поэтому нельзя недооценивать значимость высокого качества организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий, анализа и объективной оценки данной в ходе проведения уже доследственной проверки в соответствии со ст. 144-145 УПК РФ.

Кольчевский А.В.

DOI 10.51980/2021_1_301

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации

Криминалистический подход к делению предварительного расследования на этапы (позиции, мнения, взгляды)

Исследованию проблемы деления процесса предварительного расследования на этапы посвящено достаточно много работ, но пока среди ученых отсутствует единое понимание структуры и содержания. Рассмотрим некоторые из них.

Проблему структурирования предварительного расследования И.Н. Якимов предлагает решать делением всего процесса расследования на три периода: «первых период начинается с момента определения состава преступления и завершается воссозданием всей картины совершенного преступления; второй период характерен в первую очередь сбором и работой с имеющимися уликами, в ходе которой определяется личность предполагаемого преступника; третий период характеризуется изучением предполагаемого преступника и предъявление ему обвинения)»¹.

При исследовании проблемы методики расследования преступлений В.И. Громов также придерживается мнения о делении на три этапа: первый этап заключается в принятии субъектом расследования уголовного дела к производству, второй этап характерен сбором и фиксацией доказательств и третий этап характеризуется предъявлением обвине-

ния субъекту преступления и устранение недостатков в материалах по завершеному уголовному делу².

В начале 1970-х гг. начинался новый период решения проблемы деления процесса расследования преступления. В работах криминалистов все чаще прослеживается предложения о делении расследования на три этапа: начальный, последующий и заключительный.

И.Д. Перлов предложил делить процесс расследования не на три, а на шесть периодов, но его предложение в научных кругах не поддержали. Автор предлагал следующую периодизацию: первый период – с момента принятия субъектом расследования дела к своему производству и до вынесения им решения о привлечении подозреваемого в качестве обвиняемого; второй период – предъявление обвинения и допрос обвиняемого; третий период – производство процессуальных действий по завершению допроса и до принятия решения об окончании предварительного следствия; четвертый период – окончание предварительного следствия; пятый период – составление обвинительного заключения или постановления о прекращении уголовного дела; шестой период – передача материалов уголовного

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 2001. Т. 3. С. 284.

² Громов В.И. Методика расследования преступлений. М., 1930.

дела прокурору для утверждения обвинительного заключения¹.

И.А. Возгрин в целом признавал существующую двух этапную периодизацию процесса расследования преступлений. По его мнению, исследования первый этап расследования начинается с момента принятия субъекта расследования уголовного дела в своё производство и завершается до привлечения подозреваемого в качестве обвиняемого. Второй этап характерен предъявлением обвинения лицу совершившему преступление и длится до завершения предварительного следствия. Немного позже И.А. Возгрин обратил внимание на её незавершенность и выделил третий этап процесса расследования: «Третий – заключительный – этап должен начинаться с момента принятия субъектом расследования процессуального решения об окончании расследования и заканчиваться направлением материалов уголовного дела прокурору или вынесением постановления о прекращении уголовного дела»².

Н.К. Кузьменко обозначил совершенно иные этапы – «неотложный, первоначальный и последующий. Начало неотложного этапа начинается с принятия решения о возбуждения уголовного дела и завершается производством последнего неотложного действия или передачей материалов уголовного дела по подследственности»³. Производство прочих следственных мероприятий до момента привлечения, подозреваемого в качестве обвиняемого прослеживается во втором этапе процесса расследования. Третий этап характеризуется в первую очередь сбором и закреплением дополнительных доказательств и их фиксацией по уголовному делу и завершается подготовкой обвинительного заключения.

При исследовании проблемы периодизации методики расследования преступлений Р.С. Белкин утверждал, что

разумно разделять предварительное расследование на три этапа, аргументируя тем, что на начальном, последующем и заключительном этапах расследования преступлений просматривается выполнение необходимых процессуальных действий и сопровождающих оперативно-розыскных мероприятий.

По глубокому убеждению автора, важность начального этапа заключается в активном поиске, выявлении и фиксации доказательств, которые в последствии могут быть утеряны или уничтожены. Главным фактором данного этапа является время.

Последующий этап расследования характерен процессом качественного, законного и методически грамотного доказывания.

В заключительный этап расследования, по утверждению Р.С. Белкина, должны входить «определенные действия субъекта расследования по завершению производства дознания; необходимые дополнительные процессуальные действия по согласованию сторон, требованию прокурора, начальника следственного органа и по определению суда; повторные процессуальные действия, проводимые по выше перечисленным основаниям, а также в связи с возобновлением производства по ранее приостановленным и прекращенным делам, с возвратом уголовных дел со стадии разбирательства в суде и после отмены обвинительного или оправдательного приговора; организационно-технические мероприятия, необходимые для окончания процесса расследования преступлений»⁴.

Е.П. Ищенко предлагает делить предварительное расследование на следующие этапы – это первоначальный, последующий и заключительный. Предложенное деление имеет методически значимую роль в расследовании преступлений, каждый этап характеризуется

¹ Советский уголовный процесс / под ред. Д. С. Кареева. М., 1968. С. 34.

² Возгрин И.А. О структуре методик расследования отдельных видов преступлений // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л.: Изд-во ВПУ МВД СССР, 1974. С. 74–84.

³ Кузьменко Н.К. Периодизация этапов в методике расследования преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения : материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976. С. 114-116.

⁴ Белкин Р.С. Указ. соч. С. 283-285.

объемом и методикой криминалистической деятельности¹.

По мнению автора, этапы расследования преступлений могут отличаться между собой по следующим признакам, в первую очередь по следственным ситуациям, которые имеют наиважнейшее значение, по особенностям построения и проверки версий расследования, по наличию у следователя исходных данных, по первоочередным задачам этапа, по направлениям деятельности лиц участвующих в расследовании и по характерным особенностям и условиям предварительного расследования.

Первоначальный этап требует от следственных органов в максимально короткие сроки вникнуть в совершенное преступное деяние, осуществить сбор и фиксацию доказательств, предпринять действия по раскрытию преступного посягательства, установить и произвести задержание субъекта преступления.

Последующий этап характерен решением возникших проблем в ходе предварительного расследования преступления в отношении основных элементов предмета доказывания, которыми являются событие, способ совершения преступного посягательства и субъект преступления.

В ходе заключительного этапа подводится итог работы по расследованию, устраняются недостатки и выносятся процессуальное решение в виде обвинительного заключения или постановления о прекращении производства по уголовному делу.

А.Г. Филиппов придерживается двухэтапной периодизации процесса расследования преступления, выделяя первоначальный и последующий этап.

В ходе первоначального этапа решаются следующие задачи: «отработка субъектом расследования имеющихся версий до вынесения им постановления о возбуждении уголовного дела; обяза-

тельное изучение имеющихся фактов; сбор и фиксация доказательств; организация мероприятий по розыску и задержанию подозреваемого в совершении преступления; возмещение вреда потерпевшему; определение факторов, способствующих совершению преступления»².

На последующем этапе расследования продолжается работа «по проверке и оценке доказательств в целях полного установления всех обстоятельств уголовного дела»³.

Л.В. Бертовский выделяет два этапа расследования. По его утверждению, первоначальный этап характерен большим объемом фактических данных о расследуемом преступном деянии. Этому этапу присуще окончание изучения общих следственных версий⁴.

Последующий этап расследования связан с выполнением всех следственных и процессуальных действий, завершающих процесс предварительного расследования преступления.

Таким образом, обобщая мнения ученых криминалистов о периодизации процесса расследования преступлений, на наш взгляд, наиболее оптимальным будет деление процесса предварительного расследования преступления на три этапа.

Первоначальный этап характеризуется в первую очередь действиями субъекта поисково-познавательной деятельности по возбуждению уголовного дела, установлению события преступления, выявлению признаков необходимых для возбуждения уголовного дела и вынесению процессуального документа о привлечении подозреваемого в качестве обвиняемого.

Последующий этап начинается с момента вынесения субъектом расследования процессуального документа о привлечении подозреваемого в качестве обвиняемого, а окончанием служит принятие решения об окончании предварительного следствия.

¹ Ищенко Е.П. Криминалистика : учебное пособие. СПб.: Питер, 2013. С.329-330.

² Адмиралова И.А. Предварительная проверка материалов, содержащих признаки торговли людьми // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2010. № 1(14). С. 34.

³ Криминалистика. Полный курс : учебник для вузов/под общ. ред. А.Г. Филиппова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 532-533.

⁴ Бертовский Л.В. Криминалистика : учебник для бакалавров. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 725.

Окончание заключительного этапа
происходит в момент составления обви-

нительного заключения и направление
его в прокуратуру.

Еремеев С.Г.,

DOI 10.51980/2021_1_304

кандидат психологических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Бондарь А.Я.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Соавторство как способ завладения интеллектуальной собственностью (психологический аспект)

В современных условиях развития информационной сферы все чаще подвергаются противоправным атакам объекты интеллектуальной собственности. Развитие современных средств связи, в том числе сети интернет, технические новинки цифрового копирования, хранения и переноса информации создают дополнительные возможности завладения и противоправного использования продуктов интеллектуальной собственности¹.

Однако наряду с новыми, высокотехнологичными способами нарушения законности в данной сфере, продолжают существовать ставшие уже почти нормой способы завладения авторскими правами в научной сфере. В частности, речь пойдет о соавторстве, только не об интеллектуальном соавторстве, а о «паразитирующем». Сама идея создания научных трудов авторскими коллективами имеет огромное значение как для научной сферы, так и для «потребителей» конечной продукции. Авторские коллективы имеют возможность объединить специалистов из смежных областей знаний при решении комплексных научных проблем, провести широкомасштабное исследование, которые в одиночку провести крайне сложно. Создавая единый продукт творческой деятельности, авторы приходят к единому обоснованному мнению по проблемным вопросам, имеющимся в современной науке, находят комплексные решения проблем теоретического и прикладного характера.

Зарождаясь как естественный продукт научного творческого процесса? соавторство породило и его негативное проявление – «паразитирующее» соавторство. Проведенное исследование показало, что более 90% представителей профессорско-преподавательского состава, участвующих в опросе, хоть один раз за время профессиональной деятельности становились участником «паразитирующего» соавторства. Уточним, что «паразитирующее» соавторство – это процесс необоснованного присоединения к авторским правам при создании произведений науки участником, не внесшим интеллектуальный вклад в его разработку.

Возможные инструменты для необоснованного включения в авторский коллектив:

1) близкие товарищеские или дружеские отношения авторов. Исследование показало, что около 7% лиц, участвующих в исследовании (в основном это лица, имеющие стаж научной деятельности более 15 лет) включали в авторский коллектив товарищей и друзей по различным положительным мотивам. Знаменательным является тот факт, что соавторы узнавали об этом только после опубликования научной продукции. Данный вид соавторства вряд ли можно отнести к «паразитирующему» в негативном плане и может расцениваться как интеллектуальный подарок или знак внимания;

¹ Галахова А.Е. Методика доказывания нарушения авторских прав в информационной сфере сети Интернет // Российский следователь. 2011. № 23.

2) сотрудничество в профессиональной сфере с целью объективного снижения объема работы. Профессорско-преподавательский состав учебных заведений, а также научные сотрудники научно-исследовательских институтов должны выполнять плановую нагрузку, которая включает подготовку научной и учебно-методической продукции. 46% лиц, участвующих в исследовании, указали, что подготовка данной продукции в составе авторских коллективов позволяет перераспределить нагрузку таким образом, что фактический объем выполненной работы снижается пропорционально количеству авторов, совместно участвующих в подготовке совместной продукции;

3) возможности одного из соавторов в реализации результатов научной деятельности. Разрешая научную проблему или подготавливая научную продукцию, каждый автор рассчитывает на ее реализацию посредством публичного выступления или публикации. Чем авторитетнее источник, в котором публикуется научный труд, тем более серьезные требования к нему предъявляются. Кроме того, могут существовать и формальные требования к автору публикации: ученая степень, ученое звание и т.д. Таким образом, авторы, не подходящие под формальные критерии, вынуждены включать в авторский коллектив лиц, отвечающих предъявляемым требованиям, без их реального участия в создании интеллектуального продукта;

4) использование авторитета соавтора. Данный инструмент является смежным с предыдущим, но у него несколько иная природа происхождения. Если в предыдущий инструмент позволяет реализовать продукт интеллектуального труда, то в данном случае соавтор, используя свой авторитет, получает статус соавтора, воздействуя таким образом на автора. Это происходит в тех случаях, когда творческая активность людей, заслу-

живших авторитет в научной сфере, снижается, а продукты интеллектуальной деятельности им нужны как формальные основания участия в определенной деятельности (диссертационные советы);

5) зависимое положение автора. Это один из самых опасных способов завладения авторскими правами, когда автор является подчиненным соавтора, а также находится в финансовой, организационной, карьерной и иной зависимости от соавтора, который зачастую является его руководителем.

Рассмотрим наиболее распространенные способы психологического воздействия, которые могут использоваться для получения авторских прав в качестве соавтора:

1) психическое заражение – под таким необходимо понимать не передачу психического настроя, обладающего большим эмоциональным зарядом, а склонность к повторению каких-либо действий других и следованию их примеру¹. Данный вид психологического воздействия проявляется в отношении лиц, включенных в новый коллектив с уже сложившимися традициями, в том числе в отношении авторских прав;

2) намек – особая форма выражения (способ демонстрации) коммуникативного намерения (интенции) с помощью словесных и несловесных средств общения, внешнее, формальное значение которых не соответствует их внутреннему содержанию, смыслу². Наиболее опасный и действенный способ психологического воздействия, поскольку он имеет очень сильный эффект воздействия, а также оставляет возможность в случае возникновения негативных последствий укрыться за формальным значением высказывания;

3) психологическое (эмоциональное) и экономическое воздействие – это угрозы, грубости, издевательства, оскорбление словом и любое другое поведение, вызывающее отрицательную эмо-

¹ Платонов К.К. Осознанное и неосознанное в формировании личности // Ученые записки, т. 143. Изд. Пермского ГПИ, 1971. С. 14-17.

² Афанасенко О.Б. Методика создания и использования намека как приема педагогического воздействия : дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2002. С. 20.

циональную реакцию и душевную боль. Данный вид психологического воздействия позволяет создать негативную среду вокруг лица – реального обладателя авторских прав, предоставив ему возможность нормализации обстановки путем включения в авторский коллектив определенных лиц. Частными примерами такого воздействия могут служить пренебрежение, неприятие, унижение, психологическая изоляция, эксплуатация, игнорирование и др.;

4) психологическое давление – для реализации данного метода психологического воздействия зачастую используется авторитет или социальный статус лица, оказывающего воздействие¹.

Какие же негативные последствия может иметь рассматриваемый нами вид нарушения авторских прав – «паразитирующее» сотворчество?

Снижение побудительных мотивов творческой научной деятельности, что может проявиться в формальном отношении к разрабатываемой проблематике, снижении качества эмпирического материала, компиляции и др.

Возникновение нереализованной потребности в официальном признании, что может повлечь упадок мыслительной и творческой активности, возникновение неврозов, уход от научно-исследовательской и учебно-методической работы, смену профессиональной деятельности.

Отсутствие заслуженного вознаграждения за продукт интеллектуальной деятельности, что сужает полимотивированность деятельности, а соответственно, ее качество.

Получение незаслуженных и необоснованных статусов, льгот и иных благ «паразитирующими» соавторами без до-

статочных на то объективных оснований, лишь по наличию формальных признаков.

Ограничение роста интеллектуального потенциала отечественной научной и образовательной сферы – является следствием ранее рассмотренных последствий.

Для преодоления рассмотренного явления необходимо максимально упростить реализацию научной и учебно-методической продукции авторами для чего можно предложить следующее:

- укрепить институт рецензирования научной продукции и по возможности ликвидировать практику публикации научных и учебно-методических трудов во внешних изданиях лишь при наличии подписи научного руководителя или руководителя подразделения;

- усилить развитие научных изданий для студентов, аспирантов и молодых ученых созданием для них новых изданий и повышением авторитета уже существующих;

- определить необходимость наличия существенного количества индивидуальных публикаций и научных трудов при получении ученых званий и степеней, определенного статуса, включения в различные организации, советы и т.д.;

- при оценке научных и учебно-методических публикаций оценивать не только их количество, но и по возможности соотносить их содержание с профессиональной компетенцией авторов и сферами их научных интересов;

- создать действенные механизмы восстановления авторских прав при «паразитирующем» соавторстве с участием соответствующих общественных организаций.

¹ Подр.: Еремеев С.Г. Психология права : учебное пособие. Омск, 2014.

К вопросу о способах жестокого обращения с животными как элементе криминалистической характеристики преступлений данного вида

В последние годы в Российской Федерации значительное внимание как со стороны государства, так и со стороны общественности уделяется проблеме жестокого обращения с животными. Это выражается, прежде всего, рядом изменений, внесенных в законодательство и принятием новых нормативно-правовых актов.

В частности, в декабре 2017 г. были внесены существенные изменения в ст. 245 УК РФ, а именно: диспозиция статьи дополнилась действиями, которые теперь стали преступными, а также было ужесточено максимальное наказание за данные преступления, в связи с чем оно из категории преступлений небольшой тяжести стало относиться к категории средней тяжести¹. В 2018 г. был принят Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Данным нормативно-правовым актом были сформулированы основные принципы обращения с животными, требования к содержанию и использованию животных, запреты при обращении с ними и т.д. Разработка и принятие данного закона длилась с 2011 г. Одно из последних изменений в законодательстве Российской Федерации связано с принятием поправок в Конституцию РФ 2020 г. Была закреплена обязанность Правительства России осуществлять меры, направленные на

формирование в обществе ответственного обращения с животными.

Об важности и необходимости криминалистического исследования данных преступлений и последующей разработки частной методики расследования жестокого обращения с животными, учитывающей особенности этих преступлений, свидетельствуют также статистические данные ГИАЦ МВД России. Так, неизменно с 2016 г. число уголовных дел, приостановленных по п. 1 и п. 2 ч. ст. 208 УПК РФ составляет более 50% от общего числа возбужденных уголовных дел за каждый обозначенный год³. Указанное обстоятельство в определенной степени свидетельствует о сложностях, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, совершенных в отношении животных.

На сегодняшний день в криминалистике отсутствует научно разработанная методика расследования жестокого обращения с животными, которая бы учитывала особенности данных преступлений. В научной криминалистической литературе имеется немного статей и материалов, затрагивающих отдельные аспекты расследования обозначенных преступлений, в отличие от трудов по уголовному праву, где на сегодняшний день защищены 6 кандидатских диссертаций, посвященные такому преступлению, как жестокое обращение с животными⁴. Отдельным вопросам методики расследо-

¹ О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 52 (ч. I). Ст. 7935.

² Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8224.

³ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>. Там же состояние преступности за другие годы.

⁴ Свиридов Р.С. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая квалификация и отграничение от иных правонарушений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; Мирошниченко В.С. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Богатова Е.В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013 и др.

вания жестокого обращения с животными посвящены труды Г.П. Волковой, В.Н. Китаевой, О.Ю. Самолаевой и др.¹

Способ преступления является важнейшим элементом криминалистической характеристики преступлений. Важность его заключается в том, что он играет основную роль в формировании информации о преступлении, знание данных о способе преступления позволяет с определенной долей вероятности выдвинуть версии об относительно еще не установленных элементах преступления, входящих в структуру криминалистической характеристики преступлений. Не вдаваясь в дискуссию относительно понятия и содержания данной криминалистической категории, отметим, что мы придерживаемся понятия, предложенного Г.Г. Зуйковым, в соответствии с которым под способом преступления понимается система объединенных единым замыслом действий преступников и связанных с ними лиц по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных объективными и субъективными факторами и сопряженных с использованием определенных орудий и средств². Элементы способа преступления, включая способы такого преступления, как жестокое обращение с животными, находятся в пространственной, временной и причинной взаимосвязи между собой и с окружающей средой. Их сложный характер детерминирован свойствами личности преступника, предметом преступления и обстановкой совершения преступлений. Таким образом считаем необходимым раскрыть содержание способа преступления – как одного из важных элементов криминалистической характеристики жестокого обращения с животными.

Как правило, в процессе подготовки к совершению указанного преступления преступником выполняются следующие действия: определение непосредственного предмета преступного посягательства, планирование конкретных действий, а также их последовательности в целях реализации преступного замысла, определение места преступления с позиции сохранения тайности действий, подбор орудий преступления. Необходимо отметить, что данные действия характерны при полноструктурном способе преступления и могут отсутствовать, если не было подготовки к преступлению. Относительно определения места преступления: как правило, преступники выбирают такое место будущего преступления, которое им ранее было знакомо, хорошо ориентируются в нем и уверены, что их действия останутся незамеченными. Так, гр. Р. и С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, вступили в преступный сговор на причинение смерти собаки, принадлежащей потерпевшей К. После чего, зная о наличии заброшенной хозяйственной постройки неподалеку от домовладения К., а также о том, что данное место является безлюдным и их действия останутся незамеченными, привели туда собаку и, накинув на ее голову мешок, стали наносить удары по голове и туловищу собаки, отчего впоследствии она скончалась³.

Способы совершения указанного преступления в зависимости от того, каким образом оно совершалось, делятся на механические, физические, химические, термические, несоблюдение правил кормления, содержания и эксплуатации. При этом в качестве объективного признака любого способа совершения преступления выступает признак жесто-

¹ Волкова Г.П. Некоторые следственные действия, проводимые при расследовании жестокого обращения с животными // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2017. С. 297-299; Китаева В.Н. Криминалистическая характеристика жестокого обращения с животными // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Байкальский государственный университет. 2015. № 1. С. 127-134; Самолаева Е.Ю. Роль изучения личности лица при расследовании жестокого обращения с животными // Научные исследования, открытия и развитие технологий в современной науке : сборник материалов XX международной очно-заочной научно-практической конференции. 2019. С. 141-146.

² Волинский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. А.Ф. Волинского. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

³ Приговор Сысольского районного суда Республики Коми от 22.04.2020 № 1-13/2020.

кости, закрепленный в диспозиции ст. 245 УК РФ, что является также особенностью данных преступлений. Механические способы совершения преступления, исходя из характера используемых повреждающих предметов, делятся на: совершенные с использованием оружия и совершенные с использованием предметов хозяйственно-бытового назначения или подручных средств. Сюда относятся огнестрельное оружие, ножи, металлическая арматура, топоры, палки и т.д. Физические способы совершения жестокого обращения с животными представляют собой нанесение повреждений при помощи мускульной силы человека – удары руками и ногами, об различные преграды и т.д. Следующая группа способов – химические. Приемы данного способа заключаются в использовании отравляющих веществ и медицинских препаратов не по назначению.

Приведем пример жестокого обращения с животными, совершенного химическим способом. Так, в г. Москве менее чем за 9 дней скончались 70 собак. Согласно показаниям владельцев животных, все они в указанный период времени выгуливали собак в парке 50-летия Октября, после этого у собак появлялись признаки отравления и они умирали. По результатам вскрытия и осмотра собак специалистами было дано заключение об их отравлении. ГУ МВД России по г. Москве по данному факту было возбуждено уголовное дело¹.

Рассматривая типичные приемы сокрытия обозначенных преступлений, необходимо отметить, что мы придерживаемся позиции, согласно которой сокрытие преступлений является частью противодействия расследованию, являющегося более широким понятием². На основе анализа правоприменительной практики выделим следующие приемы сокрытия жестокого обращения с животными: сокрытие труп животного с места преступления, следов крови, биологических веществ и иных следов преступлений, избавление от орудия преступления, дача заведомо ложных объяснений, а впоследствии и показаний либо утаивание криминалистически значимой информации. При этом сокрытие преступления может начинаться еще до совершения преступления – на стадии его подготовки.

Таким образом, резюмируя вышеуказанное, можно отметить, что знание данных о способе жестокого обращения с животными позволяет более эффективно решать задачи по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию следов преступления, поиску лица, совершившего преступление. Кроме того, с установлением способа преступления следователь (дознатель) получает криминалистически значимую информацию по уголовному делу, позволяющую определить типичные следственные ситуации, построить версии и выбрать правильную тактику расследования.

Астахов А.А.

DOI 10.51980/2021_1_309

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о тактике допроса подозреваемых в незаконном обороте наркотических средств

Допрос лиц по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее – наркотиков) обладает повы-

шенной сложностью, которая обусловлена, во-первых, спецификой рассматриваемой категории преступлений; во-вторых, особенностями формирования

¹ Информационно-новостной сайт www.lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2012/09/21/dogs/> (дата обращения: 18.02.2021).

² Федоренко А. Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия расследованию и раскрытию преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 21.

доказательственной базы по расследуемым уголовным делам; и, в-третьих, личностными особенностями и персональными установками допрашиваемых.

Подозреваемый как участник уголовного процесса появляется в уголовном деле в четырех случаях, когда: а) возбуждено уголовное дело в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), б) лицо задержано по подозрению в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), в) к лицу применена мера пресечения до предъявления обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), г) лицо уведомлено о подозрении в совершении преступления (при производстве дознания в сокращенной форме) – п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Допрос подозреваемого является одним из способов (источников) получения доказательств по уголовному делу. Серьезную доказательственную ценность имеют показания покупателя наркотиков («закупщика»), так как именно он (зачастую в единственном лице), владеет информацией об обстоятельствах совершения преступления и, что важно, о самом предмете преступного деяния. Одним из ключевых моментов является возможность получения от них информации о лице, сбывшем наркотики.

Одним из проблемных моментов тактического характера проведения допроса лиц, подозреваемых в распространении наркотиков, является возможность получения от них информации о лице, сбывшем наркотические средства и психотропные вещества.

Допрос подозреваемого характеризуется особыми психологическими факторами. Во-первых, у подозреваемых ярко выражена оборонительная установка, направленная на сокрытие информации о преступлении; во-вторых, подозреваемый, как правило, относится к следователю (дознавателю) с насторожен-

ностью и опаской; в-третьих, для последующей ориентировки подозреваемый сам стремится получить какую-либо информацию о степени осведомленности следователя (дознавателя) с тем, чтобы ориентироваться в объеме подозрения; в-четвертых, зачастую он находится в состоянии повышенного возбуждения и растерянности.

Следует помнить, что подозреваемый, задержанный на месте преступления, как правило, психологически не готов к допросу и, соответственно, не готов продумать способы противодействия, что обязательно должно учитываться следователем (дознавателем). В этом случае допрос подозреваемого следует проводить в числе неотложных следственных действий.

Подозреваемые, употребляющие наркотики, могут находиться в состоянии наркотического опьянения (эйфории) либо в состоянии наркотического голодания (абстиненции). При проведении допроса важно учитывать особенности наркотического состояния¹.

По данным исследователей, в ходе допроса лиц, подозреваемых в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в одинаковом количестве случаев (50/50) встречаются как конфликтные ситуации (чаще с нестрогим соперничеством), так и ситуации допроса, носящие бесконфликтный характер². Безусловно, важно в каждой конкретной ситуации использовать различные продуманные тактические приемы и комбинации.

В конфликтной ситуации, характеризующейся дачей ложных показаний, уместно использовать тактические приемы, направленные на преодоление установки на ложь: разъяснение правовых последствий сотрудничества со следствием, порядок предъявления доказательств, создание преувеличенного представле-

¹ Подр.: Тактика производства следственных действий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков / Е.Е. Космодемьянская, С.И. Земцова, М.Н. Минисламов и др. : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2016. С. 60-65.

² См.: Космодемьянская Е.Е. Организационно-тактические аспекты производства отдельных следственных действий как средств решения тактических задач при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Криминалистика вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов конференции (г. Иркутск, 31.03-01.04.2015). Вып. 6. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С. 123-133.

ния об осведомленности следователя, детализация показаний.

В конфликтной ситуации, которая характеризуется отказом от дачи показаний, имеет смысл использовать убеждение путем разъяснения положительных и отрицательных последствий заpiresательства, разъяснение правовых последствий, создание преувеличенного представления об осведомленности следователя.

Так, когда подозреваемый ведет себя вызывающе, демонстрирует уверенность в своей безнаказанности или недоказуемости своей виновности, целесообразно использовать тактический прием «создание напряжения». Следователю надлежит сделать особый акцент на разъяснении подозреваемому серьезности преступления, его процессуального статуса (совокупности прав и, особенно, обязанностей), возможных последствиях неисполнения процессуальных обязанностей (применение или изменение меры пресечения). Создание напряженности также возможно внезапной постановкой неожиданного для допрашиваемого во-

проса, что заставит последнего задуматься о реальной осведомленности следователя (дознателя).

В том случае, если подозреваемый еще достаточно социально адаптирован (не утратил социальных связей, дорожит своим авторитетом, сохранены семейные ценности, не утратил интерес к собственной личности), целесообразно использование положительных свойств личности допрашиваемого. Для наркоманов, как это ни парадоксально, характерны мягкость, уступчивость, развитое чувство вины, добродушие и кротость, совестливость, высокая моральность, поиск признания, стремление к сотрудничеству¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что при выборе тактических приемов допроса подозреваемого в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, необходим полный и тщательный учет ряда факторов как субъективного, так и объективного характера.

¹ См.: Космодемьянская Е.Е. Указ. соч. С. 125.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

XXIV международная научно-практическая конференция

(8–9 апреля 2021 г.)

Материалы конференции

Ответственный редактор Д.В. Ким

ISBN 978-5-7889-0303-3

Часть 1

ISBN 978-5-7889-0304-0

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой.

Подписано в печать 24 марта 2021 г.

Формат 60x84/8. Бумага типографская. Гарнитура Times, Arial Narrow.

Печать офсетная. Уч. изд. листов 24,2.

Тираж 185 экз. Заказ 120.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.